Смута в Московском государстве

Россия начала XVII столетия в записках современников

МОСКВА
СОВРЕМЕННИК
1989

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Посвящаем эту книгу памяти историка Смуты
Вадима Ивановича Корецкого (1927—1985)

- РОССИЯ В ЭПОХУ СМУТЫ
- «ИНОЕ СКАЗАНИЕ»
- «ПОВЕСТЬ О ВИДЕНИИ НЕКОЕМУ МУЖУ ДУХОВНОМУ»
- «ВРЕМЕННИК» ИВАНА ТИМОФЕЕВИЧА СЕМЕНОВА
- ЗАПИСКИ» ДЖЕРОМА ГОРСЕЯ
- ДОСТОВЕРНАЯ И ПРАВДИВАЯ РЕЛЯЦИЯ» ПЕТРА ПЕТРЕЯ
- «ЗАПИСКИ» ЖАКА МАРЖЕРЕТА
- «МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА» КОНРАДА БУССОВА
- ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ СМУТЫ

РОССИЯ В ЭПОХУ СМУТЫ

Джильс Флетчер, вдумчивый и наблюдательный англичанин, побывал в России на исходе XVI столетия и описал свои впечатления о стране, ее жителях. Выводы нз всего увиденного н услышанного он сделал неутешительные: повсюду в стране господствуют «всеобщий ропот и непримиримая ненависть», «по-видимому, это должно окончиться не иначе как гражданской войной». Русские люди того времени с беспокойством и тревогой ожидали того, что может последовать за событиями, страшными и трагическими, которые лихорадили страну со времен приснопамятного и грозного царя Ивана IV Васильевича.

Старики помнили далекие годы начала правления Грозного — разгул придворных интриг, схватки за власть и привилегии в его малолетство, венчание 17-летнего великого князя в цари (1547) и восстание в столице, падение правительства Глинских и приход к власти нового правительства — «Избранной рады»— во главе с Алексеем Адашевым. Затем, после относительно спокойной поры реформ «Избранной рады» и некоторого хозяйственного подъема, начались страшные бедствия времени печально знаменитой опричнины и Ливонской войны: погромы царских «кромешников», как именовали в народе опричников, и военные мобилизации, поражения на западном фронте, последовавшие за первыми победами, и набеги крымцев с юга, голодные годы и стихийные бедствия (чума и др.), быстрый рост налогов и повинностей. Хозяйственный кризис, первые, еще слабые признаки которого проглядывают уже с середины века, к 70-м годам принимает катастрофические размеры. Крестьяне, холопы, посадские люди массами покидают насиженные места, бегут на окраины, «избывая тягла» — спасаясь от налогов, сборов, гнета феодалов и государства. Центр страны, ее северо-запад пустеют: и в Московском уезде 84% обрабатываемых земель лежали «впусте», в Новгородской земле — более 90%.

Власти принимают лихорадочные меры, чтобы выправить положение:

конфискуют часть земель у монастырей, чтобы передать ее дворянам; в 80—90-е годы проводят общую перепись земель и крестьян, по писцовым книгам закрепляют крестьян за владельцами, запрещают их переход от одного владельца к другому. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!>— пословица, родившаяся в те годы, отразила чувства горечи и смятения, охватившие крепостных крестьян, которые до этой «заповеди> (запрета, введенного с 1581 года и оформленного указом 1592—

1593 гг.) имели право после окончания осеиних полевых работ (за неделю до Юрьева дня осеннего и неделю после него) перейти к новому владельцу, чтобы получить хоть какие-то льготы, хотя бы на один год или несколько лет. Указ 1597 года ввел правило, согласно которому феодалы могли подавать челобитные о сыске крестьян в течение пяти лет после их бегства.

Прикрепили к «тяглу» и посадских людей. А у холопов (рабов) отняли (по указам 1585, 1597 годов) право на освобождение путем уплаты долга, взятого по кабальной записи, — они могли теперь получить свободу только после смерти господина. Посадские и холопы тоже, по примеру крестьян, бегут из мест постоянного жительства куда глаза глядят. В Новгороде Великом и Пскове, Коломне и Муроме за 70—80-е годы до 84—94,5% всех посадских дворов остались без хозяев. «Купцы и мужики,— по словам того же Флетчера,— с-недавнего времени обременены большими и невыносимыми налогами».

В южные уезды России, на Дои к казакам прибыли многие тысячи беглых из разных сословий, и эти места превращались в пороховой погреб для власть имущих.

Хозяйственное разорение, социальные коллизии и потрясения сопровождались династическим кризисом. После Ивана IV Грозного на престол вступил его сын Федор Иванович (1584—1598). Из-за его неспособности к государственным делам фактическим правителем стал шурин Борис Федорович Годунов, сестра которого была женой слабовольного царя. Именно в эти полтора десятка лет власти проводят в жизпь жестокие крепостнические законы. Но одновременно население получает некоторое облегчение от налогов и служб. Ушли в прошлое массовые репрессии времен опричнины. Началось оживление хозяйственной жизни. Однако многие земли оставались в запустении, бегство населения не прекращалось. Ко всему прибавились неурядицы при царском дворе — Годунов, прибирая к рукам власть, устранял с политической авансцены своих противников из числа влиятельных князей и бояр, их приближенных. О правителе говорили всякое: то хвалили его за мудрый государственный ум и нищелюбие, то ругали за склопность к доносам, крайнее честолюбие и подозрительность. Все думали и гадали: что будет, когда уйдет из жизни царь Федор? Ведь мужского потомства царица Ирина Федоровна ему не принесла; дочка же вскоре после появления на свет оставила сей греховный мир... Правда, в Угличе сидел царевич Дмитрий — брат Федора, сын царя Грозного от последней, седьмой по счету, жены Марии Нагой. После смерти Ивана IV царевич с матерью по существу оказались

в ссылке, Углич выделили им в своего рода удельное владение. Нагие и их сторонники с ненавистью следили за возвышением Годунова. А тот, с помощью своих соглядатаев, не спускал глаз с Нагих, мечтавших о троне для царевича. Но возможный наследник при загадочных обстоятельствах погибает 15 мая 1591 года во дворе угличского терема — будто бы он во время игры с «робятками» наткнулся на нож. В городе тут же вспыхнуло восстание, н его участники расправились с представителями Москвы, сидевшими в приказной избе (центр местного управления), и угличскими богатеями. Из столицы по повелению Годунова прибыла следственная комиссия во главе с боярином князем В. И. Шуйским, властолюбцем, льстецом и интриганом, и она выдвинула версию о самоубийстве царевича. Ее поддержали в Москве. Восставших угличан жестоко наказали — последовали казни и ссылки в Пелым, недавно построенный в Западной Сибири городок; «и от того,— по словам современннка-летописца, — Углич запустел».

Все как будто успокоилось. Но ненадолго. По Москве и всей стране поползли слухи: царевич Дмитрий — не самоубийца, а жертва расправы. Джером Горсей, другой англичанин, находившийся в то время в Москве, 10 июля, около двух месяцев после гибели Дмитрия, сообщал в Лондон: сын Грозного «жестоко и изменнически убит».

Через семь лет, 7 января Qjj)98) года, скончался «смирением обложенный» царь Федор Иванович - династия Калиты угасла, и вскоре царем стал Годунов. Исполнилась его заветная мечта — долгий и тернистый путь к высшей власти увенчался торжественным венчанием на царство в Успенском соборе Московского Кремля. Его ум, рассудительность, красноречие, некоторые меры по облегчению народных тягот поначалу вызывали определенное расположение к основателю новой династии, рождали надежды. Но они довольно быстро угасают. Все большее, и в придворных кругах, и в простом народе, негодование вызывают двоедушие и коварство Годунова, его безграничное властолюбие и склонность к наветам ябедников, доносчиков. Для достижения своих целей — так считают очень многие — он пойдет на все. Молва обвиняет его во всех грехах — не только в убийстве угличского младенца, но и в смерти царя Федора, его жены царицы Ирины (своей родной сестры!) и их дочери Феодосии. В этих разговорах и слухах невозможно отделить зерно от плевел. Да и не в этом суть того, что происходило тогда, на переломе двух столетий. Главное — это невыносимые тяготы простого народа, продолжавшиеся несколько десятилетий; и неудивительно, что все беды,

случавшиеся в те годы, стали постепенно связывать с именем царя Бориса.

К концу столетия усиливается отпор народных низов нажиму властей и феодалов. Так они отвечали на гнет и насилия, ухудшение своего положения. Да и как было не роптать, когда одни государственные налоги в XVI столетии увеличились в 30 раз! В начале века с сохи1 брали 5 рублей, в конце его— 151 рубль. Сильно возросли барщинные работы и оброчные платежи крестьян в пользу владельцев. А размер крестьянских наделов существенно сократился; например, у монастырских крестьян в центре страны — на 40 процентов.

Крестьяне сопротивляются всеми силами и средствами — бегут от господ, отказываются нести повинности и вносить налоги, плохо работают на феодалов, убивают их самих и их приказчиков, слуг. Расширяются по всей стране действия так называемых «разбойников», часто имеющие антифеодальную направленность. Вспыхивают волнения и восстания. С особым упорством борются монастырские крестьяне. В середине 90-х годов крестьяне Иосифо-Волоколамского монастыря почти поголовно выступили против хозяйственной реформы, которую объявил келарь (глава хозяйственного управления) Михаил Безнин, из бывших опричников и любимцев Грозного. По его распоряжению крестьян переводят с оброка на барщину, а у жителей Осташковской и других слобод втрое увеличивают оброк. Дальше — больше: крестьян принудительно кредитовали деньгами «на животин-ный приплод» под 33 процента годовых. Все эти меры привели к резкому подъему (в несколько раз!) доходов обители. Келарь, после возврата в первый же год ссуды с крестьян, рассчитывал получать с них чистой прибыли 600 рублей (большие по тому времени деньги!) ежегодно и «во веки». И это — с одной только ссудной операции!

Восстание крестьян, не слушавших ни увещеваний монастырского начальства, ни угроз московской комиссии, спутало все карты Безнина и его сторонников. «Трудники» перестали исполнять все работы на монастырь, избивали приказчиков. Обитель терпела большие убытки, и в конце концов келарь объявил об отказе от реформы и вскоре покинул обитель, перебрался в другой монастырь. Восставшие одержали победу, пусть небольшую, в рамках одного только владения, правда, довольно крупного; заставили отступить известную на всю Россию духовную корпорацию.

Уходило в прошлое XVI столетие, и русские люди смутно предчувствовали, что новый век не даст им облегчения. Некоторые из них, отличавшиеся острой наблюдательностью, не

могли не видеть, что многие неустройства прошлых лет не пройдут для государства даром. Один из анонимных авторов пророчил, что Россия — «при последнем времени»; в ней запустеют волости и села «никим гоними», «люди начнут всяко убывати и земля начнет пространнее быти, а людей будет меньши, и тем досталь-ным людем будет на пространной земли жити негде»; «царие на своих степенех царских не возмогут держатися и почасту пременятися начнут».

Борис Годунов, вступивший на престол на исходе столетия, поначалу сумел обеспечить спокойный ход дел в государстве. Первые два года его правления, по словам Авраамия Палнцына, троицкого келаря, автор известного сСказання» о событиях Смуты, в стране было стихо и немятежно»: в положении народа произошло некоторое улучшение.

Но оно оказалось недолгим и непрочным. Вскоре посыпались удары, один за другим.

Старая родовая знать считала, что она оттеснена от власти выскочкой, любимцем Грозного, продолжателем его традиций. И потому, сначала затаившись, потом, и чем дальше, тем больше, усиливала интрнгв против Годунова. «Борис,— с точки зрения Шуйских, Мстиславских, Романовых и прочих вельмож,— устранил всех знатнейших бояр и князей». Они старались, кто как мог, вредить репутации царя, опорочить его дела и замыслы. Использовали все — малейшие промахи правителя, его действительные недостатки (склонность к доносам, разговоры с ведунами и колдуньями и др.) и мнимые грехи; конечно же,— гибель царевича Дмитрия. Во время избрания царя претендовали иа престол, помимо Годунова, и другие: Федор Никитич Романов — наиболее сильный его конкурент — племянник Анастасии Романовны, первой жены Ивана Грозного, кроткой «голубицы», оставившей по себе хорошую память в народе; Федор Иванович Мстиславский и Богдан Яковлевич Вельский. Всех их, придя к власти, Годунов довольно быстро устранил от двора — одних в ссылки, другого — Федора Никитича — постригли в монахи. Неуемный и властолюбивый Романов, его многочисленные родственники (Черкасские, Сицкие, Репнины и др.), сторонники впоследствии доставляли Борису немало хлопот, сыграли немалую роль в его падении. Такую же, как и они, позицию занимали другие вельможи — Шуйские и Голицыны, Воротынские и Куракины, иные честолюбцы и завистники.

Главную роль в последующих событиях сыграл простой народ.

Венчаясь на престол, Годунов торжественно обещал, что при нем не будет нищих и убогих, а он сам готов любому из них

отдать последнюю рубашку. Жизнь показала, и довольно скоро, что стоят эти слова и обещания

Первый год нового столетия привел в уныние русских людей — проливные дожди, шедшие все лето, и последовавшие за ними ранние заморозки погубили все посевы. То же повторилось еще два года подряд. Невиданный неурожай, страшный голод поразили страну. Правда, у феодалов, светских и духовных, богатых купцов и крестьян хлеба в скирдах было немало, но они выжидали, чтобы, взвинтив цены, нажиться на народных страданиях. Хлеб, как сообщают авторы-современники, продавали в десятки раз дороже (рожь, например, в 80—130 раз!), чем до «голодных лет» (1601 — 1603).

Спекуляция хлебом приняла огромные масштабы; не гнушались ею даже лица известные, сановные, вплоть до самого патриарха. Многие дворяне выгоняли со своих подворий холопов, чтобы не кормить их, и те «шатались меж двор», бежали туда, где надеялись добыть пропитание. Другие феодалы переводили крестьян с денежного оброка на барщину, требовали подати не деньгами, а натурой — тем же хлебом и прочими продуктами.

Массы голодных бродили по городам и селениям, умирали по дорогам н улицам.

Современники удрученно констатируют: сМного людей с голоду умерло, а иные люди мертвечину ели и кошки, и люди люден ели. И много мертвых по путем валялось и по улицам; и много сел поз а пустел о; и много иных в разные грады разбрелось н на чужих странах помроша»; Є...мертвых по улицам и дорогам собаки не проедали». В Москве за два года и четыре месяца похоронили на трех кладбищах 127 тысяч человек.

По указанию Годунова голодным раздают хлеб из казенных житниц, организуют строительные работы. Издают указ о борьбе со спекулянтами. Но эти меры эффекта не дают — голодных было слишком много, а люди, приставленные для помощи бедным, бессовестно разворовывают хлеб, обогащаются на чужом горе. Власти распоряжаются давать отпускные на волю тем холопам, которых не кормят владельцы. Разрешают частичный выход крестьян от феодалов,— но оговорки и ограничения, которыми сопровождается указ, озлобляют и крестьян и господ; в судах нарастают, как снежный ком, спорные дела; среди помещиков происходят сбои и грабежи» из-за крестьян.

В «голодные годы» крестьяне, холопы, бедняки из посадских убивают и грабят владельцев хлебных запасов. Освободившись от господ, собираются в отряды «разбойников», или, как их еще именуют правительственные документы, «лихих людей», «воров», и расправляются с богатеями. В ответ власти организуют

карательные экспедиции во многие уезды страны. В столице наводит ужас на «ослушников» пыточная комиссия во главе с царевым родственником — Семеном Никитичем Годуновым.

Тот же Палицын события первых трех лет нового века, особенно выступления отрядов «разбойников», принявшие во многом антифеодальную направленность, характеризовал, как «разбойничество во всей России», по сути дела как начало тех событий, которые вылились потом в мощное восстание И. И. Болотникова. Кульминацией «голодных бунтов» 1601— 1603 годов стало восстание Хлопка 1603 года. Главной его движущей силой стали холопы, из рядов которых вышел, судя по прозвищу, их предводитель. Большие их массы скопились в эти годы на юго-западных и южных окраинах России. Отсюда н началось их движение к центру — на Москву. Восстание охватило многие уезды, в том числе Подмосковье, дальнее и ближнее. В самой столице «богатых домы грабили и разбивали, и зажигали». Годунов и его правительство отвечают жестокими расправами над московскими бедняками. Посылают «многую рать» против Хлопка, приближавшегося к Москве. Царских ратников возглавляет опытный воевода П. Ф. Басманов. 9 сентября происходит решительное сражение. Сначала повстанцы громят авангард из стрельцов, погибает царский командующий. Но в ходе кровопролитной битвы восставшие, бившиеся «не щадя голов своих», все же потерпели поражение. С большим трудом, крайним напряжением сил одолели их более опытные в военном отношении и лучше вооруженные царские воины. Многие повстанцы пали на поле боя; других, в том числе и Хлопка, всего в ранах, взяли в плен и казнили. Третьи бежали туда, откуда пришли,— на юго-запад.

Сражение двух войск, повстанческого и карательного, показало, что в народной борьбе против феодально-крепостнического гнета появился новый, очень важный момент — впервые в истории классовой борьбы, а началась она на Руси с X —XI веков, повстанцы организуются в войско, идут к столице России, дают сражение, захватывают селения и уезды. Начинается открытое противостояние двух враждебных лагерей — угнетенных и угнетателей — на поле боя. Россия вступает в эпоху крестьянских, или гражданских, войн.

Поражение Хлопка отнюдь не привело к окончанию борьбы. Наоборот, она усиливается, вступает в новый, и весьма своеобразный, этап. Связан он с появлением первого самозванца, принявшего имя младенца, погибшего в Угличе.

...Года за три до описанных событий Москву взбудоражили слухи о царевиче Дмитрии: не погиб-де он в мае 1591 года, а

остался жив, перебрался за рубеж. Поговаривали, что лицо, называвшее себя этим именем, проживало одно время на московском подворье Романовых. Сыск, организованный Годуновым, ссылка Романовых и Вельского ничего царю не дали — слухи и интриги продолжались.

К тому времени, когда власти собирали рать против Хлопка, стало известно, что Димитрий появился в соседней Речи Посполитой. Называет он себя сыном Ивана Грозного, чудесно спасшимся в памятные дни угличских событий, и претендует на трон «прародителей своих». Его поддерживают часть магнатов и шляхты, сам король Сигизмунд. «Дмитрия Ивановича» официальная Москва именует «вором», «расстригой» Гришкой Отрепьевым, галицким дворянином, который стал монахом (одно время служил в Чудовом монастыре Московского Кремля, вел кое-какие письменные дела для самого патриарха Иова).

В Польше самозванец вступает в католичество, и его рьяными сторонниками выступают польские католики, ватиканский нунций (посол) Рангони и сам папа римский; все они мечтают о давнем и заветном — окатоличить Россию, большую и богатую страну на востоке Европы, подчинить ее святейшему престолу. А польско-литовские верхи, не все, правда (находятся среди них и люди разумные, считающие назревающую акцию авантюрой), стремятся ослабить и подчинить соседнее государство политически, оторвать от него некоторые местности. На открытую интервенцию пока не отваживаются, но разрешают претенденту на Московский престол собрать охотников. И такие находятся — среди магнатов, дающих военные отряды, и шляхтичей. Все они жаждут земель и крестьян, славы и денег. Лжедмитрий I раздает обещания налево и направо: королю — целые области, Юрию Мнишеку, дочь которого Марина становится его невестой, и другим — города и уезды, деньги и драгоценности.

Вокруг самозванца собрался всякий сброд — до трех или четырех тысяч человек. С ними он и вошел в пределы России осенью 1604 года. Задолго до того Лжедмитрий I и его агенты направляли «в Русь» письма («прелестные грамоты» — своего рода прокламации с призывами, «прельщавшими» тех, к кому их посылали). Узнав из них об «истинном царевиче», по всему югу России, Дону и в других местах под его штандарты становились все недовольные — крестьяне и холопы, посадские и служилые люди, казаки и прочие. Именно они и сыграли решающую роль в успехах самозванца. Социальные низы начали борьбу с Годуновым, его администрацией и феодалами, верными царю, с целью облегчить свое тяжелое положение. На Дмитрия

Ивановича, как будущего «доброго царя», они возложили свои надежды — «цариста», «наивные монархисты», они рассчитывали, что «царевич», свергнув «плохих», «недобрых» бояр, правителя Годунова, облегчит их участь. Многие дворяне и бояре, ставшие попутчиками народного восстания на этом этапе, преследовали свои цели — избавиться от ненавистного царя, получить от нового правителя пожалования, привилегии, все то, чем их обошли при Годунове.

Самозванец, несмотря на поражение от годуновских войск, с помощью восставших продвигался к Москве. В апреле 1605 года скончался царь Борис; вскоре, 7 мая, царское войско под Кромами изменило его наследнику царю Федору Борисовичу и присягнуло «истинному царю Дмитрию Ивановичу». Города один за другим смещают годуновских воевод и переходят на сторону самозванца.

1 июня вспыхивает народное восстание в Москве. Его участники громят дворы Годуновых, их родственников и клевретов. По всем улицам слышались их крики:

- Да здравствует Дмитрий!

- Мы были во тьме кромешной! Красное солнце наше всходит!

20 июня в Москву под колокольный звон въезжает «природный царевич» Дмитрий. Через месяц венчается на царство в Успенском соборе. Начинается правление «великого государя царя и великого князя всея России» Дмитрия Ивановича. Продолжалось оно неполный год. Его оказалось вполне достаточно, чтобы народные низы поняли, что от нового правителя добра не дождешься. Он приближал к себе бояр и дворян, осыпал их милостями — землями и деньгами. Беглых крестьян сыскивали и возвращали господам. Казну опустошал и сам «калиф на час», и польские пришельцы; все они пренебрежительно относились к обычаям и религии русских, оскорбляли их национальные чувства. В Москве и по всей России стало известно, что царь изменил православной вере. Начались брожение, заговоры, покушения. Чашу терпения переполнила свадьба Дмитрия и Марины Мнишек, прибывшей в Москву с огромной свитой. Шумные пиры и пьяное веселье, бесчинства шляхтичей по церквам и улицам возмутили москвичей. 17 мая 1606 года началось восстание. Его жертвами пали и царь-самозванец, и многие его приспешники из русских и поляков; на них, по словам летописца, «всею землею... восстали».

Бояре-заговорщики, давно ведшие тайные интриги против Лжедмит-рия I, воспользовались восстанием — через день после него «выкрикнули» в цари князя Василия Ивановича Шуйского, старого царедворца, хитрого и беспринципного. Подтвердив в свое время версию о самоубийстве царевича Дмитрия, он год

назад «признал» в самозванце «спасшегося» сына Грозного; теперь снова стал уверять, что тот погиб 15 лет назад.

Между тем еще при первом самозванце на юге, в районе терского городка, под Астраханью, началось движение во главе с Ильей Горчаковым из Мурома (отсюда его прозвище — Илейка Муромец), выдававшим себя за Петра — якобы сына царя Федора Ивановича. Во главе отряда казаков «царевич Петр Федорович» двинулся по Волге к Москве, чтобы, поступив на службу к «царю Дмитрию», получить от него жалованье. Но объединить силы двух самозванцев не удалось — восстание в Москве сорвало их планы (Лжедмитрий I ждал Петра-царевича, чтобы с его помощью укрепить свое пошатнувшееся положение). Терские казаки, узнавшие о московских событиях у Свияжска, повернули обратно. Добрались до Царицына и, переждав некоторое время, направились к Путивлю.

Здесь, на Северской Украине, как и раньше, во времена Хлопка и первого самозванца, снова начинают борьбу с угнетателями крестьяне, холопы и их союзники. Опять их поднимает в бой с классовым врагом лозунг «царя Димитрия» — несмотря на гибель носителя этого имени в Москве, угнетенные не хотят этому верить. Передают слухи: в мае восставшие убили в столице не «царя», а кого-то другого. Дмитрий-де спасся, нужно вернуть его на трон, и он будет делать «добрые» дела для бедных и сирых. Подобные слухи распространяют некоторые авантюристы, близкие в свое время к Лжедмитрию. Таков князь Григорий Шаховской, бежавший после майского восстания из Москвы в Путнвль. Здесь он играет, и не без успеха, роль главы правительства «царя Дмитрия». Уверяет, что сам царь находится в Польше,— там, действительно, пребывает некое лицо, выдающее себя за Дмитрия; это как будто Михаил Молчанов, из дворян, тоже один из прихвостней Лже-дмитрия I. Правда, перебраться в Россию он не отваживается, боится.

Но простой народ всем этим не смущен — главное для него в жажде перемен к лучшему, а они связаны для него с именем-«царя Дмитрия». И люди со всех сторон стекаются к Путнвлю.

Уже в июне городские низы, стрельцы и прочие жители южных и юго-западных городов выступают против воевод Шуйского. К ним присоединяются крестьяне, холопы, казаки. Во главе ширящегося восстания вскоре встает Иван Исаевич (болотников^) бывший холоп, потом попавший в турецкий плен. После многих приключений и передряг, побивав в Италии, Германии, Польше, возвращается в Россию. Человек, богато одаренный, смелый и энергичный, он становится «полководцем», или «гетманом», «царя Дмитрия», с которым встречается и

разговаривает в Речи Посполитой (вероятно, это и был Молчанов). Включаясь в борьбу, обнаруживает недюжинные способности военачальника, организатора. Войска повстанцев под его началом громят в открытых сражениях армии Шуйского, берут десятки городов. То же делает армия восставших во главе с Истомой Пашковым, мелким веневским дворянином; в ее рядах находятся отряды рязанских и других дворян-попутчиков.

Обе повстанческие армии объединяются под стенами Москвы в конце октября. Главнокомандующим становится Болотников. Он ведет осаду столицы до начала декабря. Положение Шуйского порой критическое. Но мобилизация сил и средств, проведенная властями, измена дворян — переход на сторону Шуйского, отсутствие в лагере Болотникова «царя Дмитрия» (а москвичи требовали показать его), активная агитация правительства и церкви против восставших, превосходство карателей в организованности и вооружении привели к поражению болотниковцев под стенами Москвы — в селе Коломенском и его окрестностях.

Болотников с остатками повстанцев отходит к Калуге. Другим опорным пунктом восстания становится Тула, куда перебирается из Путивля с войском «царевич Петр». Болотников и воеводы «Петра», в том числе в боярин князь А. А. Телятевский, бывший в свое время владельцем холопа Болотникова, не раз громят царские армии, сами подчас терпят неудачи. Калужско-Тульский период этого этапа Крестьянской войны заканчивается осенью 1607 года переговорами «царевича» и Болотникова, объединившихся в Туле, с царем Шуйским и капитуляцией при условии сохранения жизни участникам движения. Но царь и здесь нарушил клятву — вскоре казнили обоих предводителей и многих их сподвижников.

Восстание Болотникова — кульминация Крестьянской войны. Она охватила десятки уездов Европейской России — ее центра, северо-запада (Псков и др.), северо-востока (Пермь и Вятка), Поволжья (Астрахань и др.), южные районы. В ряде мест восстание началось до Болотникова и продолжалось долгие годы после его поражения.

Еще летом 1607 года объявился второй Лжедмитрий и его обещания «прежней вольности» приводят к самозванцу много новых повстанцев из русских простолюдинов. Снова они надеются с помощью «доброго царя Дмитрия» добиться заветной воли, освобождения от боярского ярма.

Народное движение на этом этапе, в 1608-м и последующие годы, сильно осложняется вмешательством интервентов и разгорающейся национально-освободительной борьбой.

Лжедмитрий пришел летом 1608 года к Москве и расположился в Тушине («Тушинский лагерь»), и здесь «царика», или «тушинского вора», как его вскоре прозвали, окружают польские шляхтичи и русские «перелеты» (бояре и дворяне, перебежавшие от Шуйского). Сюда же шли крестьяне, холопы, казаки. Всего собралось до 40 тысяч человек.

Но насилия и грабежи иноземцев, приспешников самозванца быстро оттолкнули от него народные низы. От поддержки они переходят к борьбе с ним, с иноземными захватчиками. Классовая борьба, продолжающаяся в этом и следующие годы, все больше переплетается с национально-освободительной борьбой против польско-литовских и шведских феодалов.

Еще в 1608 году к Лжедмитрию II приходят польские отряды Лисовского и Ружинского, действуют в составе его войска. Его «признает» Марина Мнишек. Прибыв в Тушино, она тайно с ним обвенчалась. Сюда же прибыл Ян Сапега, крупный литовский магнат, с войском. Снова самозванца поддерживают папа римский, католики, надеясь провести в России церковную унию. Польские и литовские паны захватывают русские города и уезды, грабят население. Ведут они себя в России как завоеватели, интервенты. 16 месяцев осаждают, но безуспешно, Троице-Сергиев монастырь.

Население дает отпор интервентам в северо-западных, северных, поволжских уездах. Положение правительства Шуйского сильно осложнилось, и он вынужден просить шведского короля о военной помощи. По февральскому 1609 года договору Швеция выделяет 15-тысячный корпус Якова Делагарди. В уплату Шуйский уступает королю город Корелу с уездом.

Скопин-Шуйский, племянник царя, с русским и шведским войсками освобождает северо-западные уезды, громит тушинцев, отгоняет поляков от Троице-Сергиевой обители. Его вступление в Москву привело к распаду тушинского лагеря, самозванец перебрался в Калугу.

Но осенью 1609 года началась открытая интервенция Речи П ос политой— армия Сигизмунда III приступила к осаде Смоленска. К городу направилось русское войско, но под Клушином гетман С. Жолкевский наголову его разгромил. К Москве снова подошел Лжедмитрий II. В этой обстановке В. И. Шуйского, окончательно дискредитировавшего себя, 17 июля 1610 года постригли в монахи. Началось правление «седмочисленных бояр» во главе с князем Ф. И. Мстиславским («семибоярщина»).

Бояре приглашают на русский престол польского королевича Владислава, сына Сигизмунда III. К королю направили посольство

для переговоров об этом. А тем временем интервенты Жолневского, по приглашению тех же бояр, вошли в Москву. Самозванец снова бежит в Калугу, где вскоре погибает от руки одного из служивших ему татарских князей.

Всеми делами в государстве стали вершить интервенты во главе с Гонсевским и русские изменники — боярин Салтыков и купец Андронов. Бесчинства интервентов в Москве, ближних и дальних уездах вызвали- нарастание национально-освободительного движения в стране.

Жители многих городов и уездов создают отряды, бьют интервентов, объединяют свои силы. В 1611 году организуютˆПервое ополчениˆ во главе с боярами князем Трубецким, Заруцким (донской казацкий атаман, начавший служить второму самозванцу с самого начала его похода в Россию) и думным дворянином П. Ляпуновым, рязанским воеводой. Их силы подошли к Москве, завязали сражения с интервентами на ее улицах и площадях. Но враги подожгли Москву, и ополченцы вышли из города. Началась его осада. Разногласия между вождями ополчения, трения между дворянами и казаками закончились гибелью Ляпунова под казацкими саблями.

3 июня 1611 года польское войско взяло Смоленск. А Сигизмунд заявил о своем намерении стать русским царем. Положение еще больше осложнилось тем, что шведы Делагарди захватили Новгородскую землю, ее митрополит Исидор и воевода князь Одоевский согласились на избрание русским царем сына шведского короля.

По существу происходит распад Русского государства, которое интервенты рвут по частям.

Над Россией нависла реальная угроза потери национальной независимости. В этой тяжелейшей обстановке судьбу страны, восстановление ее государственности взял в свои руки народ России. В Нижнем Новгороде по инициативе Кузьмы Минина, «говядаря» — торговца мясом, земского старосты, осенью 1611 года создаетсяˆЦторое ополчениеГугавшее постепенно всенародным. Военным его главой поставили князя Дмитрия Михайловича Пожарского, геройски сражавшегося против интервентов в Москве в марте 1611 года. К ополчению присоединяются один за другим поволжские, северно-русские, подмосковные города и уезды. Через Кострому и Ярославль, Ростов и Переславль-Залесский ополчение, пополняясь по пути воинами, оружием и припасами, двигалось на Москву. В конце июля — начале августа 1612 года ополченцы подошли к столице. Заруцкий бежал из-под Москвы в Коломну, вел военные действия

под Рязанью, затем укрылся в Астрахани. Трубецкой со своими отрядами остался.

С конца августа начались сражения и стычки ополченцев с интервентами, засевшими в Москве. В конце октября захватчики капитулировали. Попытки Сигизмунда организовать новый поход на Москву не удались. Под Волоколамском его отряды потерпели поражение. В русской столице созвали земский собор, и он избрал царем Михаила Федоровича Романова, родственника царя Ивана Грозного и его сына Федора Ивановича (первая жена Грозного Анастасия была из рода Романовых).

Выступления низов против феодалов не прекращались и в годы самого сильного обострения борьбы с интервентами (1609—1612). Восставшие в центральных уездах громят имения бояр и дворян, речные суда богатых купцов. Крестьяне северных и северо-восточных монастырей не вносят платежи, не работают на духовных феодалов. То же происходит в Поволжье, где повстанцы осаждают Нижний Новгород и Казань, захватывают Чебоксары, Цнвнльск, Санчурск и другие города. На северо-востоке в руки восставших переходят Вятский уезд, город Котельным. Острая социальная борьба продолжается многие годы в Астрахани и Пскове, их округах. Астрахань долго, ио безуспешно осаждает царское войско Ф. И. Шереметева. Во Пскове ожесточенные схватки между сбольшими людьми» и сменьшнми людьми» приводят даже к тому, что фактическим главой местной власти в 1609 году становится трепальщик льна, то есть ремесленник, смужик простой» Тимофей Кудекуша Трепец. Ситуация здесь меняется довольно быстро — верх берут то богатые и знатные, то бедные псковичи. В следующем году снова установилось «смердов самовластье», а воеводы и бояре не пользовались никаким влиянием.

В годы Первого в Второго ополчений национально-освободительная борьба выходит на первый план. Антифеодальное движение спадает, но не прекращается, продолжается и в центре страны, и в Поволжье, и во Пскове.

Правительство Михаила Федоровича Романова, пришедшее к власти в 1613 году, после освобождения Москвы от интервентов, организует массовые раздачи дворянам и казачьей старшине земель, в первую очередь принадлежавших крестьянам, черносошным и дворцовым, проживавшим к северу от Москвы. Их самих превращали, таким образом, в крепостных. А среди них было много тех, кто участвовал в борьбе с интервентами, перешел в «казаки» во времена самозванцев, Болотникова, «царевича Петра» и др. Власти организуют сыск и возврат беглых крестьян,

карают их за «непослушание». Восстанавливаются старые крепостнические порядки, нарушенные, ослабленные в предшествующие годы Крестьянской войны.

В 1614—1615 годах поднялись на борьбу многочисленные отряды крестьян ряда уездов к северу, северо-западу, северо-востоку от Москвы. Они объединяются и ведут борьбу-с войсками, которые высылают против них московские власти. В Новгородском, Каргопольском и Белозерском уездах отряды восставших насчитывают до 30—40 тысяч человек. Появляются отряды и в других уездах.

Восставшие изгоняют новых помещиков и казачьих атаманов, убивают их. Многие районы Замосковья, Поморья переходят под их контроль. Власть царских воевод они уничтожают. В казну перестают поступать налоги из этих уездов. Но меры властей, посылающих в районы движения крупные отряды ратников, поражение восставших в 1615 году под Москвой и в Малоярославском уезде привели к окончанию этого движения. Одновременно это означало конец первой Крестьянской войны.

В стране по-прежнему действовали шайки польско-литовских и шведских интервентов, разорявших русские города и селения. Уходить из России они не хотели. Более того, Густав-Адольф, шведский король, планирует захватить и Псковскую землю. Но осада Пскова окончилась отступлением шведов, и они согласились на переговоры. 27 февраля 1617 года Россия и Швеция заключили мирный договор — Новгородскую землю шведы возвратили русским, но оставили за собой земли по Финскому заливу — города Ивангород, Ям, Копорье, Орешек. Россия потеряла выход к Балтийскому морю, за который потом будет вести долгую и изнурительную борьбу.

Не отказывались от своих претензий польские правящие круги. Подросший королевич Владислав осенью 1618 года привел войско к Москве, но был отбит от города с большими для себя потерями. Королевич отступил. Вскоре, 1 декабря 1618 года, по перемирию, заключенному в деревне уеулино) под Троице-Сергиевым монастырем, на 14 с половиной лет, военные действия прекращались, но к Речи Посполитой отошли Смоленск и некоторые северские города.

Бурные и трагические годы, названные современниками «смутой», «литовским разорением», отошли в прошлое. Они оставили тяжелые шрамы — разоренные интервентами города и селения, захваченные ими же земли, экономическое и политическое ослабление государства. Но это же время стало началом героической эпохи крестьянских войн, когда в борьбу

против социальной несправедливости, против гнета и произвола феодалов, властей втягиваются большие массы людей, представителей народных низов. В выступлениях против угнетателей и интервентов, как никогда, весомо и зримо выявляется решающая роль народа в истории, в судьбах государства Российского.

Бурная и противоречивая эпоха Смуты с ее калейдоскопом событий, драмой отдельных лиц, сословий и классов всколыхнула массы людей, русских и нерусских, включила их в непосредственное историческое действие. Они, как и в годину Куликовской битвы, в другие переломные эпохи истории, выступили защитниками, хранителями интересов угнетенных классов и сословий, всего Отечества. Именно их заслугой стало восстановление национальной государственности, изгнание чужеземных завоевателей. Они предотвратили начавшийся распад государства, затем, после освобождения Москвы и России, принялись за восстановление хозяйства и культуры.

Русский народ, как это происходило всегда, когда речь шла о судьбе Родины, ее будущем, выдвинул крупных исторических деятелей: это — Болотников и другие повстанческие предводители, Минин и Пожарский, воители и администраторы, дипломаты и писатели. Главное же — сам народ ощутил в эти грозные годы свою силу и значение, и с тех пор в общественном сознании все больше утверждается представление о том, что на судьбы России влияют не только «провидение божие», но и действия людей. Наряду с провиденциализмом, сохранявшим господствующие позиции, появляются ростки рационализма, делавшего пока первые шаги по завоеванию общественного сознания.

Так накапливался исторический опыт народа во всех областях жизни, и впоследствии он ему не раз помогал на крутых переломах истории.

Современники, из русских и иностранцев, наблюдая события, нередко трагические и страшные, в своих описаниях запечатлели жизнь России ее мутной поры» во многих ее проявлениях. Их свидетельства драгоценны для нас, их далеких потомков и читателей. Не все в их трудах равноценно, интересно; имеется немало противоречий и ошибок, умолчаний и искажений, имеющих в каждом конкретном случае свое объяснение.

В своей совокупности, при условии взаимной проверки, они дают представление о том, что происходило в эпоху Хлопка и Болотникова, Минина и Пожарского.

Свидетельства современников, очевидцев событий Смуты, полно и красноречиво рассказывают читателю о ее мутной поре»

в России, положившей начало многим важным событиям XVII столетия, когда, по словам В. И. Ленина, начинается новый период русской истории».

В. Буганов.

«ИНОЕ СКАЗАНИЕ»

Первые попытки объяснить события Смуты предприняло правительство Шуйского (1606—1610). Выборному царю Василию Ивановичу предстояло продолжать политику прежних прирожденных московских государей после того, как со смертью Федора пресеклась династия легендарного Рюрика, бесславно отошел в иной мир «рабоцарь» Борис Годунов и был растерзан первый Самозванец. Рухнуло все здание государственной истории, заботливо выстроенное для обоснования безграничной власти Ивана Грозного. Теперь историю заказывали бывшие «холопы» Грозного царя. После свержения и гибели первого Лжедмитрия его архив попал в руки правительства Шуйского, и русские переводы «листов, сысканных у Розстриги в хоромах», были прочитаны народу с Лобного места. На основании этой трофейной «связки» архивных дел и собственных наблюдений московские дьяки составили подробный официальный очерк царствования Лжедмитрия I, необходимый для регулирования русско-польских отношений. Он был вручен посольству Гр. Волконского и А. Иванова, отправленному в Польшу в 1606 году.

В мае — начале июня 1606 года в Троице-Сергиевом монастыре составили и первый литературный обзор событий Смуты —«Повесть како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову». «Повесть» развенчивала Самозванца и возвеличивала Шуйского. Падение Шуйского и польские претензии на русский престол породили целую волну «летучей» литературы; практическое действие этих сочинений было таково, что польский король Сигизмунд в 1611 году жаловался московским боярам на оскорбительные листки, написанные русскими о нем и имеющие широкое обращение в России.

Крупнейший историк С. Ф. Платонов отказывал в достоверности и полноте «фактического материала» памятникам литературных баталий, современным Смуте, и считал, что «более объективные и содержательные описания Смуты явились в нашей письменности позднее, в тех сказаниях, которые были составлены или приняли окончательную литературную форму в царствование Михаила Федоровича». В. О. Ключевский, возражая Платонову, напоминал: «Исторические факты — не одни происшествия; идеи, взгляды, чувства, впечатления людей известного времени — те же факты и очень важные...»

С воцарением Михаила Романова возникла потребность нового осмысления Смуты. Первые страницы государственной истории державы Романовых писались в 20-х годах XVII столетия

в окружении патриарха Филарета — тогда были созданы особая редакция Повести князя С. И. Шаховского (так называемая «рукопись Филарета») и дьяки трудились над официальной летописью —«Новым летописцем» (закончен в 1630 г.). В эти же годы составлялось и «Иное сказание».

Название этому произведению дал историк И. Д. Беляев в 1853 году, имея в виду отличить публикуемую им повесть от другого сочинения —«Сказания» троицкого келаря Авраамия Палицына. «Иное сказание», переписанное в сборниках в приложении к «Сказанию» Палицына, не просто дополняет свидетельства Палицына или сокращает рассказ там, где троицкий келарь достаточно многоречив,— оно опровергает политическую позицию Палицына, пытаетсядать историческое оправдание законности выборного царя Василия Шуйского.

«Иное сказание»— замечательное свидетельство исторического самосознания 20-х годов XVII века, сочинение, составленное из некогда самостоятельных литературных произведений и документов Смуты,то есть соединившее в себе достоинства ранних отражений Смуты («идеи, взгляды, чувства, впечатления») с преимуществами позднейших трудов (полнота «фактического материала»). Сюда была включена «Повесть како отомсти», рассказывающая о событиях 1584— 1606 годов и составленная в мае — начале июня 1606 года; «Повесть» дополнена грамотами Лжедмитрия осени 1604 и конца мая 1605 года, житием царевича Дмитрия 1607 года, так называемым «Изветом» Варлаама и правительственными реляциями. История «Повести» обстоятельно изучена С. Ф. Платоновым, Е. Н. Кушевой, Н. П. Поповым, В. И. Бу-гановым, В. И. Корецким и А. Л. Станиславским. Предполагается, что автор «Повести»— книгохранитель Троице-Сер-гиева монастыря Стахий.

Составители «Иного сказания» добавили к «Повести» новые сфдения и переработали отдельные эпизоды «Повести како отомсти». Так, были дописаны тенденциозные подробности в сценах у стен Новодевичьего монастыря в 1598 году, когда народ молил Бориса принять царский венец, отредактировано описание сражений под Добрыничами (1605). Например, вопреки «Иному сказанию», при Добрыничах И. И. Годунов командовал не полком левой руки, а сторожевым полком и во главе полка правой руки отличился не превозносимый автором Василий Иванович Шуйский, а его более храбрый брат Дмитрий Иванович.

Особенностью «Иного сказания» является включение в «Повесть како отомсти» «Извета» (челобитной, доноса) монаха Варлаама Яцкого царю Василию Шуйскому. Варлаам был спутником Григория Отрепьева во время его путешествия из

Москвы в Литву и многое мог рассказать о самозваном монархе. Историк Н. И. Костомаров (1866) заподозрил «Извет» Варлаама в подложности, однако Е. Н. Кушева (1926) и И. А. Голубцов (1929) доказали, что в основе «Извета», внесенного в «Иное сказание», лежит подлинная челобитная Варлаама.

«Повесть како отомсти» и ее обработка в составе «Иного сказания» являются образцами публицистических повестей о Смутном времени. Рассказ ведется автором «в интересах и с точки зрения правительства Шуйского» (С. Ф. Платонов). Автор ищет причины, «наведшие кровопролитие на Русскую землю», и находит их в повреждении нравов, за которым неминуемо следует божья кара. Автор осуждает льстивого детоубийцу Бориса Годунова и молится заступнику Русской земли — страстотерпцу отроку-царевичу Дмитрию, а все земные надежды возлагает на выборного царя Василия Шуйского. «Днесь же все православные люди радуемся и веселимся»,— пытается изобразить воодушевление автор «Повести како отомсти». «А житие его царское,—бесстрастно свидетельствует Пискаревский летописец, — было на престоле царском всегда с бедами и кручинами и с волнением мирским; часто миром приходили и говорили ему, чтобы сошел с царства, и за посох хватали, и позорили его много раз».

Однако, за вычетом этого близорукого увлечения личностью Шуйского, свод записок 1584 — 1606 годов, предпринятый анонимными авторами «Иного сказания», относится к тем сочинениям, которые С. Ф. Платонов считал «наиболее объективными и содержательными описаниями Смуты»,

«Повесть како отомсти» публикуется по тексту «Иного сказания» с незначительными сокращениями. m

За той, первой историей, следует второе сказание, и где в первой истории слово сокращено, здесь добавлено, а где в первой истории написано полно, здесь сокращено. Сказание это написано другим автором

По Божьей воле, а более по его человеколюбию, в лето 7092 [1584]-е преставился благоверный и христолюбивый и пресветло сияющий в благочестии государь царь и великий князь Иван Васильевич, самодержец всея Руси, месяца марта в 18 день. И остались после него его царского корня две пресветлые ветви, его сыновья — царевич Федор Иванович всея Руси да его меньший брат царевич Дмитрий Иванович всея Руси, дети от разных матерей. Благочестивый и христолюбивый царевич Дмитрий Иванович, страдалец, тезоименитый великому мученику Дмитрию Солунскому, родился от матери царицы Марии Федоровны Нагой. А старший его брат царевич Федор Иванович

всея Руси родился от матери благоверной и богомудрой царицы Анастасии Романовны Юрьевой.

В лето 7091 [1583] после рождения блаженного царевича Дмитрия благочестивый и христолюбивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, отец благородных царевичей, заболел телесной болезнью. И когда царь уже совсем изнемогал, он приказал благородных детей своих, благоверных царевичей Федора и Дмитрия, верному своему другу, правителю и доброхоту, благонравному боярину князю Ивану Петровичу Шуйскому, да князю Ивану Федоровичу Мстиславскому, да Никите Романовичу Юрьеву, чтобы их, наших государей, воспитали и со всяким тщанием стерегли их царское здоровье. И вскоре предал в руки Божий свою душу царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич и, оставив земное царство, отошел в вечное блаженство небесного царства. И по милости Божьей, в троице прославляемого Бога, после отца своего блаженной памяти царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича, по его благословению и повелению, царевич Федор воцарился и сел на превысо-чайший престол Богом хранимого Российского царствия в Московском государстве в том же 92 [1584]-м году, месяца мая в 1 день, на память святого пророка Иеремии, и стал царем всему Российскому государству. А младший его брат благочестивый царевич Дмитрий после смерти отца остался в младенческом возрасте, лет двух или меньше. Он недолго пробыл в державе отечества своего в царствующем граде, а потом с матерью был отправлен в область Русской державы в город Углич, где принял многие скорби и гонение от некого человека, нареченного Борисом Годуновым.

По прошествии недолгого времени зломысленный дьявол проник в сердце одному из вельмож, упомянутому выше Борису Годунову. Этот Борис был шурином царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу. И Борис уподобился ветхозаветному змею, что некогда прельстил в раю Еву и нашего прадеда Адама и лишил их наслаждения райскою пищей. Так же и этот Борис начал прельщать многих бояр и дворян из царской палаты, подчинил себе многих начальствующих и богатых купцов, одних привлек дарами, а других угрозами, как змей шипением. И увидел себя среди царского синклита превыше всех почитаема, и начал вынашивать дьявольский замысел, и поднялся на своего господина, на князя Ивана Петровича Шуйского и на его единородных братьев. Во все времена лживые ненавидят праведных и дьявольский обычай таков: едва страсть охватит его, становится свирепее лютого зверя. Такой если и добро творит, все равно именуется злым, ведь горький плод, даже и медом

помазанный, не становится сладким. Но, с божьей помощью, он не сумел причинить им никакого зла, а сам на себя навлек позор и проклятия.

И стало известно всенародному собранию московских людей, что Борис замышляет против них зло, и захотели они со всеми их родственниками без пощады побить его камнями. И Борис, видя себя проклинаемого и преследуемого всеми людьми, прибег к хитрости и вновь начал прельщать великого боярина князя Ивана Петровича и его родственников, князя Василия Ивановича с его единокровными братьями, призывающе их жить с ним в согласии и обещал, что никому на другого злых советов не советовать и не замышлять, и вместе беречь жизнь и здоровье царского величества. И боголюбивый князь Иван Петрович и его родственники, князь Василий Иванович и его братья, как и прародители их, боясь Бога и сохраняя в сердцах своих великую веру в Бога и к людям нелицемерную правду, поверили, что пронырливый Борис говорит правду. Ведь всякий незлобивый человек верит каждому слову, а коварный, напротив, начинает размышлять. Эти же были незлобивы и поверили ему и положили клятву промеж себя иметь любовь и доброту, как и раньше.

Но Борис и после этой клятвы не угасил злого своего огня и захотел приобрести славу выше своей меры, вновь стал умышлять в злоковарных своих замыслах, в чем бы им пакость сотворить, но и тем лукавством не сумел причинить никакого зла благородному боярину князю Ивану Петровичу и его родственникам: они были сохраняемы крылом Господа. И вновь начал Борис отверзать свои лукавые уста и, как змея, источая смертоносный яд свой, говорил, чтобы сей благоверный боярин князь Иван Петрович произнес перед народом проповедь о том, что у него и его родственников нет гнева и никаких подозрений на Бориса, затем, дабы Бориса не предал смерти московский люд. А они думали, что Борис говорит им сущую правду без лукавства, и объявили всем свое решение. И услышав то, московский люд перестал гневаться на Бориса.

По прошествии некоторого времени князь Иван Петрович пожелал осмотреть царские пожалования и вотчины своих прародителей, поехал в свою вотчину, что в окрестностях города Суздаля. А тот лукавый Борис, забыв свое обещание и отступив от веры, видя, что настало удобное время для погубления князя, послал своих сообщников вслед князю Ивану Петровичу и повелел схватить его будто бы по государеву повелению, от палаты его царского величества, послал его в заточение на Белоозеро и там уморил его насильственной смертью. А потом его родственников, князя Василия Ивановича Шуйского и его единокровных братьев, разослал в заточение по разным городам,

а их брата князя Андрея Ивановича отослал в Буй-город и там повелел уморить его насильственною смертью. Также повелел и многих богатых купцов казнить посреди города, а их дома отдал на разграбление, а других разослал в заточение по разным городам, и многих жен осиротил и детей убил. Но той кровью и слезами не наполнил ненасытной своей утробы и вновь обрушился на своих господ, на князей и на бояр, и многих из вельмож различной смерти предал, их же число знает один Бог, и никакой кровью не мог утолить своей утробы, жаждущей славы.

О, лютый час! Как не пролить о том слезы? И как моя рука может написать об этом? Восстанет предатель, как Иуда Искариот на своего учителя Иисуса Христа, сына божьего, так и тот Борис собирается убить своего государя царевича князя Дмитрия, что и сотворил окаянный святоубийца. И начал размышлять лукавый тот раб, как бы ему вырвать богоизбранный царский корень, всячески ища смерти сему тезоименитому благочестивому царевичу, не желая оставлять наследника их отеческому престолу, сам желая получить царство. Забыв Бога, спасающего избранников своих, он наносил оскорбления и притеснял сего благочестивого царевича, не раз подсылая ему смертоносный яд, надеясь его умертвить. Царевич же все это принимал с радостью, зная, что вражья сила бессильна против силы Божьей, и во всем следовал смирению владыки своего Христа, какому приходилось страдать ото всех, без всякого сомнения, не забывая сказанное: «Надейся на Господа, ибо он — прибежище от скорби>, и все преследования переносил с радостью. И тот лукавый раб, видя все это, ничего не мог сделать, не мог причинить никакого зла благочестивому царевичу и послал в город Углич своих советников и прислужников — дьяка Михаила Битяговского да его племянника Никиту Качалова. И повелел им отсечь ту царскую молодую и прекрасно расцветшую ветвь, благоверного царевича Дмитрия, сжать его, как несозревший колос, предать смерти незлобивого младенца, заклать его, как агнца...

И они, посланные завистливым Борисом Годуновым, пришли на Углич, тая в себе злой умысел и иное преступление замышляя против святого, дерзнувше предать неповинной смерти благочестивого своего господина, а ему в ту пору было восемь лет. Но они не оставили своей злобы, тайно действуя и добиваясь того, что им было повелено, пока не достигли цели, как древние иудеи собирались убить владыку Христа, Бога нашего. А названный выше раб-завистник, поднявший руку на господина своего, захотел тайно умертвить сего благочестивого царевича, а не знал, что сказано в писании: «Горе беззаконным, ибо злом воздастся им за дела их рук». А немилостивые юноши, которые

были названы выше, стали ждать удобного часа, чтобы предать смерти святого и благочестивого царевича. И однажды, как это обычно делают дети, святой отрок вышел поиграть, и те злочестивые юноши как немилостивые волки напали на святого, и один из них извлек нож, беспощадно ударил святого по шее и перерезал ему гортань. Беззаконные предали его смерти как незлобивого агнца, и тогда же нечестивые убийцы приняли отмщение за кровь праведника: они были побиты людьми того града. Святая же душа благочестивого и добропобедного мученика царевича Дмитрия, возлетев к небесным селениям и к престолу трисолнечного божества, несказанное и божественное и немыслимое видела и наслаждалась (...). А честное и страдальческое его тело осталось на земле, обагренное кровью, сияя будто солнце. И было положено в том же городе Угличе в церкви боголепного Преображения господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа <...>.

И вновь тот Борис начал в сердце своем беспрестанным желанием желать и будто неугасимым огнем гореть, неусыпно во все дни и ночи помышляя о державстве Московского государства и всей великой России, как и каким образом захватить царский престол и исполнить свое желание без позора. И прежде начал выпытывать от волхвов и звездослов-цев, собирая их из многих стран и народов и царским именем приводя к себе в Московское государство и вопрошая, можно ли ему добиться престола царского и быть царем. И они, видя его великое желание и в большее предвкушение и радость вводя его, говоря ему, что он родился под царской звездой и будет царем великой России. И, говоря так, они принимали почет и великое жалование от него в течение недолгого времени, потом же он коварно и тайно предавал их смерти (...)•

И наступил год отшествия из мира сего в небесные жилища святого и праведного государя царя и великого князя Федора Ивановича, всея Руси самодержца, седьмой тысячи 106 [1598] года месяца января в 6 день, и его преставление было от неправедного убийства, совершенного тем же Борисом. О, как могу промолчать об этом? Если мы промолчим, то камни возопят. И это дерево, приносящее благородный плод и посаженное рукой всещедрого превечного бога, тот же Борис подрубил, выкорчевал, даже и до самой смерти. И как прежде, имея лукавый и пронырливый нрав, бояр и царских советников и вельмож, и властителей, и купцов, и всяких людей прельстил, одних дарами, других любовью, а иных злым запретом, и не смел никто из бояр или простых людей перечить ему. И так тот Борис по отшествии к Богу государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси

начал посылать своих злых советников и слуг ко царствующему граду Москве и по всем сотням и по слободам и по всем городам Российской области ко всем людям, чтобы всем миром просили на государство Бориса. Бояре же, и властители и вельможи, и весь царский синклит, и купцы, и всенародное множество Московского государства, боялись Борисова злого преследования и казни и междоусобной брани, а его сторонники и советники старались и, по Божьему уставлению, никто не смел против Бориса и слова сказать. А люди, подученные злыми советниками и слугами Бориса, хотя и не хотели его на царство, но боялись его злых преследований и молили его перед боярами и властителями и вельможами и пред царским синклитом принять скипетр великой России. И потому те, кто был достоин этой чести, не решались добиваться ее, думая, что народ обращается к Борису по истинной сердечной любви, а не неволей.

Он же, зломысленный, лукавый проныра, уже много лет желая того и добиваясь, а тут будто и не хотя и не скоро поддаваясь уговорам и не раз отказываясь, предлагал избрать более достойных. А сам отправился в великую лавру Божьей матери, построенную в память о чуде Смоленской иконы Девичьего монастыря, и там прислуживал своей сестре царице Ирине, уже инокине Александре, а многие люди каждый день просили его принять царство. Он же стыдился и боялся своей сестры инокини Александры, потому что она не позволяла ему так поступить, ибо знала, как издавна он желал этого и как пролил за это много неповинной крови больших бояр, правящих в Российском государстве и служивших своему государю истинно и право, также купцов и людей иных всяких чинов погубил. Советники же его и сторонники принудили людей молить и бить челом инокине великой государыне Александре и просить ее брата Бориса на царство, и так молили Александру всенародным множеством всякий день с великим воплем и плачем.

А великие бояре, происходящие от скипетродержавного корня, родственники великому государю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси и сами достойные принять скипетр, не захотели избрать царя между собой, но отдали решение на волю народа, ибо они и так были при царях велики, и честны, и славны, не только в великой Руси, но и в иных странах. И даже те, кто не хотел Бориса, не смели против него говорить из-за его злого и лукавого нрава. Как в Царь-граде Божьим изволением Фока Мучитель убил кроткого царя Маврикия и захватил Греческое царство, так и сейчас Борис на Москве захватывает царство лукавством и неправдою. Собранные же многие люди к честной лавре Борисовыми сторонниками были принуждаемы

молить великую государыню инокиню Александру бить челом и просить на государство брата ее Бориса, они же еще сильнее молили с великим воплем инокиню Александру, дабы благословила на Московское государство брата своего Бориса. И так народ докучал ей многие дни. Бояре же и вельможи стояли перед ней в келье, а другие на крыльце вне кельи у окна, а многие люди стояли на площади. Многие были и неволей приведены, и порядок положен — если кто не придет просить Бориса на государство, с того требовать по два рубля в день. К ним были приставлены и многие приставы, принуждавшие их великим воплем вопить и лить слезы. Но откуда быть слезам, если в сердце нет умиления и усердия и любви к нему? И они вместо слез глаза смачивали слюной... И таким лукавством обратили ее на милость, что, видя всенародного множества усердие к нему и не могуще слышать и видеть многих воплей и жалоб в народе, дает им волю, да поставят на Московское государство Бориса.

И люди снова начали бить челом и молить Бориса Федоровича Годунова принять в свою руку скипетр великой России (...). И патриарх, видя народное усердие и тщание к Борису, более всех захотел Бориса на государство, и Борисовы сторонники и доброхоты принуждали к этому патриарха Иова. И патриарх со всем освященным собором берет икону Пречистой Богородицы, написанную евангелистом Лукой, и другие святые иконы и мощи и пешком несут их туда, где народ молил Бориса. Он же будто устыдился пришествия образа Богоматери, и принимает скипетр Российской державы, и венчался царским венцом в 107 [1598] году, сентября в 3 день, и царствовал семь лет. И во время правления своего великой Россией начал себя укреплять и утверждать, чтобы ему много дней и лет пробыть, держа скипетр великой России, а после него роду его скипетр держать, и затем многих бояр и вельмож рассылая по дальним и разным городам и разными злыми смертями их умерщвляя и искореняя царский род.

О, братья любимые! Не удивляйтесь началу, но посмотрите, каков будет конец. Видя же это всевидящее недреманное око Христос, как неправдою захватил скипетр Российской области, и захотел ему отомстить пролитие неповинной крови новых своих страстотерпцев, просиявшего в чудесах царевича Дмитрия и царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси и прочих, неповинно убитых им, и неистовство его и неправедные убийства обличить и другим его сторонникам показать пример, чтобы не следовали его лукавой жестокости.

И попустил на него врага, оставшуюся головню от сгоревших Содома и Гоморры или непогребенного мертвеца, чернеца (по

слову Иоанна Лествичника: «Всякий чернец прежде смерти умрет, гробом ему будет келья») — законопреступника расстригу Гришку Отрепьева, родом также из Российской области, из города Галича, из неродовитых людей Юшку Яковлева сына Отрепьева, как и сам тот святоубийца Борис Годунов. И тот Юшка остался после своего отца совсем мал со своею матерью и был научен ею божественному писанию. Выучив один Часовник и Псалмы Давидовы, он ушел от своей матерн и начал витать в царствующем граде Москве. И по прошествии некоторого времени случилось ему разговаривать с игуменом Успенского монастыря Трифоном, Вятской области, города Хлынова, и тот игумен Трифон уговорил его стать монахом. И по совету того игумена он постригся в иноческий образ, и ему нарекли имя Григорий, а было ему тогда 14 лет. И он отправился в город Суздаль и начал жить в обители всемилостивого Спаса в Евфимьеве монастыре, и из того монастыря перешел в том же уезде в монастырь к Спасу, называемому на Куксе. И не хочу много говорить об этом. Жил, путешествуя, во многих монастырях, и вновь возвратился в царствующий град Москву и начал жить в Чудове монастыре. И по воле настоятеля той честной лавры архимандрита Пафнутия был поставлен в дьяконы рукоположением святейшего Иова, патриарха московского и всея Руси.

И желая искать и постигать с усердием премудрости богомерзких книг, впал в лютую ересь. А когда жил в царствующем граде Москве, был известен многим из мирских человек, также и властителям и многим инокам. И из Чудова перешел в обитель Николы на Угреше и начал в безумии своем возноситься и впал в лютую ересь, как безумный Арий свергся с высоты и со своею премудростью сошел на дно адово. И немного спустя ушел из Никольского монастыря на Угреше и поселился в Костроме в общежительном монастыре Иоанна Предтечи на Железном Борку. И оттуда вновь пришли они в Москву и затем, оставя православную христианскую веру, отбежали в Литву, причем он прельстил идти с ним двух иноков — чернеца Мисаила Повадина да чернеца Варлаама. А бегство его и старцев было таково:

Извет старца Варлаама, поданный после убийства Расстриги царю Василию Ивановичу всея России

Царю государю и великому князю Василию Ивановичу всея Руси бьет челом и извещает твой государев нищий богомолец Варлаам. В прошлом, государь, в ПО [1602]-м году в великий пост, на второй неделе в понедельник, иду, государь, я Варварским крестцом, и сзади ко мне подошел молодой чернец, и он, сотворя молитву и поклонившись мне, начал меня

спрашивать: «Старец, из которой ты честной обители?» И я сказал ему, что постригся в старости, а пострижения Рождества Пречистой Пафнотьева монастыря. «И который чин имеешь, крылошанин ли, и как твое имя?» И я ему сказал имя свое — Варлаам. И стал я его расспрашивать: «Из какой ты честной обители и какой чин имеешь и как твое имя?» И он мне сказал: «Жил в Чудовом монастыре, а чин имею дьяконский, а зовут меня Григорием, а по прозвищу Отрепьев». И я ему говорил: «Что тебе Замятия да Смирной Отрепьевы?» И он мне сказал, что Замятия ему дед, а Смирной — дядя». И я ему говорил: «Какое тебе дело до меня?» И он сказал: «Жил я в Чудовом монастыре у архимандрита Пафнотия в келье да сложил похвалу московским чудотворцам Петру, Алексею и Ионе. Да у патриарха Иова жил я, и патриарх, видя мои способности, начал меня в царскую думу с собой водить, и я вошел в великую славу, но мне славы и богатства земного не хочется не только видеть, но и слышать, и хочу с Москвы съехать в дальний монастырь. И есть монастырь в Чернигове, и мы пойдем в тот монастырь». И я ему говорил: «Ты жил в Чудове у патриарха, а в Чернигове тебе не привыкнуть, потому что, слышал я, Черниговский монастырь — местечко не великое». И он мне говорил: «Хочу в Киев в Печерский монастырь, а в Печерском монастыре многие старцы души свои спасли». И я ему говорил, что Патерик Печерский читал. Да он мне говорил: «Поживем в Печерском монастыре, да пойдем в святой град Иерусалим, к храму Воскресения Господня и к Гробу Господню». И я ему говорил, что Печерский монастырь за рубежом в Литве, а за рубеж ехать нельзя. И он мне сказал: «Государь московский с королем взял мир на двадцать два года, и ныне стало просто, и застав нет». И я ему говорил: «Для спасения души и чтобы повидать Печерский монастырь и святой град Иерусалим и Гроб Господень, - пойдем».

И в том, государь, мы клялись христианскою верою, что нам ехать, отложили до другого дня и назначили срок, чтобы сойтись в Иконном ряду. И на другой день сошлись в Иконном ряду, а у него еще подговорен ехать чернец Михай-ло, а в миру звали Михаилом Повадиным, я знал его у князя Ивана Ивановича Шуйского. И мы пошли за Москву-реку и наняли подводы до Волхова, а из Волхова до Карачева, а из Карачева до Новгорода Северского. И в Новгороде он договорился, и нас приняли в Преображенский монастырь, и строитель Захарий Лихарев поставил нас на клиросе, а тот дьякон Гришка на Благовещенье с попами служил обедню и за иконой Пречистой ходил. И на третьей неделе после пасхи в понедельник достали себе провожатого Ивашку Семенова, отставного старца, да пошли к

Стародубу и к Стародубскому уезду, а провожатый Ивашко провел нас за рубеж в Литовскую землю, и первый литовский город, что мы прошли, был замок Лоев, а другой — Любец, а третий — Киев. И в Киеве в Печерском монастыре нас принял архимандрит Елисей, и в Киеве всего жили три недели, и Гришка захотел ехать к киевскому воеводе князю Василию Острож-скому, и отпросился у братии и у архимандрита Елисея Плетенецкого.

И я архимандриту Елисею и братии говорил о нем и бил челом, что он собирался жить в Киеве в Печерском монастыре ради душевного спасения, а потом идти к святому граду Иерусалиму к Господнему Гробу, а ныне идет в мир к князю Василию Острожскому и хочет иноческое платье сбросить, и он будет воровать, и Богу и пречистой Божьей матери солгал. И мне архимандрит Елисей и братия говорили: «Здесь-де земля в Литве вольная: кто в какой вере хочет, в той и пребывает». И я бил челом архимандриту и братии, чтобы позволили жить мне у себя в Печерском монастыре, но архимандрит и братия мне не дали: «Четыре-де вас пришло, вчетвером и уходите». И пришли в Острог, к князю Василию Острожскому, этот князь Василий в истинной христианской вере пребывает. И мы у него прожили лето, а осенью меня и Миса-ила Повадина князь Василий послал в свое богомолие, в Дер-манский монастырьЖивоначал ьной Троицы. А Гришка съехал в город Гощею к пану Госкому, да в Гощее иноческое платье с себя скинул и стал мирянином, да начал в Гощее учиться в школе по-латински и по-польски, и люторской грамоте, и стал отступник и нарушитель законов сущей православной христианской веры. И я, государь, из монастыря ездил в Острог к князю Василию и князю Василию бил челом, чтобы Василий велел его вернуть из Гощеи и сделать по-старому чернецом и дьяконом, и велел бы его послать к нам в Дерманский монастырь. И князь Василий и все его дворовые люди говорили мне: «Здесь такова земля — как кто хочет, тот в той вере и пребывает». Да князь мне говорил: «Сын-де мой князь Яныш родился в христианской вере, а держит ляшскую веру, и мне-де его не унять. И ныне-де пан Краковской в Гощее». А Гришка в Гощее у него и зимовал, а после пасхи из Гощеи пропал без вести и очутился в городе Бра-чине у князя Адама Вишневецкого и назвался князю Адаму князем царевичем Дмитрием Ивановичем Углицким.

А тот князь Адам, бражник и безумец, тому Гришке поверил и начал возить его на колесницах и на конях в сопровождении людей. Из Брашна князь Адам поехал в Вишневец и того Гришку с собою взял и к радным панам его возил и называл его царевичем князем Дмитрием Ивановичем Углицким. И в Вишневце у него

Гришка Отрепьев прожил лето и зимовал. И после пасхи князь Адам отправил Гришку в Краков к королю Сигизмунду, и сказал князь Адам про него королю, будто он царевич Дмитрий Иванович Углицкий. И король его к руке звал, и он начал прельщать его, называя себя царевичем Дмитрием, сыном благоверного государя царя и великого князя Ивана Васильевича всей великой России самодержца.

А сам Гришка начал плакать и королю говорить: «Слыхал ли ты про московского великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца, сколь был велик и грозен, во многих государствах был славен? А я сын его родной князь Дмитрий Иванович. И как Божьим судом отца нашего на Российском государстве не стало, а остался на Московском государстве царем брат наш Федор Иванович всея Руси, а меня изменники наши сослали в Углич и не раз присылали многих воров и велели им порчу на меня наводить и убить меня. И Божьим произволением и его крепкой десницей укрывшей нас от их злодейских умыслов, хотящих нас злой смерти предать, и милосердный Бог не захотел исполнить их злокозненного помысла, и меня невидимою силою укрыл и много лет сохранял, вплоть до нынешнего нашего возраста. И ныне я, возмужав, с Божьей помощью помышляю идти на престол прародителей своих, на Московское государство». И говоря это, проливает многие слезы. «А и то было тебе, милостивому королю, можно разуметь: как только твой холоп тебя, или брата твоего, или сына твоего убьет, каково тебе в те поры будет? Разумей по этому, каково ныне мне». И многое другое ему говорил и рассказывал.

Да то же говорили королю и называли Гришку царевичем Дмитрием Ивановичем Углицким пять братьев Хрипуновых, да Петрушка, человек Истомы Михнева, да Ивашка Шварь, да Ивашка, что нас привел за рубеж, да киевляне, посадские мужики. И тот Гришка с князем Адамом Вишневецким отпросился у короля в Самбор.

И я королю про того Гришку говорил, что он не царевич Дмитрий, чернец он, Гришкою зовут, а прозвищем Отрепьев, а шел со мною из Москвы вместе. И король и паны радные мне не верили и послали меня к нему, к Гришке, в Самбор, к воеводе Сандомирскому к пану Юрию Мнишеку, и к ним лист обо мне писали. И как меня привезли в Самбор, и расстрига Гришка с меня платье иноческое снял и повелел меня бить и мучить. Да расстрига Гришка начал говорить и сказывать про нас, про меня и про сына боярского Якова Пыхачева, будто мы посланы от царя Бориса для того, чтобы его убить. И того Якова Пыхачева тот расстрига и сандомирский воевода велели смертью казнить, а он,

Яков, и перед казнью называл его расстригою Гришкой Отрепьевым. А меня, избив и мучив, велел заковать в кандалы и кинуть в тюрьму.

И августа в пятнадцатый день тот расстрига пошел войною к Москве, на Успенье пречистой Богородицы, а меня велел держать в тюрьме в Самборе. И держали меня в Самборе пять месяцев, и жена пана Юрья и его дочь Марина меня вызволили и дали мне свободу, и я жил в Киеве в Печерском монастыре. И в 113 [1604/05] -м году, за наши грехи, Божьим попущением, а дьявольским наваждением, а его врага Божия, проклятого от всего вселенского собора, еретика Гришки расстриги злым умышлением, научен от дьявола, как он, еретик, пришел в Москву, а я был в Киеве в Черниговском монастыре. И про то, государь, расспроси пана Юрия Мнишека и его дочь, как он товарища моего Якова Пыхачева велел казнить, и как меня, заковав, оставил в Самборе, и как меня выпустили жена Юрия Мнишека с дочерью,— про все про то ведает пан Юрий Мнишек и его дочь Марина и все его дворовые люди».

Этому сказанию здесь конец. Возвратимся к оставленному и расскажем о сборе Тришкиного войска и о его походе к Москве.

Об этом узнали в Киеве литовские люди и запорожские казаки, что подлинный царевич Дмитрий, родной сын благоверного государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всей великой России самодержца, от своих изменников схоронившись и от их злодейских умыслов, ибо хотели предать его злой смерти, скрылся, жил никем не ведом до мужского возраста, и ныне уже возмужал, и помышляет идти на престол прародителей своих, на Московское государство, и самим королем уже истинно испытан, и король обещал его поддерживать и помогать ему Московским государством овладеть. И все, считая его истинным царевичем, присоединились к нему. И потом пришли к нему в Литву русские казаки с Дона и вернулись с ним в вотчину к пану Адаму Вишневецкому.

И по прошествии некоторого времени его захотел видеть король, и найдя его юным и велеречивым, признал в нем подлинного царевича и обещал ему помогать. А он, зломысленный, обещал отдать королю Российской области город Смоленск и все прочие города Северской страны даже и до Можайска, да и быть с ним в одной и той же вере. А литовский король за это велел созывать вольных людей ему на помощь. А он, окаянный, послал к папе в Рим, и там именовал себя царевичем Дмитрием, и повелел у папы просить помощи, чтобы получить Российское государство, и обещал римскому папе принять их римскую веру, именуя ее правой верой, а православную христианскую веру

попрать и церкви Божий разорить, а вместо церквей поставить костелы. И на эти обещания папа римский дал ему золота и серебра и других ценностей, а литовский король собрал столько войска, сколько ему было нужно.

И в 112 [1606] году августа в 15 день злонравный двинулся в Российские пределы двумя дорогами: от Киева через реку Днепр, а другие шли по Крымской дороге. И в 113 [1606] году, ноября в 26 день, подойдя к Моравску, начал рассылать писания и прельщать вражьей прелестью, умудряем и научаем самим сатаною, в Муром, в Чернигов и в Курск и в иные города, воеводам и приказным и всяким служилым людям, и всем купцам и торговым и черным людям, именуя себя так:

«От царя и великого князя Дмитрия Ивановича всея Руси в каждый град воеводам поименно. Божьей волей и его крепкою десницею скрывшего нас от нашего изменника Бориса Годунова, хотевшего нас злой смерти предать, и милосердный Бог не захотел исполнить его злокозненного помысла и меня, вашего прирожденного государя, Бог невидимой силой укрыл и много лет сохранял. И я, царь и великий князь Дмитрий Иванович, ныне вошел в зрелый возраст и с Божьей помощью иду на престол прародителей наших на Московское государство и на все государства Российского царствия. И вы бы, по рождению принадлежащие нам, вспомнили православную христианскую истинную веру, крестное целование, на чем целовали крест отцу нашему, блаженной памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и нам, детям его, что хотели добра нам во всем и кроме нашего царского рода на Московское государство иного государя не хотеть и не искать. И как божьим судом отца нашего и брата на государстве не стало, и лукавством и насилием тот Борис стал на государстве царем, а вы про нас, своего прирожденного государя, не знали и крест ему целовали по незнанию. И вы ныне узнайте нас, своего государя государевича, и от нашего изменника Бориса Годунова переходите к нам и впредь уже нам, государю своему прирожденному, служите без обмана и добра хотите, как и отцу нашему, блаженной памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси. А я вас начну жаловать по своему царскому милосердному обычаю и даже более, и в чести держать, а все православное христианство хотим содержать в тишине, в покое и в благоденственном житии».

А люди в тех городах — в Муроме, в Чернигове, в Курске, и в Комарицкой волости, и в Путивле, и в Рыльске, и в Стародубе, и в Ромах (...) никто не стал воевать с ним: куда ни приходил, везде ему отворяли крепостные ворота и оказывали ему подобающее поклонение и приносили дары, какие положены царскому

величеству. А другое его войско, что шло по Крымской дороге, города Нарев, Белгород и другие многие города и села присоединило к нему. И тот Гришка пошел к Новому Северскому городу, а в нем сидели воеводы князь Никита Романович Трубецкой да Петр Федорович Басманов, и те ему сдаваться не захотели, а приготовили оружие. А он начал с войском подступать к городу и бить из пушек и нз пищалей по городу нещадно, и разбили крепость до самого земляного вала. А воеводы и граждане, сидящие в крепости, видя разрушение крепостных стен, придумали хитрую вещь: начали бить ему челом и милости просить по той причине, будто по незнанию оборонялись против него, а ныне узнали прирожденного своего государя; перестань трудиться, разбивающе крепость, кладем перед тобой все щиты свои и оружие, и готовы ныне отворить тебе крепость и с подобающей честью встретим тебя, как и все другие. И он, услышав это, был рад и повелел стреляющим по крепости прекратить стрельбу. А осажденные тайно приготовили щиты и наставили пушки и пищали, и подняли сабли, и всякое оружие против них приготовили, и сами, как волки, улеглись под щитами и скрылись по тайным местам, и отворили городские ворота. Они же, не зная этого, будто дикие голодные звери на добычу, друг перед другом поспешая, чтобы первыми войти в город, и шли тесно, толкая друг друга. И довольно запустив их в крепость, осажденные начали бить по всему войску, как по стене, изо всякого оружия, и будто мост под стенами города и в воротах намостили из людей, а ворота закрыли, и из тех, кто вошел в крепость, одних побили, а других взяли живьем, и убили у них до четырех тысяч, другие же, видя это, убежали.

А Гришка Расстрига, видя их старание и подобную честь себе от горожан: вместо крестов и образов копья и сабли, вместо кадил — пушки и пищали, вместо благоуханного ладана—пороховой дым и смрад, вместо сладких плодов вкусив пушечных и пищальных ядер, помазанных не медом, а смертельным ядом,— и так поганый исполнился позора и гнева и вновь повелел приступать к граду. А горожане еще более осмелели и, будто одно сердце билось у всех в груди, встали на бой и крепко бились с ними. Они же, стоя под градом, немало сложили голов, но ничего не добились.

А царь Борис, услыша, что Гришка Расстрига называет себя царевичем Дмитрием и многие города переходят к нему без боя, а стоит под Новым Северским городом,— и посылает из Москвы воевод на выручку града, князя Федора Ивановича Мстиславского, да князя Василия Ивановича, да князя Дмитрия Ивановича Шуйских и с ними многих воевод со многими

войсками. Когда же подошли к городу и начали помогать осажденным, и войско с войском сошлись. Как две тучи, наполненные водой, бывают темны перед тем, как дождь прольется на землю, так и те два войска, сходясь на пролитие крови человеческой, покрыли землю, желая одно другого одолеть. И как бывает гром в небесных тучах, так и в земных тучах звучал грохот пищалей, и огонь как молния сверкал во тьме темной, и по воздуху свистели пули и стрелы, вылетавшие из бесчисленных луков, и люди падали, как снопы по оврагам. Й так сошлись два войска, и была великая сеча, рубились, друг друга хватали за руки, и был вопль и шум от человеческих голосов й такой грохот оружия, что и земля задрожала, и нельзя было слышать, что один говорит другому. И битва была страшна, как и на Дону у великого князя Дмитрия с Мамаем, ужаса и страха была полна эта битва.

А Гришка с хитростью приготовился к бою: многие его люди и кони были обряжены в медвежьи шкуры и в овечьи шкуры, вывернутые наизнанку, у других коней по обе стороны — косы, и они режут людей в тесноте и творят много зла. И кони московского войска от тех коней отшатнулись и не пошли на врага. И они в том смятении начали еще больше убивать и одолевать, и так московское войско смешалось, и в этом смятении много людей побили, и дошли до самого воеводского знамени, и человеческими телами замостили землю, будто мостом, и по земле ручьями потекла человеческая кровь, и тяжело ранили самого воеводу князя Федора Ивановича Мстиславского. И так его Гришкино войско одолело, и Борисово войско побежало(...>.

О второй битве при Добрыничах

И вновь не спит кровожадный лев, со своими зверями, как на брачный пир, стремится на кровопролитие, лакать христианскую кровь и поедать человеческую плоть, собирает полки воинских людей. Но и эти московские Борисовы воеводы не страшатся его зубов, но еще более дерзко выступают против него и с храбрыми сердцами ополчаются, чтобы отомстить ему за прежде пролитую христианскую кровь. Как ясные соколы на серых утят или как белые кречеты чистят клювы, чтобы клевать, и острые когти, чтобы вонзать в плоть, и расправляют крылья свои, и плечи готовят к убийству птичьему, так и христианские поборники православной веры, облачаются в доспехи воеводы с христолюбивым своим войском против сатанина угодника и возлюбленного бесами его воинства, берут в руки оружие и щиты и призывают на помощь Бога и пречистую Богородицу, христианскую заступницу и помощницу, и московских чудотворцев и всех святых.

И начали сходиться при Добрыничах под Комарицкой

волостью; через несколько дней после первой битвы выстроились оба войска, и была вторая битва, более жестокая, чем первая. Стремились друг друга одолеть, и многое множество людей падало с обеих сторон, как деревья склонялись или как снопы валялись по оврагам, и ни один не хотел отступить от другого, но каждый хотел другого поразить, и друг друга убивали. Страшно и ужасно было это видеть, стояла великая и жестокая битва, и много крови проливалось. И московский воевода князь Василий Иванович Шуйский не мог видеть проливаемой крови, взъярился сердцем, и умно и храбро со своим полком правой руки кинулся на войско сатанина угодника и, надвое разделив его, сек, как траву, опрокинул противостоящих, а те, кто испугался смерти, побежали от него и освободили ему путь. С полком левой руки также показал свое мужество Иван Иванович Годунов: храбро и мужественно нападает и побивает врага, как улицы прорубает, никто против него не может встать. Так и иные воеводы и головы не могли устоять, крепко и единодушно выступили и смяли все войско его, и те, показавши спину, побежали. И они их гнали и без милости рубили их сзади, и многое множество их побили и многих взяли живьем, и мало их спаслось. А самого треклятого князь Иван Татев увез к городу Рыльску, и оттуда он бежал в город Путивль. И если бы его тогда князь Иван Татев не спас, то и сам бы был тут убит. Но за наши грехи он остался в живых, чтобы вновь проливать христианскую кровь и победить царя Бориса.

И треклятый Гришка Отрепьев еще более страхом и великим трепетом был объят и, потеряв всякую надежду, начал помышлять о побеге в Литву. А царь Борис наполнился ярости и гнева на жителей Комарицкой волости и повелел ее великим пленом пленить и опустошить до конца за то, что предались и служат Расстриге, и всех православных христиан от мала и до велика посечь мечом, а иных мучить различными муками, что и было исполнено. И кто, даже имея камень вместо сердца, не заплакал и не застонал о том, как завоеваны были православные христиане Комарицкой волости царем Борисом? И поганые иноплеменные народы не могут сделать того, что сделал царь Борис, изливая свой гнев и ярость, многими мучениями без пощады мучал и убивал не только мужей, но и жен, и невинных младенцев, сосущих молоко, и побил всех множество — от человека и до скота. И их имущество было разграблено, и дома их были разорены и сожжены огнем, все обращено в пепел, так что небывалое злое его пленение и описать невозможно.

А когда Гришка Расстрига захотел бежать в Литву, все горожане и все люди, покорившиеся ему, начали его молить со слезами и просить его: «О, великий государь! Ты собираешься

обратно идти в Литву, а на кого нас оставляешь? Или предаешь нас в руки изменнику своему Борису, чтобы он нас также пленил, как и комаринских жителей, и лютыми и горькими муками нас замучил? Лучше сам прикажи отрубить наши головы, но не предавай нас живыми в руки Бориса. О, нас постигла великая беда! От одного берега отплыли, а другого берега не достигли и стоим теперь посреди морской пучины. Совсем погибаем: от Бориса отступились, а за тобой не удержались, не знаем, что делать. У нас только один путь к спасению: не отпускать тебя, да бить челом Борису и твоей головой заплатить за нашу вину». А Гришка ответил им: «Войска нынче у меня нет, видите,— все разбито, едва сам убежал, и вся моя казна истощилась. Я вовсе не думаю о том, чтобы бежать и покинуть свою отчину, но хочу идти в Литву за казной и войском, чтобы с большей силой биться за православные государства своей отчины». А они ему говорили: «Возьми, государь, все, что мы имеем, а после мы все пойдем с тобой, да все погибнем или получим от тебя жизнь и честь». И понесли ему все серебро, кто сколько имел: кто тысячу рублей, а кто сто, кто больше, а кто меньше. И Гришка при помощи того серебра едва удержался; явился по собственной воле, а теперь уже и неволей был принужден остаться, потому что его новые подданные не хотели живыми с ним расставаться. И вновь Гришка засел в Путивле и начал собирать войско, откуда сколько смог. И царь Борис немало этому радовался.

А в городе Кромы засел того же еретического войска казачий атаман Гришка Корела с казаками и с кромлянами. И царь Борис посылает в Кромы своих воевод, боярина Федора Ивановича Шереметева, с большим войском. И они, подступив к городу, крепость осадили и стали штурмовать стены, но защитники города много войска побили и немало пролили христианской крови. И царь Борис еще прислал воевод — князя Федора Ивановича Мстиславского да князя Дмитрия Ивановича Шуйского с большим войском, чтобы скорее взять город. И воеводы собирали войска и храбро и мужественно наступали на крепость, били из пушек по острогу и по городу и всякие стенобитные хитрости использовали и острог и город разбили до основания. Но те казаки, зломысленные и коварные, не боящиеся смерти и непокорные и ко всяким лишениям терпеливые, отсиживались в норах земных и вели бои с осаждавшими из-под земли, да устраивали вылазки из города. И так, не сумев взять города, московские воеводы стояли под Кромами до весны. И тогда много людей в войске умерло от зимней стужи, так как время было очень студеное и стояли страшные морозы.

А царь Борис в Московском государстве и в иных

государствах и градах Российской державы велел убеждать людей святейшему патриарху Иову и благородному боярину и воеводе князю Василию Ивановичу Шуйскому, ибо их блаженной памяти царь и великий князь Федор Иванович всея Руси посылал осмотреть и предать земле тело убитого благоверного царевича князя Дмитрия Ивановича, своего брата. И повелел им во весь голос проповедовать при стечении множества людей Московского государства, говоря так: «О, всенародное множество! Не сомневайтесь и не верьте слухам, ибо истинно царевич Дмитрий был убит, я его своими глазами видел и даже погребал его в городе Угличе в церкви боголепного Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и вы за него помолитесь. А идет на нас расстрига Гришка Отрепьев, называясь его царевичевым именем, и вы его проклинайте». А по государствам и градам посылали грамоты. Но люди никому не верили — ни святейшему патриарху, ни князю Василию Ивановичу Шуйскому, и так говорили друг другу: «Это-де по приказу Бориса и боясь его так говорят».

И приказал царь Борис в соборной церкви громогласно читать вечную память благоверному царевичу и великому князю Дмитрию Ивановичу, а расстригу Гришку Отрепьева, идущего на Московское государство, проклинать; так же приказал поступать и по государствам великой России. Но ничего этим не добился, а люди во всем Российском государстве еще больше в сердцах своих негодовали и гневались на него, говоря: «Если не это, что еще остается говорить Борису? Если он не так станет говорить, то ему придется от Русского царства отказываться, да и жизнью своей рисковать». И так друг друга поддерживали.

Другие же иное говорили, будто истинно царь Борис и до сего дня считает царевича убитым, да не знает того, что вместо него был убит другой: задолго узнав злой помысел Бориса против царевича, что хочет тайно убить его неизвестно где и в какое время, мать царевича иного ребенка кормила вместо царевича, а сам царевич был отослан к верным людям на соблюдение, и Бог его так уберег от убийства и погубления Борисова, и ныне он возмужал и идет на свой прародительский престол. И желая его прихода в Москву, когда узнают о его победе над московскими войсками Бориса, то радуются, когда же узнают, что московские войска одержали победу над идущим к Москве ожидаемым Дмитрием, то ходят в скорби, понурив головы. А царю Борису клеветники шептали о тех, кто говорил, что идет Дмитрий, а не расстрига, да будто он и подлинного расстригу везет с собой и показывает его, чтобы не сомневались люди. И за такие их слова царь Борис повелел вырезать языки, а иных предавать смерти

многими разными муками, но никак не мог помешать народу вести эти разговоры и надеяться.

И услышал Борис, что его воеводы ни одного города ему не возвратили, но еще больше городов от него отпадают и Гришке присягают, сам же Гришка стоит в Путивле, великое войско собирает из Литвы и из иных государств, наполнясь яростью и дыша гневом, как неутолимая ехидна, похваляется и хочет прийти на царя Бориса, но не как на царя, а как на слугу. А царь Борис, видя неверность всех людей, что готовы служить приближающемуся самозваному царевичу Дмитрию и ждут его, находился в великом сомнении, размышляя, что делать, если самозванец и вправду окажется не расстригой, а царевичем Дмитрием. И вовсе отчаялся спасти свою жизнь и упоил себя смертоносным зельем и постригся в иноческий чин и в иноках наречен был Боголепом. И вскоре от лютой отравы скончался горькой и насильственной смертью, так что и вид его изменился от судорог, и все тело как уголь почернело, да и описать невозможно, каким он стал от лютого зелья. И повелел похоронить себя в соборной церкви Архангела Михаила с прочими царями, здесь погребенными. Скончался же в 113 [1605] году, месяца апреля в 13 день, а после него осталась жена его царица Мария, да сын его Федор, да дочь его девица Ксения, царем же пробыл 7 лет и пять недель.

После смерти Бориса на Московском царстве назвался государем сын его Федор, и он посылает в полки за воеводами князем Федором Мстиславским да князем Василием, да князем Дмитрием Ивановичем Шуйским и призывает их в Москву. А вместо них воеводами остались два единокровных брата князь Василий да князь Иван Васильевичи Голицыны, да Михаил Салтыков, да Иван Иванович Годунов. И посылает к ним в полки воевод князя Михаила Катырева-Ростовского да Петра Федоровича Басманова, да митрополита новгородского Исидора, чтобы привести войско к крестному целованию Федору Борисовичу, да матери его Марии, да сестре его Ксении. И они прибыли в полки в Кромы, где митрополит начал приводить войско к крестному целованию. Иные в полках целовали им крест, а иные не захотели креста целовать и отослали митрополита в Москву.

Московские воеводы князь Василий да князь Иван Васильевичи Голицыны, да Петр Басманов, видя сомнение и смятение в полках, а от смятения и города погибают, и сами усомнились и поверили, что Расстрига — родной сын государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и вспомнили о милосердии к ним блаженной памяти царя: «Да разве

неродовитый и неславный человек из поселян, Гришка Расстрига, посмел бы начать такое дело? И не без умысла польский и литовский король ему помогает, и русские люди с городами переходят под его власть, и все Российского государства люди встать против него не хотят. Да лучше нам по собственной воле, чем неволей подчиниться ему, и в чести будем. А если неволей, то тоже у него будем, но с бесчестием, судя по событиям недавнего времени». И так рассудили и между собой договорились пристать к Расстриге, а Борисову сыну изменить и от его войска отъехать, и этот договор крепко утвердили между собой. И к ним присоединились многие новгородские и рязанские дети боярские.

Так все и случилось, и в один из дней два войска выстроились на битву, взяв в руки щиты и оружие. А князь Василий да князь Иван Васильевичи Голицыны, да Михаил Салтыков, да Петр Басманов со всеми своими полками быстро поехали вперед всех, а с ними дети боярские и дворяне Ляпуновы с иными детьми боярскими поехали словно на битву. А все прочие стояли и смотрели на тех, что дерзко переправились на неприятельский берег Кромы и с вражескими войсками мирно соединились, и те пропустили их сквозь свое войско. И когда прошли названные московские воеводы, и вновь атаман Корела со своими казаками и с жителями Кром все единым духом ударили по оставшемуся московскому войску и все его повергли в смятение, ибо смелость его покинула при виде отъехавших от них воевод и храброго войска, соединившегося с противником. И все отчаялись в своих надеждах, повернулись спиной и побежали. И противник гнал их, но не сек бегущих, зная, что они неволей были посланы царем Борисом на бой, и грабили их, но вместо сечи и убийства били их плетьми и дальше гнали со словами: «И впредь не ходите на бой против нас!»

И поймали их воеводу Ивана Годунова и послали к своему начальнику Гришке в Путивль и радостные вести к нему послали о переходе на его сторону названных выше московских воевод с многими полками. И рязанские дети боярские со всеми городами и с селами своими по Оке перешли к нему. Он же, узнав об этом, возрадовался великой радостью. А Ивана Годунова велел посадить в темницу, а московских воевод велел привести к крестному целованию. Прочие воеводы царя Бориса — князь Михаил Катырев-Ростовский да Семен Чемоданов с этой вестью побежали к Москве.

А Расстрига наполняется еще большей дерзостью и чувствует близость исполнения своего желания и пишет в царствующий град, мать всем городам, в Москву, по научению дьявола, отца

всякой лжи и лести, услаждая всех сладкими словами, будто медом. Как в древние времена в начале мира дьявол прельстил родоначальников Адама и Еву отпасть от райской жизни и навел смерть на род человеческий, так и теперь учит угодника своего Расстригу; славою мира сего скоротекущего прельстил его отпасть от ангельского чина и от царства небесного и избрать тление и смерть и с собою других людей свести в погибель. И сначала такой прелестью покусился прельстить народ Московского государства:

«От царя и великого князя Дмитрия Ивановича всея Руси боярам нашим, князю Федору Ивановичу Мстиславскому да князю Василию, да князю Дмитрию Ивановичу Шуйским, и всем боярам, окольничим и дворянам большим, и стольникам, и стряпчим, и жильцам, и приказным людям, и дьякам, и дворянам, что из городов, детям боярским, и гостям, и торговым лучшим и средним и всяким черным людям.

Вы целовали крест блаженной памяти отцу нашему, великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и нам, детям его, чтобы вне нашего рода иного государя никакого не хотеть и не искать на Московское государство. И как Божьим судом отца нашего, великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси не стало, а на Московском государстве сел брат наш, великий государь царь и великий князь Федор Иванович всея Руси, а государыню, мою мать царицу и великую княгиню инокиню Марфу Федоровну всея Руси, и нас изменники великого государя послали в Углич, и так наше величество утесняли, что и подданным было делать негодно — подсылали многих воров и велели навести на нас порчу и убить.

И милосердный Бог нас, великого государя, от их злодейских умыслов укрыл и с тех пор до нынешних наших лет волею своею сохранил. А вам, боярам нашим и окольничим, и дворянам, и приказным людям, и гостям, торговым и всяким людям, изменники наши твердили, будто нас, великого государя, не стало, и похоронили будто нас, великого государя, в Угличе, в соборной церкви у всемилостивого Спаса. И как волей Божьей брата нашего, великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси, не стало, и вы, не зная про нас, прирожденного государя своего, целовали крест изменнику нашему Борису Годунову, не ведая его злокозненного нрава и боясь того, что он при блаженной памяти брате нашем царе и великом князе Федоре Ивановиче всея Руси владел всем государством Московским и жаловал и казнил кого хотел. А про нас, прирожденного государя своего, не ведали, а думали, что мы изменниками нашими убиты.

А как про нас, великого государя, пошел слух по всему Российскому государству, что с Божьей помощью мы, великий государь, идем на православный престол прародителей наших, великих государей царей Российских, и мы хотели государство наше получить без крови, и вы, бояре наши и воеводы и всякие служилые люди, против нас, великого государя, стали по неведению и боясь от изменника нашего смертной казни, а про нас, великого государя, говорить не смели. И я, христианский государь, по своему царскому милосердному обычаю в том на вас нашего гнева и опалы не держим, потому что вы делали это по неведению и боясь казни.

А ныне мы, великий государь, на престол прародителей наших, великих государей царей Российских, вскоре с Божьей помощью придем, а с нами многие рати русские, литовские и татарские. А города нашего государства нашему царскому величеству добили челом и против нас не стояли и крест целовали, помня свои души и крестное целование нам, великому государю, служат и против изменников наших храбро и мужественно хотят стоять, а о том и сами доподлинно знаете. И поволжские города нам, великому государю, добили челом и воевод к нам привели, и астраханских воевод Михаила Сабурова с товарищами к нашему царскому величеству ведут, а ныне они в дороге на Воронеже. И к нам писал из Большой Ногайской орды князь Ищерек и из Казыева улуса мурза, что они нашему царскому величеству хотят помогать. И мы, христианский государь, не желая христианского разорения, ногайским людям до нашего указа ходить не велели, жалея нашего государства, и велели ногайским людям кочевать под Царевым градом.

А изменники наши Мария Борисова жена Годунова да сын ее Федор о нашей земле не жалеют, да и жалеть им было нечего, потому что чужим владели и отчину нашу Северскую землю и иные многие города и уезды разорили и православных христиан без вины побили. Но того мы, христианский государь, в вину вам, боярам нашим и служилым людям, не поставили, потому что вы учинили то по неведению и боясь от изменников наших смертной казни. А и то было вам пригоже знать, какое утеснение от изменника нашего Бориса Годунова было вам, боярам нашим и воеводам, и родственникам нашим укор и поношение и бесчестие, и наносимые вам, чего и от родного было терпеть невозможно, и вам, дворянам и детям боярским, разорение и ссылка и муки нестерпимые были, чего и пленным делать негодно; а вам, гостям и торговым людям, и в торговле вашей вольности не было и в пошлинах, что в треть вашего имущества, а мало и не все отобрано, но и тем его злокозненного нрава

умерить не смогли.

И в винах своих до сих пор не признаетесь и нас, прирожденного государя своего, знать не можете, а о праведном Божьем суде не вспоминаете и хотите пролить кровь безвинных православных христиан, чего не только нам делать не годится,— и иноземцы о вашем разоренье скорбят и бо-лезнуют и, узнав нас, христианского кроткого милосердного государя, нам служат и крови своей за нас не щадят. И мы, христианский государь, не желая видеть во христианстве кровопролития, пишем вам, жалея вас и о душах ваших, чтобы вы, помня Бога и православную веру и свои души, на чем блаженной памяти отцу нашему, великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, и нам, чадам его, крест целовали, и великому киязю Дмитрию Ивановичу всея Руси добили челом и милости просить к нашему царскому величеству прислали митрополитов и архиепископов, и бояр, и окольничих, и дворян больших, и дьяков думных, и детей боярских, и гостей, и лучших людей.

А мы, великий государь, по своему царскому милосердному обычаю всех вас пожалуем, и вам, боярам нашим и воеводам, честь и повышение учиним и отчинами вашими прежними вас пожалуем, к тому еще и прибавим и в чести вас держать будем. А вас, дворян и приказных людей, в нашей царской милости держать хотим. А вас, гостей и торговых людей всего Московского государства, пожалуем в пошлинах и в податях, велим во льготе и в облегчении учинить, и все православное христианство в тишине и в покое и в благоденственном житии учинить хотим.

А не добьете челом нашему царскому величеству и милости просить не пришлете, и вы можете рассудить, что вам в том отвечать в день праведного суда Божьего, а от праведного гнева и от нашей царской высокой руки нигде не спастись, ни в матерней утробе не укрыться вам. И с божьей помощью нам, великому государю, преславных государств своих добиваться».

И Расстригины посланники — Гаврила Пушкин и Наум Плещеев — приезжают с этой грамотой первого июня, и грамота была прочитана на Лобном месте перед всем множеством московского народа. И когда московские и все русские люди услышали это послание, они поверили, что все это — правда, что Господь по неизреченным судьбам своим прещед-рой своей десницей спас царевича от Борисова погубления, и верили, что он — прирожденный своей христианской веры царевич, а про Бориса подлинно знали, что неправдой похитил царство и бесчисленно много пролил неповинной христианской крови, коварно добиваясь того великого государства. И возрадовались тому великой радостью, Богу воссылая славу, и был в них шум великий

и клич, и было не разобрать, кто что говорит. И призывая друг друга, бросились на царя Федора, Борисова сына, и на его мать и на весь род их и без милости начали грабить дворы их и самих ловить, и в мгновение ока всех ограбили, имущество и самих их захватили, подобно сильной буре развеяли их, будто прах.

И московские бояре и воеводы, и дворяне, и прочие царские приближенные, видя действия всего народа Московского государства, и они щиты и копья и, проще сказать, все оружие бросают и встречают царевича под Тулой; и все падают на землю перед ним, называя его родным сыном покойного царя. А с бою он, богомерзкий, не взял ни одной веси, не то что ничтожного какого города.

А в тех местах не было никого из знавших его, а старец по имени Леонид, что шел с ним из Путивля и называл его Гришкой Отрепьевым и многим показал его в Литве и в Северской земле, по приказанию Самозванца был посажен в Путивле в темницу будто бы за какую-то вину.

И вновь из Тулы по окрестным городам, что есть в Российской области, гонцов с грамотами посылает, а в грамотах пишет так:

«От царя и великого князя Дмитрия Ивановича всея Руси, в который город воеводам и дьякам поименно.

Божьей волей и его сильной десницей спасшего нас от нашего изменника Бориса Годунова, хотевшего нас злой смерти предать, милосердный Бог его злокозненного помысла не захотел исполнить и меня, вашего прирожденного государя, в судьбах своих сохранил. И я, царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси, ныне возмужал и с Божьей помощью сел на престол прародителей наших на Московском государстве и на всех государствах Российского царства. И в Москве и во всех городах бояре наши и окольничие, и приказные люди, и дьяки, и дворяне, и дети боярские, и всякие приказные люди всего нашего государства и иноземцы нам, прирожденному государю своему, крест целовали, и мы их пожаловали, вину их простили. И как к вам эта наша грамота придет, и вы, данные нам по рождению подданные, помня православную христианскую веру истинную и крестное целование, на чем крест целовали отцу нашему, блаженной памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, и нам, детям его, прирожденному государю своему, крест целовали.

И вы бы сотников, и стрельцов, и пушкарей, и воротников, и посадских, и волостных, и черных людей к крестному целованию привели, и всяких иноземцев привели по их вере. А на чем крест целовать и всяких людей к кресту приводить, и мы послали вам

запись целовальную с этой нашей грамотой вместе. А как всяких людей к крестному целованию приведете, и мы их и вас пожалуем великим своим царским жалованием, о чем вы даже и помыслить не можете. А кого именно приведете к присяге, и вы бы о том написали и поименные списки прислали бы к нам в Москву, да указали, где писано, в какой четверти и кому писано.

Лета 7113 [1605], июня в 11 день».

И таким дьявольским умыслом и ложью, не своим умом и разумом, но действуя вселившимся в него льстивым духом, он обманул не только бояр и всяких людей великой России, но и короля Литовской земли и всех панов и придворных его. И так тот еретик пошел к царствующему граду с великой дерзостью и без малейшего опасения. И послал своих слуг вперед себя и повелел палачам предать злой смерти Борисову жену Марию и сына ее Федора, души их от тела отторгнуть, а дочь повелел в живых оставить, чтобы ему красоты ее насладиться, что и случилось.

Видите, любимые мои, какая кончина ждет творящих неправедные беззакония: какой мерой меряют, той же мерой отмерится им, и какую чашу другим наполняют, ту чашу сами выпивают. О, глубина заблуждения, омраченный тьмой потомок строителей вавилонского столпа, от них весь мир разделился. О, ослепление, о, его неистовства, о, многие окаянства, о, великое неведение, о, лакомства голодных и имения суетных и жажда высоких престолов, о, дерзость и самовольное крестное целование и клятвопреступления! Как забыл и как не испугался кончины дней своих на этом быстротекущем неверном свете, как хочет за недолгое отпущенное ему время, что быстро доведется нам узнать, успеть насладиться? Где теперь слава высокоумия? Где его супруга и любимые чада? Где златоверхие чертоги? Где светлые трапезы и откормленные тельцы? Где служащие ему рабы и рабыни? Где драгоценные одежды и обувь? Где прочая царская утварь? Кто может его жену и чад отнять у палача? Возводили они очи свои туда и сюда, и нигде не находили себе помощника, в крайней нищете оказались и были задушены, люто и без милости встретили смерть.

И тот еретик Гришка любовался дивным и славным, в поднебесье сияющим будто светило, великим градом Москвой, и вошел в него в 113(1605] году, месяца июня в 20 день, в четверг, и никто не остановил его. И тогда тот еретик не своим разумом и хотением, но по Божьей воле, ибо не подобает душегубцам и разбойникам находиться с праведниками, повелел того вышеназванного свято-убийцу Бориса из Архангельского собора от царских предков выбросить с позором на площадь. И всякий

видел, что вот он — тот самый Борис, что прежде подсек благорасцве-таемые великие деревья, будто кипарисы, и сжал немилосердным серпом своим множество других деревьев, как цветы или листья смоковницы, и где он теперь сам лежит, как нищий повержен на позор. И еретик Гришка повелел его и сына его похоронить в убогом женском монастыре, называемом Варсонофьевом. И потом вошел в Кремль, где находятся царские палаты.

И многие московские люди, знающие его, начали его узнавать, и Бог помог упомянутому выше первострадаль-цу боярину князю Василию Ивановичу Шуйскому узнать о законопреступлении Расстриги и о его богомерзской ереси. И он стал громогласно его законопреступление во всеуслышание всем людям обличать, так говоря: «Я знаю тебя, что ты не сын царев, а законопреступник, расстрига, Гришка Богданов сын Отрепьева». А люди, слыша эти слова, были в удивлении и в ужасе, и никакого ему вреда не сделали. И тот окаянный еретик, чтобы не быть обличаемым в бесстыдном своем законопреступлении, задумал с советниками своими предать его смерти. И в субботний день, на третий день по его вступлении в царствующий град Москву, июня в 23 день, посадил того боярина и его родных братьев за приставов, и назавтра, в воскресенье, июня в 24 день, поставил патриархом Игнатия Грека. А в понедельник, июня в 25 день, повелел того великого боярина Шуйского посреди града смерти предать, отрубить ему голову мечом при стечении всего народа, чтобы иные боялись его обличать. А в приставах у него были Михайло Салтыков да Петр Басманов. Когда же привели его на Пожар (Красную площадь.— Сост.) и поставили его, а рядом установили плаху и положили секиры, и Петр Басманов начал ездить среди народа, читать список, составленный Расстригой и всем в уши внушать так:

«Сей великий боярин князь Василий Иванович Шуйский мне, прирожденному вашему государю царю и великому князю Дмитрию Ивановичу всея Руси, изменяет и всем говорит недобрые речи обо мне и позорит меня со всеми вами, с боярами нашими, князьями и дворянами, и с детьми боярскими, и с гостями, и со всеми людьми великой России, называет меня не Дмитрием царевичем, а еретиком Гришкой Отрепьевым, и за то мы осудили его: да умрет смертью».

Все же стоящие здесь люди были страха и трепета исполнены, и слезы текли у них из очей.

А около боярина князя Василия Ивановича Шуйского было поставлено множество стрельцов с множеством оружия, а также множество панов литовских и черкасов с копьями и с саблями,

также и по всему городу все стрельцы были вооружены, будто на битву, и все видящие это страха и ужаса исполнились. Но человеколюбивый творец наш и создатель не позволил тому случиться и пожалел свое создание, желая тем страстотерпцем спасти от разорения невесту свою — церковь, и за страдания, принятые им за правду, прославить его и поставить над всеми, как сам Господь сказал своими праведными устами: «Прославляющих меня прославлю». И избавил того великого боярина от неправедного меча, поднятого на него законопреступником, и спас его от неповинной смерти, удержав змея, готового схватить его отверстой пастью. И он лишь повелел того названного выше боярина князя Василия Ивановича и его родных братьев князя Дмитрия и князя Ивана Васильевичей Шуйских по разным дальним городам разослать в заточение, а их дома и имущество повелел разграбить. И в том заточении великие бояре пробыли полгода, а пострадали за любовь к Христу, за истинную православную христианскую веру.

А июля в 18 день, в четверг, в Москву приехала царица инокиня Марфа Федоровна, и бояре Московского государства встретили ее с честью, и сам тот Гришка Отрепьев был с ними. И после, видя того боярина Василия Ивановича Шуйского мужественное дерзновение и распалясь духовным огнем и сердечным желанием и стараясь не уступить ему в смелости, многие из христоименитых иноков, желающих умереть за истинную христианскую веру и за благочестие, по действию Святого духа сердечными очами своими увидели, что Гришка Отрепьев — еретик и законопреступник, и начали, будто трубы, громогласно кричать при стечении народа и обличать его проклятую ересь, так говоря: «О, мужи, московские люди и множество всех православных христиан! Сущую истину говорим вам, что царь, ныне царствующий на Москве,— не царь, не сын царя, но законопреступник и расстрига, проклятый еретик, которого прежде в святой соборной и апостольской церкви Пречистой Богородицы честного и славного ее Успения все проклинали как Гришку Отрепьева».

А он, жестокосердный, распалялся злым огнем ярости по наваждению сатаны и хотел их погубить, и приказал их схватить и многим разным мукам предать их, и многих повелел затворить в темницы в дальних сторонах Российской области и заковать их в железо, а иных казнить без пощады. И наполнил сердца людей страхом и трепетом, так что и те, кто давно знал его, не могли на него глаз поднять, не то что его обличать.

И вскоре, в том же 113 [1605] году, июля в 1 день, в воскресенье, воцарился проклинаемый всеми и начал

православному христианству в царствующем граде многое зло творить. И так отпал от православной веры, окаянный законопреступник, сатанин угодник и предтеча, что и сам образ Божий поругал и алтари Божьих церквей хотел разорить, и монастыри и иноческие жилища разрушить, и сравнять православную христианскую веру с отпадшей верой, и вместо Божьих церквей построить костелы. И начал жить, как и прочие еретики других народов, и хотел заставить православных христиан поклоняться идолам, и многих юных монахинь осквернил, многих отроков и девиц растлил, и среди людей начался великий плач и рыдание, ибо никогда еще не было такой беды.

И в этой короткой жизни он устроил себе потеху, а для своей будущей жизни — знамение вечного своего жилища, которого ни в Российском государстве, ни в иных, кроме подземного, никто на свете не видел: огромный ад с тремя главами. И с обеих сторон прикрепил к его челюстям медные колокольцы, и когда он раздвигает свои челюсти, изнутри его на всех стоящих рядом пышет пламенем и громкие звуки раздаются из его гортани, и имеет зубы и когти, готовые схватить, а из ушей его также вырывается пламя. И поставил его проклятый Расстрига напротив своих палат на Москве-реке себе на обличение, чтобы ему из высочайшего своего дворца смотреть на него и быть готовым вселиться в него на бесконечные века вместе со своими единомышленниками.

И взял себе в жены из великой Литовской земли лютеранку их басурманской веры, так же, как и он, наученную злу и колдовской премудрости, дочь некоего сандомир-ского пана Юрия Мнишека, девицу именем Марину. И с ней, оставя свои имения в люторской области, пришел в Российское государство и отец ее, пан Юрий, и с ним много иных великих панов. И тот окаянный законопреступник женился в 114 [1606] году, месяца мая в 8 день, в четверг, в праздник святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, накануне пятницы и накануне памяти чудотворца Николы. И сразу после свадьбы Расстрига поднял великую бурю и начал гонение на христиан, и изменил христианской вере, и по римскому обычаю начал соблюдать субботний пост, как обещал римскому папе, а в среду и в пятницу стал есть говядину и прочую нечистую пищу.

И задумал тот окаянный гонитель со своими злыми советниками перебить бояр и гостей и всех православных христиан мая в 18 день в воскресенье. О, худо было нам в 114(1606] году, месяца мая в 18 день, в воскресенье, в день Христова Вознесения! Хотел он, зломысленный волк жестокий и

немилостивый, как Фока Мучитель и Константин Мотылоименный и Юлиан Отступник или как фараон на израильский народ, наточить меч, чтобы изрубить без остатка нас, православных христиан, и без всякой вины кровь нашу пролить, чтобы превратить тот радостный день Христова Воскресения в день скорби.

И он хотел святые места осквернить, а монастыри превратить в жилища нечестивых, а юных иноков и инокинь по своему злому замыслу хотел, окаянный, женить, а инокинь выдавать замуж, а тех иноков и инокинь, кто не захочет снять с себя ангельский образ и не желает прелестей здешней быстротекущей жизни, казнить мечом. И все это зло окаянный замыслил сотворить в воскресенье и наводнить Московское государство погаными иноверцами — литовцами, евреями и поляками и иными скверными, так что русские люди среди них мало будут заметны. И с теми злыми советниками собирался все это зло учинить в воскресенье.

Но изначала сотворивший нас, своих рабов, Владыка, Творец и Создатель наш, не забыл, что обещал нам, и утер наши слезы, и не позволил злому зверю поедать овец своего избранного стада, и не дал превратить дни своего три-дневного Воскресения в оскорбление верным своим рабам, но его, злого змея, разевающего пасть, чтобы проглотить нас, излюбленный им субботний день превратил в день вечной погибели и в день безутешного плача и рыдания в нескончаемые века. И направил Господь Бог свой острый меч на его шею и на его советников, окаянных нечестивцев, по словам писания: «Копающий яму сам в нее попадет». А тот окаянный законопреступник, захотевший жить в древней злобе, в мерзости запустения, на лоне у возгордившегося сатаны, а еще более — следуя своему предшественнику Иуде, намереваясь в адовых безднах превзойти самого сатану, именовал себя не только царем, но и непобедимым цесарем и вскоре всей краткой славы мира сего лишил себя, со всякими муками злосмрадную свою душу изверг из злосмрадного своего тела.

В десятый день после своей свадьбы, 114 [1606] года, месяца мая в 16 день, на четвертой неделе после Христовой Пасхи, в субботу, он был убит мечами и прочим оружием, по земле выволочен из высочайших светлейших своих чертогов руками многих человек, которым прежде на него живого и взглянуть было нельзя, не то что прикоснуться к нему. И так был выброшен из крепости и брошен на торжище, всеми проклинаемый и попираемый и всеми всяким образом оскверняемый за его злобный и жестокий нрав. И невидимой своей силой Творец-

избавитель наш в одночасье победил и советников его, великое множество упомянутых выше злохитренных нечестивцев. А русские люди, отчаявшиеся и безоружные, с Божьей помощью их смертоносное оружие у них отняли и их, вооруженных, победили. И столько их, нечестивых, в тот субботний день погибло, что по всем улицам великого града Москвы из-за их трупов нельзя было пройти. А нас, грешных рабов своих, избавил от той великой, убивающей душу смертоносной язвы.

И три дня пролежал на торжище труп окаянного богоборца, и всякий смотрел на нечистый его труп, никем не покрытый, нагой, каким вышел из чрева матери своей. И идолы, которым он поклонялся, но никак ему не помогли, были положены ему на грудь. А по прошествии трех дней окаянный был выброшен из города в поле. И на его труп, выброшенный на позор, не только людям было противно смотреть, но и сама земля, из которой он был взят, гнушалась им. И мы видели все это, и каждый себе говорил: «О, злое дело: родился, просветился святым крещением и назвался сыном света, а ныне сам захотел стать сыном погибели!»

И когда он лежал в поле, многие люди слышали в полночь и до самых петухов громкие вопли и бубны и свирели и прочие бесовские игрища над его телом: так сатана радовался приходу своего слуги. Ох, так тяжело проклятие на тебе, окаянном, что и земля гнушается принять в себя твое проклятое еретическое тело, и воздух начал смрадом дышать, а облака не дали дождя, не желая омывать его окаянного тела, и солнце не согревало земли, морозы ударили и лишили нас пшеничных колосьев, пока его смрадное тело лежало на земле.

Божьей волей и молитвами Пречистой Богоматери к рожденному ею и с помощью великих чудотворцев Петра, Алексея и Ионы и всех святых мы, православные христиане, всей Российской землей избрали себе на царство от царской палаты советников мужа праведного и благочестивого, родственника прежних благоверных царей, великого князя Владимира, нареченного в святом крещении Василием, благоверного князя Александра Ярославича Невского, боярина князя Василия Ивановича Шуйского, что прежде всех пострадал за православную христианскую веру. И наречен был на царство в том же 114 [1606] году, месяца мая в 19 день, в понедельник. Наш творец человеколюбец Бог, не позволяющий своим созданиям уклониться от своих обычаев и обречь на голодную смерть всех людей, живущих на земле, рабов своих, указал верному своему слуге, носящему крест и нареченному государем царем и великим князем Василием Ивановичем, всей великой России самодержцем

и обладателем многих государств, данных ему Богом за его веру, чтобы того злого еретика-расстригу ввергнуть в названный выше его дом, в построенный им ад, и сжечь скверное проклятое тело законопреступника, что и было сделано: он был сожжен на месте, называемом Котел, в семи верстах от города.

И по Божьей воле государь наш царь захотел видеть пречестные мощи благоверного царевича Дмитрия Углицкого в богоспасаемом граде Москве. И послал государь в Углич за его честными мощами своих богомольцев: преосвященного Филарета, митрополита Ростовского и Ярославского, Феодосия, епископа Астраханского и Терского, архимандритов и своих бояр — князя Ивана Михайловича Воротынского да Петра Федоровича Шереметева с товарищами. И когда честные его мощи принесли к пречестной лавре святой и жи-воначальной Троицы и чудотворца Сергия, и архимандрит и священники и дьяконы той честной обители, облачась в священные одежды, с кадилами и прочая вся братия со свечами встречали его пречестные и многоцелебные мощи за оградой с радостными слезами и пели перед ними достойные надгробные псалмы. И некоторое время мощи пробыли в обители, в соборной церкви пресвятой и живоначаль-ной Троицы, и вновь были несены к царствующему граду Москве. Когда же процессия достигла богоспасаемого града Москвы, московские люди, мужчины, жены и дети, также встречали мощи с радостными слезами и каждый, припадая к раке его, просил милости. И внесли мощи во внутренний город и поставили их на высокое место, называемое Лобным, и тут многие чудеса совершились тем, кто просил с верою: слепые прозрели, хромые стали свободно ходить, горбатые распрямились и глухие начали слышать. И каждый, какие недуги ни имел, к раке его с мощами припадает и получает исцеление. И потом честные его и многоцелебные мощи были перенесены в церковь Божьего архистратига Михаила, где и по сей день мы их видим, и дают исцеление всем, кто приходит к ним с верой.

И через две недели после своего наречения на царство государь царь и великий князь Василий Иванович всея Руси самодержец венчался царским венцом и диадемой месяца июня в 1 день, в воскресенье, и сел на царском своем престоле, и из рук всемогущего Бога в свою десницу принял скипетр Российской земли. И сотворил Господь Бог во всей Российской земле православным христианам троекратную радость: первую, сокрушив богомерзкого своего отступника, а нашего гонителя, еретика Гришку Отрепьева, вторую — даровав дождь и солнечное тепло для плодородия, третью, более всех радостей — перенесение честных мощей нового мученика благоверного

царевича Дмитрия из града Углича в славный великий царствующий град Москву, его же именем назвался тот законопреступник Гришка Отрепьев, и даровал Господь тому мученику благодать и способности подавать исцеление приходящим с верою к раке его, излечение всех недугов, неоскудное здоровье. И с этих дней, собрание русских православных людей, веселимся и радуемся божьим посещением и избавлением, которое Бог даровал всем людям своим.

О, великое Божье человеколюбие! О, неизреченные и неизвестные его судьбы! Кто знает разумение Господне и кто его советник? Воистину никто, ни ангелы, ни архангелы, ни начальствующие, ни властители, ни престолы, ни господст-вия, ни небесные силы, ни херувимы, ни грозные серафимы, но только сам единый в Троице прославляемый Бог наш, он сам следит за человеческими судьбами и все творит так, как хочет. Мы же, рабы Христовы, искони поклоняемся безначальному, славимому в Троице Христу Богу нашему, за все это славим и восхваляем создавшего нас владыку Христа, так говоря: «Слава единому премудрому жизне-дателю Богу, что мало наказал нас, но много помиловал, избавил нас от смерти и даровал жизнь. Тот названный выше проклятый еретик и законопреступник направлял свой меч, чтобы погубить все православное христианство до конца, и ничем мы не могли ему помешать, но он сам погиб и стал сыном погибели; погибли и бывшие с ним, полюбившие его злой обычай больше незакатного света вечной жизни, не принужденные муками или приказом, но по своей воле повиновавшиеся ему. И мы все знаем, что иноки и миряне, которых окаянный еретик мучил и предал смерти, умерли в православной христианской вере. А иные братья наши иноки еще остались в живых, и те ныне вместе с нами духовно трудятся в обители пресвятой и животворящей Троицы, а иные в монастыре архистратига Божьего Михаила, у чудотворца Алексея на Чудове. И такие беды и притеснения и напасти претерпели, но милости Божьей не отверглись, и все радуются о своих страданиях, славят и благодарят Бога и Пречистую Богородицу и нового страстотерпца, просиявшего в Российской области, благоверного царевича Дмитрия.

Ныне же, все православные люди, радуемся и веселимся, всегда хваля и славя безначального превечного Бога нашего, даровавшего нам по всещедрой воле своей такого благочестивого государя царя и великого князя Василия Ивановича, всея Руси самодержца, истинного заступника и пастыря своим словесным овцам, а не наемника: и так кладет душу свою за овец во время нашей скорби и погибели, и не только своих богатств, но и самого

себя не пощадил, и ныне хранит истинную православную христианскую веру как зеницу ока, и руководит каждым и наставляет его на путь спасения, чтобы и по смерти все наследовали вечную жизнь, а не ведет нас в погибель, но больше скажу — сводит с погибельного пути. И за это славим Бога, сотворившего нас. Аминь.

И надумал я, многогрешный и непокорный Богу и слабый разумом, записать эту повесть, не по слухам, кроме как о пребывании того еретика и законопреступника Гришки в Литовской земле, но все, что происходило в Российском государстве, то все видел своими Глазами. И не мог умолчать о таком зле, написал для пользы читающим это в наши дни и для памяти в будущие времена будущим людям. А прочим, замышляющим зло и потакающим его злобному законопреступлению,— чтобы смирили свой нрав и отказались от таких лукавых замыслов. Проклятый Гришка воцарился и захватил множество имений в Российском царстве и вскоре сильно разбогател, да вскоре и погиб, и не осталось от его богатств даже малой рубашки для погребения его бесстыдного тела.

А иные невежды тайно души свои губят тем, что следуют книгам, запрещенным святыми отцами семи вселенских соборов; они заповедали нам этих книг не читать, ибо читающие их никакой пользы не приобретают, лишь погружают корабль своей души в пучину грехов, как говорит писание: «Бросающий камень вверх — разобьет собственную голову; разжигающий огонь — сам сгорит в нем». Подивись, о человек, как сбылось учение, о котором сказано в Божественном писании: «Если человек и всем миром овладеет, а душу свою потеряет, и что получит взамен своей души?» Ты видишь, как этот злобный и хитрый волхв весь мир приобрел, а душу свою потерял — и какую добрую хвалу и славу получил? На нескончаемые века он со всеми его хитрыми чародействами погиб душой и телом и с позором лишил себя этой краткой быстротекущей жизни.

А ты, бесстыдный, зачем все это творишь, оставя надежды на милость Божию и призывая на помощь сатану, не находя себе в этой болезни никакой помощи? Сначала пойми, что есть человек и какова кончина дней твоих, и подумай, как ты предстанешь перед праведным судьей, судящим невзирая на лица,— Христом Богом нашим? И готовя себе путь туда, где тьма кромешная и неутолимый червь, попробуй, сможешь ли в этой жизни стерпеть жар земного огня? А если и сможешь, то будущего неугасаю-щего огня не стерпишь, этот пламень таков, что поднимается от земли до самых небес. Согрешившего человека и сына человеческого

ожидает червь, его дом — ад, а его постель — тьма, и отец его — смерть, а мать и сестра его — тление. Как ты можешь и в уме это представить, не то что в жизни отступить от милостей Божьих ко злу и пристать к сатане и дьяволу, и опечалить своего наставника и хранителя — ангела Божьего? И если, непокорный Богу, не откажешься от злой своей жизни, действительно, говорю тебе, будешь мучиться в этом и в будущем веке, как и проклятый еретик Гришка Отрепьев.

А благодать и мир да будет с духом вашим, братия, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

«ПОВЕСТЬ О ВИДЕНИИ НЕКОЕМУ МУЖУ ДУХОВНОМУ»

«Повесть» относится к особой группе сочинений о Смуте — к тем сравнительно коротким запискам, где мало деталей реальной борьбы, но излагаются чудеса и видения, свидетельствующие о крайнем возбуждении умов участников событий и знаменующие будущие грозные события или совершившиеся деяния.

Автор «Повести» — протопоп кремлевского Благовещенского собора Терентий — известен также как духовник царей Бориса и Федора и составитель двух посланий Лжедмит-рию I, написанных в ноябре 1605 — апреле 1606 года. В первом обращении к Самозванцу благовещенский протопоп напоминал новому государю, что «священство» выше «царства», и толковал знаменитую историческую формулу «Москва — третий Рим» таким образом, будто с прекращением династии Рюриковичей не Московское царство является оплотом православия, а лишь одна русская церковь. И хотя Терентий признал законность нового монарха и его ставленника патриарха Игнатия, тон первой челобитной не панегирический, а поучительный: царский духовник требовал от колеблющегося в вере Самозванца строгого следования православию.

Вероятно, по этой причине Лжедмитрий поспешил избавиться от слишком ревностного Терентия: духовником Расстриги стал игумен Владимирского Рождественского монастыря Исайя Лукошков, а благовещенским протопопом — Федор, обвенчавший Самозванца с Мариной Мнишек 8 мая 1606 года. Вторая челобитная написана уже опальным Терентием, пытавшимся лестными речами возвратить расположение Самозванца.

Лжедмитрий не успел оценить запоздалой преданности бывшего протопопа: 16 мая 1606 года он был убит. Василий Шуйский также относился к Терентию с опаской, видимо, памятуя о службе этого ярого обличителя «неправды» безродному Самозванцу. Лишь в ноябре 1610 года колесо Фортуны совершило полный оборот в судьбе Терентия. На этот раз его вращала польская рука: по указу короля Сигизмунда III Терентий вновь заступил в должность благовещенского протопопа.

«Повесть о видении некоему мужу духовному» в ее сохранившемся виде была составлена вскоре после 19 октября 1606 года, но в основе ее лежит запись видения «некоему мужу», сделанная Терентием ранее 14 октября того же года. Первоначальная записка была отдана Терентием патриарху

Гермогену, и тот поведал о чудном видении царю Василию Шуйскому, а царь будто бы велел читать «Повесть» Терентия в Кремлевском Успенском соборе «во весь народ». Все это происходило накануне решительных столкновений правительственных войск с отрядами Болотникова, Пашкова и Ляпунова, когда Шуйский остался «на Москве... не с великими людьми».

С. Ф. Платонов, оценивая известия «Повести», отмечал, что «рассказ протопопа Терентия... свидетельствует нам, до какого напряжения доходило чувство и воображение народа, ошеломленного чрезвычайными явлениями самозванщины и междоусобной смуты». Эти видения, отмечал Платонов, «говорят нам о глубоком нравственном потрясении русского общества, которое не могло отыскать правды и смысла в удивительных событиях реальной жизни, часто не верило очевидности, но верило сверхъестественному и вместе с тем возвышалось до открытого сознания, что «несть истинны во царе же и в патриарсе, ни во всем священном чину, ни во всем народе».

«Иное видение», приписанное к «Повести» Терентия, передает впечатления сторожей, стоявших на паперти Кремлевского Архангельского собора — усыпальницы московских царей. Рассказ о видении сторожей имеет дату: «великий плач» и «великий свет» в соборе являлись в ночь на 28 февраля 1607 года, то есть уже в новый период Смуты. После решающего сражения 2 декабря 1606 года московским войскам удалось отбить осаду армии Болотникова, но во многих городах засели «воры», а казаки собирались на Северской Украине под знамена царевича Петра, и Болотников был заперт в Калуге войсками Шуйского. Сторожа из Овощного ряда — московские посадские люди со страхом и ужасом слушали, как в храме кто-то «читал по-книжному за упокой беспрестанно», но не могли объяснить своего видения, не умели вывести из него историческую мораль. Это и понятно, ведь вряд ли кто-либо в Москве мог предвидеть исход летней кампании 1607 года, казнь самозваного царевича Петра, пленение Болотникова и явление нового Самозванца («Вора»), в борьбе с которым впоследствии пало правительство Шуйского.

Позднейшее «Иное сказание» 20-х годов XVII века сохранило еще одну запись о видении в Архангельском соборе, на этот раз датированном 20 октября 1609 года. И опять стражи будто бы слышали «некие сопротивные беседы» и голоса поющих отшедшим душам в вечные благодати 118-й псалом, где между прочими псаломскими стихами находим один, напоминающий нам о пафосе «Повести» Терентия: «Буду говорить об откровениях Твоих перед царями и не постыжусь».

Список с повести о видении некоему духовному мужу. Моление святой Богородицы и всех святых за все православное христианство

Некоему духовному мужу явилось такое видение во сне, и тот муж рассказал свое видение благовещенскому протопопу Терентию. И по его рассказам Терентий записал видение и составил письмо, да отдал его патриарху, да и царю рассказывал. А имени того человека, кому явилось то видение, не сказал ни царю, ни патриарху: он заклял его именем Божиим, не велел про себя сказывать. И по царскому велению то видение читали в соборе Пречистой Богородицы вслух перед всем народом, и много людей слушало его. И по этому случаю в царстве был учрежден великий пост и малый, лета 7115 [1606]-го, с октября с 14-го числа, от понедельника, до октября же до 19 дня, до воскресенья, и пели молебны по всем храмам и молили Бога за царя и за все православное христианство, чтобы Господь Бог отвратил от нас свой праведный гнев и укротил междоусобную брань и мирно и безмятежно устроил бы все грады и страны Московского государства в бесконечные веки. Аминь.

Благочестивому царскому синклиту и христолюбивому воинству и всему православному христианству Русского народа. Послушайте эту повесть о Божьей милости к нам, грешным: дивно и полезно нынешнему лукавому и непокорному роду, отвернувшемуся от Божьей милости и уклонившемуся от святых его заповедей и впадшему в многоразличные дьявольские сети.

Поведал мне, грешному, некий святой муж, имя его ведает Бог. Я молил его о пользе души и о нынешней пришедшей на нас невыносимой скорби. И он послушал моего смиренного моления к нему и подробно рассказал мне обо всем, что я у него спрашивал. И еще сказал мне, грешному: «Видел,— сказал,— чудное видение, исполненное ужаса. В одну из ночей я молился господину Богу и Спасу нашему Иисусу Христу и пречистой его матери заступнице нашей Богородице Марии о мире всего мира и о нынешних лютых напастях, пришедших на нас, дабы Господь Бог отвратил праведный гнев свой и послал бы милость свою на людей своих. И после молитвы, в полуночи, я возлег на моем одре и только погрузился в чуткий сон, как внезапно послышался мне великий звон, как будто звонят в тот большой колокол, что отлили по повелению царя Бориса. И я во сне дивился тому великому звону и говорил себе: «Зачем такой великий звон, ведь сегодня нет праздника?» И я немного приоткрыл оконце и увидел яркий, будто дневной, свет. И я сильно удивлялся и говорил: «Когда успела закончиться ночь, если я так мало спал?» И тут увидел человека, идущего ко мне, он был мне знаком, и я спросил

его: «Брат, что значит этот великий звон?» И он ответил мне: «Иди скорее, господин мой, в святую и апостольскую церковь Божьей матери, честного и славного ее Успения, и увидишь там преславное видение».

И я, грешный, скоро поднялся и пошел по улицам к церкви Божьей матери и размышлял в себе: «Отчего это путь чист, хотя теперь осень, и многие дожди пролились на землю, а ныне путь сух?» И когда подошел к святой великой церкви — увидел ее окруженную несказанным светом, и долго стоял, и дивился тому неописуемому видению. И явился мне тот муж, которого я знал, и сказал мне: «Иди, господин мой, к западным дверям со стороны Патриаршего двора и там увидишь чудное видение». И я пошел туда, и приблизился к церковным дверям, и поклонился до земли. И поднялся от земли и увидел, что двери церковные отверсты, и увидел Господа моего, сидящего на престоле, окруженного ангелами, и Пречистую Богородицу, надежду нашу и заступницу, стоящую справа возле престола, и предтечу Иоанна Крестителя слева, и святых пророков, и апостолов, и мучеников, и святителей, и преподобных, и праведных, многих из которых и я, недостойный, узнал, глядя на их святой образ. И видел святую Богородицу, молящуюся сыну своему и Богу нашему и кланявшуюся до земли.

И я, недостойный, от того ужасного видения был в великом страхе и трепете и прижался к одной из створок церковных дверей. И видел то страшное видение и слышал умиленный глас пречистой Богородицы, говорящей своему сыну: «О сын мой, Боже! Прими молитву матери твоей, пощади людей своих, познавших тебя, истинного Бога, и меня, мать твою, сын мой вселюбезный, и не ходивших вослед тебе и не исполнявших твоей воли. И ныне многие из них вспоминают свои грехи и хотят прийти на покаяние; отврати от них свой праведный гнев и помилуй их по многой своей милости».

И я услышал пресладкий глас владыки и Бога моего, говорящего своей матери: «О, мать моя вселюбезная, много раз ради твоих молитв отвращаю от них свой праведный гнев, но сильно досаждают мне злобой и лукавым нравом, ибо осквернили церковь мою своими злыми праздными разговорами и меня поносят, переняв от нечистых народов их мерзкие обычаи и нравы: стригут бороды свои и творят содомские дела, и неправедный суд судят и правых преследуют, и грабят чужие имения и многие иные скверные дела творят, их же ненавидит мой дух святой».

И надежда наша, Пречистая Богородица, склонилась к пречистым его ногам, источая слезу и моля, и Предтеча

поклонился с нею, и все святые с ними: «Помилуй, владыка, род христианский, пока они не обратятся и не избавятся от злобы своей и не придут на покаяние и больше не станут творить ее. Ибо ты, владыка, милостив, принимаешь кающихся».

И взглянул Господь на мать свою милостивым оком, и на Предтечу, и на всех святых и испустил свой пресладкий глас: «О, мать моя, не досаждай мне, и ты, друг мой Иоанн Креститель, и все мои святые. Не сказал ли вам, что нет правды в царе, и в патриархе, и во всем священном чине, и во всем народе моем нового Израиля, что не исполняют предания моего и заповедей моих не хранят. Много раз хотел помиловать их, о мать моя, ради твоих молитв, но они раздражают всещедрую утробу мою своими окаянными и позорными делами. Поэтому, мать моя, уйди с этого места, и все святые пусть уйдут с тобою. И я предам их кровопийцам и безжалостным разбойникам, да на-кажутся малодушные и придут в чувство — и тогда пощажу их».

И еще сказала мать его, госпожа наша Пречистая Богородица: «Неужели ты презришь матери своей прошение, о сын мой, прекрасный свет мой?» И тогда всемилостивый Господь тихим голосом сказал ей: «Ради тебя, мать моя, пощажу их, если покаются. А если не покаются, то не стану миловать их».

И тогда один из стоявших тут подошел и сказал мне: «Слышишь ли, раб божий, милость господа и матери его, нашей царицы, молитвы и прошения за весь род крестьян ский? Иди и поведай, угодник Христов, что видел и слыш шал, а что — ты и сам знаешь, и ничего не утаи».

И я, окаянный, от того ужасного и страшного видения затрепетал, и едва пришел в себя, и пробудился, лежа на одре, дрожал и не мог сказать ни слова. И говорю это тебе ради пользы, да поведаешь царю и патриарху и всем людям, что слышал от меня, недостойного. И Божиим именем заклинаю тебя, да не скажешь моего имени никому, пока Бог сам не позаботится обо мне.

Иное видение 7115 [1607]-го году, февраля в 27 день, ночью с пятницы на субботу, был назначен ночью стоять в царствующем граде Москве у соборного храма, у церкви Архангела Михаила на паперти голова Истома Артемьев сын Мыльник, а вместо него стоял сын его Кузьма, а с ним 6 человек сторожей из Овощного ряда: Абрамка Иванов да Васька Матвеев, Андрюшка Никитин, Первушка Дмитриев да Пер-вушка Матвеев, Гришка Иванов.

И те сторожа, Абрамка Иванов с товарищами, сказали окольничему и казначею Василию Петровичу Головину да дьяку Меншему Булдакову: «Как-де в пятом часу ночи в цер кви у собора Архангела Михаила, где лежат благоверные великие

князья, начался шум и великий говор, по счету го лосов с двадцать или с тридцать. А один-де из них читал по-книжному за упокой беспрестанно, но речей его и речей тех людей, что громко говорили между собой, нельзя было понять, и никого не было видно. И в ту-пору в церкви горела свеча.

А после того между ними начался смех, и один-де из тех голосов был низкий, а против него говорили все остальные. И один все читал по-книжному за упокой, а тот с низким голосом на всех крикнул, и они-де перед ним все умолкли. И после того в церкви начался великий плач, и во всей церкви в ту пору был великий свет. И как тот свет пойдет кверху, то осветит весь верх и всю церковь. А как свет пойдет книзу, то осветит мост церковный, а никого не видно и слов их не разобрать. И те разговоры между ними, шум и плач длились с пятого часа до седьмого. А те сторожа заглядывали в щели двух церковных дверей и сквозь замки, и всех сторожей в ту пору взял страх и великий ужас. А Истомин сын Кузьма в ту пору отходил от паперти прочь, и как он пришел, те ему сторожа про то видение сказывали.

«ВРЕМЕННИК» ИВАНА ТИМОФЕЕВИЧА СЕМЕНОВА

Автора знаменитого «Временника» — важнейшего исторического сочинения о Смуте — обычно называли Иваном Тимофеевым, однако недавно было установлено, что Тимофеев — это отчество дьяка, а настоящая его фамилия — Семенов. Наиболее подробную биографию автора «Временника» составил историк В. И. Корецкий. Известно, что Иван Семенов происходил из среды подмосковных служилых людей и начал свою карьеру подьячим в 80-х годах XVI века. Впервые в должности дьяка Семенов упомянут в 1598 году, причем к этому времени он служил в Пушкарском приказе, отвечал за состояние артиллерии и вообще военного дела. В конце XVI века Семенов занимал невысокое положение на лестнице чинов — в боярском списке 1598/99 года он упомянут в перечне дьяков, служивших «по приказам» лишь на семнадцатом месте. В 1603—1604 годах во время восстания Хлопка, когда в Москве были часты волнения посадских людей и поджоги, Семенов руководил борьбой с пожарами в районе нынешней площади Ногина. В 1604 году уже как дьяк приказа Большого прихода, Семенов взыскивал недоимки с помещиков, высылал «корм» имперским послам и крымским гонцам, милостыню афонским монахам. Дьяк ходил в поход против первого Самозванца, был в числе московских «сидельцев», когда под стенами столицы лагерем стоял Болотников, а летом — осенью 1607 года сам находился среди осаждавших, на этот раз — в войсках Шуйского под Калугой. С ноября 1607 года Семенов попадает в Новгород. Это назначение очень похоже на опалу.

В начале марта 1610 года Семенов оставил службу, но не вернулся в Москву, а вынужден был жить в Новгороде, возможно, по причине нелюбви завистливого царя Василия Шуйского к сторонникам его племянника — молодого, умершего 23-х лет полководца Михаила Скопина-Шуйского. Иван Тимофеевич Семенов пережил шведскую оккупацию Новгорода, именно в захваченном шведами городе он приступил к работе над «Временником», начатым около 1615-го и в основном законченным к 1619 году. В 1617 году Новгород был освобожден, и Семенов вернулся в столицу, два года служил в Астрахани, затем в Москве, в Ярославле и в Нижнем Новгороде. В 1628 году дьяк сумел оказать личную услугу правящему семейству Романовых при разборе жалобы елецких помещиков на боярина

И. Н. Романова, за что был щедро пожалован землями и до конца жизни пользовался располооюением отца царя Михаила патриарха Филарета. Умер Иван Тимофеевич Семенов незадолго до 28 февраля 1631 года.

Историк В. И. Корецкий дал точный портрет дьяка, сравнившего себя с мухой в огромном потоке событий, но не потерявшегося среди великих людей своего времени: «Он испытал царскую опалу, ненависть, клевету, служил под началом враждебно настроенных к нему людей, а затем шведских захватчиков. И когда, казалось, фортуна ему улыбнулась, его окружили почитатели его таланта и сам Филарет изъявил ему благосклонность, за это пришлось заплатить ценой пристрастного расследования и льстивой похвалы. Но там, где другие сгибались и подламывались, превращаясь в слепое оружие чужой воли и собственного своекорыстия, дьяк проявлял исключительную душевную стойкость, верность призванию, принимал все, что ни выпадало на его трудном и сложном жизненном пути, как должное, способствующее в конечном счете главному — его творчеству, его работе над «Временником»...»

«Временник» — один из первых опытов русской историко-философской прозы. Это нелегкое чтение, ибо автор не быто-писует, а распутывает скользкие узлы причин и следствий, связывающие свирепый и набожный нрав царей, алчность вельмож, продажность приказных дьяков, бедствия народных масс и военные потрясения. Дьяк Семенов не зря ведал пушкарским делом: и в литературе он вел себя как воин, не прятался ни за чью спину и везде высказывал свое собственное, личное мнение. Автор «Временника* объясняет события Смуты примерами из библейской истории, но его книга — не результат школярского начетнического рвения: его сравнения временного и вечного далеки от риторических заклинаний, они аполитичны, они подчеркивают несходство сходных вещей. Объясняя исторический опыт России, дьяк Семенов загадывает загадки и сам же разгадывает их. Это—обычные литературные притчи, но напряжение письменной речи Семенова столь велико, что мы уже не удовлетворяемся единственной разгадкой, но вновь и вновь возвращаемся к описанию жизни убогой бездетной вдовы — этому пронзительному символу сиротства нашей земли. «Временник» Ивана Тимофеевича Семенова публикуется с сокращениями.

О смерти государя царевича Димитрия Ивановича в 99[1591J году и о приходе крымского хана под Москву; и как Борис Годунов с боярам, воеводами и войском в обозе стоял против него; и как крымского хана бог победил и он из-под Москвы

побежал; и как Борис, взяв с собой бояр, ходил из обоза в Москву и мешкал в городе три дня, чтобы хан подальше ушел, а все войско дожидалось в обозе; и как спустя три дня, взяв все войско из обоза, ходил Борис из Москвы, сказав государю: гнался за царем до Серпухова и разбил его. Тут же о пожаре на Неглинной, устроенном Борисовыми поджигателями. Все происходило в одно время, в том же 99 [1591] году, в одни недели и дни

В то время, когда после семи тысяч шел 99(1591] год в самой благочестивой державе и когда шел седьмой год от помазания на царство преблаженного Федора Ивановича, государя всей Руси, по попущению божию, три несчастия тогда вместе случились у нас к нашему искушению. Первое — как бы убийственною рукою Ирода, неправедное заклание рабом незлобивого отрока царского племени. Второе зло — внезапный пожар от поджога, испепеливший большую часть всей столицы и дома богатых жителей, обильно наполненные всем необходимым, находящиеся на той стороне реки Неглинной. Кто не знает, как угли всех домов, от страшного огня обратившиеся в пепел, были развеяны по воздуху? Это было задумано тем же Борисом и сделано по его повелению: он не побоялся бога сделать это в самый полдень, когда солнечная теплота жгла, как бы свыше помогая неудержимому яростному пламени, показывая этим злобу виновника пожара. Знающие рассказывают, что тогда от ярости огня многие рождающие вместе с младенцами сгорели, потому что это было сделано внезапно, во время полуденного сна, помучительски, чтобы из них ни один не спасся; поджигатели, посланные тем повелителем, везде в одно время в разных местах зажигали огонь, так что жившим тут не было возможности куда-либо убежать. Третье зло — татарское нашествие самого, пришедшего с востока, нечестивого царя, осмелившегося дойти даже до внешних укреплений моего города, так что такой наглости никогда не бывало.

Итак, два бедствия произошли от властолюбца Бориса, а третье ниспослано по небесному смотрению, но и первые два случились не без промысла Божия. И хотя державный Федор, благочестиво и пресветло над нами царствующий, богател своими добродетелями, но не мог, при случившихся несчастиях, один покрыть своим избытком нашу скудость и недостаток в добрых делах; таким образом и бывает, что добродетель одного не может покрыть грехи всех людей и «никто не украшается чужими делами», как сказано в писании, но чьи труды, тех и дары; честь и венцы принадлежат победителям,— в божественных писаниях много подобного сказано для указания нам. Но так мы и убиение неповинного младенца-царевича, и напрасное истребление огнем

всего города, не желая, все перенесли, как бы ничего не зная, покрывшись бессловесным молчанием,— то этим попустили зложелателю до конца стремиться и к дальнейшему, как и теперь в наставших обстоятельствах мы, как немые, смотрим на случившееся. Об этом довольно.

А приход безбожного татарина и приближение его к царствующему городу было напрасным и для нас совсем безвредным ради явного заступления вседержавнон христианам на врагов помощницы, когда сын ее по ее ходатайств > исполнил молитву после святых своего угодника, «миропреподобного» государя нашего Федора, истинно верующем царя. Ибо он устрашил, я знаю, нечестивого и тех, которые были с ним, ночными чудесами: со всех каменных стен, ограждающих крепость,— громом пушек, разбивающих города, так как их слух не привык к этому — к огненной пальбе и громогласному, ужасному грохоту со многими отголосками, в дыме и сверкающем огне,—убивающим многих и звуком, до основания колеблющим землю и потрясающим небо. Из-за этого пришедшего царя объял трепет и страх, пройдя в его кости и душу, и он ночью со всем войском поспешил бежать назад, гонимый при всем его страхе невидимыми преследователями, так что после бегства в течение той ночи он оказался далеко от города, называемого Серпухов, по ту сторону быстро текущей в своем яростном устремлении славной Оки, которая всегда быстрым и глубоким течением своим, как преградой, препятствует наглому нападению на нас. Она от века премудро положена нашим создателем, как немалая защита от варваров, неудобная для перехода стена; она обтекает с юга, где она простирается, большую часть земли нашей и, опоясывая ее как бы поясом, течет быстро, обнимая отведенную ей меру земли, всячески всегда препятствуя врагам переходом чрез ее ложе нападать на нас; для них, кроме других трудностей, не безопасен был и переход чрез нее сюда и туда.

Татар, пришедших пленить нашу землю, мы отогнали от столицы не одним громом огнестрельных орудий, сильно устрашив их; но вместе с этим в то же время сотворено было тогда богом и другое чудо, так как в тот же час, когда напал на них страх, Бог вложил в мысль одному благочестивому воину, взятому в плен во время их прихода к городу и ими задержанному, обмануть их, когда они с принуждением допрашивали его: «Скажи нам,— говорили они ему,— ради чего видим мы в эту ночь в городе такое подобное молнии блистание из орудий и огненный бой, яростно против нас выпускаемый? Какая столице и затворившемуся в ней царю внезапно вдруг случилась радость?— сообщи нам!» Так они сказали ему и вместе

с этим вскоре и мукам его подвергли, хотя и не тяжелым. Он же, будучи благоразумен, зная по закону православия, что ради благочестия не напрасно в мучениях и большую претерпеть боль, укрепляемый Богом чрез доброго приставленного к нему хранителя ангела,— насколько скоро мог обнять умом то, о чем его спрашивали,— сшил словом разумно нужную для этого времени «грехо-простительную» ложь, полезную осажденным в городе для освобождения; уповая на Христа, он сказал врагам в надежде, что они этому поверят: «Радость в городе из-за того, что из западных стран, из земель Новгородской и Псковской, "согласно ранее посланным царем приказам, на помощь ему, соединившись вместе, быстро вошли в город многочисленные вооруженные войска, которых царь и жители города с нетерпением ожидали». Когда неприятели услышали это от сказавшего и вместе с известием еще более уверились в этом благодаря тому, что ночью видели они своими глазами,— то в ту же ночь, не дождавшись дня, устремились, как сказано ранее, в настоящее бегство. Они исчезли, подобно тому как обильно вылившиеся из облаков воды, как будто и не было их прихода и ухода. Об этом пленный узник, убежавший с дороги к своим, все подробно, будучи спрошен, нашему царю рассказал; к этому не забыл сообщить и то, что возможно было ему увидеть и что он понял из слов разговаривающих о делах за то время, когда он был у врагов.

Наше православное ополчение, все войско земли нашей стояло тогда на некотором месте вблизи внешних укреплений самого великого города, по ту сторону Москвы-реки; оно называлось попросту — обоз, а по древнему названию — «гуляй». По внешнему виду этот обоз был похож на деревянный город, сделанный из тончайших досок и для защиты верных имел устроенное подобно городским стенам ограждение, наподобие щитов. Каждая часть этих ограждений имела в длину меру в три локтя или несколько более, а в высоту — протяжение в одну сажень; эти части были сомкнуты друг с другом, как разные члены животных телесными жилами, а между собою связаны были скреплением железных цепей. А переход этого обоза с одного места на другое был устроен наподобие пешеходного движения: когда ему нужно было идти — он шел, а когда надо стоять — стоял. А двигался он на колесах; внутри по всей его окружности, как в колесницу, впрягались ослы, и силою их, везущих, обоз двигался на то место, на которое слово начальника над войсками и их расположением приказывало двинуться или где встать; а все животные в нем были совсем невидимыми для глаз вне находящихся. По объему же внутри он имел такую

величину, что и большую рать со всем для нее необходимым мог вместить в себе и затворить, и множество оружия, сколько было нужно. А для прямого сопротивления врагам выход на сражение нашим двигающимся в полках силам был свободен с каждой его стороны, потому что, смотря по надобности, когда наступление врагов было соразмерно нашим силам,— открывалась стена; если же нет, тогда они спешно отступают назад, под его защиту; они могли понемногу двигаться, недалеко отодвигаясь от стен, имея у себя за спиной как бы прилепленную к ней защиту, в то же время они имели возможность выходить и не выходить, по воле управляющих, в том случае, когда наступит удобное время; а отходят они от ограждения настолько, насколько наблюдающий за всем происходящим по своему разумению времени им укажет. Прочность же его внешнего строения такая: он может задерживать пущенные из лука стрелы, защищая от вреда, приносимого ими, и отлично притупляя их, но только их, а не иные, хотя бы и мелкие огнестрельные снаряды; тем более не может защитить от тяжелых орудий, начиненных сильно взрывчатыми веществами, выстрелы которых с многим огнем и клубами дыма подобны грому и страшному громогласному рыканию. Грозного приближения их, невидимо летящих по воздуху и разбивающих стены, сделанные из камня и железа, внешние тонкие стенки его совсем не выдерживают, и тем более крупных: тонкую постройку его (обоза) они легко разбивают, как стекло, или, лучше сказать, как построенную из песка. Но если даже это умелое строение было полезно только в определенное время и при одних обстоятельствах, все же оно бывает очень нужно в таких случаях, так как тогда такой щит охраняет от бед.

Непосредственные очевидцы говорят, что мысль о построении этого искусного сооружения вначале принадлежала одному князю, по имени Михаилу, по прозвищу Ивановичу Воротынскому. Им впервые придумано было это хитрое ускроение; он был поистине великий советник при царе и властно приказывал сделать то или другое, особенно же в военном снаряжении, на основании слова самодержца, подтвержденного врученным ему на это приказом с печатью. В военном деле он, сказывают, во всем был весьма искусен; он смог премудро сделать такую защиту для охраны православных воинов от вражеских стрел, частое уязвление которыми, подобное укусу змеи, приносит болезни; устроитель этот жил и при державе ранее бывших царей.

Во время указанного ранее ополчения против неверных в той ограде были собраны вместе все великие благородием, главные правители всей державы; между ними же был и первый правитель

дел, тот завистник, который с того времени и ранее стремился мыслью к царскому месту: проявление этого его желания видно и в скрытом образе и познавалось от дел, хотя и не обличалось. Все величайшие от древних времен столпы, которые и без него все, от малого до великого, снаряжение, необходимое для настоящего случая, могли бы устроить, бездействовали, еще ранее охваченные страхом перед этим властолюбцем; они возвышались над ним только именем и местом, но не властью, а по существу совсем не имели никакой власти. Подобно пчелам, когда они бывают около своей матки, они вокруг него проявляли чрезмерное прилежание, но он по природе был подобен льву, а они подчинялись ему из-за страха. Так один он преобладал над всеми ими, и тогда еще более усилилась над всеми его власть, честь и слава, так что и при самом царе все не боялись и не стыдились хвалить его чрезмерными похвалами, прославляя и возвеличивая его до того, что едва не сравнивали его с царем; от этого он еще больше укреплялся в своем желании. Око державного все это видело, и слухом он сам все это слышал, потому что божественная душа его не нуждалась для всего этого в свидетеле или обличителе; однако, что думал обо всем этом царь, — был ли он, по словам некоторых, вне плоти или в теле, слушал или не слушал,— ясно узнать об этом или изведать глубину царского сердца простецам невозможно; неузнанное осталось и непостигнутым,— каждый знал только, что благонравие не допустит царя до злобы. Когда же святые уши угодного Богу по плоти царя нашего, несомненно молящегося вместе с другими, в душе молящимися о царстве, не привыкшие принимать всякий ложный слух, получили достоверную весть о богопротивном царе, об отступлении его от города и для всех совершенно неожиданном далеком бегстве,— тогда тот любитель сана, с места, окруженного тем построенным вне города укреплением, называемым обозом, вошел не со всеми силами, а только с именитыми и великими, в город к нашему благочестивому царю. Все эти вельможи, сообщая патриарху и царю о поистине богоподобном отражении нечестивого хана, приписали все это человеческой славе, имея на языке славословие и умея истину претворять в ложь: они сочинили ложные слова, говоря, что именно Борис своим распоряжением отогнал нечестивого хана от царства; этой лестью они указывали на незлобие царя и робость других, а на остальных не обращали внимания; эти лжецы хотели быть в милости у этого любителя славы и получить от него в награду всякие суетные блага. И когда он, с помощью прислуживающихся льстецов, достиг желаемого, тогда все хранилище царских сокровищ, как обладатель, радостно, как бы

играя и скача от веселья, потому что его хвалили, приказал отворить и сокровища вынести и, неограниченно награждая всех бывших с ним в укреплении, прежде всего удовлетворил своих словоласкателей, которые поощряли его смелее стремиться к конечному выполнению его желания, а потом наградил по чину и военных ратников настолько, насколько в поспешности успел.

Ради утверждения своей славы и раздачи незаконных наград, он, после бегства от города нечестивых татар и своего возвращения в город с места ополчения, три дня промедлил в городе. И когда он хорошо узнал, благодаря извещению, что хан бежал и не возвратится и что он за эти дни в последнем своем бегстве достиг города по имени Ливны, тогда этот славолюбец, найдя в царствующем городе еще многих, ласкающих его желание и получивших от него награду, замыслил и даже сделал следующее: приняв напрасную славу от людей, к первой ложной своей славе и новую приложил: отправился преследовать того хана, как ветер, что делают обычно одни неразумные, допустив его уйти вперед из-за своего ненужного и нарочного промедления в городе. Да как бы он и не отпустил его? Против него он, лживый храбрец, не мог во все время осады встать неогражденным! Он не захотел, не входя в город, тогда же преследовать его из своего защищенного места, называемого обозом, пока тот еще не убежал далеко,— тогда храбрость преследователя бежавшего была бы очевидна. Он тогда не погнался за тем сразу потому, что видел свою трусость и знал, что если бы убегающий почувствовал преследующего за своими плечами, тогда, возвратившись, разбил бы непременно преследующего. О таких сам Господь всех в Св. писании сказал: «Блю-дитесь от псов»,— и в другом месте: «Да не разорвут вас, возвратившись».

Но гоняющийся за славой не отложил своего скрытого намерения и, промедлив три дня в городе, ополчился опять и, поспешно собравшись на показ людям, вышел вслед за упомянутым ранее ханом и дошел до города Серпухова, а тогда едва уже слышно было, где находился тот, кого он преследовал. Таким образом он страхом омрачал разум людей; а мы и в этом повиновались ему молчаливо, как и в других случаях. Возвратившись в царствующий город из этого притворного преследования, он опять начал прославляться похвалами, а правильнее сказать — омрачаться льстецами: как паутина, плелась ему одежда славолюбия, ложь о победе его над ханом,— будто бы в том преследовании хан был побежден им. Но как поистине могло это быть, когда он, преследуя, и не слышал, а не только не видел его, разве только узнал о нем и поверил слуху, что он действительно ушел туда, откуда пришел, неся в себе

непрекращающийся страх от того, что слышал и видел у города, когда стоял у его стен, а не ради «преследующего ветер»?

После возвращения гонящегося за славой из преследования варваров льстецы плели ему хвалу за хвалой, особенно же говорили, что именно он от царствующего города прогнал сыроядцев и, преследуя, преславно победил самого хана. Таким образом, ложную славу на многих хартиях с царскими печатями они разослали по многим городам Российской державы, наполняя слух внимающих сочиненными ими лживыми измышлениями, всячески усердно побуждая всех людей к одной мысли: что он желает всех их любить,— чтобы не иное что, а задуманное этим наострителем исполнить и чтобы ему видеть себя не в мечтах только помазанным на престол всей славы. Почти явно и откровенно — словом, в посланиях и речах — это о нем распространяли, чтобы все живущие самостоятельно в тонком прикровении это о нем думали, а в самом царствующем городе всякими словами побуждали людей к тому же одному, указывая им на одни его добрые дела, кроме противоположных, всех склоняя к единодушной любви к нему. А тех воинов, которых прежде своего похода и вышеупомянутого трехдневного в городе пребывания он не успел вместе с прочими в спешке тогда наградить дарами, этих по возвращении еще больше различным образом обогатил, увеличив награды, как бы лаская всех за то, что ими побежден богоборный царь. Ради этого им роздана была различная мзда: одни были опоясаны славой сана, другие награждены чинами начальствования, третьи посажены властителями, чтобы повелевать другими, иные награждены изобильно золотыми деньгами, иные — множеством серебряных, иные получили сделанные из серебра и позолоченные сосуды, иные — прекрасные и дорогие одежды, иные — богатые имения. И всех, с ним бывших, всячески одарил, так что все одаренные им очень удивлялись такой наглой его щедрости. Смеясь в душе, они говорили: «Мы не знаем, ради чего мы даром получили такие большие подарки, каких прежде много раз в службе раненные или даже положившие свои головы в смертных боях и даже знаменитые по происхождению не получали, да потом таких наград не может и быть,— это явное чудо!» Правду всего этого все понимали, но скрывали это понимание в себе не потому, что получили это суетное богатство, но потому, что видели, ради чего опустошаются царские ризницы: чтобы заранее все, как рабы, были им закуплены н для получения желаемого награждены. Так и случилось: если что и неестественное сделанное им увидят, о том беспрекословно умолчат; это и было, так как они пред глазами имели, как обличителя, эту обильную

предварительную взятку, принятую ими в руки, и от этой мзды онемели их языки и закрылись уста, а все наши чувства главным образом от страха ослабли.

Но честолюбивый Борис под видом веры, ради явленного тогда богом истинного чуда, на обозном месте, где стояло православное ополчение всего войска, построил новый каменный храм во имя пресвятой богородицы, по названию Донской, и устроил при нем монастырь, по виду ради богоугодного дела, а по правде — из-за своего безмерного тщеславия, чтобы прославить победой свое имя в будущих поколениях. Как в других подобных поступках он понят был, так и в этих, потому что на стенах храма красками, как в летописи,— что приличествовало лишь святым, изобразил подобие своего образа. В этом его скрытом лукавстве из лести послужили ему в нужное время святители из духовенства: их сокровенные побуждения, и лесть, и лукавство обнаружились потом наставшими временами. После построения и освящения церкви и после устройства монастыря он назначил в годовом круге определенный день, в который совершилось то победоносное и святое происшествие, и указал первосвятителю установить и узаконить обязательное хождение туда с крестным ходом и с честными хоругвями из года в год, как в настоящее время, так и в следующие года. И во дни жизни повелителя это повеление исполнялось исправно, а что было после — будущее покажет и известит.

О пострижении Борисом царицы Марии, матери царевича Димитрия, после его смерти и ссылка ее из Углича

Надо сказать, что после убиения святого царевича подражатель Ирода Борис не удовлетворился только кровью одного его, но и родительницу неповинно зарезанного отрока с ненавистью одел в монашеские одежды и против ее воли поселил в некий монастырь, находящийся в удаленных от этого места пределах, в месте пустом, непроходимом и безводном, лишенном всякого телесного утешения; и приказал заточить ее там в бедности, лишив того, что необходимо телу, и не только всего этого самого нужного, но и, по сравнению с рабами,— даже пищи, сосудов и одежд и прочего, что необходимо было дать. Бывшую соправительницу того мирообладателя окружил во всем всевозможными лишениями, как жену простого мужа, совершил как бы второе после сына убийство его матери. Таких нужд не терпит и ничтожнейшая чета рабов, а тем более вдовы таких царственных государей. Ту, которую он убийством сына оскорбил, ее же, кроме этого, и в требуемом ограничил, причинив ей в жизни двойную печаль, но зато и себе приготовил муку, гораздо большую той. Если бы даже, убив сына, он предоставил ей

полный земной покой или если бы он — телесный враг ее — даровал ей все блага земного царства, которые немного ранее все находились в ее руках и были от нее неотъемлемы, разве все это могло сравниться с погублением царской души и разве бы тот тленный земной покой мог утолить такую печаль ее о сыне? Здесь ее не могла развеселить никакая радость, тем более присоединение лишней досады к материнской скорби об убийстве. В таких недостатках она прожила там от насильственной смерти сына — его убиения в 99 [1591] году до года 113 [1605], когда после смерти ее мучителей возведен был на царство Расстрига; потому что им она оттуда с честью опять возвращена была, как бы из Египта в обетованную землю, в царствующий город, когда он, домогаясь царства, злонамеренно назвался ее сыном. Но об этом подробнее будет рассказано в своем месте и порядке.

Где те, которые некогда говорили, что Борис неповинен в убийстве царского дитяти и что он не завидовал ему как наследнику царства? И ужели его повеление о законопреступ-ном убийстве не обнаруживается из того, что его злоба не потерпела тех многих граждан, которые во время убиения подняли свои руки на убийц и не пощадили их? Ибо одних, за такую их дерзость, что они убили убийц царевича после его заклания, он пытал и предал различным мукам; других — после мучений отправил в заточение в западные земли, где солнце, заходя, садится, а иных уморил всякими бедствиями и оковами, когда они тяжелым путем шли туда. И если бы они не против его воли поступили так с убийцами, то и он вместе с ними так же бы поступил с убийцами государя,— он имел полную власть на то, чтобы не только их замучить, но и родственников их справедливо наказать, если бы не было от него повеления с их противниками так поступить. Род и племя убийц царевича, которые исполнили его волю, он не только не предал казни или чем-либо немного наказал, но, найдя всех их, руки их наполнил наградами, имениями и многими дарами. Он тем, и не желая, показал миру свое действительное сожаление об убийцах, когда ради этих самых убийц, родных их, достойных казни, сделал богатыми. Для находящихся в стране были такие законные и справедливые обычаи: ради достойных дел родственники лиц, прославившихся победами и благочестиво умерших, должны были получать подобающие дары; а он, в противность этому, награждал племя, делавшее зло, а тех скорых мстителей из народа, которые не стерпели зрелища убиения своего господина и, не считая кровавое мщение злом, отомстили убийцам за неправду,— их по злобе осудил на далекую ссылку. О, какая тьма мрака ослепила

его разум, запятнанный убийством, которое он считал скрытым! Как велико было и наше несогласие, происходящее от робости и бесчеловечия, допустившее его до этого! Этим мы сделали его дерзающим и на прочее.

«Господоненавистная» жестокость повелителя убийства Бориса к убитому им младенцу и после его смерти была такова, что он не совершил достойного и тщательного расследования об убийстве убитого, которое было бы проведено строго, с пытками, и не захотел даже приравнять к тому расследованию, какое было произведено о смерти нечестивых государей, которые некогда, при державе Федора, пришли для служения ему в нашу землю от язычников: с востока — сына татарского царя, а затем с запада — двух сыновей латинских королей, которые здесь умерли от Бориса же причиненною им смертью. В отношении же царства и всякого господства он был так завистлив ко всем окружающим сверстникам своим, особенно же к тем, которые были благороднее его, что ни одному из них, кроме себя, не дозволил касаться этого ни делом, ни словом, ни мыслью и ради этого в первые годы своего управления удалял от царя знатнейших себя по происхождению и рассылал их в концы земли.

О Богдане Бельском

Об одном из многих злодеяний, которое было совершено им в конце его жизни, здесь я немного и кратко расскажу. Был некто, по имени названный Богдан, из всего царского синклита самый близкий и главный советник при глазах преславного царя Ивана, — едва ли в царстве и были многие по благородию славнейшие его; он был больше всех любим царем за угождение: сердце царя всегда к нему жадно стремилось, и глаза свои он неуклонно всегда обращал на него, раненный срамной стрелой тайной любви. В одно время с ним близок был к царю и тот Борис, но первый в славе много превосходил второго, хотя он тогда еще и не был увенчан славой высшего служебного звания; а второй потом превзошел первого на ступенях царства, как бы ногами встал на голову первому и, благодаря брачному союзу с царским племенем, стал выше его. Прошло время, и цари изменились, и произошла перемена во власти правящих и ниспровержение Борисом первых в царстве, по принятому им обычаю; жизнь того, о ком здесь начата была речь, продолжилась до того времени, когда Борис воцарился. При великом царе Федоре, имея всегда общение с великими по благородию и будучи ничем не ниже по сравнению с прочими, а в иных случаях и превышая их, он от

Бориса получил к прежней чести своего имени некоторое немалое приложение, так что немногим чем не достиг в мирской славе высокого чина великих. До этого, после смерти чрезвычайно любившего его царя, он много лет жил вдали от царского города в своих имениях, удалясь от молвы мира ради начавшейся из-за него тогда в царстве смуты. Переезжая из села в село, он там проводил все время с домашними в покое и изобилии, только не видел очей подобного святому царя Федора, не был участником всегдашней славы его и тех, кто вместе с ним управлял, и не получал вместе с ними той же чести. Во время же его пребывания в сельских местах он получал такое содержание от того же Бориса, что все пожелания чего-либо нового из земных благ, как во сне, в нем утихли и уснули, и всякая молва о нем в городе прекратилась. После смерти первого царя, сын его тогда, как новый царь, укреплялся и утверждался на царстве, а при нем и вельможи, близкие к нему, обновлялись, и все приближенные царя переменились, укрепляя прежде бывшее; ибо из-за царей тогда много было разногласия в земле среди людей. Но возвращусь опять в рассказе к тому, где я оставил слово недоконченным.

Когда же тот Вельский тем же Борисом послан был на обычную службу в некоторый город, соименный Борису, находящийся на востоке, откуда солнце нам восходит,— оттуда ложным доносом тому оклеветали его, приписав ему самое большое — желание царства, когда и у самостоятельно правящего Бориса уже было готово такое мнение о нем. Гнев в нем был скрыт так же, как курится дымом скрытый внутри какой-нибудь не разгоревшийся огонь; поэтому он поверил клеветникам, а еще более утвердился в своем мнении и оклеветанного прежде всего лишил должности,— изгнал бесчестно из среды верховного правительства и вовсе отобрал все его многочисленные приобретения со всем прочим. У того было много дорогих вещей, потому что известно, какое положение занимал он прежде при царях, это — во-первых; во-вторых, он приумножил их, потому что благополучные годы жизни не без пользы провел при славе царей, — тогда богатство его увеличивалось день ото дня и никогда не знало ущерба. Когда же он лишен был славы, властвующий назначил ему в наказание позорную казнь, установленную городскими законами, какою по городам казнили злодеев, разбойников и взяточников; и другие бесчестнейшие поругания и срам по воле повелителя ему причинили, и был он послан в заточение в далекие места. Знаю, что, устрашая этим других, то же думающих, он полагал, что, совершая все прочее, неудобно поступить с ними так же, как с этим, особенно с теми, которых он

— великий — боялся.

Не один из таких же, как и тот, ранее названный, был оклеветан перед ним, но и другие к нему были приплетены, обвиненные в подобных замыслах, и их также, после пыток, лишив всего имущества, объятый на них яростным гневом за первого, разослал он в разные страны. Там, заключенные в темницах, они пробыли много времени, а некоторые из них там же в такой нужде приняли и смерть; для прочих же и для ранее названного Богдана Вельского причиной возвращения назад из ссылки были смерть правителя и разрешение того, кто его низложил, а именно — пришедшего на царство Расстриги. А когда этот того, как козел рогами, забодал и с престола свергнул, — о чем в другом месте больше сказано,— те, которые понесли бесчестие и приняли раны вместе с первым пострадавшим, возвратившись опять к себе, от Расстриги получили на земле жизнь лучше прежней: названный первый между пострадавшими получил тогда полную честь — звание высшего сановника, а вместе с ним страдавшие получили и чины и почести, каждый в соответствии с возрастом. Не было бы никакой нужды здесь с прочими сказаниями это описывать, но (это сделано) ради обнаружения многих злодеяний Бориса (...>.

О перенесении мощей св. царевича Димитрия

Василий, который после других был над нами царем и некогда до своего правления лжесвидетельствовал из-за страха перед убийцей о смерти св. младенца, потом сам же во время своего царствования был виновником обретения его мощей и, вынув их из-под земли, из-под земного спуда, из места изгнания перенес в царствующий город, истинное того отечество,— и не так бесславно, как совершилось при мучителе его страдание и погребение, но весьма торжественно и с многою честью, как подобало святым. Первосвятитель Гермоген, великий патриарх всей России, со всем собором следуя за иконами на встречу нового мученика, а также и царь во всей своей славе, а за ним в порядке и все его вельможи, потом бесчисленное множество народа, обоего пола, старые люди и молодые, мужчины и женщины с младенцами,— такой встречей почтили страстотерпца и нового мученика. Царь с подчиненными, встречая царя, убитого из зависти к царству, как нового Глеба Владимировича,— ибо оба в различном возрасте из-за одной причины, из зависти к царству, приняли горькую смерть,— этот от брата, а тот от раба,— при встрече испускали различные соответствующие возгласы,

восклицая: как поневоле, из-за убийцы, мы не удостоились присутствовать при твоем погребении, хотя сердца наши тогда и были снедаемы тайною болью, так теперь все мы свободно и по своей воле встречаем тебя; после смерти твоего мучителя ты, по воле благого Бога, удостоил нас, чрез перенесение мощей, своего возвращения к нам и пришел к нам, чтобы мы этой встречей, как следует, дополнили твое,— наш новый страдалец, младенец-мученик, сотворивший дивное чудо в наши дни,— достохвальное погребение. Итак, иди, незлобивый, невинный, принесший себя в жертву Богу, не познавший греха! Возвратись, приди к своим, и свои примут тебя, ибо вот мы теперь по желанию с любовью встречаем тебя, радуясь тому, что ты не оставил нас сиротами, и плача о том, что из-за страха перед твоим губителем не удостоились быть очевидцами твоего страдальческого погребения! Тогда мы закованы были как бы в адские узы, а теперь при встрече, опять обратив лица к городу, следуем за твоими мощами! Это вмени нам взамен того, что мы по нужде из-за страха не удостоились быть на твоем погребении,— сегодняшним восполни наши недостатки!

Он же, незлобивый, так как младенцам свойственен незлобивый нрав, как бы послушно и скоро склонившись душою к молитве своих рабов, дойдя до общего, удобного для погребения места, где были положены его предки, а именно — храма преславного в чудесах архангела Михаила, где вместе, в недалеком друг от друга расстоянии расположенные, погребены были тела его бывших правителями сродников,— встал, увенчанный за победу, на богом уготованном для него месте, как утренняя звезда на востоке, от запада пришедшая. И положен был выше земного праха, обагренный своей честной, добропобедной кровью, готовый к суду, той кровью обличающий своих врагов: во-первых, самого убийцу, потом тех, которые присвоили себе его святое и несравнимое имя, и всех, вместе с прочими разоривших его царство. Ибо пятнадцать лет прошло со времени его смерти до его возвращения в отечество; после своего страдания он там был в земле, и за такое время тление не смело прикоснуться и к его — святого младенца — одеждам, и к его освященному телу, кроме взятой тлением части его по общему закону, как некогда огонь печи устыдился трех отроков. Что может быть достовернее — для суждения о невинности убитого и о зависти убившего — источаемых им при этом чудес?

Не малым указанием на убийцу является и это: мы видим теперь страдальца в гробнице не в погребальных белых одеждах, как следовало бы по закону, но в тех, которые были на нем во время убиения святого, обагренных тогда его кровью, в которых

он и в земле немало лег пролежал; и при перенесении ни первосвятителю, ни царю святой Димитрий не вложил мысли, чтобы переменить их, потому что спешил явиться так пред лицо судьи вселенной для обличения своего убийцы и старался в них предстать на суд. Они, обагренные его добропобедной кровью,— безмерно драгоценнее самой царской порфиры; порфира эта не чужая ему, но, как некогда Иосиф, он снял ее и бросил тому властолюбцу, как тот — сластолюбивой египтянке. В гробу число одежд его было такое: одна, которая обычно при жизни его надевалась после первой на сорочку, была подпоясана, затем две, одного качества, сотканные из белой ткани, которые надевались прямо на тело, сорочка и штаники, покрывающие нижние части тела до ступней; сверх них, кроме этого, сапожки с обувными платками, вид их темно-красный, а шапка на честной его главе из-за недостатков моего зрения мною забылась, не знаю, была ли она тут с прочими вещами или нет. Замечательно и то, чем занимался он во время его убиения: тогда и прежде не царством он занимался,— чего боялся Борис, чтобы он потом, предупредив, не похитил его,— но занятие его по всему было младенческое: потому что в гробнице, внутри ее, у святой его груди хранились орехи, тогда у него бывшие, обагренные при убийстве его честной кровью, самостоятельно и обычно выросшие, притом дикие, а такая младенческая пища уже по самой природе своей не указывала на зломыслие. Так, уже вещами, перечисленными и бывшими при нем, всем ясно указывалось, что этот святой стебель царского семени и отрасль незлобия ныне в радости святых ликует с такими же незлобивыми, убитыми в Вифлееме Иродом; он в день суда божия ожидает себе большего оправдания. А мы понуждаемся довершить начатое в ранее рассказанных очерках, начиная с того, где мы остановились.

О избрании Бориса на царство в Но-водевичьем монастыре и об его воцарении, и как ради него в этот монастырь ходили с крестным ходом, а после смерти Бориса перестали ходить; и о Серпуховском походе Бориса в [7J106 11598] году, как ходил он против хана татарского, и о том, как при царе Федоре Ивановиче и Борисе льстецы строили церкви и писали иконы во имя их ангела

После этих прежде прошедших событий, в [7] 106 году [1598] седьмой тысячи лет от сотворения мира последовала смерть истинно самодержавного государя царя и великого князя Федора Ивановича всея России, окончившего, по примеру Давида, кротко свою жизнь среди совершения добрых дел, умершего прежде времени и насильственно от рук раба,— ибо многие думают о нем, что преступивший крестную клятву раб ранее положенного

ему Богом предела жизни заставил его почить вечным сном, возложив на царскую главу его свою рабскую скверную руку убийцы, поднеся государю смертный яд и убив его хотя и без пролития крови, но смертельно, как ранее и отрока — брата его. Смерти же самого царя он втайне рукоплескал, видя, что все люди из трусости молчат об этом, и, немилосердно палимый своей совестью, скрылся из царствующего города в лавру — место пострижения своей сестры, ранее бывшей супругой того упомянутого прежде царя. Это удаление задумано было им с некоторой коварной мыслью и ради трех причин: во-первых, он опасался в сердце своем и хотел лучше узнать, не поднимется ли против него вдруг восстание народа и не поспешит ли народ, вкусивший горечь жестокого плача о смерти царя, убить потом из мести и его; во-вторых, если вскоре не вспыхнет в народе пламень такой ненависти, он, исполненный надежды, будет действовать без стыда; а в-третьих, он увидит желаемое: весь ли народ и с каким усердием изберет его в правители себе, и с какой любовью согласится идти за ним, и кто кого станет предупреждать об избрании его или пренебрегать этим, чтобы в прочих случаях иметь возможность вносить раздвоение в царствующем городе,— одних за старание любить и награждать, а других — ненавидеть и томить мучениями. Все это он желал узнать обо всех хитростью, чтобы потом, получив великое царство, старающихся для него — возлюбить, а пренебрегающих, гневаясь на них,— замучить. А в городе он оставил для этого вместе с вельможами своих людей, избранных из его же рода, и с ними многих ему помощников, так что везде среди народа были его слух и око.

После этого лукавого удаления из города в лавру, утром, когда день только начинался и солнце стало освещать своими лучами вселенную, все его наиболее красноречивые почитатели не поленились собраться и, составив льстивую просьбу, тщательно написанную на бумаге, по времени удобную для подачи ему, а в будущем губительную для душ, желающих всего суетного, поспешили во двор самого архиерея и подняли его и всю поклоняющуюся кресту часть кафолической церкви со всеми прочими и в порядке устроили выход в белых священных облачениях, как бы для совершения всеми вместе святительского молебна. С ними и все люди от старцев до юношей пошли из города со святыми иконами к обители, месту, где льстиво скрывался превозносящийся славою, как в берлоге какой-нибудь дикий зверь, показывая вид нежелания, а в действительности сам желая поставиться и быть нам господином, что и исполнилось после недолгого упрашивания: ведь где сильно желание, там принимается и прошение. А день этого прошения был тогда во

вторник сырной недели.

И когда пришли все со святыми иконами в лавру, виновник этого вышел также со святыми иконами и там находящимися священными и простыми людьми навстречу общегородской святыне. Когда все вошли в церковь и сотворили там обычное молебное пение, по окончании его все носящие священное имя и великие мирские вельможи вместе с архиереем, а за ними все чины царского великого управления и весьма многочисленный простой народ, малые вместе с великими, начали жалостно с плачем умолять и, указывая на свою беду, всячески долго понуждать Бориса, да склонится он к общему молению, не оставит их сиротами и да будет царем всему Российскому государству. К этому каждый присоединял свои соответствующие его желанию слова увещания, способные заставить умоляемого согласиться на просимое, думая привлечь его к себе этими словами и стараясь превзойти друг друга рвением. Средние же и все меньшие люди непристойно и беспорядочно вопили и много кричали до того, что от этого крика расседалась их утроба и лица их были багровы от усилия, и те, кто слышал этот шум, затыкал свои уши,— такая была лесть ради человекоугодия. А он, скрывая свое желание, всем вместе отвечал, что он никак не осмелится на это, и так говорил: «Не будет этого!»— и клятвами подтверждал им это слово. А просящие еще сильнее побуждали его словами, присоединяя к просьбе новые многократные просьбы, и понуждали людей усиленно вопить, все вместе покрывая этим желание умоляемого. А он и опять не повиновался им, потому что не хотел быть умоленным скоро, чтобы из-за скорого забвения ими пролитой крови не раскрылось дело его желания и все из слов не поняли бы его обмана; ибо от малого обнаружения ясно обличается и обнажается сердечная тайна и всякое скрытое намерение. Он же, видя такое всех усердное его упрашивание, опять скрывая свое желание под несогласием и как орел еще более высоко и безмерно возгордясь, обманывал людей новыми являемыми им действиями. Он держал в руках тканый платок, чтобы отирать пот; в прибавление к своим клятвам для далеко стоящего народа, который из-за крика прочих не слышал его слов, он, встав на церковном крыле против входа в западные врата, на высоком месте, так что все могли его видеть, обвернул этот платок вокруг своей шеи,— близ стоящим, которые могли слышать человеческий голос, этим он говорил, а дальним на этом примере давал о себе понять, что он из-за этого принуждения готов удавиться, если они не перестанут умолять его. Показав тогда всему множеству людей такое крайнее притворство в своем несогласии, он этим самым заставил доверчивых вполне поверить

ему, но никак не прочих, так как они стояли выше в понимании улов-ляющих сетей его обмана. Но что принесло это понимание? Хотя и понимали, но не могли предотвратить допускаемого Богом, потому что Бог по своему усмотрению попустил этому, как и другому, совершиться. О том, что случилось впоследствии, скажем после, а сейчас возьмемся за то, что говорилось выше о ранее упомянутом Борисе. После того как прикладыванием платка он показал, что готов удавиться, он убежал из церкви в мрачные жилые покои монахини-царицы, которая была ему сестрой, как бы сильнее показывая свое несогласие, а зрением точно и твердо уверившись, что умоляющие не уйдут из лавры, не получив от него просимого. А умоляющие, увидев, что умоляемый как будто и вправду непреклонен на их просьбы, двинулись вслед за удалившимся и взошли после просьбы в комнаты пред лицо госпожи, думая там принести и ей усердную мольбу,— чтобы хотя она склонилась к их просьбам и своим повелением заставила брата согласиться на просьбы умоляющих, а вернее на совершение его желания. Кроме того, некий отрок, не знаю кем-то коварно наученный — самим ли хотящим или сторонниками его,— как ложный проповедник, был посажен против келий царицы и живущих там монахинь на зубцах стены, устроенной для защиты храмов монастыря и ради смирения этой инокини; подняв его высоко на те зубцы пред самыми окнами государыни, этому юноше будто бы от лица народа приказали кричать как бы в уши ей. Крик этого отрока согласован был с мольбою просящих и покрывал все голоса народа; затворившейся добровольно в темных кельях он кричал одно и то же: да разрешит она брату ее быть царем, поставленным для управления всем народом; то же самое, не переставая, кричали еще и они. Он кричал так, что этим еще больше обличал желающего, потому что многим уже было стыдно слышать такой нелепый и неумолкающий крик. И если бы этот бесчинный и громкий крик юноши вблизи неприступных келий не был приятен и не совершался по воле желающего, то он бы не посмел к этому месту и приблизиться, и смотрящие на него не терпели бы этого так долго, потому что и средние люди не переносят и не дозволяют происходить подобному, тем более не позволили бы ему, если бы они увидели, что происходящее делается без всякого приказания. Вот ко всему прочему еще большее обличение хотящему.

Вскоре все просители вышли со многим веселием из палат сестры виновника, как будто чем одаренные, получив от обоих, от сестры и от брата, обещание исполнить просимое. Хлопая руками от радости, они приказали ударить во все церковные колокола, громким голосом объявляя об этом многому собравшемуся для

прошения народу; и отпев опять усердно молебен о прибавлении лет жизни желающему поставиться новому царю, когда люди также дали обещание повсеместно совершать молебны о новом царе, поручили поспешно то же посвершать во всем царстве указами с приложением печати. После этого давший обещание, много не медля, из лавры опять возвратился в город. А о тех, кто ради угождения говорил возвышающемуся льстивые свои слова в лавре при упрашивании, невозможно рассказать не только из-за их множества, но и из-за стыда,— ибо он, ублажаемый хвалами и ложью, усладил себя и привык утверждаться на них, как на ветре, — о таких сама истина сказала: «Горе, когда люди скажут о вас хорошо» и ублажающие вас льстят вам и прочая.

А он презрел силу сказанных Богом слов или не знал их, потому что совсем был неискусен в этом, так как от рождения и до смерти не проходил путей буквенного учения. И чудо,— так как впервые у нас был такой неграмотный царь. А о прочих, кроме этих, худых, его делах, больших, чем те опасности, которые испытывают находящиеся в море, пространнее узнается из следующих событий, о которых будет рассказано, и именно о том, как он, обольстив всех, поднялся на самый верх земной части, подобно тому, как бы на небо от земли, и вступил на престол царства одним шагом, сделав своими рабами благороднейших, чем он, занимавший ранее среднее место по роду и чину. И если, будучи рабом, он дерзко совершил этот захват высочайшей власти, сильно согрешив, все же даже и его враг не назовет его безумным, потому что глупым недоступно таким образом на такую высоту подняться и совместить то и другое, если другой такой захватчик и найдется среди людей. И этот «рабо-царь» был таким, что и другие славнейшие и гордые в мире цари, обладающие державами нечестивых, не гнушались им, как рабом по роду, и не пренебрегали, потому что он имел равное с ними имя владыки; и слыша, что в земных делах он полон справедливости и благоразумия, не избегали братства и содружества с ним, как и с прежде его бывшими — благородными, а может быть даже и больше. И то дивно, что хотя и были у нас после него другие умные цари, но их разум лишь тень по сравнению с его разумом, как это очевидно из всего; ибо каждый как будто перелез чрез некоторую ограду, нашел свой путь к погибели. И пусть никто не ловит меня на этих словах, что будто я сочувствую славолюбцу, так как в одних местах я его осуждаю, а в других, где придется, как бы восхваляю; потому что делаю это не везде, но лишь здесь, сравнительно с ними правильно оценивая разум его и прочих, не различая их; в других же местах, как и в этих, обвиняя, не терплю низложения им путем

убийства наших владык и завладения их престолом; кроме же этого, все прочие того дела, добрые и злые, относящиеся к лицам и для нашего рассказа доступные, не скрыты, но не все,— а за исключением некоторых — сокровенных.

Был у него такой обычай выступать против воюющих противников: когда они не выходили на бой, он тогда выступал против них; когда волки не вредили овцам, он, показывая себя как бы храбрым, только свистом призывал их на себя; а когда свирепые бесстыдно начнут на смиренных нападать, он остается и не выходит из каменных стен, как расскажет об этом следующее повествование и как уже прошедшее показало.

После его великого избрания и после собственного его желания быть на высоте царства, не скоро, а осмотрительно тогда садится он на престол, промедлив около года и дождавшись ранее еще самодержавным и блаженным царем Федором отправленного на восток посла,— ходившего к татарскому хану. Этот, придя из посольства, известил его, что хан не придет на Русь; тогда избранный нами и имеющий быть у нас царь, твердо уверившись, что хан против него не пойдет, собрав большое войско, славно начинает свое выступление. Собрав войско только против имени хана, не намеревавшегося тогда воевать против нас, наш царь, дойдя до города Серпухова, встал на берегу реки Оки и там со всеми своими силами задерживается на целых два месяца на одном месте, не выступая далее. Между тем послы хана, не зная о его выступлении и тут стоянии, пришли за первыми, по принятому обычаю, как и прежде иногда случалось между владыками, послам вместе с послами или, делая наоборот, особо приходить. А он, показывая перед ними вид своей храбрости и свое притворное устремление, в царском блеске при многолюдном собрании говорил, что он готов воевать против их царя, и ради устрашения пришедших татарских послов показывая снаряжение войска и многие огнестрельные, как гром, стреляющие орудия, приводил их этим и прочим в ужас. Тогда же он, для удивления их, показал им и свой походный, искусный, подобный белой льняной ткани и по виду как бы снежный город, далеко в обе стороны простирающийся в длину и ширину; по виду все его устройство подобно было городу и имело много ворот и по стенам башен, величина же площади его была равна окружности четырех стен, и, видимый издалека, он был подобен созданному из камней городу, как бы внезапно очутившемуся на пустом месте; некоторые о нем говорили, что он может проходящих мимо его дорогой при первом взгляде испугать неожиданностью, а потом и удивить. Внутри же себя он имел помещающегося там самого царя во всей его красе и

водворяющихся с ним всех вельмож и содержал в себе все, что было нужно для его телесных потребностей, со служащими при них. А все войско, около и вокруг его стоящее, украшали цветущие растения, зеленеющие и разнообразные по цветам. С этого места повелитель наш отпустил иноверных назад, чтобы они, вернувшись к себе, обо сеем виденном ими рассказали в своем царстве. И, проведя там два месяца, он, как фараон, со множеством колесниц и всадников, возвратился со своей лживой победой в великой славе в царствующий город, желая еще более заставить всех, не понимающих его хитрости, полюбить его.

Возвратясь, он промедлил с завершением своего воцарения еще два обращения луны, до начала нового года; когда начинался седьмой индиктион, в сентябре 3-х календ, он окончательно был помазан от рога маслом, увенчался величайшей славой среди живущих на земле и с того времени получил действительно имя владыки, приняв наименование царя и вместе князя, как было в обычае у подлинных, принимающих помазание царей, имеющих преимущество в порядке преславного возвышения; тут наступил конец исполнения его скрытых желаний, так как, собрав честь всех царей, он усвоил это одному своему имени. Достигнув царства, он так возгордился, что потом едва не сравнялся с Богом, но, получив такую славу явно по своему собственному желанию, он этим сам поднес к своему сердцу как бы наточенный нож, которым и заколол себя и, упав, был низвержен, о чем пространнее будет рассказано в другом месте.

В память же упрашивания и полученного в лавре согласия церковные священноначальники, без всякой меры угождая великому, который и сам от себя повелевал им, решили в третий день сырной недели непременно каждый год совершать из матери церквей — Успенского собора и всей столицы крестный ход, установив это празднование как бы в честь божьей матери, а на деле тайно ради угождения воцарившемуся, и так, чтобы в этот день никто, ни великий, ни малый мужского и женского пола, не оставался в домах или где-либо, а следовал за тем крестным ходом. И такое установление в указанный день исполнялось и не прекращалось до тех пор, пока жив был первый повелевающий и желавший этого. И если в природе, соответственно этому времени года, случались морозы, и дожди, и бури, и нестерпимые ветры, и другое что, так что невозможно было и из дома выйти, все-таки из страха, не смея отложить приказанное из-за облачного помрачения, все старательно исполняли это. Удивительно, что в этих крестных ходах вместе с народом принимал участие и сам, кому праздновали. Празднуя сам себе, он делал это по обычаю тех, которые празднуют Богу в тот день, когда Бог избавил их от

какой-либо беды, дабы получившими не забыта была милость его; в подобных случаях это и должно быть, он же радостно праздновал тот день, когда получил себе временную славу.

О, омрачение! О безмерное славоослепление! Ужели еще этою виною не обличается и не обнажается его злоба и умерщвление царей и жажда царской власти? Что может быть яснее подобного обнаружения того, что и было сокровенной внутренней тайной цареубийцы и, вследствие этого, стало явным? Бог на суде еще лучше это откроет и обнажит. И если кто, напротив, в пользу его скажет, что он не ради себя устроил этот крестный ход, а ради матери Господа, тому мы возразим: если вы так предполагаете, то почему он прежде, до своего избрания, этот день недели обычно пропускал и не праздновал? Пусть тот, кто говорит против, положит на уста руку; а еще более заставит таких замолчать сама истина. (...)

Обрадованный удовлетворением своего славолюбия, он не подумал о своей сестре и не пожалел ее, госпожу всей России, оскорбив ее такою сильною скорбью и разлучив ее с таким мужем, умершим не естественной смертью; ту, ради супружества которой с царем некогда он получил всю честь, так что был подобен царю,— после такой славы он не постыдился видеть ее всегда одетой в монашеские одежды. Многих девиц, дочерей первых после царя бояр, своих господ, он насильно из зависти постригал, срезывая, как незрелые колосья, ибо на это не было их согласия. Этим он причинил родителям их вечную скорбь и болезнь, так как они не уберегли их, и те, как кроткие овцы, были пострижены; он не открыто это делал, а обманом, но самое дело явно себя показало,— он боялся, чтобы некоторые не уговорили царя взять одну из них в жены через второй брак, из-за неплодства сестры его; а он тогда станет ничем,— так полагал он в сердце своем, собирая в нем свои беззакония. То, что он сделал чужим детям, то же самое он сделал и сестре; как же он мог оказаться человеколюбивым к чужим? Через некоторое время некто учинил и дочери его такую же перемену одежд, сделав это постыдным образом; если не он, так мы это увидели. А что сказать о жене его и сыне? Их насильно удавили неожиданные враги,— о них более пространный рассказ будет впереди, в своем месте.

Но если было сказано о злобе Бориса, то должно не скрывать и добрых дел его для мира и внести их в повествование, хотя они у него во всем и не искренни были по отношению к людям. Если мы постарались подробно описать все его злые деяния, то не поленимся раскрыть и его добрые дела, пока они не покрылись забвением от течения времени. Что я помню, то и напишу о них,

чтобы наш рассказ о нем не показался некоторым злобным и враждебным. Потому что, если бы одно злое о нем было рассказано, а другими сказано о нем доброе, а мы бы об этом умолчали,— то явно обнаружилась бы неправда писателя, а когда то и другое без утайки рассказано, то все уста заградятся.

В начале своей жизни он во всем был добродетелен Во-первых, он делал добрые дела прежде всего для Бога, а не для людей: усердный ревнитель о всяком благочестии, он был прилежным охранителем старинных церковных порядков; был щедрым помощником нуждающимся, кротко и внимательно выслушивал всевозможные просьбы народа о всяких вещах; он был приятен в своих ответах всем, жалующимся на обидящих, и быстро мстил за обидимых и вдов, он много заботился об управлении страной, имел бескорыстную любовь к правосудию, нелицемерно искоренял всякую неправду, даже чрез меру заботился о постройке в городах разных зданий для наполнения царства и снабжения их приличными украшениями; во дни его управления домашняя жизнь всех протекала тихо, без обид, даже до самого начала поры безначалия на земле, которая началась после него; тех, кто насиловал маломощных, он с гневом немедленно наказывал, разве только не доходил до него слух о таких обидах; он был крепким защитником тех, кого обижали сильные, вообще об утверждении всей земли он заботился без меры, пока не был захвачен властолюбием; он старался наказаниями совсем искоренить привычку к чрезмерному богомерзкому винопитию; всякому взяточничеству сильных было от него объявлено беспощадное уничтожение, ибо это было противно его характеру; всякого зла, противного добру, он был властный и неумолимый искоренитель, а другим за добро искренний воздеятель, но, однако, не всем; во всем этом он всю Россию обманул, так как до уклонения к злым делам, т. е. до покушения его на убийство государей, он следовал благочестию первых самодержцев, а иных и превосходил. Но я знаю, что надо сказать о самой сущности дела — откуда в нем существовали эти добрые качества — от природы ли, или от доброй воли, или из-за стремления к мирской славе? Явно, что причина лежала в открытом притворстве, которое тайно скрысалось в глубине его сердца, и в долголетнем злоумышлении его — достигнуть самой высоты царской власти. Думаю еще, что немалой причиной было и то, что ои научился многому хорошему и от истинно самодержавного Федора, ибо с малых лет часто находился при нем. Ясно, что когда Богом ослаблена была сдерживающая его узда и не было около него никого, кто бы остановил его,— как жеребец, отбившийся от стада, он из-за стремления к власти

удалился от Бога и царя. Но никто не знает, что в час его смерти в нем возобладало и какая часть его дел — добрая или злая — перетянула весы. Потому что «Бог может и в день смерти воздать человеку за его путь жизни», как пишется. Но что, если кто захочет удивляться его доброй заботе о земле? Тут нет ничего удивительного: ибо что из всего существующего может идти в сравнение с головой царя? Если бы он и всего себя за жизнь отечества каким-либо образом отдал, то ничто и даже весь мир не может сравниться ценой с одним лишь волосом с царской головы, и все мы теперь видим, что это действительно так.

Ради своего доброделания, т. е. ради мнимой заботливости о земле, он в сердце преисполнился гордостью, как некогда гордился делами созидания вавилонский царь Навуходоносор. К этому он прилагает еще некие доа дела, о которых здесь вместе с его добрыми делами по порядку не было написано,— он начал совершать их, соединяя с гордостью, а Бог, предвидя его гордость и предупредив его решение, не дал ему их окончить и рассыпал.

Первое, самое важное его дело: он принял умом своим твердое решение, которое везде стало известно, что весь его подвиг будет о создании святейшего храма,— он хотел его устроить в своем царстве, так же как в Иерусалиме, подражая во всем самому Соломону, чем явно унижал храм Успения божией матери — древнее создание св. Петра. И то, что необходимо было на постройку и созидание стен, все им приготовлялось. Второе — тоже великое его дело, он хотя и хотел, но не смог его выполнить: источник самой вечно существующей жизни нашей, гроб единого от состава Троицы Христа Бога, вместилище его божественной плоти, подобный находящемуся в Иерусалиме мерою и видом, он постарался изобразить, слив его весь из золота и украсив драгоценными камнями и золотой резьбой. Этот гроб уже был близок к завершению устройства; он весь был осыпан, как чечевицей, топазами и драгоценными камнями и очень искусно украшен разными хитростями, так что такое его устройство не только мне, невежде, и подобным мне было дивно, но и первые из благородных и те, кто следует за ними и* живет в царских домах и воспитан во всей славе и красоте, дивились его драгоценности и мудрой хитрости украшений, так что ум приходил в исступление, а глаза от блеска камней и разнообразного сияния их лучей едва могли оставаться в своем месте. А определить в числах действительную его стоимость не было возможности, потому что она превосходила всякое число.

Это я описываю здесь не ради действительного чуда вещи, но ради того чтобы показать самовозвышение Бориса и его чрезмерную гордость, потому что высокоумие одолело в нем веру,

и превозношение его во многом превысило и драгоценные камни с жемчугами и самую природу золота. Всеведение Божие поняло гордость его сердца, потому что, превозносясь частым осмотром этих вещей и уничижая этим всех прежде его бывших всероссийских деспотов, он полагал, что превзошел их премудростью, говоря, что у них не было и столько разума, чтобы до этого додуматься. Постоянно этим гордясь, он и от льстивших ему бояр был подстрекаем притворной хвалой, как бы некоторым поджиганием; много раз повторяя слова тех, кто ему поддакивал, и добавляя к ним свои, которые, как хворост под огонь, под сердце его подкладывали хвалу, он показывал своими словами, что и там, в будущем веке, они так же подожгут его своею лестью. Они же побудили его добиваться царства, присоединившись к его желанию, так что это были как бы две веревки, сплетенные вместе,— его хотение и их лесть,— это была как бы одна соединенная грехом цепь.(...)

Допущенное на нас Богом беззаконное царство Расстриги

После воцарения Бориса восстал из своего логовища лютый молодой лев, подлинно враг, не столько человек — наделенное даром слова существо, сколько воплотившийся антихрист, и как темное облако, поднявшись из глубокой тьмы, неожиданно, почти внезапно, напал на нас; испуганный слухом о нем, царствующий над нами Борис, гордый с низшими, ужаснувшись его устремления, низвергся с высокого царского престола. Примерно он, как комар, не дойдя, поразил льва, как пишется. Но не тот, а своя совесть его низложила, так как он знал все, что сам некогда делал. А этот происходил из худого рода, и родители его были из весьма низкого сословия,— потому что его изрыгнул город Галич. По всему, детище законопреступного Юлиана и его беззаконное порождение — Гришка, по прозванию Отрепьев, послан был не столько на нас, сколько для того, чтобы поразить страхом того властолюбца, придя предать его — неправедного — праведному суду; до этого времени праведный гнев терпел Борисову дерзость. Присвоив себе подобие царского сына и славное имя Димитрия Ивановича всея Руси, сына прежде упомянутого великого между царями победителя, он назвался сыном его, во всем ему чужого, кроме разве того, что он был одним из бесчисленного, как песок, множества рабов его и таким же, как и прочие, его рабом. Как море в своих глубинах не знает каждого из живущих в нем мелких животных, так и при царстве того не был известен тому царю Ивану ни род, ни имя этого,— а он осмелился назваться сыном его, этим приближением к нему как бы пристроившись к Богу. Так как Бог это терпел и допускал, он пришел от севера в мать городов русских, в город Москву, соединившись с многими

силами безбожной Литвы и с перешедшими к нему и изменившими родине всеми благородными начальниками войск Российского государства,— с воеводами бранных сил, которые были русскими людьми и были поставлены держащим тогда скипетр Борисом на защиту против того в пределах всей Северской земли. Но они, уклонившись справа налево и изменив преступно крестной клятве, подчинились воле обманщика,— одни, соблазнившись лукавой его лестью, а другие, немало прельстившиеся его хитростями, думали иное, считая, что он вправду царь, каким-то образом спасшийся в том изгнании, куда был выслан Борисом, действительный царевич Дмитрий Иванович. Еще когда он находился вне пределов Русской земли, все добровольно подчинились ему и поклонились как царю, в действительности же идолу,— страх ожидания смерти от острия меча одолел их. Вместе с этим всем надоело и Борисово притеснительное, при внешней лести, кровожадное царство, и не из-за тяготы наложенных на них податей, а из-за пролития крови многих неповинных; ложно надеялись при нем отдохнуть и получить хотя малый покой. Но в своих надеждах и ожиданиях все обманулись; хуже нечестивых, которые прежде никогда не назывались православными, он хотел нанести всем окончательное зло, злейшее и большее всякого зла: после его смерти от его приближенных узнали, что он, окаянный, хотел, по злому замыслу врага, совершенно уничтожить из памяти Христову веру, вечно цветущую православием, если бы Господь не прекратил дней его жизни.

Каково начало, таков и конец его, потому что он был так жесток, нагл и вместе дерзок, как Иуда, который имел смелость присутствовать на тайной вечере. Так и этот в своем злом умысле, прежде чем получил царство, дерзнул одеться в монашеское одеяние, но и этим, окаянный, не удовольствовался, а к этому прибавил еще и другое: не постыдившись, вскочил как бы в огонь — принял на себя и священ-нодиаконство у великого и солгал по умыслу противного; он сам знал, что, выполняя свои замыслы, он своим отречением может обесчестить священство и монашество, что вскоре и случилось, когда пришло установленное для этого Богом время. Самовольно отрекшись от того и другого звания вместе, от священства, говорю, и монашества, с ними отрекся также, окаянный, и от обещаний, данных при святом крещении, что узнано было от достоверных свидетелей, а еще лучше из его дел. Явившись вполне сатаной и антихристом во плоти, он самого себя принес в жертву бесам. Еще когда был он среди латынян,— ясно, что туда он Богом был изгнан из земли верных,— там дал обещание ради скверного брака и совокупления с его дочерью

сделаться зятем одного неправославного, противящегося духу еретика, который мог помочь ему выполнить весь его злой замысел, получить совершенное исполнение его желания: коснуться некасаемого, т. е. получения царского звания, что и случилось. Тех, которые хотели обличить его, он одних явно, других тайно убивал, а иных ссылал в изгнание, прочих же всех, которые осмеливались делать то же, устрашал, так как имел при себе много прихлебателей и угождающих ему друзей, которые друг с другом тщательно соревновались.

После смерти царя Бориса осталась супруга его, как вдовствующая горлица, имеющая при себе только дзе отрасли: именно сына, называемого даром Божним, обладающего правом носить скипетр управления державою и уже при крестной клятве избранного на царство и твердо принявшего в свое подданство всех людей отеческой державы; одного только тогда недоставало — он не был еще помазан, и это отложено было на малое время из-за того, что препятствовала подготовка войска к войне; и дочь, девицу, жившую в тереме, вполне уже созревшую для брака, по смыслу имени ее — странницу. К ней, по воле отца, когда отец еще был жив, привезен был из другой земли жених, сын одного дружественного ему короля, но брак не состоялся: Бог не соблаговолил исполниться намерению людей. А в скором времени поспешил приблизиться к городу ранее упомянутый похититель царства. Он эту мать, уже вдову, родившую раньше этих обоих детей, вместе с ее сыном, ту и другого — как-то бессмысленно и насильственно решил убить и прежде своего вступления в город победителем, послав пред собою некоторых из своих приближенных в их наследственный дом, увы! предал тайно смерти. Думаю, что этот отрок, чистый телом, предстал Христу, так как греху родителя был непричастен. А бдительно охраняемую девицу он, после своего вступления в город, как рабу, без всякого царского чина, с ласковым принуждением вывел из царского дворца и в частном доме угождавшего ему и приближенного к нему нового вельможи, без ее согласия, срезал, как недозрелый колос,— одел в монашеские одежды. И было бы удивительно, если не было ей чего-либо тайно-оскорбительного от отступника.

Прежде, на высоте твердыни царства, при ее родителях, ее, находящуюся в тереме, едва и солнце в щель когда видело, так как «слава дочери царя внутри», по писанию; а тогда ее, не оберегаемую, осматривали глаза и многих самых низких людей. И от того времени еще долгие годы к большему бесчестию продолжилась ее жизнь даже до четвертого после ее отца царя, так как часто переменялись тогда правители; она перенесла

много переселений с места на место и из лавры в лавру, и ее жизнь продолжалась до такого бесславия, что в то время, когда весь царский город окружен был неприятелями и находился в осаде, она, заключенная в нем вместе с прочими, пережила всякое бесчестие, нужду и недостатки, даже до того, что и руки иноплеменников, врагов отца ее, пренебрежительно ее осязали. О прочем я помолчу.(...)

Обратимся опять к ранее сказанному.

Он, отступник Бога, нашел себе и патриарха, не имеющего священного сана, по имени Игнатия, и посадил его на преосвященном великом престоле вместо существующего православного патриарха Иова, первого в России; сменив, он осудил Иова на изгнание в один город. В скором времени привозится в царствующий город и сквернавица, обещанная этому сквернителю и нашему за грехи наши обладателю, посланным за ней одним из сановников, соучастником его,

Афанасием Власовым, который человекоугодливо ради гнилой чести от души и сердца служил ему. Богопротивно, однако в украшениях, в царских нарядах, она, как царица, подобно фараону на колесницах, со своим отцом привезена была в царствующий город; дыша еще в пути огнепо-добной яростью ереси, она шла на христиан не как царица, а как человекоподобная змея, уподобляясь тем женам, о которых сказано в Откровении Иоанна Богослова: «Одна другую, нечестивая благочестивую, желала потопить водой из своих уст». Но эта ехидна если и не водой, так та, но в крови потопила всю Россию, весь мир наш,— кто этого не знает? А привезший ее, участник в тайных делах его, Афанасий не по достоинству и несправедливо принял от пославшего его некоторый сан и двойное к имени прибавление чести: он поставил его выше всех, хранителем и распорядителем всех находящихся в кладовых царских украшений и вручил ему всю царскую казну. Его же, как видели некоторые, Самозванец назначил впоследствии и предшествующим себе, дав ему чин второго боярина, идущего с прочими пред лицом лжецаря; достойные высшего звания тайно и злобно завидовали чрезмерному, постоянно оказываемому ему возвышению.

Вскоре после того, как нечестивая его супруга прибыла в царский город, злой участник ее сквернос-тей, созвав собор православных, прельщает их лестью и, делая вид как бы справедливого совещания, лживо советуется с ними о крещении своей подруги. Он спрашивает: следует ли ей второй раз креститься? Этим обманом он, окаянный, вменяет ей латинское богопротивное крещение в истинное христианское рождение

через купель, говоря: зачем ей второй раз креститься? Ясно, что он не хотел привести ее к истинному просвещению. Потом, когда, по соборным правилам, для суждения об этом пред лицом лжецаря в помещении его дворца сошлись все священные судьи, одни — немногие — из отцов справедливо не соглашались, чтобы она — непросвещенная — взошла с ним в церковь,— прочие же по слабости человекоугодия, сильно желая мирской славы, поддались ему, хромая, как больные, на обе ноги, не по-пастырски, а по-наемнически прельстились и вместе побоялись и, повинуясь, допустили исполниться его воле. Видя это, и первые умолкли, так что слова беззаконных пересилили, и все перед ним отступили; а не имеющий священства патриарх готов был весь ему отдаться, так что и другие за ним соблазнились. А он, хищный волк, видя всеобщее бегство и нетвердое разумение,— они дали ему поступить по его воле, захватить царство,— понимая, что они не запретят ему также и в церковь войти с прочими нечестивыми, что и совершилось,— решает задуманное им вскоре привести в исполнение; он пренебрегает не только человеческим стыдом, но не ужасается, окаянный, и страха божия и в уме о нем не помышляет, думая, что Бог как бы не существует, «потому что безумный сказал в сердце своем: нет Бога». Как будто в простой дом, в храм вседержавной нашей надежды и всемирной заступницы он вскочил, как пес с всескверною сукой, с множеством латынян и еретиков и дерзко воссел наверху царского престола. Тогда весь храм видимо наполнился подобными волкам еретиками, а невидимо — мрачным облаком тьмы — бесами, радующимися и обнимающими их. Думаю, что благодать Божия отступила тогда, чтобы исполнилось сказанное: «Увидите мерзость запустения, стоящую на святом месте»; читающий да разумеет. И видящим его тогда он представлялся ничем не меньше самого антихриста, недостойно сидящего на престоле, а не царем. Эта скверная дерзость преступления закона совершилась в день праздника перенесения честных мощей великого во святых архиерея Николая Мирликийского, который не праздновался. Тогда совершались там беззакония большие, чем на празднике Ирода: воюя против Бога, он осквернил святыню, еретическими ногами попрал царское помазание и брак, так как его помазывали и венчали невидимо по своей воле бесы при отсутствии благодати. О, твое долготерпение, владыка! Почему не раскрыла своих уст земля, как в древности при Дафане и Авироне? Куда тогда отошло твое долготерпение, где находилось незлобие и величие того, кого не может вместить вся сотворенная им тварь? Поистине ты, пресвятый Господи, есть сам себе предел и место, по словам богословов. Знаю, что

долготерпение твое определило дать Самозванцу выполнить всю злобу его желания, чтобы за это он сам себе устроил жесточайшую муку. <…)

Хранилища всех ранее собранных царских сокровищ, даже до золотых и серебряных монет, увы, все он опустошил без порядка и рассмотрения не в меру расточительно, все считая за глину, а не за серебро, и раздавая драгоценности: ясно было, что он над ними не трудился; а их число невозможно выразить и многими десятками тысяч; думаю, что их количество превысит и множество песка. Этим он обогатил и землю богопротивных, а вместе и латынствующую Литву, оставив в казнохранилищах лишь малый остаток, и остановила его в этом только его смерть.

Но, однако, царствующий над всеми не допустил ему целый год осквернять престол благочестивых, и величие гнева Божия прежде вечного суда не стерпело множества его нечестия; хотя он и ушел тогда в царские палаты, все-таки не избежал гнева от нелицеприятного суда Христова и вскоре неожиданно уничтожен был с теми, которые были им возлюблены, но не со всеми. Когда весь народ, воздвигнутый Богом, воспламенился, как огонь в Иакове, и поднялась против Расстриги очень сильная буря, взята была от жизни неживая жизнь его и тех, которые были с ним, и «память его с шумом погибла», как сказано. И чудо! Так как Бог крепко удержал многих и оставил непроизнесенной весть, предупреждающую Самозванца о смерти, он — преокаян-ный — не мог узнать, что находится в мыслях у сговорившихся, а если бы даже хотя какая-либо малая часть известия об этом не осталась тайной, был бы великий вред делу и возникли бы препятствия. Но человек не может воспрепятствовать Божию совету, так как никто не может перемудрить его, когда сказанное должно исполниться. Такой замысел был скрыт и от него, и от любящих его, и стража его, ратники, заведенные им и поставленные около его опочивальни с блестящим военным оружием, чтобы охранять его жизнь и оказывать ему помощь, не смогли одолеть христиан, и многие из них побросали к ногам православных свое оружие, не употребляли его в дело, поняв, что на него изливается гнев Божий. Кроме этого, с ним вместе погибла и противящаяся Богу Литва, посадившая его на царский престол, и войско, пришедшее с ним в наш царский город, среди которого было много благородных, лучших людей; как олово в воде, среди царского города все они сразу потонули, и ни один из них не спасся; как в древности случилось с фараоном, так и среди нас теперь тот же Бог чудодействовал. Такой конец бывает со всеми, кто неправедно восстает на землю православных, как и пророк сказал: «Составили замыслы, которых не могли выполнить», и прочее. Так будет и

теперь с некоторыми тайными замыслами неверующих против нас — когда всеведущий определит время, он не замедлит уничто-. жить их намерения, потому что он может это сделать, если укротит ярость гнева своего против нас. Теперь же закончим ранее сказанное.

А мы тогда, думая отомстить злочестивым за свою гибель, увы, больший вред причинили этим Русской земле, так как Бог, очищая наши прегрешения, сохранил более лютый, чем они, гнев свой на нас за наши грехи: сами мы этим всю землю их против себя привели в движение. И если тогда на малое время мы порадовались их погибели, то с того времени и доныне много и неутешно плачем: мы воспламенили сильный огонь и подвигнули их даже до того, что вскоре они пришли с многочисленным войском и пограничные наши города уничтожили и дошли до самой матери городов — Москвы и все ее входы и выходы, устроив осаду, закрыли и надолго так оставили и жилища себе около стен города на долгое время устроили, так как никто не мог оказать сопротивления их быстрому нашествию. Самого же царя, который вновь незадолго до этого самовольно, хищнически, бесстыдно из боярского сословия вскочил на царство,— думаю, ясно, что не по божественному промыслу, как показал всем небесный суд в конце дел его,— ибо он царствовал нечестиво и мало времени,— его, князя Василия Шуйского, со всеми его воинами*, как в худой клетке, в городе безвыходно заключили. А потом они разбежались, как звери, и города и селения всей России не только мечом опустошили, но, предав различным видам смерти, до конца уничтожили весь народ; вообще говоря, не было места, где бы горы и холмы не поливались кровью правоверных, и долины, и леса все ею наполнились, и вода, окрасившись ею, сгустилась, и полевые звери и птицы телами верных насытились, и где бы множество тел ими не было истреблено; а все оставшиеся, смешавшись с землей, истлели до всеобщего воскресения. Но меч гнева еще и доныне, перескакивая с места на место, отыскивает земные остатки, где что есть, и, не переставая, все уничтожает. Часть верных, соединившись вместе с злочестивыми и с тем, кто вскочил без Божия усмотрения, по-разбойнически, на царство, давала злые советы во всем этом зле, о чем будет речь впереди. «Поставили себе князя, не спросив меня»,— сказал Бог: «Ты согрешил,— умолкни». (...)

Царство царя Василия Ивановича Шуйского

В последние годы текущего времени Шуйский, по имени Василий, называемый царем всей Руси, сам себя избрав, сел на престол имевших верховную власть, первых самодержцев/ думаю, без Божия избрания и без его воли и не по общему из всех

городов Руси собранному народному совету, но по своей воле; это совершилось с помощью некоего присоединившегося к нему ложного вельможи, совершенно худородного Михаила Татищева, согласного с ним в мыслях, непостоянного в делах и словах, хищного, как волк, который от первого в России царя-раба Бориса за некоторую тайную и богопротивную ему услугу, не по личным качествам и не по достоинству, был возведен в звание члена боярской думы. Когда-то прежде, ради получения сана и чести, угождая любителю власти и своему первому царю Борису, он наносил обиды и даже при всем народе бил этого в начале названного Василия, о котором здесь говорится, и этого же Василия всенародно бесчестил. Теперь он льстиво хотел загладить эту свою прежнюю вину, но, однако, в этом не успел. Этот вышеупомянутый Василий, без соизволения людей всей земли, случайно и спешно, насколько возможна была в этом деле скорость, людьми, находящимися только тут, в царствующем городе, без всякого его сопротивления, сначала в собственном его дворе был наречен, а потом и поставлен царем всей великой России. Он даже и «пер-вопрестольнейшему» не возвестил о своем наречении, чтобы не было со стороны народа какого-либо возражения, и таким образом посчитал тогда святителя за простолюдина; только уже после объявил он ему об этом. Почему он мог так бесстыдно поступить по отношению к тому? Потому что никто не осмелился помешать ему или противоречить в таком великом деле. Но зато более поспешным и вдвое бесчестнейшим было низвержение этого «самовенечника» с высоты престола,— об этом после, в другом месте, еще и пространнее будет речь. В этом для имеющих ум — рыдание, а не смех; для неразумных же и для неукрощенных врагов земли Русской это было поводом к великому смеху. Не говорю о прочем,— как беззаконно, будучи всячески нечестив и скотоподобен, он царствовал в блуде и в пьянстве и пролитии неповинной крови, а также в богомерзких гаданиях, которыми думал утвердиться на царстве, а вернее ради этого царствование его и было кратковременным. Хотя и был он сродни «перводержавнейшим», но родство с ними ничем не помогло ему в утверждении на царстве, так как он жил неблагочестиво, оставив бога и прибегая к бесам. Он тайно устроил для постоянного пребывания гадателей в царских покоях особенные помещения ради непрестанного ночью и днем с ними колдовства и совершения волшебных дел, которые несвойственны христианам, а тем более — царю. А прежде, когда он был в высшем правительстве, среди прочих своих сверстников и стоящих с ним в одном чине он был выдающимся первым советником и первым указателем в собрании всего синклита о

всех, подлежащих управлению, мирских делах; когда же неразумно привязался к плотским страстям, тогда и умом развратился. Кто не посмеется его последнему безумию? Когда земля всей России взволновалась ненавистью к нему потому, что он воцарился без согласия всех городов,— незадолго до приближения к престольному великому царствующему городу врагов, которые должны были, окружив, подвергнуть его осаде,— он тогда собрался совершить свое несвоевременное дело, т. е. заключить брачный союз, что и сделал. Не следовало ли тогда прежде всего успокоить всю землю от волнения и непоколебимо утвердить себя, восшедшего на такую высоту, и такой город — корень всего царства и главу всех — со всеми в нем живущими и себя не дать в осаду врагам и от ожидаемых осаждающих его освободить, а потом уже заботиться о женитьбе и совершить ее прилично, живя в тишине и почивая в полном покое, без какого-либо сопротивления, а не в страхе? Страх после и был. А за много лет собранные,— дивные и превосходные драгоценные царские вещи всех прежних российских государей, царствование которых поистине достойно было удивления за их славу,— все эти сокровища он расточил и истребил с теми, кого возлюбил. Ради этого поистине его нельзя назвать и царем, потому что он управлял по-мучительски, а не по-царски. Боже, суди его за дела его! Над его безумием и неверующие смеялись и смеются, но в последний день, думаю, пред всеми неверующими больше всех Бог посмеется ему: «срубит головы грешников» не чувственным мечом, но приложением мучений, по писанию. Он, растленный умом, царь по собственному умыслу, до верха наполненные сокровищницы прежних царей так опустошил, что при его скотской жизни их ему уже было недостаточно, и он, нечестивец, не постыдился перелить в деньги на потребности своего распутства отобранные в соборах и святых монастырях по всем городам своего царства священные сосуды, которые даны были прежними царями и их родными на вечное поминовение в память их душ, допустив обман, что будто бы это он сделал ради выдачи воинам годового их жалованья, так как все действительное их жалованье, назначенное для этого прежними царями, все деньги он ранее прожил с блудницами. А о бесчестном низвержении этого «венценосца» подробно будет сообщено потом.

Вышеупомянутого же Мишку, который способствовал этому Василию достигнуть царской власти, после своего воцарения он в действительности осудил в изгнание в Новгород и лестью поручил ему здесь управлять мною, дав ему звание второго начальника военных сил, хотя тот и не хотел этого. Итак, этот возводитель к помазанию на царство не получил никаких

ожидаемых благ от возведенного на неожиданно полученное царство и ничего не приобрел, потому что первая нанесенная им тому сильная досада превозмогла возведение на высоту престола, как в некоторых смешениях сила горечи преодолевает сладость. Когда прошло немало времени, тот Михаил очень старался опять возвратиться из изгнания в царствующий город и прежним способом, некоторыми своими злоухищрениями, добиться приближения к царю, достигнуть первой чести или даже высшей, чем эта, и в синклите сравняться с первыми после царя; из этого его стремления ясно видно, что он был низкого звания. Думаю, что, возвратившись, он какими-то хитростями старался низложить и самого своего царя, которого посадил на престол, надеясь на основании прежнего, что как он мог посадить его на престол, так — полагал — он может его и низложить, опираясь на свои хитрости, вспоминая удачу своего тайного заговора, чтобы покончить с Расстригой, и по тому же образу при ближайшем своем участии свершить другое свое подобное же тайное дело. Однако не достиг этого, и превозносившая себя гордость была посрамлена, так как и первую честь он получил недостойно, не ради действительных заслуг, а потому, что это допустили противники. Прежде, пока ненастоящие цари нами не обладали, от истинно самодержавных и наших природных царей никто, из низкого рода происходящий, такой чести никогда не получал. Не по природе дана была первая честь и ему, а благородные, если и видели что-либо не по достоинству совершаемое, не захотели даже и словом сопротивляться царской воле, между ними не нашлось ни одного мужественного. Но если бы они были и не так боязливы и малодушны,— истинные наши цари прежде их знали, какому сословию и какую честь и ради чего давать, а не людям низкого происхождения. А чего он теперь надеялся достигнуть, того не получил, а достиг того, чего и не ожидал: потому что, по повелению одного не ожидаемого им придворного, царского племянника, незадолго до этого присланного тогда царем в мои пределы, в кровавом убийстве, совершенном руками многих из моего народа, он внезапно и ужасно насильственно изверг свою душу, и все члены тела его вместе с одеждами и оружием были раздроблены на части. Вину его вслух всем людям объявил сам Ско-пин-Шуйский, и весь народ громко воскликнул: да извергнется такой от земли и нет ему, говорили, части и удела в нашем владении. Они без милосердия сбросили его в воды быстро текущей реки на съедение бессловесным рыбам, так что он не удостоен был тогда и погребения.^..)

Я не могу указать место, которое занимала рать противников и где близ царского города при осаде находились их станы; не

имею возможности рассказать и 6 том, как случилось, что язычники оттуда без труда вошли в самую мать городов, Москву, которую они сначала, несмотря на многие труды и хитрости, долго не могли занять, и о том, как там внутри находящиеся и одинаково с нами верующие заключили с этими инославными общенародный договор об управлении землей. У всячески оскорбляющих крест какая другая клятва, помимо этого, в клятвенных делах может дать утверждение? Не может никакая. Кроме этого, еще и о низведении с высоты престола в ничтожество главы всего царства, самого царя, и о достойном жалости, скором, бесчестном и полном, подобном разлуке горлиц, расторжении его супружеской жизни, как бы смертью расколотой надвое, и после вольного царства о его невольном монашестве, и вместе с этим о внезапном лишении всей верховной чести, и об уводе его в плен, и о нанесении ему там крайнего бесчестия и срама, и, увы, о возложении всего этого срама на царский венец,— обо всем этом мы, запертые здесь в плену, как среди стен во мраке, были не осведомлены; только немногое что, не всегда правильные и несогласные слухи доходили до нас, как бы по воздуху через стену, и то если случайно до наших ушей долетит какое-либо слово, так как запоры были крепко заперты; поэтому и не было нам никакой воли. (...)

О царе же Василии Ивановиче

В годы, когда прекратился со смертью предел жизни царствующего над нами Бориса со всем его родом и когда поражен был гневом ярости господней и убит рукою народа в царском городе Богом попущенный нам Расстрига за то, что вместе с именем Димитрия так недостойно наследовал такое место,— после них тотчас же зависть к царствованию возникла также и у царя Василия, и, как стрелою подстреленный властолюбием первых, он поступил еще более дерзко, чем те двое: весьма неосмотрительно и спешно сел на престол, так как не был искусен в этом. Он создал себе дом и не углубил его в землю, но основал его только на песке, как это показал конец его, по слову самой истины: «Разлились реки и подули ветры, здание сильно заколебалось и житель его пал». Он поднялся внезапно и по собственному побуждению и без согласия всей земли сам поставил себя царем, и все люди были смущены этим скорым его помазанием на царство; этим он возбудил к себе ненависть всех городов своего государства. Отсюда, после захватчиков, началось

все зло на Руси и стали происходить в земле многие нестроения; именно — по всей земле нашей началось непослушание и самовластие рабов и осада городов, так что свои, одной с нами веры рабы, придя войском к матери городов Москве, этим своим приближением к стенам города изменнически оказывали презрение самой главе царства, а нововоцарившийся со всем своим родом был ими заперт и затворен, как птица в клетке. Там тогда находился и я, «мухоподобный», среди многих тысяч людей, в звании подобных мне и носящих то же имя, поставленный тогда охранять некоторые повеления царской воли. Когда же натиск осаждающих город немного ослабел, тогда угодно стало царю, а вернее Богу, чудесно промышляющему о своих творениях,— как о том, так и о всех прочих,— по своему желанию, а не по моей воле, милуя, послать меня в город, который в царских титулах, читаемых в официальных бумагах, стоит на третьем месте, повелевая мне начальствовать вместе с начальником, раньше меня туда прибывшим, управляя вместе с ним городскими делами.

Когда происходили эти, наступившие тогда, события, когда приближалось неведомое время исполнения неизменяемого людьми совета Божия о нас, исполненного гнева Господня, и вместе с этим готовился суд его над нами,— тогда начали происходить в нашей земле еще большие нестроения: неожиданно пришли из своей земли под мать городов — Москву «богопротивные» люди, все латины, и осадили всех находящихся вместе с царем в городе жителей, как некогда в древности при Ное вода потопа внезапно пришла и затопила землю. По всем городам умножились злые начальники и самовластие; из-за неустойчивости власти царя люди беспорядочно неистовствовали, и море житейское неукротимо волновалось; тогда среди людей пылал разжигаемый яростью лютый пламень гнева. Поистине, как огонь, пылая многие годы, он обратил все в пепел, как об этом многословно было рассказано в полном сочинении. А мое возвращение отсюда назад в славный город Москву, откуда раньше я сюда приехал, задержалось здесь и надолго замедлилось из-за скудости имеющихся у меня необходимых для выезда средств,—так что я дождался того (времени), когда Новгород был взят и порабощен шведами. Таким образом из-за нашего общего рабства и работы на них увязла там, как в сети, моя нога, и выйти из города вон раньше, вместе с другими, я не имел возможности по указанной выше причине. Эта преграда к нашему освобождению обвилась вокруг всех, как некоторая железная цепь вокруг шеи, по сказанному: «Сеть мешала ногам моим, и на пути моем положили мне соблазны». Но возвратимся опять к прежде

сказанному.

Когда же зло в земле начало понемногу прекращаться, и в великом городе безбожники все свои злодеяния уже совершили: святые церкви разорили и все великие и малые обители иноческие растащили до основания, а их сокровища, которые принадлежали городу, и все имущество его жителей беспощадно похитили, а их голени ради денег истолкли ударами палок, а множество больших орудий, которые во время войны охраняют и обороняют город и при выстрелах тяжелыми ядрами разрушают стены противников, со всеми необходимыми для них принадлежностями отослали в свою страну и увезли с собой,— я после этого общего разорения всего города впал в огорчение и, видя и слыша кое-что о таком же повсеместном несравнимом запустении, опечалился, размышляя сам с собой: как могло случиться, что так недавно существовавшая невыразимая словами красота такого города и всего, что было в нем, о которой мы думали, что она будет пребывать вечно, до того времени как все стихии растают от огня,— как будто в один час разрушилась и теперь кажется нам как бы совсем не бывшей и не существовавшей? В течение многих дней постоянно не переставал я размышлять в уме своем о таком разорении города, не откладывая этой мысли и сохраняя в себе, и ходил как умалишенный. А что сказать о самой главе царства и всей земли? Часто приходила мне и волновала меня обольщением мысль, всем подобная облаку, скоро и высоко летящая, как птица по воздуху, своим колебанием приводя в смущение непостоянство моего ума и, собираясь в природной его клетке, не давала ему даже часа успокоиться от соблазна. Она, как пальцем, тыкала меня в ребра, принуждая меня, недостойного, и подучивая не на полезное,— на то, чтобы я позаботился хотя немногое что отчасти написать о нынешних божьих наказаниях, которые совершились в нашей земле; она постоянно побуждала меня к этому и неотступно напоминала, так что при моей слабости не мог я отогнать ее беспощадную докуку.(...)

О таборах

Когда внезапно, пораженный гневом ярости Господней, преданный руками народа телесной смерти среди самых царских чертогов, а потом выброшенный из них на площадь посреди самой столицы, пал, как бы пораженный громом, львенок, аспид или, лучше, яйцо василиска,— Гришка Расстрига, по прозвищу Отрепьев,— он был как бы сыном по своему злобному обещанию

Литовскому королю Сигизмунду; не являясь по обету выполнителем его желаний, но составляя с ним злой совет о нас, он, как бы наполненный ядом скорпиона, был выпущен на нас из его пазухи, потому что король увидел для себя благоприятное время; тогда метались, неустойчиво колеблясь из-за царей, люди всей русской земли, а города наши, находясь в несогласии между собой, самовластно поднимали на свободных и соплеменников свою голову и каждый различно и в особицу заключали союзы с другими народами, иногда понапрасну враждуя между собой из-за грехов, кипящих в них, ради совершения здешней мести, но чаще наступали разбойническою1 ратью на престольный город — главу всего царства и на другие города. Тогда король Сигизмунд дерзко ополчился на все то доброе, что в нас с помощью Божией спело и умножалось, и прежде всего на благочестивую и поистине первую в сиянии и пресветлую веру, а потом на изобилие всяких земных благ; как когда-то фараон на возлюбленный Богом народ еврейский, так и этот давно умышлял с землей своей зло на землю нашу, соединив свое злоумие по отношению к нам с несвященным лжепапою, оскверняющим Рим, потому что они были согласны в своей неистинной вере. Если он и не сам, ополчившись, двинулся и пришел на нас, то отпустил к городу — главе всего нашего царства — всех своих хорошо вооруженных людей с приказаиием прельстить и вторично тушинского воря облечь, как в одежду, в несвойственное имя — и прочее, чему их обоих научил учитель их — враг. И те наши города, которые им случилось разорить, они стерли все до конца и сделали пустыми, и подойдя к матери городов и остановившись в нескольких верстах с целью осады, близ внешних стен города создали укрепления, которые могли охватить, окружая, всю их рать. Нашего царя, срамодействующего Василия, со всем родом и с теми, кто был с ним в городе, напугав, заперли, как птицу в клетке, и заставили его оставаться тут безвыходно.

Имя Расстриги, вновь ожившее после его достоверного убиения, пришло вместе с прочими и начало служить коварным замыслам нового второго поругателя истинного имени, который ложно называл себя настоящим государем царевичем Димитрием, прельщая нас, что он нами царствует, и сочиняя ложь, говорил, что он как-то сохранился и бегством спасся от смерти. Этой ложью он неразумных уловлял в свою волю. Горькая желчь этой лжи разлилась среди слабейших по всей земле. Что же это за неразумие, подобное неразумию скота, у тех, кто поверил ему? Не несмысленнее ли они всякого скота? Многие из них самого Расстригу видели своими собственными глазами, а не в видении и не по слуху; многих и руки во время его убиения, спутавшись,

касались его ненавистного Богу злосмрадного тела, как я говорил выше,— но они, переменившись, последовали за врагами — иноверным народом и, соединившись с ними, если и были верны, как и мы, поверили их словам больше, чем своим глазам и своему необманывающему чувству осязания, и по своей слабости повиновались им самовольно и без страха. <…>

Если даже перебежавшие туда и знали, что он ложный царь, поклонялись ему, как кумиру, представленному в телесном образе, досаждая таким образом настоящему царю, который находился в городе, и городу, как чужому, вместе с врагами все время творя всякие пакости,— как сказал пророк: «Весь день ополчались на брань». У них было одно стремление: взять город и низложить в нем царя и всех, с ним находящихся. Друг перед другом они ревновали и в мыслях и в делах только о том, чтобы им разрушить город, убивая родных и единоверцев, потому что враги разжигали и ожесточали их сердца, как железо в закалке.

О князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шупеком, как он в то время был в Новгороде Великом, и о его побеге из Новгорода

Когда стало исполняться то, что назначено было для нас устроителем Богом,— все города, находящиеся под скипетром Российской державы, начали в большом числе отлагаться от матери городов, всем народом изменнически отказываться от единения и уклоняться от повиновения царю,— каждый город особо, там где он был, а находящийся в них многочисленный простой народ, посоветовавшись обо всем, замыслил неблагоразумное,— везде принял такое решение, чтобы князь Василий Шуйский не был у них царем. И не только одно это, но тем более не хотели они повиноваться и покоряться находящимся в городах, поставленным от бога царем властям, но, желая жить без всякого начальства и устроения, по-разбойнически, самовластно, и желая во всем поступать по своему безумному хотению, задумали управляться сами собой, как бессловесные овцы, не имеющие палки, поставленной им пастырем ради страха. Лишенная разума чернь, уподобляясь скоту, утвердила в своем уме весьма безрассудное решение и даже склонилась на то, чтобы погубить начальников и избранных лучших мужей, а особо знаменитых по сравнению с собой, после мучений предать всех смерти, а их имения захватить себе; это и совершилось, но не осталось так навсегда; однако иные при этом и погибли, поступив по своему желанию, как погибли в древности некоторые в пустыне: еще пища находилась в устах их, но там же пали и кости

их; так случилось и с этими, у которых даже и до сих пор нога не встала на правый путь.

Но кто подробно опишет те преступные нарушения закона, которые там ими творились? Нам известна только малейшая их часть, и то по слуху. Появился рожденный от терновника, помазанный смрадной нечистотой,— говорю о Пскове и о прочем, что слышал о нем,— неизвестный по имени, даже не настоящий лжецарь, они к нему приписались и дали на кресте клятву, как настоящему, а не как ложному; когда они в короткое время сделали это, то показали собой пример зла, потому что подстрекнули многие города и даже погубили их, и города не могут до сих пор стать такими, какими были, думаю, самовластно взирая на то, что после смерти истинных царей такое зло впервые начало совершаться в царствующем городе и в прочих, даже самых перед ними мелких.

Незадолго до того времени, когда началось отделение этих городов, чтобы обладать мною — Новгородом, заботиться обо мне и быть моим правителем, державшим тогда власть был послан от места своего жительства, из царского города, где находился высокий престол,— стебель царского рода — подлинный воевода князь Михаил Васильевич Шуйский, и ему богом повелено было оборонять меня от су-.постатов и сердечно заботиться обо всем городском устроении. А он, как верный раб, умноживший талант, повинуясь воле своего господина, утроил то, что ему было велено, — ибо он, не требуя многих приказаний от царя, был для себя сам примером в добрых делах и, имея в руках данное ему богом кормило правления, справедливо обращал его туда и сюда, куда хотел и насколько мог. Он был не как другие следующие за ним начальники, любившие мзду; если они и были членами того же синклита, то он превосходил всех попечением о тех, кто нуждался в защите и в мире, и мы все должны были, как достойные рабы, стараться ему служить за его прекрасную и храбрую оборону нас от врагов, как о подвигах его будет сказано в дальнейших словах.

А когда в Пскове и прочих городах, которые были с ним, загорелся огонь соблазна самовластия и дошел до здещнего места и до слуха тех, которые жили в сем великом Новгороде,— не знаю, какими обольстительными словами увлек его, как волк незлобивого агнца, и отнес на плече в лес третий из здешних с ним начальников, который следовал за ним и носил то же имя, что и он, но без княжеского звания; он был весьма лукав и коварен и ранее был низкого происхождения. Однако великий подчинился совету глупого; как в древности змей Еве, он пошептал ему в уши и убедил его бежать из города. Сочувствует и способствует этому совету и некто из второго разряда, дьяк,

который был подобен тому коварному в злых обычаях, был ему собеседником и особенно близок был ему по лукавству. Дни его жизни у царя были тогда светлыми по причине тайной, законопреступной заслуги и из-за временного приближения к царю его родственников; честью он малым чем отличался от того коварного, потому что тайно наушничал царю. Когда оба они сговорились, то, подняв как на крылья на свои льстивые слова тот царский стебель, вынесли этого юношу из города. Некто премудрый где-то сказал, что «незлобивый верует всякому слову». А они оба, боясь и опасаясь за свои дела, напрасно сделали того своим соучастником и этим привлечением наложили на великого крайнее бесчестие, как бы некоторую проказу на лицо руками. Не таков стыд малым и всяким худородным за дела, каков великим и благородным за слова. Они боялись того, чтобы за их глупый совет множество людей из их народа не убило их или не отвело бы их связанными во Псков к объявившемуся там тогда мучителю-лжецарю; не Скопина честь они спасали, а себя всячески оберегали. То, что у них было тогда стремление к бегству, стало явным и известным, потому что, когда, побуждаемые своей совестью, они после бегства опять возвратились в мои пределы, в Новгород, один из них как-то рассказал об их злом замысле своему другу в прикрытых как бы паутиною словах.

А когда они вместе со всеми находящимися с ними воинами поспешно отправились в бегство,— тогда был праздничный день пречистой Божией матери, честного ее рождения; не торною тропою и положенным путем, а как воры, перелезши где-то в ином месте стену, они бежали чрез мельничную плотину и, взяв с собой много серебряных денег из моего хранилища, внезапно со своей трусостью оказались вне города, в трех верстах от его стен. Никем не гонимые, а только побуждаемые своею совестью, эти трусы забыли в страхе бегства отслужить молебен в храме Премудрости Слова Божия и не пожелали взять благословения у моего архиерея, но скрылись от него и не известили об этом знатных жителей города, как было в обычае поступать истинно храбрым; а так как они и днем ходили, как ночью, то споткнулись и скрыли от всех причину своего тайного отъезда. В городе остались только двое,— второй после него член синклита и с ним другой, не имеющие славы тех и унижаемые людьми; тогда владело городом и правило всеми само живое слово божией премудрости, охраняя и промышляя и управляя городом. А они с того места, которое находилось вне города, прислали за начальствующими и знатными города, льстиво скрывая причину своего бегства под ложными словами и объясняя ее необходимым

отъездом: они сказали ложно, что такое «старание» произошло из-за поспешности. Они говорят, что идут в крайний город этой земли, названный человеческим именем,— у него было имя благодати, нанять еллинов — шведов для помощи против врагов, разоряющих Российскую землю, и показывают у себя письмо от ранее посланного в этот город за тем же, приводя ложные слова и присоединяя ложь ко лжи, что если только сами они не пойдут теперь в этот город, чтобы скорее нанять ратников, то от еллинского народа сюда помощь не придет. Так они говорили и этим обманом убили как свои души, так и тела, омраченные гордостью; когда они возвратились назад в город, они то же велели сообщить и первосвятителю, и всему городу.

Устремившись в свой путь, они бежали там, где сами не знали, а путь этот был очень труден для них и по всему вреден, «на этом пути они не нашли города для своего пребывания», по пророку; об этом некоторые из них, возвратившись назад, сами рассказывали. Все они очень ошиблись, рассчитывая войти в город, о котором обманно говорили, что спешат в него, чтобы нанять там ратников, потому что город, как и Псков, узнав, что они бегут к нему, крепко затворился со всеми находящимися в нем людьми, так как жители этого города совсем не желали подчиняться в чем-либо владычествующему тогда в России Шуйскому, и город этот объявил, что он совершенно не признает его. А обман замысла тех, о которых ведется рассказ, окончательно обнаружился, потому что они, не дойдя еще многих поприщ до города, принуждены были с ведущей к нему дороги повернуть в сторону, куда им не хотелось, и тащиться днем и ночью, блуждая по непроходимым крутизнам и пропастям. Многие из них, видя свое заблуждение, возвратились с дороги назад в мой город с теми моими деньгами, которые были у них; и не только мои, у меня воспитывавшиеся воины, но возвратились и многие из рабов ранее поименованного и рассказали моим жителям о считающих себя умными и о том, что случилось с ними на пути. Все это достойно смеха, поношения и крайнего стыда. От стыда они едва не убежали во вражескую землю. Когда что-то незначительное им в этом воспрепятствовало, они, вернувшись, прибежали в город, находящийся на окраинах моей земли, по имени Орех, а воеводе этого города о их бегстве было сообщено специальным посланием из моих пределов, посланным теми, которые остались и распоряжались здесь. А они приняли немалое бесчестие от воеводы того города; осуждая сделанное ими и насмехаясь над ними, он хотел, заковав в узы, послать их к «державному», если бы только тот,— тезка этому,— виновник всего этого срама, как родственник, не уговорил воеводу этого

города.

Когда оставшиеся в городе начальники вернулись от них назад в город, они рассказали о безмерной совершенной теми дерзости: от этого сообщения народ заволновался беспорядочным волнением. Одни, возмущенные их бегством, говорили: «Из-за чего город со стороны моих начальников оказался в пренебрежении и они оставили его пустым?» Другие рассказывали то, что происходило вблизи — во Пскове, но одни говорили так, другие иначе. А остальные советовали послать вслед за убежавшими просьбу и умолять их возвратиться; иные хотели противоположного и, безумно крича, ратовали за безначалие и вопили, что надо гнаться за ними; а другие с такими же воплями голосили і что-то иное. А те избранные, которые имели богатые сокровищницы, произносили тихо, но чтобы слышал народ, немногие кроткие и мирные слова, лицемеря в ту и другую сторону, чтобы не быть растерзанными народной толпой за произнесение речей, неприятных миру, если ими будет внушаться что-нибудь неугодное толпе, и чтобы им с обеих сторон быть невредимыми. И говорившие, и молчавшие, так как они больше всего боялись своего разногласия с миром, не осмеливались ни говорить, ни молчать, так как они с той и другой стороны были объяты трепетом,— у них и теперь наблюдается тот же страх малодушия, ибо они, всячески лицемеря пред высшими, прикрываясь лестью, хромают на ту и другую ногу, чтобы начальствующие их не возненавидели,— из-за этого они тогда перед миром, как на суде, утаили свои слова; а еще более удерживало их от этого богатство и ненасытная любовь к его изобилию, а отсюда и боязнь, чтобы их богатства не достались в наследство врагам. Народное голосование не пришло тогда на собрании к согласию и единству, так как и у первосвятителя с собором, и у градоправителей, без воли того, кто владеет временем, не оказалось такой силы, чтобы успокоить вопли народных голосов, потому что и они со всеми вместе, как бы в дремоте, хромали человекоугодием. После того как по милости Божией великое собрание, разволновавшееся как житейское море, успокоилось и наступила тишина,— с помощью того, кто движением руки, повелевая чувственному морю и ветрам, укрощал их,— было установлено единогласно: послать от города со значительными людьми просьбу с письмами от архиерея и начальников города к тем, которые, никем не гонимые, бежали, как бы несомые ветром и своей совестью; это и было исполнено. С нашим желанием было согласно и решение тех, кого мы просили вернуться и которые сами хотели возвращения,— так бог соединил намерение тех и других. Придя

в себя и поняв из всего случившегося свою слабость, они послали навстречу нам посла с известием о своем возвращении назад, в мои пределы.

Что было бы, если бы в то время, как они, убежав, блуждали и бродили, скитаясь, как изверги, по лесам, восставшие зачинщики вражды, хитро напав на нас из Пскова или придя из других стран, взяли этот великий город и завладели им, так как для защиты в городе совсем не было ратников и не осталось даже одного гроша из денег на городские потребности? И если бы бежавшие без приглашения пришли к стенам моего города и не были приняты в моих пределах, а мои жители, обличая дерзкий их поступок, прогнали бы их,— что бы после этого было? Где было бы им место для поселения, в котором они, переезжающие то туда, то сюда, могли бы приклонить свои головы без стыда? Ибо царь тогда еще был в полной власти и мог бы, думаю, виновных всячески наказать за то, что претерпел от злоумышляющих поставленный выше других его племянник, а еще более за их измену служению сидящему на престоле, за то, что они так предательски оставили такой город с архиереем и с людьми; совершив по отношению к нему такое предательство, они, как пустой, отдали его без страха врагам, как будто они не имели над собой господина и не ожидали, что будут за это наказаны от владычествующего. Это удивительно! Ибо такое дело несвойственно рабской натуре тех, которые обязаны бояться, и такая дерзость не соответствует установлениям царских законов и обычаев; а еще более удивительно потому, что их нрав по всему напоминал нрав боязливых младенцев, и им по законоположению наших прежних владык, конечно, не следует вверять управление областями, имеющими такие обширные владения. Они, совершившие это, достойны лютой смерти; но думаю, что сделанное ими зло было побеждено именем великого родственника царя, его справедливостью и их совместным неразлучным бегством; поэтому они все без различия были приняты мною на беду мне. Как случилось, что народ безмолвно принял их возвращение в свою ограду и как сам царь оставил это без следствия и наказания?

Боясь убийства от взволнованного народа, зная свою злую вину и придумывая, чем бы хотя немного избежать стыда, решили они обратиться с письмом в мой город к первым и знатнейшим; в письмах же, ожидая себе от всенародного собрания взыскания за свою неприличную дерзость, сочинили немало неправды, писали и то и другое.

Но, зная беспрекословное повиновение моих граждан начальникам, пишут с гордостью, как рабам, говорят больше о

важности своего дела, чем о бегстве, и этим обманывают людей. Мои же начальники и все жители города хотя из дела и знали подробно, что прикрытые словами объяснения сделанного ими все ложны, но одни — из страха, другие — притворно признав их писания справедливыми, подчинились им. Правда была скрыта ложью, потому что все мои жители были бесовским семенем, и не было в Израиле крепкого, который хотя бы в письмах обличил их недостойное поведение, но все были при ответах более кротки, чем овцы, и более безгласны, чем рыбы, и сделались как бы бессловесными лицами: пишут им просительно, чтобы они ко мне возвратились, и обещают им великую почесть, как будто они сделали нечто весьма нужное, и навстречу этим лицам от всего города послали знатных людей с обилием необходимой пищи. Они же вскоре, взяв ее как залог, смешали смелость с боязнью,— впрочем, первое пересилило второе,— и другим путем — водою на лодках вернулись под мой кров. И, войдя в храм Премудрости Слова Божия, где находились верховнейшие, начальствующие и всенародное собрание, они перед всеми вместе, ничего не изменяя и нисколько ни в чем не каясь, славили себя за первый обман и сшивали ложь с ложью; прежде названный гордословец, видя мой простой народ слабым и боязливым, убедил криком своей широкой глотки ослабевших перед первыми его коварствами. Все понимали их ложь, но моими простыми людьми овладели перед ними робость и страх, и они онемели, как воспитанные с самого начала под страхом, а еще более от своей несогласованности и отсутствия человеческого разумения. Известно, что виновники зла, о которых здесь речь, обрадовались в своем сердце, наружно скрывая это, что они своими лживыми словами изменили мысли и у такого множества народа, и у самого святителя, а не только у избранных; один тот ревом своего горла, как аспид, всех устрашил; каждый только про себя тайно понимал истину, но страх, бывший прежде в народе, одолел. Говоря просто, они в народном собрании свою явную измену, прикрыв словами, украсили, по писанию, где сказано, что «слова украшают дела»; сущность же своих дел они своими словами еще более обнаружили и вывели на свет пред народом, хотя они, умолкнув, и ушли в свои дома самооправданными и думали, что людская толпа ничего не поняла из скрытых слов и из их лживых словесных измышлений. Они начали все вместе заботиться о городе и угождать людям, как недавно провинившиеся после проступков стараются все делать осторожно, пока не придут к прежнему состоянию. У распоряжающихся было усердие к этому, особенно же к тем, кто был не совсем смел и мало виноват во всем этом зле. А Михалко сам себя уловил в сеть своей злобы,

которую раньше некоторым обольщением себе приготовил и сплел, как сказано: «В сети своей увяз грешник»,— он был убит, как рассказано) ранее. А тот, который поистине от дел получил имя, от Бога данный мне против плотских моих врагов, хотевших разорить мой город, воитель, по толкованию — пред лицем Божиим стоящий, князь Михаил Васильевич, освободился от многоплетеных сетей того — не скажу Михаила, а лучше — василиска среди змей, нежели Михаила. Хотя он и имел одно имя с тем первым, лучшим, нб тот во всем от этого отличался; как свет отличается от тьмы, так Скопин-Шуй-ский не был сходен с этим во всем и не сроден в привычках, как покажет следующее повествование.

Еще о князе Михаиле Шуйском

В моих стенах, в Новгороде, находился человек — храбрый полководец, данный мне Богом в защиту. Имя его толкуется «божие лицо» — Михаил, к тому же он был отраслью преславного корня, так как принадлежал к княжескому роду. Всем напоминая молодого быка, крепостью своей цветущей и развивающейся юности он ломал рога противников, как гнилые лозы. Хотя он и был юн телом, но ум его достиг многолетней зрелости, поэтому не только эту большую область, но и все Русское государство, самую мать всех городов, он, устремившись поспешно, защитил от рук поднявшихся против нее народов, принеся ей избавление и не допустив ее пасть тогда, когда она, осажденная врагами, пришедшими удавить ее, как петлей, уже готова была пасть. Он, как зверь, напал на этих осадивших ее волков и, грозно разметав их, отогнал от стада божия, и, одолев врагов, пропавших без вести, оказался непобедимым. Промысл всевышняго через него строил свои судьбы к его славе. Но вскоре он был своими родными, которые позавидовали его добру, отравлен смертоносным ядом. Некоторые говорят, что виновником угашения его жизни был его дядя, носивший венец. В это время, когда царствовала зависть, не помогло и родство их обоих, но тем более это посрамит на суде и осудит дерзнувшего, потому что убитый служил убившему искренно, а тот ему на это ответил ненавистью, как когда-то Давиду Саул, раненный, как олень в ребра, завистью из-за похвал, за что и был потрясен поражением от нечистого духа. Но кто из живущих на земле мог бы увенчать голову доброхвального за его подвиги? Только тот, кто дал ему крепость. Все люди в самом сердце царства вместе с младенцами без боязни почтили его при гробе таким плачем, как бы о царе,

совсем не боясь стоящего у власти; они оплакали его, как своего освободителя, жалобно воспевая ему умильными голосами надгробное рыдание и прощальную отходную песню, и отдали ему эту честь, как бы некоторый долг,— особенно по случаю безвременной его смерти. И как когда-то египтяне много дней оплакивали смерть Иосифа, сына Израиле-ва, потому что он накормил их во время голода, а потом и весь Израиль оплакивал самого Моисея,— так и этого — наш новый Израиль за свое освобождение, так как весь народ охотно сравнивал его с Моисеем. И если почитающим его вздумается сделать что-нибудь еще большее в похвалу его,— от этого даже подлинным святым не будет унижения; и, кто знает, не получил ли он одинаковую честь с Авелем и другими, умершими от зависти?

Он был так любезен всему народу, что во Еремя осады города, при продолжающейся нужде, все, ожидая его приезда к ним, проглядели глаза, так как разведчики перекладывали его приезд со дня на день; но все люди привыкли тогда вспоминать его, как своего спасителя, ожидая, когда он избавит их от великих бед. И что удивительно! Тех, кого царь не мог избавить, он же их, а с ними и самого царя — выпустил, как птицу из клетки. И если бы клеветники не поспешили украсть у всех его жизнь, знаю по слухам, что все бесчисленные роды родов готовы были без зависти в тайном движении своих сердец возложить на его голову рог святопомазания, венчать его диадемой и вручить державный скипетр, как когда-то было приказано Самуилу возлюбленного Богом Давида, ради его кротости, неожиданно полить вскипевшим в роге маслом для вступления на царство. (...)

О бегстве воров с Хутыни и приходе их в Москву

Внезапное бегство — не говорю — отступление от города тех, кто мне досаждал своей осадой, было преславно и чудесно и совершилось так.

В 11 день месяца января в память двух преподобных — Феодосия, начальника монахов, и Михаила юродивого Клопского, в их двойной праздник наставшая ночь, как некая буря с сильным ветром, воздвигшись на них, изгнала из святого места, называемого Хутынь, гнездившихся там змиев и делателей тьмы, откуда они ежедневно приходили ратью досаждать моим гражданам, и они вскоре и совершенно были оттуда рассеяны. Так тьма времени разогнала тьму плотскую. Осажденные же, которым это было возвещено не-киими пришедшими оттуда, оставались запертыми, потому что привыкли тех бояться и думали, что утром те, как и прежде, на них придут к городу, в то время как святые тогда вместе подвизались невидимым подвигом — молитвами к Богу — и изгнали их, но их «борьба не была борьбой с плотью и кровью», как говорит апостол. Преподобный Варлаам, был старейшим среди них, старающихся об изгнании врагов, потому что не терпел в своей обители их мерзостного пребывания на долгое время и еще больше этого времени: от прихода до изгнания этих срамотвор-цев прошло больше чем два месяца. Они пришли в начале поста перед Рождеством Христовым. Как многомутная и нечистая вода, собирающаяся и истекающая на меня от скверного места,— они избрали себе для постоянных вылазок такое удобное по его близости место, для того, чтобы ежедневно досаждать насилиями городу, похищая оттуда православных; как змеи ехидны, они уводили их в земные пещеры. С ними были и лжехристиане — изменники, разорители и помощники нечестивых, которые носили только имена кротких христиан,— среди них были многие известные люди. Были с ними и два придворных, делами — как василиск и аспид. Они бросили вверенное им царем начальство над городом и войском, оставили за спиной врученные им города со всем их изобилием и, никем не хранимые, как бы готовые к сдаче и открытые, отдали разорителям на расхищение, что и случилось: один отдал город Орешек, другой землю Карельскую с городом, иной Ладогу с ее пределами. Сами же они примкнули к собранию царских врагов, увлекая вслед за собой и многих воинов.

Когда же они, гонимые Божьим страхом, все отсюда побежали, то устремились прежде всего в темномрачное

ополчение богоборных латынян, которые тогда собрались для осады у главы всего царства, окружив ее со всех сторон, как великий змей хоботом, и смешались с ними, как нечистая вода с Содомским мертвым морем.

Найдя удобное время для своей хитрости, они вошли внутрь города и все вместе самой матери городов остригли голову, изнурив ее до конца и лишив всякого добра, а то, что осталось, вместе с домами предали огню. Первым попечителем об осажденных в городе был тогда — первый после первого святого — Михаил, князь победы. Он нам был от Бога тогда поставлен стражем, как ангел его еврейскому народу — в нем было тогда наше спасение. Вождями же и наставниками такому злу были преждеупомянутые два гада — василиск и аспид, еще же, говорят, превзошел их злобою некий купец из самых мелких, носивший свое имя, злобой — как яйцо василисково, а с ними и другие некоторые — неизвестные соумышленники, которые все в последний день объявятся. Их предательство всем было подобно тому, как некогда два предателя ниспровергли Троянское царство,— так случилось и с нашим православным.

О походе из Новгорода к Москве князя Михаила

Когда юный князь Михаил, как от некоторых уз, освободился из осажденного города и от тяжелых испытаний, которые он терпел со всеми нами, тогда вскорости направился отсюда к столице всего царства и тех воинов, которые успели в то время по скорому слову собраться от бывших здесь пятерых пятин, спешно повел на осаждающих, напавших там, желая освободить от бед мать городов, осажденную имеющими на головах хохлы. На то же дело он решил повести и нанятых им шведов, пустив их иным путем впереди себя и увещевая их оказать там помощь царю против наших противников и, сойдясь с ним вместе, освободить город от осады. И когда он сговорился с ними, то, повелев ждать себя, тотчас же вышел из Новгорода со всеми силами, хорошо распорядившись о городе и оставя в нем начальника.

Выступление его было 117 годового круга к семи тысячам [1609], весной, 25 мая, и пришлось в большой праздник — после животворящих страстей, погребения и воскресения в самый день шестого четверга, в день Вознесения Спасителя, а по числу данного дня — в день третьего обретения главы Предтечи. И того, о ком здесь говорится, почтили все во мне живущие люди, даже и женщины и дети, провожая далеко за город с хлебом, давая ему имя победителя и называя его освободителем своим от нашедших

на нас врагов. Это делалось, во-первых, потому, что с его удалением отсюда мы его лишались, а во-вторых, все люди тогда испытывали печаль и молили Бога о том, чтобы он даровал ему скоро и без беды пройти путь на помощь царству, чтобы враги, узнав об его выходе отсюда, не прорвали его сети, что и случилось вскоре, попущением Божием. По городам у него были с ними многие и тяжелые сражения, он побеждал и сам бывал побеждаем; об этом расскажет тот, кто был там; мы же, заключенные здесь, к более подробному и ясному сказанию не способны; углубленно же все знают те, кто был с ним во время этих событий. Мы же вписали по нужде то немногое, что слышали. Бывало, как о нем говорят, что враги не раз и задерживали их на местах силою и коварством, всячески закрывая ему путь, не давая ему приблизиться к славному месту, приступить к нему для его избавления, но всячески отовсюду перехватывали все возможные для него дороги. Но он, найдя время, всю раскинутую ими сеть разорвал, получив помощь свыше, и, устремившись вперед, достиг самого царствующего города и заключенному в нем самому царю и народу даровал свободу от насильников. Об этом яснее будет сказано в других местах.

О патриархе Гермогене

Когда обладающая всеми городами Москва, где всегда пребывали мои цари, окончательно лишилась их за безмерные грехи всей земли, от главы ее — царя и до ног,— в то время все люди в ней, терпя осаду и всяческую тесноту от латынян и вместе с ними живущей Литвы, как какой-нибудь петлей, были задавлены нуждой и страхом смерти. Вместе с теми, кто содержался там в осаде, держали и самого святителя всего российского народа — Гермогена; я говорю о верховном среди преподобных и всесветлой главе — православном патриархе — муже, подобном апостолам, который имел над всеми высшую власть, потому что, как сказал апостол Павел, являлся воплощением и устами херувимов; доблестный огненосный ревнитель, он, побуждаемый любовью, больше огня разжигаясь ревностью о Христовой вере и не ослабевая, многократно боролся против латынян. А с теми из христиан, кто, как антихристовы пособники, оказали вместе с инославными такое же сопротивление, он мужественно сражался только своим языком и устами, как мечом, немилосердно посекая противников и заставляя их падать к своим ногам без ответа. Он гнушался

богоотступников, как бездушных идолов, и отворачивался от тех, кто не повиновался его многократным поучениям и наставлениям и кто, не захотев его благословения, самовольно от этого удалился.

С ним, первейшим, вместе терпели осаду и весь синклит, который чинами своими являет неисчислимые различия и разницу по отношению к царскому порогу,— достойные и достигающие его величества и необъятное множество людей. Он боролся против латынян и соединяющихся с ними, а больше всего направлял свое слово против лютой злобы тех ересиархов, кого звали Михалка Салтыков и Федька Андронов, и других по именам их единомышленников и составителей всего зла, чьи имена за их дела бесы вписали в свои списки; было по всему ясно, что как тьма противится свету, так и нечестие благочестию. Новые отступники от добра сперва ласками, а потом угрозами неволею привлекали его к своей воле — к тому, чтобы, повинуясь врагам, изменнически отдать российский скипетр сыну короля латынского Сигизмунда — Владиславу. Они хотели утвердить это взаимной клятвой на кресте и обещались никому из бесчисленного Христова стада не делать зла, они скрывали в нарушение клятвы последнее зло — обман: после клятвы они нам всем и везде творили всякое зло. (...)

О целовании креста королевичу Владиславу

В самое время моего пленения, когда захватили меня еллины, чтобы я утвердил с ними крестную клятву, некий бывший незадолго перед этим изверг дьяк, рука которого хорошо владела пером, написал на хартии то, что ему об этом повелели в короткий и внезапный час, поручая ему это дело, святитель и первый вельможа; по этому писанию еллины должны были крепко клясться моим людям, как согласились с ними прежде. Но некие два властолюбца, чьи имена познаются не от дел их жизни, скоро ставшие союзниками и поверенными моих врагов, сделали то же, позавидовав тому написанию, и, сократив, совсем отбросили его, и оно стало неизвестным, как будто его и не было; они уничтожили его, рассмотрев в нем, что такое написание не было им во всем полезно при их клятве, противоречило их воле и было нужно нам одним в постигшей нас нужде. В своей злобе на меня они то первое самовольно переделали на другое, составив вместо того свое, иное, новое, чтобы угодить во всем варварам. И в чем враги были неискусны — во всех необычных для них вещах,— эти двое моих переделывателей были их наставниками, и учителями,

и вождями. Этим они показали всю искренность своего служения варварам и теплоту к ним всего своего злого сердца и своей души,— все это главным образом ради того, чтобы побольше себе приобрести; для этого же и до настоящего времени, утвержденные без перемен и несменяемые, они вместе с моими врагами во всем господствуют надо мной, а лучше сказать — корчемствуют, так как не встречают сопротивления; они ничем не меньше — равно во всем и во всем так же свободно повелевают мною, как и враги, захватившие меня, так как никто им не мешает: они угождают себе во всем, в чем хотят, и надеются на врагов, как на некий великий залог.

Подобное же написание в самый час моего пленения было написано на хартии для клятвы нашей с иноверными некиим, чье имя «благодать»— Иоанн, дьяком по чину, рукою своею служившим святителю — Исидору, имеющему белый верх; ему повелел это сделать первый после него митрополит. Его враги возненавидели это его неугодное им писательство, бросив его за свои плечи и предав забвению; вместо же этого два тайнописателя, которые пристроились как наушники к врагам-еллинам и изменникам, восстали из зависти на того, кто первый составил клятву. То, что им было написано, хотя оно и было хорошо составлено, они изменили своими переделками, сделав то, что было угодно тем, и угождая себе в желании получить от них многие тленные блага.

Это писание из-за любви к клятве не было использовано после них, но мои предатели и изменники и скорые помощники чужим, переделав его, составили свое иное по их воле.

О вдовстве Московского государства

До избрания и нововоцарения воздвигнутого Богом от рода в род наследника царского, государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, и до возвращения опять на Русь из Литвы того, также богом данного, правителя — доброго государева по плоти отца, великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси,— в то время земля наша может уподобиться — по двум притчам — некоей оставшейся после мужа вдове, которая находится во власти своих же собственных рабов, разоряется, разрывается и как бы по жребиям разделяется, наказанная этим по Божию усмотрению. Так в действительности и было. О ней здесь в сравнение и предлагается эта притча, а за ней другая — и обе правдивы.

Притча 1

Когда некая одинокая и бездетная вдова остается после мужа, — если даже она в супружестве и была прекрасной ему подругой или ее мужем был царь — человек властный и сильный, после него она имеет дом без главы, удобный к разорению, хотя и преисполненный всяких видимых благ,— только одного господина дома нет, а все остальное есть. Где владыки дома нет, — там дом, как тело без души: «Если и многие члены — по писанию — имеет», но «мертво без духа». Вышеупомянутая вдова не имеет у себя добрых помощников, ни заступников от наносимых «ей обид. Поэтому она становится прежде всего во всем зависимой и разоряемой выросшими в доме на службе ее мужу злыми рабами, так как в нравах своих они привыкли досаждать своим господам при их жизни и еще больше после смерти, когда они увидят госпожу оставленной мужем, сиротой, увидят ее бездетной и безродной и совсем беспомощной, не имеющей ни рода, ни племени и презренной друзьями, соседями и знакомыми. Даже и верных рабов она не имеет себе на услужение, а поэтому и бывшие друзья ее мужа скоро забывают ее добро. Тогда все ее рабы изменяют порядок своего рабского положения, скоро становятся непослушными, вводят свои обычаи и законы и служат, как захотят: ложатся прежде времени рано, наутро встают поздно и спят довольно, дольше, чем до начала дня; сперва они едва и кое-как начинают выполнять то, что она им повелевает, в словах и делах, и потом — во всем прекословить. Приказания госпожи ими отвергаются и презираются, а то, что им приказано делать, ее повеления оставляются неисполненными. Они сменяют имеющие обращение среди рабов одежду и еду, свойственные всем рабам. Противясь госпоже, они многократно отвечают ей неистово и, бросая ей в глаза свои нелепые речи, как бы камни мечут ей в лицо; они ранят ей сердце невежественным многословием своих рабских уст и языка, что воспринимается ею как стрелы, пущенные ими из лука. И по отношению к имению своих владык перед лицом своей госпожи они бывают неверны, нерадивы и небережливы; они являются стяжателями и злыми разорителями своих господ, у которых крадут и присваивают и всеми способами наполняют господским добром свои руки; и объедаются, и упиваются постоянно, и ежедневно устраивают — подобно Ироду — многолюдные пиршества с приглашенными,— смерть господина и разорение всей земли радостно считая светлым праздником. Не прошли еще установленные дни общего плача по отшедшем, а они уже украшаются одеждами, пользуясь в изобилии всем тем,

что их потребностям несвойственно. Та пища, что им дается и установлена на ежедневное пользование, и отпущенная одежда вызывают у них — неблагодарных — ропот,— все им данное они осуждают; с такими же, как и сами они, рабами они заводят крамолы, а тех, кто им подчинен, избивают, раня даже до крови, или иначе друг друга сокрушают. А дом их собственного владыки не огражден от нестроения, и ворота в доме день и ночь не затворяются, что дает постоянную возможность пролезть внутрь волкам и другим зверям.

Своей постоянной радостью о том, что нет господина, они каждый день доставляют своей госпоже вместе с другими огорчениями большое страдание; кроме того, они — рабы — с приходом 40-го дня ожидают общего своего освобождения и роспуска. Эти же зло творящие рабы приводят с собою в дом на свои веселые пиршества из других дворов еще и других некоторых подобных себе,— чужих и неизвестных госпоже, чтобы вместе с ними расточать имение своего господина еще к большей досаде своей, потерявшей мужа, госпожи.

Одна у нее против них осталась многотерпеливая безоружная защита — коленопреклоненная молитва к Богу, с ударами головой, с частыми воздыханиями, а также теплые слезы Богоматери, в горести приносимые о ней, если прежде молитвами подвигнет скоропослушную в бедах христианам помощницу, явно обещанную вдовам от обн-дящих заступницу на ходатайство к нему до тех пор, пока устраивающий свое достояние Бог не поставит, подобно тому как в царстве, главу людям, человека, который мог бы хорошо управлять всею землею, и пока вездесущий не поспешит богомилостиво приклонить свои богопослушные уши к молитвенным словам своей матери, молящейся о мире. Он не терпит, если кто, страдая от бед, к нему вопиет, и не оставляет надолго без ответа его болезненное прошение. Если бы наша овдовевшая имела не только вскормленное, хотя и малое дитя, но лишь зачатое осталось бы в ее утробе,— с течением времени оно вышло бы из чрева, и если бы это был мальчик, уповая на его зрелый возраст, мать его с доброю надеждою ждала бы этого, предполагая, что, когда он утвердится в правлении как владыка, тогда ей, выносившей его, с его возрастом забылись бы все бывшие печали. Если же этого нет, то, значит, таков оказался конец развития их ранее указанного корня,— а потому и все прочее вместе с тем приостановилось.

Но, однако, строитель всего мира промыслом своего рассмотрительного суда не задержит надолго такое неустройство, какое описано выше, не позволит колебаться из-за отсутствия главы такому, как бы всемирному дому, бывшему большим над

всеми, но воздвигнет неизвестно откуда, как бы от какой-нибудь сокровищницы, и произведет, кого захочет, в наследники, потому что привык приводить все от небытия к бытию своим всесильным словом,— восставит откуда-нибудь иного и иначе, какими сам он знает судьбами. Если плод и не того же самого по породе благословенного корня, но хоть немного родственный настоящему царскому плоду, который вырос на лозе настоящего винограда, как масличный лист, он приближается к нему свойством по другой крови, а более того избранием по доброй воле; как Исаак, он по обещанию был определен наследником царям и тогда же был помазан и укрепился твердо. Он был готов после других дел по устройству земли, испросив у владычествующего всеми время и помощь, отомстить виновным за обиды и в первую очередь творившим зло рабам, которые разоряли, а не снабжали дом своего отечества, а также и напавшим на его землю врагам. Испросив время у владычествующего всеми, так как те и другие, о которых выше сказано, сложились вместе против него, желая зла, он шел, как владыка, найти то, что ему принадлежало, и всех тех кто ему работал, нашел дремлющими: они его не ждали, окончательно отчаявшись, что владыка придет,— по слову сказавшего; с них он всячески с истязаниями взыщет за расхищение дома и может жестоко погубить злых. За те радости, которыми они наслаждались, разбогатев с помощью расхищенных ими господских вещей, самовольно пируя и веселясь, как богатый в притче, и присвоив себе различные несвойственные им должности, царь, лишив их этих чинов и сняв с них, как с не имеющих брачного одеяния для возлежания, несвойственный им сан, повелит изгнать их из чертога и обречет их на вечный плач и прочее, так что они и сами скажут себе, говоря так: «Не во сне ли мы до этого питались, а теперь на самом деле начали мучиться?»— как об этом пишется, что червь их не уснет, и огонь их не угаснет. Псаломник, утверждая сказанное о таких злых рабах, трижды повторяет, что не быть им.

А то, что здесь было рассказано об овдовевшей госпоже и рабах и прочее изложенное выше в словах притчи,— не есть ли образ сиротства и нашей земли? И не такое ли было и в ней непослушание рабов, досаждавших ей во всем и заключивших взаимное соглашение с врагами о ее разорении и запустении, что на глазах всех нас и совершилось, и было. И еще до сего дня это совершается, и огонь еще не везде погас, но, местами погасая, в других местах разгорается и пылает. Этот вещественный огонь хорошо угашается невещественным; та же роса сегодня погасит и этот пламень, которая в древности сошла в халдейскую печь. Но

такую росу для такого погашения привыкли сводить свыше вниз многие наши слезы, исходящие из глубины сердца, выливающиеся, как обильная вода, через очи и текущие быстро по щекам, растворенные в достаточной мере постом и частой молитвой с постоянными воздыханиями. Только они могут умолить владыку всех угасить такой пламень.

Притча 2 о том же

Если, для примера, какой-нибудь дом некоторого высокопоставленного лица и удовлетворяется только положенными днями плача в том случае, если лишается своего господина, ушедшего из жизни и оставшегося бездетным, однако приятели и друзья его или истинные рабы прилагают к этому его ради непрекращающийся плач к плачу и во многие другие дни. Особенно же тогда, когда они видят лежащие, оставшиеся после него одежды или что-нибудь иное, думая про себя о его прошлой многолетней прекрасной жизни, о том, как на их глазах наживший это столько времени провел, живя благополучно. Потом они видят и безглавное, плачевное и беспомощное вдовство его жены и облачение ее в черные одежды, презрение ее всеми друзьями мужа, безначалие среди рабов, расхищение сокровищ, растаскивание всего имущества путем воровства из-за нестроения и запустения в доме, и досадное непослушание рабов госпоже, их содружество с врагами дома их господина и союз с ними ему назло; и последние обиды от всех, и безутешную во всем жизнь всех его домочадцев, и нерадение рабов, полное совершенного безразличия, доходящее даже до пренебрежения вопросами веры, и окончательное разорение и запустение земли, и все прочее.

Насколько же больше, чем этого дома, принимаются к сердцу и не могут быть выражены словами несчастия всей державы наших самодержцев,— всероссийского царства, которое воплотило в себе все благочестие, о благосостоянии которого протекла слава во все концы мира? Нет части вселенной, где бы не известно было и бывшее его недолгое бесславие, многообразное и нестерпимое зло беспримерного огорчения, которое Божиим попущением сотворили ему его враги незадолго перед этим. В каком доме была очень большая радость, в том бывает и премногая печаль, и какое мы видим в нем сокрушение, так и страдает о нем и болит сердце наше. Вот почему сначала здесь с царством сравнивается и на него указывает дом плача с находящимися в нем, потому что такое не оплакать и не обрыдать

и в долгие годы.

Так как царскую драхму, данную в наследство миру, мы некогда по нерадению погубили,— смущенная этим земля и до настоящего времени неустанно трясется, потому что во второй раз «оскудел князь от Иуды». Но через некоторое время вместо утерянной нашли иную, новую, подобную той,— говорю о боголичном Михаиле, которого бог воздвиг после благонравного царя Федора. Он призван не от людей и не людьми,— как говорит Павел. Поэтому мы и нажили вторую «двоицу», таких же благородных и подобных тем — Федору с сыном, которых в старину получили греки, так и мы таких же получили других и должны были бы, по притче, созвать веселиться соседей и с ними подруг по случаю находки новой драхмы. С их помощью мы все опять понемногу возвращаемся теперь к прежней своей доброй жизни и начинаем в ней утверждаться.

Родители, произведшие на этот свет данного от бога нашему царству руководителя людям, проходят еще путь жизни в этом мире, муж и жена, в монашеском образе, но каждый из них устроен особо и различно — один в чужой земле много лет страдает за правду, терпит вместе с прочими нужду, подвизаясь за весь наш народ,— другая в царстве является как бы соправительницей своему сыну. Причина же того, что первого отвели отсюда в чужую страну, была следующая: когда незадолго перед этим мы были во власти латынян, общий собор умолил его принять чин первосвятителя. Еще до избрания на царство его сына он согласился вместе с другими пойти в землю соседних с нами латынян, отличных от нас верою, для того, чтобы просить оттуда сына их господина нам всем в цари. Этот совет еще раньше они утвердили с тем, чтобы они отдали его нам незамедлительно. Но они лукаво изменили своему обещанию, отказались от клятвы и того, что мы у них просили, дать не захотели, а просителей удержали у себя как пленных и там вместе с пленниками их затворили и держали в бедности и нужде, всячески не разрешая им возвратиться оттуда к нам назад.

Родительница же соцарствует рожденному от нее со времени его воцарения; хотя это и кажется странным, но она соцарствует, потому что она мать.

Уже давно не было в нас мужественной крепости, поэтому мы не смеем думать ни о какой тайне или о том, чтобы составить какое-нибудь многолюдное собрание для возражения против чего-нибудь, неугодного Богу или людям, или чего-либо нововводимого нашими владыками, что ими повелевалось не по закону. Против их неподобных начинаний мы могли бы возразить. Но начальники такого хотящего составиться

вселенского собора не шли на это, потому что боялись некоторых в среде собрания, думая, как бы они, умелые передатчики, внезапно и явно не донесли о совете их владыкам, оклеветав их, потому что в большом собрании людей слова о тайных вещах, о которых советуются, из-за страха не удерживаются слабыми и произносятся ими, как бы по воздуху разносясь по сторонам, и особенно в сторону державных; очень многие и со стороны это разными способами могут узнать, и даже до того доходит, что из-за пагубного злословия клеветников распадается весь собравшийся собор. Поэтому такое собрание у нас из-за страха невозможно.

Новые правители наши, и верные и нечестивые, ясно издавна увидели к своей же пользе, что если кому и начинать стремиться к желанному и действительно удобному объединению, то не нам: нам о таких начинаниях нельзя сметь и подумать. Малое содружество не способно к сопротивлению и возражению, а многочисленное собрание людей очень не сдержанно для участия в совете. Малым советом нельзя запретить нежелаемое, а среди многих сокровенное не утаится, как и при нас бывало некогда, в прошедшие времена, в годы самого вселукавого царствования Бориса и Расстриги, а после этих — во время насильственного вселения в наше царство поляков с хохлами на головах и такого же — немцев-фрягов в страну земли Новгородской.

Такой недуг укрепился в нас от слабости страха и от нашего разногласия и небратолюбивого расхождения: как отстоит город от города или какие-нибудь местности, разделенные между собой многими верстами, так и мы друг от друга отстоим в любовном союзе, и каждый из нас обращается к другому хребтом,— одни глядят к востоку, другие к западу. Но это наше разногласие придало ныне нашим врагам многую крепость, потому что где объединившиеся всегда в единомыслии и близки друг к другу, тут и собрание бывает неразрывно; подобное единение крепко утверждает и пределы иноверных, что у них есть и доныне; так и у нас бывало прежде, до тех пор пока нас не одолела греховная слабость. И до тех пор, пока не совокупимся в братской любви, как достойно быть по писанию,— враги наши и далее не перестанут вредить нам и одолевать нас. И овцы, собранные вместе в ограде, не легко расхищаются и пожираются зверями, когда находятся в своем соединении неразлучно и усердно пасутся в общем теплом стаде. Если бы братское совокупление не было угодно богу и не нужно было бы людям во всех отношениях, не возопил бы Давид — «что добро и что красно, как не жить братии вместе». Также и апостол сказал: «Если возможно,— со всеми мир имейте». Он же опять говорит: «Время нам от сна

восстать». Богослов же в любви утверждает нас, в ней же, подобно этим, и апостол Петр: «Следует нам,— говорит,— некоторое время творить волю язычников» и другое, как сказали богословы. Не все ли народы не сами к себе имеют вражду, но к внешним врагам; завидуют и ревнуют в своей неправде не истинной вере, по своему свойственному им разноверию; они ссорятся из-за того, что находят для себя потребное в других землях, что видят у нас, и все вместе всячески нам завидуют. Как голодные волки, видя овец, хотят есть, так и они разорить хотят у нас нашу землю, попрать истинную и непорочную Христову веру и нас пожрать. Та же наша неспособность к совместному объединению, о котором говорилось выше, и доныне во всем нашем народе не допускает твердого и доброго содружества, потому что мы поражены страхом перед неблагонадежными, сопротивляющимися как в великих вещах, так и в малых деяниях, и не можем храбро стать против них ни добрым словом, ни делом. Что же иное подобное нужно, чтобы запретить противникам и борющимся против нас, если не общее объединение и всеобщее единомысленное собрание всех нас, одинаково верующих, как бывало и прежде?

Если же окажется иное, то мы уже не живем, а являемся безответными ответчиками в будущем за всеобщую погибель земли. Не чужие нашей земли разорители, а мы сами ее погубители.

До этого наше слово было о Московском царстве и о постигших его несчастьях, о том, что мы слышали, заключенные в плену, потому что в это время междоусобий, происходящих во всех городах земли, были затворены в Новгороде Великом. Уйти же с бежавшими оттуда в мать городов всего царства не смогли, потому что Бог не захотел желаемого нами. Потом, через некоторое время по божию повелению мы пребывали в других городах на назначенных нам царских службах. И где что слышали, столько, изложив письменно, и дали.

О всем прочем, что сделалось в царстве, о всех многообразных нашедших на него божьим попущением страданиях, подобных египетским казням или страданиям самого Иерусалима, бывшим при Тите,— о том, как, подобно тем, и у нас после них совершилось страшное зло, теперь, оставив иное, кто подробно смог бы рассказать?.. Как корень российских владык прервался и скипетр царства и древнего благородия сломался с угасшей доброй жизнью вечно памятного и близкого к святым великого государя и великого князя Федора Ивановича всей Руси; как богоугодное царствование его закончилось, когда он был позван к царствующему всеми, и тот ему разрешил водвориться в чертоге со святыми — мы думаем, что так было по делам его,

потому что земное царство своего рода он оставил без наследника и святою своей смертью запечатал его, как предтеча Иоанн был печатью всем пророкам; и о том, как царствующая с ним его супруга — вместе с ним венчанная царица — в течение шести лет проводила жизнь в монашестве во всяческом воздержании, подобно горлице чистотою; и о скором ее возведении на небеса к мужу для пребывания там вместе с ним в вечном веселии, и как после блаженного государя царя Федора Ивановича всей Руси каждый царь в этом мире жизнь свою строил — хорошо или, наоборот, плохо; о том, как Василий царь был возведен на престол царства, и как неустойчиво было его правление, и как его бесчестно свергли с престола, неволею постригли в иночество и отправили в Латинскую землю, где он и скончался; и о долгом и плачевном здесь пребывании его жены, а также и о том, как после некоторого времени в образе ложноназванного, кому несвойственно было царское имя, соседняя с нами Литва пришла в наше царство и оставалась долго как вне города, так и внутри его и тяжко владела всеми в царстве от головы и до ног; и порабощение наше главохохленной и латинствующей Литвой, и борьбу, и благочестивую и ревностную дерзость, и подвиг даже до смерти второго по первом святейшего патриарха Гермогена Московского и всея Руси, находящегося в осаде, и храброе его нападение словами на латынян и вместе с ними на богоотступников и богоборцев, разорителей Русской земли, союзников и единомышленников с латынянами на всякое зло,— кто все это опишет? А ради этого он вскоре был увенчан от Бога, получив в награду название исповедника.

Далее о том, как мы получили внезапную и неизреченную милость Божию, избавившись от этого рабства с помощью небольшого остатка людей, вооружившихся и облекшихся в трехкратную крепость древнего ратоборства против фараона; как гнездящиеся в нашей земле и шипящие на нас гневом змеи внезапно были искоренены и изгнаны из всех мест царства Божиим мановением, а еще больше его человеколюбивым заступничеством, на что и была наша надежда, и внезапно были выброшены со всеми корнями,— причем мы как будто из мертвых второй раз были приведены к жизни; и как нам повелел Бог опять ожить и заповедал благо-стройно облечься, как в ризу, в прежнее великолепие и красоту, готовя достояние слуге своему — великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси и исполняя слова Давидова псалма, где говорится: «Вознес избранного от людей моих». И как Адаму, прежде его сотворения, все, что находилось под небом, устроил, так и нашему государю Михаилу царю великое русское царство,

предуготовав, отдал в полную власть; также и родителей его — ранее избранную православную и благородную пару великих государей — говорю об отце и матери его по естеству — пожелал Бог устроить, чтобы они пребывали в своих владениях всегда вместе, неразлучно с сыном; он возвысил любителя благочестия и красоты церковной — трижды святейшего Филарета Никитича, патриарха Московского и всей великой Руси, избранного по смотрению божию на превы-сочайший святительский престол — всему Русскому народу на утверждение и на земное управление людьми. Восхищенный Богом, как на облаке владычица, он из латинского плена был перенесен вместе с рабами в свою землю, и Бог сделал его соправителем его сыну: он утверждает скипетр царства, избавляет от бед бедных и беспомощных, как отец, беседуя с сыном о людях и вместе направляя, соглашаясь, заботясь о лучшем, наставляя и поддерживая. О его страданиях в утеснении и лютой скорби и многой ревности о Боге, подобной ревности Илии, о его подвигах, которые он совершил, живя не в своей земле среди латынян, как среди волков, не убоявшись ни запугиваний, ни запрещений врагов, и о том, как он с ними — многими — один, безоружный, только словами боролся, побеждая истиною ложь богоборцев и посрамляя их возражения и прочие его неописанные подвиги, которые он, подобно Христу, совершил, о них по порядку кто расскажет? За них он себе приготовил нетленную награду на небе.

Еще прежде он поехал туда вместе с другими многими, по просьбе всей земли, а с ним и некоторые из высших чинов; он отправился туда со своими по льстивому обещанию, данному ему королем, чтобы, упросив, привести с собой к нам оттуда сына короля, который правил бы нами.

Но они, нарушив клятву, солгали, а послов всех вместе со святейшим Филаретом взяли в плен, развели по разным городам своей земли и восемь лет держали во всяческих лишениях. Свой — этих противников — собственный совет, который они надумали, они осуществить не смогли, потому что всевидящее око помешало этому, разрушив этот совет и не допустив произойти этому нечестивому делу; но Бог уготовил державу избранному им и помазанному на престол, божественному царю Михаилу, о котором мы прежде подробнее говорили. Подобным образом и отца его — государя и нашего первосвятителя, великого в патриархах Филарета Никитича Московского и всей великой России поставил пасти своих людей. А мать этого царя жила, как монахиня, здесь, в великой лавре; о мирских и об иноках — обо всех великая просительница,— она успешно обращается с молениями к сыну, согласуясь с ним и святителем в

богоугодных заботах о мире. Все они трое — государи — как во власти своей неразлучны, так едины нравом и в милостях к рабам.

Между теми событиями, которые, подобно всему прочему, произошли ранее,— второе наступление на нашу землю королевского сына со множеством имеющих хохлы на головах, наглость их нападения на царство и приступ к стенам города с целью взять их, и опять невидимая нам помощь божия, а видимая победа — поражение врагов и изгнание их из царства и невольное и невозвратное отступление от города; и каким образом произошел конец войны и прекратились кровопролитные сражения между обеими ратями; и как послы утвердили подписями мир на долгие годы; и все то, что было в царстве — различные муки и разорение всего бесчисленного народа по городам,— тогда подробно опишут, когда найдутся где на местах знающие — очевидцы, и слышавшие, и умеющие писать, потому что наши веревки коротки и не достигнут глубины разумения, нужной для сочинения, да я и не знаю бывшего,— что было впереди чего или после; и стыдно писателю, не зная ясно, описывать то, что случилось, своими домыслами сочиняя ложь, и без исследования воображать то, что делалось,— первое писать после, а последнее — вперед и не подробно.

Поэтому описание этого множества великих и трудно постигаемых событий мы оставляем тем, кто может довершить; молю, чтобы они недостатки нашей грубости и невежества каждый изобилием своего разума пытливо и непогрешно исправили и улучшили, нас же, ради неведения того, что было, избавили от срама, а вместе и царского страха. Потому что мы,— как в притче, которая находится в Евангелии, в саду своего господина не только от первого часа не работали и не удостоились чести тех, кого хвалили, но лишились и человеколюбивого дара владыки тем, кто замедлил и работал с одиннадцатого часа, так как для времени делания состарились и средний возраст, когда было время удобное для труда, а не для откладывания и праздности, и не было старости, провели в безделии. И по другой притче — к данному владыкой серебру мы ему не создали прикупа, потеряли добрую надежду и погубили награду. И если кто скажет, что дар господина был равен обоим, потому что он, простирая свою милость, и недостойных к себе привлечет,— все же не к чести трудолюбивых сравнение их наградой с ленивыми, а замедление опоздавших достойно всякой укоризны.

От Бога же и исцеление удобно, к нему же и взывать достойно, чтобы всем получить благодать его и человеколюбие в

бесконечные веки. Аминь.

ЗАПИСКИ» ДЖЕРОМА ГОРСЕЯ

Иностранные авторы — военные, дипломаты, торговцы, монахи, врачи — смотрели на Россию совсем не так, как русские историографы Смуты. Они не обладали счастливым даром беспристрастности, потому что служили разным русским господам или для большей убедительности перелицовывали историю в соответствии с противоречивыми ев-ропейскими толками о далекой России, отделенной от стран Западной Европы «восточным барьером» (Швеция — Речь Посполитая — Крымское ханство — Оттоманская порта). Но иностранные наблюдатели обладали и важными достоинствами, в первую очередь, более выработанным европейским опытом политического сознания, подсказывающим им верные оценки отдельных лагерей Смуты и их лидеров. Записки иностранцев, как заметил Ю. М. Лотман, отличаются и другим свойством: русские никогда не загромождали литературы тем, что в их жизни было неизменным и казалось им вечно присущим жизни — детали быта, привычки, обряды; чтобы записать их, нужен был посторонний, чужак.

Англичанин Джером Горсей впервые появился в России через год после отмены опричнины — в 1573 году, когда он был направлен в Москву компанией лондонских купцов. Эта компания называлась Московской и возникла в 1555 году после головокружительной экспедиции англичан, сумевших пройти вокруг Скандинавского полуострова от рейда Дет-форда до устья Северной Двины и получивших от Ивана IV грамоту на право свободной торговли с Московским государством. Горсей представлял в Москве интересы компании, но выполнял также дипломатические поручения царей Ивана и Федора, английской королевы Елизаветы Тюдор, уезжал из России северным морским путем или сушей через Гамбург, вновь возвращался в столицу великой северной державы и окончательно покинул Московию лишь летом 1591 года, вскоре после убийства царевича Дмитрия в Угличе.

Горсей написал три сочинения о России, составивших ему немалую литературную славу — «Торжественная и пышная коронация Федора Ивановича» (1587—1589), «Трактат о втором и третьем посольствах мистера Джерома Горсея» (1592—1593) и «Путешествия сэра Джерома Гор-сея», часто называемые также «Записками». Последний труд наиболее интересен — он основывается на путевых заметках Горсея второй половины 80-х годов, которые были переработаны в 90-х годах XVI века и пополнялись и редактировались автором вплоть до издания

«Записок» в увлекательной книге Самюэля Перчеса «Наши пилигримы» (Лондон, 1626). Горсей умер на следующий год после выхода этой книги.

Записки агента лондонской Московской компании помимо благородных просветительных целей преследовали и некоторые меркантильные: например, Горсей продолжал длительную тяжбу с теми, кому прежде служил. В 1585—1586 годах на Горсея поступил донос некоего Финча, обвинявший будущего писателя в различных злоупотреблениях, Московская компания подавала жалобу на своего агента лорду-казначею Сесилю-Берли, поэтому Горсей в «Записках» с прежним пылом стремился доказать безупречность своих намерений и привести доказательства беспорочной службы.

Горсей не упускал случая польстить самолюбию англичан, покоривших к этому времени полмира — так русский Грозный царь начинает превозносить «храброго короля Англии Генриха VIII». Некоторые страницы «Записок» мало отвечают духу путевого дневника и становятся похожими на памфлет. Однако в отличие от многих памфлетистов Европы и авторов «летучих листков», жалящих Московита без всякого понятия об истории и географии неизвестной им державы, Горсей не раз доверительно разговаривал с монархами и еще чаще почтительно слушал царей Ивана Грозного и Федора, не отходил от своего покровителя «лорда-протектора» Бориса Годунова, знался со многими русскими вельможами и купцами, видел принесенного с предсмертной пытки царского лекаря Елисея Бомелия, дивился сокровищам кремлевской казны, в ночь после убийства царевича Дмитрия передавал бальзам и венецианский териак дяде убитого Афанасию Нагому. Эти выхваченные из самой быстрины истории факты ставят «Записки» агента Московской компании в исключительное положение среди прочих иностранных известий о России исхода XVI столетия.

«Записки» Горсея отличаются сложной структурой, нередко в изложении нарушена хронология событий, однако благодаря усилиям современных ученых А. А. Севастьяновой и Р. Кроски удалось примерно восстановить подлинное место каждого эпизода. Не имея возможности опубликовать сочинение Горсея целиком, помещаем здесь наиболее важные страницы его труда.

(...) Царь жил в постоянном страхе и боязни заговоров и покушений на его жизнь, которые он раскрывал каждый день, поэтому он проводил большую часть времени в допросах, пытках и казнях, приговаривая к смерти знатных военачальников и чиновников, которые были замешаны в заговорах. Князь Иван Куракин был найден пьяным, как рассказывали, будучи воеводой,

в Вендене, далеком городе в Ливонии, когда король Стефан осадил его; он был раздет донага, брошен в телегу и засечен до смерти на торговой площади шестью проволочными кнутами, которые изрезали его спину, живот и конечности. Другой, насколько я помню, Иван Обросимов, конюший, был подвешен на виселице голым за пятки, четыре палача резали его тело от головы до ног; один из них, устав от этой долгой резни, ткнул нож чуть дальше, чтобы скорее отправить его на тот свет, но сам он за это был тотчас же взят в другое место казней, где ему отрезали руку, а так как ее не залечили как следует, он умер на другой день. Многие другие были убиты ударами в голову и сброшены в пруды и озера около Слободы, их трупы стали добычей огромных, переросших себя щук, карпов и других рыб, покрытых таким жиром, что ничего, кроме жира, на них нельзя было разглядеть. Это место было долиной Геенны и Тофета, где язычники-египтяне приносили в жертву своих детей мерзским дьяволам.

Князь Борис Тулупов, большой фаворит в те времена, будучи уличен в заговоре против царя и сношениях с опальной знатью, был посажен на кол, заостренный так, что, пройдя через все тело, он вышел у горла; мучаясь от ужасной боли и оставаясь живым 15 часов, князь разговаривал со своей матерью, княгиней, которую привели посмотреть на это ужасное зрелище. И она, почтенная добрая женщина, за тот же проступок, была отдана на поругание сотне стрельцов. Ее раздувшееся, нагое тело было приказано отдать псарям, бросившим его голодным псам, растащившим его на куски, валявшиеся повсюду. Царь при виде этого сказал: «Кого жалую, тех содержу в чести, а кто мне изменил, тому воздам такую же казнь». Друзья и слуги князя горько оплакивали это несчастье и перемену судьбы. Я мог бы назвать многих из тех, кто на себе почувствовал жестокость тяжелой в гневе руки царя, однако поберегу скромность и христианское терпение моих читателей.

Царь наслаждался, купая в крови свои руки и сердце, изобретая новые пытки и мучения, приговаривая к казни тех, кто подвергался его гневу, а особенно тех из знати, кто был наиболее предан и любим его подданными. В то же время он всячески противопоставлял им, поддерживал самых больших негодяев из своих военачальников, солдат, все это на деле привело к росту враждующих и завистников, не осмелившихся даже один другому доверять свои планы свержения царя (что было их главным желанием). Он видел это и знал, что его государство и личная безопасность с каждым днем становятся все менее надежными. Беспокоясь о том, как бы избежать участи своих жертв, он

подробно расспрашивал Элизиуса Бомелиуса, как указано выше, лживого колдуна, получившего звание доктора медицины в Англии, искусного математика, мага и т.д.,— о том, сколько лет королеве Елизавете, насколько успешно могло бы быть его сватовство к ней. И хотя он имел причины сомневаться в успехе, т.к. две его жены еще были живы, а кроме того, королева отказывала в сватовстве многим королям и великим князьям, однако он не терял надежды, считая себя выше всех других государей по личным качествам, мудрости, богатству и величию. Он решился на эту попытку, с этой целью он постриг в монахини царицу, свою последнюю жену, обрекая ее жить как бы умершей для света.

И, как я уже сказал ранее, с давнего времени имея мысль сделать Англию своим убежищем в случае необходимости, он построил множество судов, баржей и лодок у Вологды, куда свез свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на эти суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию, а в случае необходимости — на английских кораблях. Своего старшего сына, царевича Ивана, он оставлял управлять и усмирять свое беспокойное государство. С этой целью он задумал изыскать новые богатства, чтобы упрочить власть своего наследника, и теперь привел в исполнение свое давнее намерение. Он потребовал к себе главное духовенство, аббатов, архимандритов и игуменов всех наиболее влиятельных, богатых и известных монастырей и обителей своего царства, которых было великое множество, и сказал, что им самим лучше известно то, что он хочет им сообщить. (...)

Высокий поместный собор был созван в великой консистории св. Духа; присяга на верность была принесена в городе Москве. Некоторые боялись, что он потребует у них все; после долгих обсуждений и совещаний, они подробно изложили свои рассуждения в грамоте, представленной на царскую аудиенцию.Царь имел наушников, державших его в известности обо всем происходившем. Он медлил с ответом, метал угрозы, которые доносились лазутчиками до совещавшихся. Наконец, он призвал 40 наиболее значительных и знаменитых духовных особ и сказал им:

«Мы знаем из ваших обсуждений и решений, что вы — главные у ваших порочных единомышленников. Кроткая мольба расстроенного государства и жалкое положение моих людей, а также плохое состояние моих дел не могли ни тронуть вас, ни возбудить в вас сочувствие. Чем воздадим вам за ваши жертвы? Знатные люди и простой народ стонут от ваших поборов, которыми вы поддерживаете свое сословие; вы захватили все

богатства, вы торгуете всеми товарами, выторговывая себе доходы из предприятий других людей, имея привилегию не платить ни налоги в казну, ни пожертвования на войну, вы запугиваете благороднейших, лучших и состоятельнейшнх из наших подданных, принуждая их отдавать вам свои имения за спасения души: вы получили, по достоверным подсчетам, третью часть всех городов, аренд, деревень нашего государства своим колдовством и уговорами. Вы покупаете и продаете дух и плоть наших людей. Вы живете праздной жизнью в удовольствиях и лакомствах, совершая самые ужасные прегрешения, вымогая деньги, пользуясь взяточничеством и лихоимством свыше возможного. Вы погрязли во всех вопиющих грехах, обжорстве, праздности, содомском грехе, худшем из худших, с животными. Скорее всего ваши молитвы не приносят пользы ни мне, ни моим подчиненным.

Мы в большом ответе перед Богом за то, что сохраняем вам жизнь, смерть гораздо более вас достойна, Бог да простит мне мое к вам пристрастие. Разве не старался недавно папа настоятельными представлениями своего нунция убедить нас отдать вас в его власть, а ваши должности, привилегии и доходы — в его распоряжение? Разве не упрашивала нас неоднократно Греческая церковь через патриарха Александрийского отменить вашу митрополию? Именно так, и всякий раз я пытался, по справедливости, уничтожить ваше сословие, чтобы восстановить тысячи моих обедневших древнейших знатных родов, предкам которых вы обязаны большинством своих доходов, принадлежащих, по справедливости, только им, ибо они жертвовали своими жизнями, почестями и средствами, сохраняя вашу безопасность и богатства. Мой богатый народ обеднел из-за вашей алчности и дьявольских искушений, уничтожение такого порядка восстановило бы цветущее положение государства, чему хорошим примером служит храбрый король Англии Генрих VIII. Кроме хранящихся у вас сокровищ, одних ваших доходов более чем достаточно на ваш расточительный и роскошный образ жизни. Оттого беднеют моя знать и мои слуги, истощается казна, тогда как бесчисленные сокровища лежат у вас, как схороненный талант, не употребляемый на дела благочестия, вы же говорите, что они принадлежат не вам, а святым угодникам и чудотворцам.

Именами духов ваших покровителей и жертвователей я заклинаю вас и приказываю: в назначенный день вы принесете нам точный и правдивый список тех богатств и ежегодных доходов, которыми обладает каждая из ваших обителей, иначе все вы будете карой и праведным наказанием Божьим преданы свирепым диким зверям, которые совершат над вами казнь более лютую и свирепую, чем смерть, постигшая лживых Анания и

Сапфиру. Необходимость делает непростительной какую-либо отсрочку или исключение. К этому времени мы созовем парламент или царский совет из всех наших князей и бояр, митрополитов, епископов, священников, архимандритов и игуменов, чтобы они не только рассудили по правоте душевной, насколько необходимо в настоящий момент большое количество средств на защиту нашего государства от короля и князей Польши и Ливонии, от короля Дании, объединившихся с нашими мятежниками, сносившимися с Крымом, но также видели и слышали наше выполнение долга перед Богом и его ангелами и чтобы их именем и именем бедствующего народа помочь всем несчастьям и спасти всех, за кого мы вынуждены так усиленно просить, и хотя положение государства бедственно, но есть еще время его спасти, на что мы уповаем и во что верим».

Я так многословен в этом рассказе потому, что вы видите, с каким трудом проводилось это дело, надеюсь, последующее вознаградит терпеливость читающих все эти подробности. Главные епископы, духовенство, аббаты собирались и расходились много раз. Сильно ошеломленные и обескураженные, они старались придумать вместе с опальными, как бы повернуть дело и начать мятеж, но для этого нужен был вождь, у которого хватило бы мужества повести за собой эти силы против могущественной власти царя, а кроме того, у них не было ни лошадей, ни оружия. Между тем царь воспользовался этим заговором и извлек из него для себя пользу. Он объявил изменниками всех, возглавлявших эти обители. Чтобы сделать их еще более ненавистными, он послал за двадцатью главными из них, обвинил их в самых ужасных и грязных преступлениях и вероломстве с такими неоспоримыми и явными уликами, что виновность их была признана всеми сословиями. Теперь мы переходим к рассказу о веселой трагедии, которая вознаградит ваше терпение. В день св. Исайи царь приказал вывести огромных, диких и свирепых медведей из темных клеток и укрытий, где их прятали для его развлечений и увеселений в великой Слободе. Потом привели в специальное, огражденное место около семи человек из главных мятежников, рослых и тучных монахов, каждый из которых держал крест и четки в одной руке и пику в 5 футов длины в другой, эти пики дали каждому по великой милости от государя. Вслед за тем был спущен дикий медведь, который, рыча, бросался с остервенением на стены; крики и шум людей сделали его еще более свирепым, медведь учуял монаха по его жирной одежде, он с яростью набросился на него, поймал и раздробил ему голову, разорвал тело, живот, ноги и руки, как кот мышь, растерзал в клочки его платье, пока не дошел до его мяса,

крови и костей. Так зверь сожрал первого монаха, после чего стрельцы застрелили зверя. Затем другой монах и другой медведь были стравлены, и подобным образом — все семь, как и первый, были растерзаны. Спасся только один из них, более ловкий, чем другие, он воткнул свою рогатину в медведя очень удачно; один конец воткнул в землю, другой направил прямо в грудь медведю, зверь побежал прямо на нее, и она проткнула его насквозь; монах, однако, не избежал участи других, медведь сожрал его, уже раненный, и оба умерли на одном месте. Этот монах был причислен к лику святых остальной братией Троицкого монастыря. Зрелище это было не в такой степени приятным для царя и его приближенных, в какой оно было ужасным и неприятным для черни и толпы монахов и священников, которых, как я уже говорил, собрали здесь всех вместе, причем семь других из них были приговорены к сожжению и пр. Митрополиты, епископы, священнослужители всех обителей, имевших свою казну и доходы, прибегли к челобитию и поверглись ниц перед царем, чтобы утих его гнев и недовольство; они не только соглашались удовлетворить его своими страданиями и отпущениями грехов, но также обещали выдать ему тех, кто участвовал в заговоре и ужасных преступлениях против него, так явно доказанных, тех, кто заслужил кару за свои злые умыслы; они же уповают, что пример с изменниками послужит к исправлению всех других лиц, отрекшихся от света. Упомянутые митрополиты, епископы, настоятели, архимандриты и игумены, начальники, казначеи и все другие чины главных монастырей и обителей, от имени всего духовенства и от душ святых угодников, своих покровителей, чудотворцев, которым они обязаны своими жизнями и существованием, вместе с его величеством проникнувшись самыми священными и милосердными соболезнованиями и по его воле (ведь за его успехи и за него самого возносят они свои молитвы и прошения к Св. Троице), они представляют его царской милости и повергают к престолу его милосердия точный список всех богатств, денег, городов, земель и других статей дохода, принадлежавших различным святым, которые были отданы им для хранения и сбережения, а также для содержания святых обителей и храмов на вечные времена. Причем они надеялись и непоколебимо верили в то, что святая душа царя в память всех прежних времен и царствований не допустит свершения преступного — изменения прежнего порядка в его царствование,— за которое он будет держать ответ, подобно его предшественникам, перед Св. Троицей. Если же царь придерживается других мыслей об этом, то они просят его соблаговолить освободить их от ответственности за содеянное

перед грядущими поколениями.

Я приложил все свое умение, чтобы составить перевод как можно лучше, слово в слово по подлиннику. Своими стараниями духовенство избежало уничтожения своего сословия, но не могло повлиять на непоколебимое требование царя отдать ему 300 тысяч марок стерлингов, которыми он таким образом овладел. Кроме этого, он получил многие земли, города, деревни, угодья и доходы, пожалованиями которых он усмирил недовольство своих бояр, многих из них он возвысил, поэтому большинство его доверенных лиц, военачальников, слуг лучше исполняли все его намерения и планы. Многие осуждали и называли преступным такой образ действий, но другие находили его более извинительным и, во всяком случае, менее опасным из всех поступков за время его тирании.

Таким образом, было приобретено основательное богатство для его сына без уменьшения его собственного, однако царь не оставлял своего намерения относительно Англии. И хотя его имущество и решение были готовы, но ни его посол Андрей Совин не смог выполнить его поручения (т.к. не понял этого поручения из-за неясности устного наказа, не написанного на бумаге, как это обычно делается), ни мистер Дженкинсон, ни мистер Томас Рандольф в своих переговорах, хотя и досконально понимаемых, не смогли ни продвинуть, ни окончить это дело, как он того ожидал. Сам он не смел сохранить дело в тайне, и вскоре его старший сын царевич Иван и его любимцы и бояре узнали об этом. Заметив это, царь решил успокоить их и женился опять, на пятой жене, дочери Федора Нагого, очень красивой девушке из знатного и высокого рода, от нее родился его третий сын по имени Дмитрий Иванович. Царь занялся усмирением своих недовольных бояр и народа, держал в готовности две армии, хотя и с малыми издержками, т.к. его князья и бояре находились, большей частью, на своем собственном содержании, а дворяне и простые сыны боярские имели участки земли, получая ежегодно деньги и зерно из специально отведенных на это доходов с конфискованного имущества, налогов, пенных сборов; это содержание платилось им независимо от того, шли они на войну или нет, без уменьшения доходов царя и его казны. (…)

В это время царь был сильно озабочен разбирательством измены Элизиуса Бомелиуса, епископа Новгородского и некоторых других, выданных их слугами. Их пытали на дыбе, им было предъявлено обвинение в сношениях письмами, написанными шифром по-латыни и гречески, с королями Польши и Швеции, причем письма эти были отправлены тремя путями. Епископ признал все под пыткой. Бомелиус все отрицал, надеясь,

что что-то переменится к лучшему с помощью некоторых его доброжелателей, фаворитов царя, посланных посетить царевича Ивана, занятого пыткой Бомелия. Его руки и ноги были вывернуты из суставов, спина и тело изрезаны проволочным кнутом; он признался во многом таком, чего не было написано и чего нельзя было пожелать, чтобы узнал царь. Царь прислал сказать, что его зажарят живьем. Его сняли с дыбы и привязали к деревянному шесту или вертелу, выпустили из него кровь и подожгли; его жарили до тех пор, пока в нем, казалось, не осталось никаких признаков жизни, затем бросили в сани и провезли через Кремль. Я находился среди многих, прибежавших взглянуть на него, он открыл глаза, произнося имя Бога; затем его бросили в темницу, где он и умер.

Он жил в большой милости у царя и в пышности. Искусный математик, он был порочным человеком, виновником многих несчастий. Большинство бояр было радо его падению, т. к. он знал о них слишком много. Хотя обучался он в Кембридже, но родился в Везеле, в Вестфалии, куда и пересылал через Англию большие богатства, скопленные в России. Он был всегда врагом англичан. Он обманул царя уверениями, что королева Англии молода и что для него вполне возможно на ней жениться; теперь царь потерял эту надежду. Однако он слышал об одной молодой леди при дворе королевы и королевского рода, по имени леди Мэри Гастингс, о которой мы расскажем позднее.

Епископ Новгородский был обвинен в измене и в чеканке денег, которые он пересылал вместе с другими сокровищами королям Польши и Швеции, в мужеложстве, в содержании ведьм, мальчиков, животных и в других отвратительных преступлениях. Все его многочисленное добро, лошади, деньги, сокровища были взяты в царскую казну. Его заключили пожизненно в тюрьму, он жил в темнице на хлебе и воде с железами на шее и ногах; занимался писанием картин и образов, изготовлением гребней и седел. Одиннадцать из его доверенных слуг были повешены на воротах его дворца в Москве, а его ведьмы были позорно четвертованы и сожжены.

Наконец царь не пожелал больше разбираться между сообщниками этой измены, он окончил дело увещеваниями и объявил свое желание женить второго своего сына, царевича Федора, т. к. его старший сын не имел потомства.(...) Царь выбрал ему прекрасную молодую девицу из известной и богатой семьи, наиболее ему преданной, дочь Федора Ивановича Годунова Ирину. Затем после торжественных празднеств царь отпустил всех бояр и священников с добрым словом и более ласковым обращением, что указывало на общее примирение и забвение

всего дурного. <…>

Его величество переехал в Москву (из Александровской Слободы.— Перев.), обрушил свое недовольство на некоторых своих знатных людей и начальников. Выбрав одного из своих разбойников, он послал с ним две сотни стрельцов грабить Никиту Романовича, нашего соседа, брата доброй царицы Анастасии, его первой жены; забрал у него все его вооружение, лошадь, утварь и товары, ценой на 40 тысяч фунтов, захватил его земли, оставив его самого и его близких в таком плачевном и нуждающемся положении, что он на следующий день послал к нам на Английское подворье, чтобы дали ему низкосортной шерсти сшить одежду, чтобы прикрыть наготу свою и детей, а также просить у нас хоть какую-нибудь помощь. Другое орудие зла — Семена Нагого царь послал разорить Андрея Щелкалова — важного чиновника и взяточника, который прогнал свою молодую красивую жену, развелся с ней, изрезал и изранил ее обнаженную спину своим мечом. Нагой убил его верного слугу Ивана Лоттыша и выколотил из пяток у Андрея Щелкалова пять тысяч рублей деньгами.

В это же время царь разгневался на приведенных из Нарвы и Дерпта немецких или ливонских купцов и дворян высокого происхождения, которых он расселил с их семьями под Москвой и дал свободу вероисповедования, позволив открыть свою церковь. Он послал к ним ночью тысячу стрельцов, чтобы ограбить и разорить их; с них сорвали одежды, варварски обесчестили всех женщин, молодых и старых, угнали с собой наиболее юных и красивых дев на удовлетворение своих преступных похотей. Некоторые из этих людей спаслись, укрывшись на Английском подворье, где им дали укрытие, одежду и помощь, рискуя обратить на себя царский гнев. Да! Бог не оставил безнаказанной эту жестокость и варварство. Вскоре после этого царь разъярился на своего старшего сына, царевича Ивана, за его сострадание к этим забитым бедным христианам, а также за то, что он приказал чиновнику дать разрешение какому-то дворянину на 5 или 6 ямских лошадей, послав его по своим делам без ведома короля. Кроме того, царь испытывал ревность, что его сын возвеличится, т. е. его подданные, как он думал, больше его любили царевича. В порыве гнева он метнул в него острым концом копья, царевич не выдержал удара, заболел горячкой и умер через три дня. Царь в исступлении рвал на себе волосы и бороду, стеная и скорбя о потере своего сына. Однако государство понесло еще большую потерю; надежду на благополучие, мудрого, мягкого и достойного царевича, соединявшего воинскую доблесть с привлекательной внешностью, двадцати трех лет от роду, любимого и оплаканного

всеми. Его похоронили в церкви Михаила Архангела, украсив его тело драгоценностями, камнями, жемчугом, ценой в 50 тысяч фунтов. Двенадцать граждан назначались каждую ночь стеречь его тело и сокровища, предназначенные в дар святым Иоанну и Михаилу Архангелу.

Теперь царь более, чем когда-либо, был озабочен отправкой в Англию посольства для переговоров о давно задуманном браке. Оно было поручено Федору Писемскому, благородному, умному и верному ему дворянину, который должен был совещаться с королевой и просить у нее руки леди Мэри Гастингс, дочери лорда Генри Гастингса, пэра Гантингтона. Царь слышал об этой леди, что она доводится родственницей королеве и, как он выразился, принадлежит к королевской крови. Послам было приказано просить ее величество прислать для переговоров об этом какого-нибудь знатного посла. Посольство царя отправилось в путь. Сев на корабль у св. Николая, они прибыли в Англию, где их приняли с почетом, имели прием у королевы, где представили свои верительные грамоты. Ее величество приказала предоставить им возможность увидеть леди, которая, в сопровождении назначенного числа знатных леди и девушек, а также молодых придворных, явилась перед послом в саду Йоркского дворца. У нее был величественный вид. Посол в сопровождении свиты из знати и других лиц был подведен к ней, опустил глаза в землю, пал ниц к ее ногам, затем поднялся, отбежал назад, не поворачиваясь спиной, что очень удивило ее и всех ее спутников. Потом он сказал через переводчика, что для него достаточно лишь взглянуть на этого ангела, который, он надеется, станет супругой его господина, он хвалил ее ангельскую наружность, сложение и необыкновенную красоту. Впоследствии ее близкие друзья при дворе прозвали ее царицей Московии.

В посланники ее величества к царю был назначен сэр Вильям Рассел, третий сын пэра Бедфорда, умный и благородный джентльмен. Но он и его друзья, после серьезного обсуждения этого назначения, отклонили его. Тогда компания купцов выпросила это назначение для сэра Джерома Бауса, который и был хорошо снаряжен за счет компании. Впоследствии общество расплатилось за свои хлопоты, т. к. этот посол не имел никаких других достоинств, кроме приятной наружности и обхождения. Оба посланника — королевы и царя,— получив отпуск и письма, были отправлены на хороших кораблях и благополучно прибыли в бухту Св. Николая. Русский посол отправился к царю сушей и вскоре вручил свои письма и посольский отчет, которые были с радостью приняты. Сэр Дж. Баус на купеческих судах пустился медленно вверх .по реке Двине за тысячу миль от Вологды. Царь

послал навстречу ему пристава Михаила Протопопова, чтобы он приготовил для посланника провизию, подводы и лошадей на всем пути для него и его спутников. В Ярославле его встретил другой слуга царской конюшни с двумя прекрасными иноходцами на тот случай, если посол захочет ехать верхом. У самой Москвы он был с большим почетом встречен князем Иваном Сицким, выехавшим к нему навстречу с 300 хорошо снаряженных верховых, которые сопровождали сэра Бауса до места его остановки. Царский дьяк Савелий Фролов был послан царем поздравить посла с благополучным прибытием, неся ему на ужин множество мясных блюд и обещая ему хорошее содержание. На следующий день царь прислал знатного человека Игнатия Татищева навестить сэра Дж. Бауса и узнать, как он чувствует себя, не нуждается ли в чем-либо, а также сказать, что если он не слишком устал с дороги, то может быть принят через два дня, в следующую субботу, т. к. царь очень ждет встречи с ним. Баус отвечал, что надеется быть в состоянии представиться его величеству.

Как было назначено, в 9 часов в этот день улицы заполнились народом, и тысячи стрельцов, одетых в красные, желтые и голубые одежды, выстроенных в ряды своими военачальниками верхом с блестящими самопалами и пищалями в руках, стояли на всем пути после его двери до дворца царя. Князь Иван Сицкий в богатом наряде верхом на прекрасной лошади, богато убранной и украшенной, выехал в сопровождении 300 всадников из дворян, перед ним вели прекрасного жеребца, также богато убранного, предназначенного для посла. Но он, недовольный тем, что его лошадь хуже, чем лошадь князя, отказался ехать верхом и отправился пешком, сопровождаемый своими слугами, одетыми в ливреи из стамета, хорошо сидевшие на них.

Каждый из слуг нес один из подарков, состоявших в основном из блюд. У дворца их встретил другой князь, который сказал, что царь ждет его; Баус отвечал, что он идет так быстро, как может. По дороге народ, отчасти угадав цель его посольства, которая была всем неприятна, кричал ему в насмешку: «Карлик!», что означает «журавлиные ноги». Переходы, крыльцо и комнаты, через которые вели Бауса, были заняты купцами и дворянами в золототканых одеждах. В палату, где сидел царь, вначале вошли слуги посла с подарками и разместились в одной стороне. Царь сидел в полном своем величии, в богатой одежде, перед ним находились три его короны; по обе стороны царя стояли четверо молодых слуг, называемых «рынды», в блестящих кафтанах из серебряной парчи с четырьмя скипетрами или серебряными топориками. Царевич и другие великие князья и прочие знатные

вельможи сидели вокруг него. Царь встал, посол сделал свои поклоны, произнес речь, предъявил письма королевы. Принимая их, царь снял свою шапку, осведомился о здоровье своей сестры королевы Елизаветы. Посол отвечал, затем сел на указанное ему место, покрытое ковром. После короткой паузы, во время которой они присматривались друг к другу, он был отпущен в том же порядке, как пришел. Вслед за ним был послан дворянин высокого звания, доставивший ему к обеду две сотни мясных блюд; сдав их и получив награду, он оставил сэра Дж. Бауса за трапезой.

Если я и далее буду так подробно описывать ход дела, и без того продолжительного, это займет у меня слишком много времени; состоялось несколько секретных и несколько торжественных встреч и бесед. Король чествовал посла; большие пожалования делались ему ежедневно во всех видах снабжения; все ему позволялось, но, однако, ничто его не удовлетворяло, и это вызвало большое недовольство. Между тем было достигнуто согласие относительно счетов между чиновниками царя и компанией купцов; все их жалобы были услышаны, обиды возмещены, им были пожалованы привилегии и подарки, и царь принял решение послать к королеве своего приближенного послом. Если бы сэр Дж. Баус знал меру и умел воспользоваться моментом, король, захваченный своим сильным стремлением, пошел бы навстречу всему, что бы ни было предложено, даже обещал, если эта женитьба с родственницей королевы устроится, закрепить за ее потомством наследование короны.

Князья и бояре, особенно ближайшее окружение жены царевича — семья Годуновых, были сильно обижены и оскорблены этим, изыскивали секретные средства и устраивали заговоры с целью уничтожить эти намерения и опровергнуть все подписанные соглашения. Царь в гневе, не зная, на что решиться, приказал доставить немедленно с Севера множество кудесников и колдуний, привести их из того места, где их больше всего, между Холмогорами и Лапландией. Шестьдесят из них было доставлено в Москву, размещены под стражей. Ежедневно им приносили пищу, и ежедневно их посещал царский любимец Богдан Вельский, который был единственным, кому царь доверял узнавать и доносить ему их ворожбу или предсказания о том, о чем он хотел знать. Этот его любимец, утомившись от дьявольских поступков тирана, от его злодейств и от злорадных замыслов этого Гелиогабалуса, негодовал на царя, который был занят теперь лишь оборотами солнца. Чародейки оповестили его, что самые сильные созвездия и могущественные планеты небес против царя, они предрекают его кончину в определенный день;

но Вельский не осмелился сказать царю все это; царь, узнав, впал в ярость и сказал, что очень похоже, что в тот день все они будут сожжены. У царя начали страшно распухать половые органы — признак того, что он грешил беспрерывно в течение пятидесяти лет; он сам хвастал тем, что растлил тысячу дев, и тем, что тысячи его детей были лишены им жизни.

Каждый день царя выносили в его сокровищницу. Однажды царевич сделал мне знак следовать туда же. Я стоял среди других придворных и слышал, как царь рассказывал о некоторых драгоценных камнях, описывая стоявшим вокруг него царевичу и боярам достоинства таких-то и таких-то камней. И я прошу позволения сделать небольшое отступление, изложив это для моей собственной памяти.

«Магнит, как вы все знаете, имеет великое скрытое свойство, без которого нельзя плавать по морям, окружающим землю, и без которого невозможно узнать ни стороны, ни пределы земли. Гроб персидского пророка Магомета из стали чудесно висит над землей в его Мавзолее в Дербенте». Он приказал слугам принести цепочку булавок и, притрагиваясь к ним магнитом, подвесил их одну на другую. «Вот прекрасный коралл и прекрасная бирюза, которые вы видите, возьмите их в руку, их природный цвет ярок; а теперь положите их на мою ладонь. Я отравлен болезнью, вы видите, они показывают свое свойство изменением цвета из чистого в тусклый, они предсказывают мою смерть. Принесите мой царский жезл, сделанный из рога единорога с великолепными алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями, богатыми в цене; этот жезл стоил мне семьдесят тысяч марок, когда я купил его у Давида Гауэра, доставшего его у богачей Аугсбурга. Найдите мне несколько пауков». Он приказал своему лекарю Иоганну Ейлофу обвести на столе круг; пуская в этот круг пауков, он видел, как некоторые из них убегали, другие подыхали. «Слишком поздно, он не убережет теперь меня. Взгляните на эти драгоценные камни. Этот алмаз — самый дорогой из всех и редкостный по происхождению. Я никогда не пленялся им, он укрощает гнев и сластолюбие и сохраняет воздержание и целомудрие; маленькая его частица, стертая в порошок, может отравить не только человека, но даже лошадь». Затем он указал на рубин. «О! Этот наиболее пригоден для сердца, мозга, силы и памяти человека, очищает сгущенную и испорченную кровь». Затем он указал на изумруд. «Этот произошел от радуги, он враг нечистоты. Испытайте его; если мужчина и женщина соединены вожделением, имея при себе изумруд, то он растрескается. Я особенно люблю сапфир, он сохраняет и усиливает мужество,

веселит сердце, приятен всем жизненным чувствам, полезен в высшей степени для глаз, очищает взгляд, удаляет приливы крови к ним, укрепляет мускулы и нервы». Затем взял оникс в руку. «Все эти камни — чудесные дары божьи, они таинственны по происхождению, но, однако, раскрываются для того, чтобы человек их использовал и созерцал; они — друзья красоты и добродетели и враги порока. Мне плохо; унесите меня отсюда до другого раза».

В полдень он пересмотрел свое завещание, не думая, впрочем, о смерти, т. к. его много раз околдовывали, но каждый раз чары спадали, однако на этот раз дьявол не помог. Он приказал главному из своих врачей и аптекарей приготовить все необходимое для его развлечения и ванны. Желая узнать о предзнаменовании созвездий, он вновь послал к колдуньям своего любимца, тот пришел к ним и сказал, что царь велит их зарыть или сжечь живьем за их ложные предсказания. День наступил, а он в полном здравии как никогда. «Господин, не гневайся. Ты знаешь, день окончится, только когда сядет солнце». Вельский поспешил к царю, который готовился к ванне. Около третьего часа дня царь вошел в нее, развлекаясь любимыми песнями, как он привык это делать, вышел около семи, хорошо освеженный. Его перенесли в другую комнату, он сел на свою постель, позвал Родиона Биркина, своего любимца, и приказал принести шахматы. Он разместил около себя своих слуг, своего главного любимца и Бориса Федоровича Годунова, а также других. Царь был одет в распахнутый халат, полотняную рубаху и чулки; он вдруг ослабел и повалился навзничь. Произошло большое замешательство и крик, одни посылали за водкой, другие — к аптекарям за ноготковой и розовой водой, а также за его духовником и лекарями. Тем временем царя охватил приступ удушья, и он окоченел. Некоторая надежда была подана, чтобы остановить панику. Упомянутые Богдан Вельский и Борис Федорович, который по назначению царя был главным из тех четырех знатных людей, назначенных в правительство (он был назначен, как брат царицы, жены теперешнего царя Федора Ивановича), вышли на крыльцо в сопровождении своих родственников и приближенных, которых вдруг появилось такое великое множество, что было странно это видеть. Приказали начальникам стражи и стрельцам зорко охранять ворота дворца, держа наготове оружие, и зажечь фитили. Ворота Кремля закрылись и хорошо охранялись. Я, со своей стороны, предложил людей, военные припасы в распоряжение князя-правителя. Он принял меня в число своих близких и слуг, прошел мимо, ласково взглянув, и сказал: «Будь верен мне и ничего не бойся».

Митрополиты, епископы и другая знать стекалась в Кремль, отмечая как бы дату своего освобождения. Это были те, кто первыми на Св. писании и на кресте хотели принять присягу и поклясться в верности новому царю, Федору Ивановичу. Удивительно много успели сделать за шесть или семь часов: казна была вся опечатана и новые чиновники прибавились к тем, кто уже служил этой семье. Двенадцать тысяч стрельцов и военачальников образовали отряд для охраны стен великого города Москвы; стража была дана и мне для охраны Английского подворья. Посол, сэр Джером Баус, дрожал, ежечасно ожидая смерти и конфискации имущества; его ворота и окна были заперты, слуги заключены в тюрьму, он был лишен всего того изобилия, которое ему доставалось ранее. Борис Федорович — теперь князь-правитель и три других главных боярина вместе с ним составили правительство, по воле старого царя: князь Иван Мстиславский, князь Иван Васильевич Шуйский и Никита Романович. Они начали управлять и распоряжаться всеми делами, потребовали отовсюду описи всех богатств, золота, серебра, драгоценностей, произвели осмотр всех приказов и книг годового дохода; во всех судах были сменены казначеи, служители и адвокаты, так же как и все воеводы, начальники гарнизонов в местах, особо опасных. В крепостях, городах и поселках, особо значительных, были посажены верные люди от царской семьи; и таким же образом было сменено окружение царицы, его сестры. Этим средством князь-правитель значительно упрочил свою безопасность. Велика была его наблюдательность, которая помогала ему быть прославляемым, почитаемым, уважаемым и устрашающим для его людей, он поддерживал эти чувства своим умелым поведением, так как был вежлив, приветлив и проявлял любовь как к князьям, так и к людям всех других сословий. (...)

Государство и управление обновились настолько, будто это была совсем другая страна; новое лицо страны было противоположно старому; каждый человек жил мирно, уверенный в своем месте и в том, что ему принадлежит. Везде восторжествовала справедливость. Однако Бог еще приберег сильную кару для этого народа; что мы здесь можем сказать? По природе этот народ столь дик и злобен, что, если бы старый царь не имел такую тяжелую руку и такое суровое управление, он не прожил бы так долго, т. к. постоянно раскрывались заговоры и измены против него. Кто мог думать тогда, что столь большие богатства, им оставленные, будут вскоре истреблены, а это государство, царь, князья и все люди так близки к гибели. Плохо приобретешь — скоро потеряешь.

Царь Иван Васильевич правил более шестидесяти лет. Он завоевал Полоцк, Смоленск и многие другие города и крепости в семистах милях на юго-запад от города Москвы в областях Ливонии, принадлежавших польской короне, он завоевал также многие земли, города и крепости на восточных землях Ливонии и в других доминионах королей Швеции и Польши; он завоевал царства Казанское и Астраханское, все области и многочисленные народы ногайских и черкесских татар и другие близкие к ним народы, населявшие пространства в две тысячи миль по обе стороны известной реки Волги и даже на юг вплоть до Каспийского моря. Он освободился от рабской дани и поборов, которые он и его предшественники ежегодно платили великому царю Скифии, хану крымских татар, посылая ему, однако, небольшую мзду, чтобы защищаться от их ежегодных набегов. Он завоевал Сибирское царство и все прилежащие к нему с севера области, более чем на пятьсот миль. Таким образом он расширил значительно свою державу во всех направлениях и этим укрепил свою населенную и многочисленную страну, ведущую обширную торговлю и обмен со всеми народами, представляющими разные виды товаров своих стран, так что не только увеличились его доходы и доходы короны, но сильно обогатились его города и провинции. Столь обширны и велики стали теперь его владения, что они едва ли могли управляться одним общим правительством и должны бы были распасться на отдельные княжества и владения, однако под его единодержавной рукой монарха они остались едиными, что привело к его могуществу, превосходившему все соседние царства. Именно это было его целью, а все им задуманное осуществилось. Но безграничное честолюбие и мудрость человека оказываются лишь безрассудством в попытке помешать воле и власти Всевышнего, что и подтвердилось впоследствии. Этот царь уменьшил неясности и неточности в их законодательстве и судебных процедурах, введя наиболее ясную и простую форму письменных законов, понятных и обязательных для каждого, так что теперь любой мог вести свое дело без адвоката, а также оспаривать незаконные поборы в царском суде без отсрочки. Этот царь установил и обнародовал единое для всех вероисповедание, учение и богослужение в церкви, согласно, как они это называют, учению о трех символах, или о православии, наиболее согласного с апостольским уставом, используемого в первоначальной церкви и подтвержденного мнением Афанасия и других лучших и древнейших отцов на их Никейском соборе и на других наиболее справедливых соборах. Он и его предки приняли первоначальные правила христианской религии, как они верили, от греческой

церкви, ведя свое древнее начало от св. апостола Андрея и их покровителя св. Николая. Эта греческая церковь с тех пор, по причине их отступлений и распрей, подверглась упадку и заблуждениям в наиболее важном как в существе доктрин, так и в отправлении богослужений.

Из-за этого царь отделил Московское духовное управление от греческой церкви и, соответственно, от необходимости посылать в эту церковь пожертвования и принимать оттуда грамоты. С помощью Троицы он убедил нестойкого патриарха Иеремию отречься от патриаршества в Константинополе и на Хиосе в пользу Московской митрополии. Царь резко отклонял и отвергал учение папы, рассматривая его как самое ошибочное из существующих в христианском мире; оно угождает властолюбию папы, выдумано с целью сохранить его чиноначалие, никем ему не дозволенное, сам царь изумлен тем, что отдельные христианские государи признают его верховенство, приоритет церковной власти над светской. Все это, только более пространно, он приказал изложить своим митрополитам, архиепископам и епископам, архимандритам и игуменам, папскому нунцию Антонию Поссевино, великому иезуиту, у дверей собора Пречистой в Москве. За время своего правления этот царь построил свыше сорока прекрасных каменных церквей, богато убранных и украшенных внутри, с главами, покрытыми позолотой из чистого золота. Он построил свыше шестидесяти монастырей и обителей, подарив им колокола и украшения и дав вклады, чтобы они молились за его душу.

Он построил высокую колокольню из тесаного камня внутри Кремля, названную Благовещенской колокольней, с тридцатью великими и благозвучными колоколами на ней, которая служит всем тем соборам и великолепным церквам, расположенным вокруг; колокола звонят вместе каждый праздничный день (а таких дней много), а также очень заунывно во время полуночной службы.

Заканчивая повествование о его благочестии, нельзя не привести один памятный акт, его милосердное деяние. В 1575 году вслед за моровым поветрием начался большой голод. Города, улицы и дороги были забиты мошенниками, праздными нищими и притворными калеками; в такое трудное время нельзя было положить этому конец. Всем им было объявлено, что они могут получить милостыню от царя в назначенный день в Слободе. Из нескольких тысяч пришедших семьсот человек — самых диких обманщиков и негодяев — были убиты ударом в голову и сброшены в большое озеро на добычу рыбам; остальные, самые слабые, были распределены по монастырям и больницам,

где получили помощь. Царь, среди многих других своих деяний, построил за время царствования сто пятьдесят пять крепостей в разных частях страны, установив там пушки и поместив военные отряды. Он построил на пустующих землях триста городов, названных «ямами», длиной в одну-две мили, дав каждому поселенцу участок земли, где он мог содержать беговых лошадей столько, сколько может потребоваться для нужд государственной службы. Он построил крепкую, обширную, красивую стену из камня вокруг Моек вы, укрепив ее пушками и стражей.

В заключение скажу о царе Иване Васильевиче. Он был приятной наружности, имел хорошие черты лица, высокий лоб, резкий голос — настоящий скиф, хитрый, жестокий кровожадный, безжалостный, сам по своей воле и разумению управлял как внутренними, так и внешними делами госу дарства. Он был пышно захоронен в церкви Архангела Михаила; охраняемый там днем и ночью, он все еще оставался столь ужасным воспоминанием, что, проходя мимо или упомянув его имя, люди крестились и молились, чтоб он вновь не воскрес, и т. п. <...)

Я выехал из Англии, хорошо снаряженный, с девятью купеческими кораблями и благополучно прибыл в бухту Св. Николая, затем добрался до Москвы, проехав 1200 миль, и явился к князю-правителю, теперь сделавшемуся князем провинции Вага. Он радостно встретил меня и после длинной беседы повел внутренним ходом к царю, который, казалось, был рад моему возвращению, потчевал меня, развлекал, а затем отпустил. На следующий день князь-правитель прислал за мной и рассказал мне много странных происшествий и перемен, случившихся за время моего отсутствия в Москве. Я был огорчен, услышав о заговорах родственников царицы, матери царевича Дмитрия, и присоединившихся к ним отдельных князей, которых прежний царь, по своему завещанию, назначил вместе с князем-правителем управлять государством. Однако теперь этот последний, зная свою силу и власть, не стал допускать их к управлению «Ты услышишь многое, но верь только тому, что я скажу тебе»,— сказал мне князь-правитель. С другой стороны, я слышал большой ропот от многих знатных людей. Обе стороны скрывали свою вражду, с большой осторожностью взвешивая свои возможности, это, однако, не могло хорошо кончиться ни для одной из этих сторон. Князь-правитель спросил меня, когда прибудут подарки и заказанные товары. Я отвечал, что, нужно полагать — скоро.

Меня призвали к царю: он сидел на престоле в присутствии большинства членов своей думы. После небольшой речи, содержавшей перечисление его титулов, прославления величия его царской державы, я предъявил список моего наказа и

ответные грамоты его величеству от королевы Англии, после их принятия меня отпустили. У меня спрашивали о подарках, посланных его величеству. Я отвечал, что они таковы, что требуют для перевозки больше времени, чем обычно. Тотчас было отдано приказание, и военачальник с 50-ю охотниками был послан, чтобы принять все меры к быстрой доставке их через р. Двину. В этот раз меня похвалили за хорошую службу и за исполнение воли царя относительно королевы Магнуса, которая была благополучно доставлена в Москву.

Богдан Вельский, главный любимец прежнего царя, был в это время в опале, сослан в отдаленную крепость Казани, как опасный человек, сеявший смуту среди знати в эти тревожные времена. Главный казначей старого царя Петр Головин, человек высокого происхождения и большой храбрости, стал дерзок и неуважителен к Борису Федоровичу и в результате был также сослан в опалу под наблюдением Ивана Воейкова, фаворита князя-правителя, а по дороге лишен жизни. Князь Иван Васильевич Шуйский, высокий князь царской крови, пользовавшийся большим уважением, властью и силой, был главным соперником в правительстве, и его недовольство и величие пугали. Нашли предлог для его обвинения: ему объявили царскую опалу и приказали немедленно выехать из Москвы на покой. Он был захвачен стражей под началом одного полковника, недалеко от Москвы, и удушен в избе дымом от зажженного сырого сена и жнива. Его смерть была всеми оплакана. Это был главный камень преткновения на пути дома Годуновых, хотя еще многие подверглись подозрению и постепенно разделили эту участь.

Я был огорчен, увидев, какую ненависть возбудил в сердцах и во мнении большинства князь-правитель. Им его жестокости и лицемерие казались чрезмерными. Однажды он вышел через задние ворота со мной и немногими из своих слуг, не считая его сокольничих, посмотреть охоту его кречетов на журавлей, цапель и диких лебедей. Это поистине царская забава, особенно с их выносливыми ястребами, когда не нужно заботиться о том, что птица убьется, а выбор их большой, и все они совершенны. Нищий монах вдруг подошел к нему и сказал, чтобы он поскорее укрылся в доме, так как не все пришедшие позабавиться его охотой — его истинные друзья. В это время около 500 всадников из молодой знати и придворных ехали якобы для оказания ему почестей при проезде его через город. Он полагал, что никто не должен знать о том, куда он идет, или следовать за ним. Он последовал совету монаха и, устремившись за молодым соколом, спущенным на птицу на другую сторону реки, переправился и

ближайшей дорогой поспешил домой, оказавшись у ворот Кремля раньше, чем прибыла эта компания. Я видел, что он был сильно встревожен и рад, что благополучно вернулся во дворец; там его ожидали епископы, князья и другие просители со своими челобитными, причем иные не могли попасть к нему в течение двух или даже трех дней, потому что он пользовался обычно тайным проходом в покои царя. Я просил его оглянуться и выйти к ним на крыльцо. Он сердито посмотрел на меня, будто бы я советовал что-то недоброе, однако сдержался, вышел к ним, приветствовал многих и принял их прошения при громких выкриках: «Боже, храни Бориса Федоровича!» Он сказал им, что представит их челобитные царю. «Ты наш царь, благороднейший Борис Федорович, скажи лишь слово, и все будет исполнено!» Эти слова, как я заметил, понравились ему, потому что он добивался венца. (...)

В это время составился тайный заговор недовольной знати с целью свергнуть правителя, все его замыслы и могущество. Этот заговор он не посмел разоблачить явно, но усилил свою личную охрану. Был также раскрыт заговор с целью отравить и убрать молодого царевича, третьего сына прежнего царя Димитрия, его мать и всех их родственников, приверженцев и друзей, содержавшихся под строгим присмотром в отдаленном городе Угличе. Дядя нынешнего царя Никита Романович — третий, по завещанию царя, из правителей-регентов — был назначен наряду с Борисом Федоровичем, который теперь не хотел терпеть никаких соперников у власти и, как я уже сказал, извел двух других высоких князей. Никита Романович, солидный и храбрый князь, почитаемый и любимый всеми, был околдован, внезапно лишился речи и рассудка, хотя и жил еще некоторое время. Но правитель сказал мне, что долго он не протянет. Старший сын Никиты Романовича, видный молодой князь, двоюродный брат царя Федор Никитич, подававший большие надежды (для него я написал латинскую грамматику, как смог, славянскими буквами, она доставила ему много удовольствия), теперь был принужден жениться на служанке своей сестры, жены князя Бориса Черкасского. Он имел сына, о котором многое услышите впоследствии. Вскоре после смерти своего отца Федор Никитич, опасный своей популярностью и славой, был пострижен в монахи и сделался молодым архиепископом Ростовским. Его младший брат, не менее сильный духом, чем он, Александр Никитич, не мог долее скрывать свой гнев: воспользовавшись случаем, он ранил князя-правителя, но не опасно, как задумывал, и бежал в Польшу, где вместе с Богданом Вельским — главным любимцем прежнего царя и сказочно богатым человеком — и с другими

недовольными лицами и в Польше, и в России задумывал заговор с целью не просто свергнуть Бориса Федоровича и всю его семью, но разрушить и погубить все государство, как вы и прочтете на этих страницах позднее. (...)

Правитель отослал свои богатства в Соловецкий монастырь, который стоит на северном берегу моря, близ границ с Данией и Швецией. Он хотел, чтобы в случае необходимости они были там готовы к отправке в Англию, которую он считал самым надежным убежищем и хранилищем в случае, если бы ему пришлось бежать туда. Все эти сокровища были его собственностью, не принадлежали казне, и, если бы было суждено, Англия получила бы большую выгоду от огромной ценности этого богатства. Но он колебался, так как намеревался вступить в союз с Данией, чтобы иметь опору в дружбе и в ее могуществе. Он и его приближенные не смогли ни сохранить, ни устроить этот план в тайне, а возможно, их кто-то предал, и старинная знать стала подозревать меня. Так как все они и духовенство завидовали той милости, которой я пользовался, то они перестали оказывать мне свое дружеское расположение. (...)

Некоторые из моих старых приятелей присылали мне тайком, через нищих женщин, известия, что произошли перемены и что я должен быть настороже. За мной послали. Я вручил грамоты королевы царю, он передал их Андрею Щелкалову, главному чиновнику посольства, моему врагу по милости сэра Джерома Бауса. Слабоумный царь вдруг начал плакать, креститься, говоря, что никогда не давал мне повода для обиды, видимо, он был чем-то встревожен. Меня поспешно увели от него.

Князя-правителя не было там, и я ничего не слышал о нем, пока однажды вечером, проезжая мимо моего дома, он не прислал ко мне дворянина сказать, чтобы я приехал к нему верхом в определенное место под стенами Москвы. Приказав всем отойти, он поцеловал меня, по их обычаю, и со слезами сказал, что не может, по разным серьезным причинам, оказывать мне прежнее расположение. Я сказал ему, что мне это еще более обидно, ибо совесть моя свидетельствует: я не давал ему повода для обиды, я всегда был верен ему, предан и честен. «Тогда пусть от этого страдают души тех, кто хотел нас поссорить». Он говорил о разных вещах, которые нельзя изложить на бумаге. Прощаясь, он уверял меня, что не даст и волосу упасть с моей головы — это была лишь пустая фраза. Между тем я получил много предупреждений от моих друзей, хотя многие из них были удалены от меня. Мне были предъявлены многие обвинения: исключение из письма королевы печати и полного титула, чего не было в прежних посланиях, а это якобы обидно для царя и

оскорбительно для царицы; обвинение в сношениях с польским королем и князем, а также в гом, что я вывез из страны большие сокровища. На все обвинения я отвечал исчерпывающим образом, так что они были вынуждены прекратить дальнейшее дознание. Вопреки их воле это получило огласку и вызвало выражения симпатии и дружбы ко мне у многих. Вода, в которой варилось мясо для меня, была отравлена, также были отравлены и мое питье, кушанья и припасы; моя прачка была подкуплена отравить меня, она призналась в этом, сама рассказала кем, когда и как, тем более что у меня уже были точные сведения. Мой повар и дворецкий — оба умерли от яда. У меня был слуга, сын господина из Данцига Агаций Даскер, у него открылось двадцать нарывов и болячек на теле, и он едва не умер.

Опасаясь оставить меня в Москве, где в то время было много иностранных посланников, царь и совет отослали меня на время в Ярославль, за 250 миль. Борис прислал шепнуть мне, чтобы я ничего не боялся. Много других происшествий случилось со мной, их вряд ли стоит описывать. Известия, которые доходили до меня, были иногда приятны, иногда ужасны. Бог чудом сохранил меня. Но однажды ночью я поручил свою душу Богу, думая, что час мой пробил. Кто-то застучал в мои ворота в полночь. Вооружившись пистолетами и другим оружием, которого у меня было много в запасе, я и мои пятнадцать слуг подошли к воротам с этим оружием. «Добрый друг мой, благородный Джером, мне нужно говорить с тобой». Я увидел при свете луны Афанасия Нагого, брата вдовствующей царицы, матери юного царевича Дмитрия, находившегося в 25 милях от меня в Угличе. «Царевич Дмитрий мертв, дьяки зарезали его около шести часов; один из его слуг признался на пытке, что его послал Борис; царица отравлена и при смерти, у нее вылезают волосы, ногти, слезает кожа. Именем Христа заклинаю тебя; помоги мне, дай какое-нибудь средство!»—«Увы! У меня нет ничего действенного». Я не отважился открыть ворота, вбежав в дом, схватил банку с чистым прованским маслом (ту небольшую склянку с бальзамом, который дала мне королева) и коробочку венецианского териака. «Это все, что у меня есть. Дай бог, чтобы это помогло». Я отдал все через забор, и он ускакал прочь. Сразу же город был разбужен караульными, рассказавшими, как был убит царевич Дмитрий.

А четырьмя днями раньше были подожжены окраины Москвы и сгорело двенадцать тысяч домов. Стража Бориса захватила добычу, но четверо или пятеро из них (жалкие люди!) признались на пытке, будто бы царевич Дмитрий, его мать царица и весь род Нагих подкупили их убить царя и Бориса Федоровича и сжечь

Москву — все это объявили народу, чтобы разжечь ненависть против царевича и рода Нагих; но эта гнусная клевета вызвала только отвращение у всех. Бог вскоре послал расплату за все это, столь ужасную, что стало очевидно, как он, пребывая в делах людских, направляет людские злодейства к изобличению. Епископ-Крутицкий был послан с 500 стрельцами, а также с многочисленной знатью и дворянами для погребения царевича Дмитрия в алтаре церкви Св. Иоанна (как мне кажется) в Угличе. Вряд ли все думали в то время, что тень убитого царевича явится так скоро и погубит весь род Бориса Федоровича. Больную, отравленную царицу постригли в монахини, принося ее светскую жизнь в жертву спасения души, она умерла для света. Все ее родственники, братья, дяди, приверженцы, слуги и чиновники были в опале разбросаны по отдаленным пристанищам.

Подошло время моего отъезда. Мне сказали, что письма царя и Бориса Федоровича будут посланы за мной следом. В Москве оставалось много моих вещей, долгов, имущества, которые я надеялся забрать, а также порядочная сумма денег за Борисом. В своих письмах ко мне, которые я храню по сей день, Борис писал, что не смог в отношении меня поступать так, как ему хотелось бы, что он будет стараться, как и раньше, заботиться о моем благополучии, но что ему нужно сперва устранить некоторые препятствия. Между прочим, писал он, если я нуждаюсь в деньгах, он пришлет мне их из своей собственной казны. Пристав был послан ко мне проводить меня вниз по Двине и посадить на корабль. Я был рад выбраться из России, наверное, не меньше Джерома Бауса. Многие из знатных людей предлагали мне свои услуги в моем трудном положении <...).

ДОСТОВЕРНАЯ И ПРАВДИВАЯ РЕЛЯЦИЯ» ПЕТРА ПЕТРЕЯ

«Петр Петрей, подданный шведской короны, приехал в Россию в конце 1601 года и жил здесь, вероятно, как практикующий вран, хотя и не имел врачебного диплома. «В этом дальнем, не без смертельной опасности для меня путешествии,— повествовал в 1620 году Петрей,— я тщательно наблюдал и описывал их (жителей Московии.— Сост.) веру и богослужебные обряды, правление, гражданское устройство, также все их нравы, обычаи, занятия, ремесла и торговлю, военные приемы, а равно и обилие страны — в хлебе, скоте, диких зверях, птицах, рыбах; прекрасные, текущие по ней реки, ручьи и ключи, веселые леса и рощи с растущими в них разными деревьями, душистыми лугами и полями, населенные города и местечки, сильные крепости и укрепления, недавно миновавшие войны между шведами, поляками и русскими». Увы, войны миновали ненадолго, впереди была еще кровопролитнейшая тринадцатилетняя война России, Швеции и Польши и множество иных страшных потрясений. Описание, начатое идиллической картиной изобилия северной державы, скоро сворачивает на профессиональное перечисление «крепостей и укреплений», что позволяет судить о действительных целях прогулки («не без смертельной опасности») Петра Петрея по периферии Европы. Швеция, стоявшая на пороге собственной смуты и эпохи «великой ненависти», внимательно наблюдала за мятежами во владениях своего восточного соседа, надеясь извлечь из этих событий некоторую выгоду Петрей, родившийся в 1570 году, двадцати трех лет за нерадивость был исключен из Марбургского университета. Виной тому, разумеется, не недостаток способностей, а жажда скорой карьеры и более пышных одежд, чем просиженные до дыр штаны немецкого школяра. По чьей-то авторитетной протекции недоучившийся студент поступил в личную канцелярию герцога Карла, претендента на шведский престол, а в мае 1600 года как доверенное лицо герцога отправился к польскому королю Сигизмунду с дипломатическим поручением. В начале 1601 года Петрей оказывается на театре военных действий в Лифляндии и в конце года — в России. Герцог-правитель, будущий король Карл IX, ждал от своего советника надежной информации о событиях в России — и Петрей начинает тщательно «наблюдать и оценивать» все, что потом можно будет нанести на военные карты.

Обратный путь Петрея лежал через Польшу, где шведский

агент навлек на себя немилость короля Сигизмунда тем, что неосторожно отрицал царское происхождение первого Самозванца. В середине 1606 года Петрей является в Стокгольм. Новоиспеченный писатель едва успевает очинить перо, как король посылает его в Москву к царю Василию Шуйскому с предложением военного союза против Польши. Поездка состоялась в 1607 году и не имела успеха. Не преуспев на дипломатическом поприще, Петрей спешит пожать лавры историка, летом — осенью 1608 года готовит к печати «Достоверную реляцию» и выпускает ее в свет в ноябре 1608 года.

Не станем подробно описывать последующую судьбу Петрея — новые визиты в Россию, получение звания «придворного фискала», работу над более обстоятельным трудом «История о великом князе Московском» (1615 г., второе издание вышло в 1620 г.), где, впрочем, основные сведения были заимствованы из Хроники Конрада Буссова. Умер Петрей 28 октября 1622 года в Стокгольме.

«Реляция» Петрея основана на его собственных донесениях, отправленных из Москвы в Стокгольм в 1602—1604 годах, и является одним из первых печатных трудов о Смуте. Петрей жил под Москвой в Немецкой слободе (нынешний район Бауманской улицы), получал сведения как от иностранцев — врача Каспара Фидлера, пастора Мартина Вера и Конрада Буссова, так и от русских знакомцев — Василия Шуйского, Марии Нагой, окружения первого Самозванца.

(...) Все те, кто имеет какой-либо опыт, не так несведущи и глупы, чтобы не знать или, по крайней мере, не слышать о той смуте, войне и кровопролитии, которые в истекшие годы произошли в великом княжестве Московском, или России, и имели своей причиной козни папы, польского короля и иезуитов. Поэтому, если есть сейчас кто-нибудь, живущий в стране или за ее пределами, кто не знает об этом жестоком кровопролитии, я хочу рассказать ему об этом в назидание и поучение всю правду с самого начала коротко и просто. Чтобы это сделать как подобает, необходимо оглянуться немного назад и показать сами причины, приведшие к этим кровавым событиям.

Главная причина, видимо, состоит в том, что всемогущий Бог хотел наказать всю страну тремя несчастьями, а именно: голодом и дороговизной, чумой, гражданской войной и кровопролитием, которые следовали одно за другим. Ибо в стране в 1601, 1602 и 1603 годах была такая дороговизна, голод и нужда, что несколько сотен тысяч людей умерло от голода. Многие в городах лежали мертвые на улицах, многие — на дорогах и тропинках с травой или соломой во рту. Многие ели кору, траву или корни и тем

утоляли голод. Многие ели навоз и другие отбросы. Многие лизали с земли кровь, которая сочилась из убитых животных. Многие ели конину, кошек и крыс. Да, они ели еще более опасную и грубую пищу, а именно — человеческое мясо. Родители не щадили детей, так же как и дети — родителей. В больших семьях доходили до того, что брали самого толстого, убивали его, варили или жарили и съедали. Таким образом многие расстались с жизнью. Я видел в Москве, как одна обессилевшая, очень слабая женщина, несшая своего родного сына, схватила его руку и откусила от нее два куска, съела их и села на дороге. Она, наверное, убила бы ребенка, если бы другие люди не забрали его. Никто не осмеливался открыто приносить хлеб на рынок и продавать его, ибо нищие сразу выхватывали хлеб. Одна мера ржи стоила 19 талеров, в то время как ранее она стоила не более 12 эре. Люди продавали сами себя за гроши и давали в том на себя запись. Родители продавали детей, мужья — жен. Столь ужасного голода и нищеты, как в эти три года, не было ни в одном другом королевстве или стране христианской или языческой ни в мирное время, ни в войну, что я и хочу показать.

После этого несчастья пришла чума, которая была так же беспощадна, как и голод, но все-таки она была не так страшна, ибо лучше пасть от руки божией, нежели от руки человеческой. Когда чума прекратилась, началась война и смута и всяческие беды, так что вся страна была жестоко наказана и пришла в жалкое состояние из-за этих трех несчастий, которые, видимо, были ниспосланы им за гордыню, безбожие, поклонение идолам, еретичество, зло, несправедливость и жестокую тиранию, в которую кровавый пес Иван Васильевич, московский князь, поверг как своих подданных, так и иностранцев. Но особенно жесток он был к бедной Лифляндии, грабя и сжигая ее, обирая и позоря женщин и девиц, вывозя вдов и маленьких детей, которых потом продавали в Татарию и другим народам на вечные слезы и нужду, которым не будет конца в этом мире, и они со слезами, стенаниями и страхом будут взывать к Богу. Поэтому теперь Всевышний внял их мольбам, и его детям и последователям пришлось искоренять безбожие и тиранию, в которые он поверг вдов и сирот. Ибо Бог справедлив, велик, всемогущ и ужасен, Бог над всеми богами, господин над всеми господами, вершит суд свой, невзирая на лица; что он обещает, то и выполняет, как это видно на примере детей и родственников тирана, который против воли Бога, грабя и муча бесчисленное множество людей, вдов и сирот, привел их к жалкому концу. Бог говорит, что нельзя печалить ни вдов, ни сирот. Если вы печалите их, то они взывают

ко мне, и я внимаю их голосу, и мой гнев будет ужасен, и я поражу вас своим мечом. Так же он будет наказывать за грехи отцов до третьего и четвертого поколений. Каждая душа, которая совершает такие ужасные преступления, будет искоренена за жестокость, тиранию, безбожие и несправедливость; произойдут перемены, и власть будет отобрана от одного рода и передана другому, что доказывает как библейская история, так и языческие хроники. За безбожие были изгнаны наследники Соломона из Израиля и возвысились потом последователи Натана, от рода которого родился Мессия, наш единственный спаситель. Тарквиний Великий за грехи и жестокость своего сына, которые он творил с Лук-рецией, был наказан и отстранен от власти в Риме так, что имя его с тех пор никогда не произносилось в Риме и никто из его родичей после этого не получил какой-либо высокой должности. Жестокий король Христиан за его тиранию над подданными, духовными и светскими, дворянами и простолюдинами, всеми государственными сословиями, высокими и низкими, единодушно был лишен прав на шведскую корону вместе со своими наследниками, и в его государстве стал править славный король Густав со своими наследниками, которого по праву можно назвать отцом родины, что доказали закон о престолонаследии и другие его дела. Таким образом видно, какие причины устраняют один род от власти и возвышает другой

После того как Россия была жестоко наказана двумя бедами, чумой и дороговизной, на нее обрушилась не менее страшная третья — гражданская война, которая свирепствует уже шесть лет. Причиной гражданской войны, которая велась и ведется, явилось то, что Бог захотел наказать страну за неискупимую вину тремя карами, и для этого послужил особым орудием Борис Годунов. Ибо если Бог хочет наказать страну, он обыкновенно использует особые средства, при помощи которых все осуществляет. Итак, Борис Годунов был избранным оружием, корнем и началом тех событий, которые будут здесь описаны. Ибо в это время тиран Иван Васильевич Грозный закрыл глаза, что произошло в 1583 году, и его слабые сыновья не были способны управлять страной, после того как Иван Васильевич убил своего старшего сына собственным посохом лишь по той причине, что он просил отца, чтобы он не обращался так немилосердно и не по-христиански с бедными пленниками, попавшими в его власть. Его второй сын Федор был от природы мягким и безвольным, короче говоря, он не имел всех пяти органов чувств, он был равнодушен к мирским делам и к власти. Он иногда ходил звонить в колокола в церковь, поэтому отец часто говорил, что он больше похож на

пономаря, нежели на царского сына. Третий сын, Дмитрий, был еще совсем дитя. Поэтому конюший Ивана Васильевича Борис Федорович Годунов захватил власть и сам решал все дела. Он был любезный, умный и осторожный человек, но при этом очень лживый и злобный. Поэтому, чтобы никто не подумал, что он жаждет власти и сам хочет стать великим князем, он допустил венчать на царство сына Ивана Васильевича Федора, с которым, так как он был мягким и безвольным, никто не считался и никто его не боялся, поэтому Борис взял власть в свои руки и правил, как хотел. Он начал сразу замышлять и строить козни и таким образом получил возможность привести к гибели и искоренить старинный великокняжеский род, чтобы самому и своим наследникам прийти к власти и царскому величию, что будет видно в дальнейшем.

В Московии в старину был обычай, когда великий или удельный князь или боярин имел бесплодную жену, у которой не было детей, он должен был уведомить об этом патриарха и, дав ему доказательства бесплодия своей супруги, заявить, что хочет развестись с ней и получить разрешение взять другую, с которой он может иметь детей.

По этому же обычаю решала Дума в Московии, когда великая княгиня оказывалась бесплодной и не могла иметь детей от великого князя. Она должна была удалиться в монастырь, а князь женился на другой, от которой он мог иметь наследников. Сестра князя Федора Ивановича Мило-славского была из знатнейшего рода в государстве. Но Борис, который имел другие намерения, запретил совершить этот брак и повел другую игру. Он вел тайные переговоры с патриархом, чтобы тот никоим образом не давал согласия на это, и отговаривался тем, что произойдет зло, война и другие беды, если у великого князя появятся наследники и придут в совершеннолетие при живом Дмитрии. Патриарх, внимая речам Бориса, позволил уговорить себя, так что решение, которое приняла Дума, не имело успеха. Тогда Борис, по совету патриарха, приказал тайно увести девушку из дома, заточить ее в монастырь и постричь в монахини, где она должна оставаться до самой смерти. Никто не осмелился возразить, ибо Борис с патриархом имели полную власть. Когда другие бояре сказали, что надо найти другую невесту великому князю, то Борис и патриарх возражали против этого, сказав, что в государстве нет другой равной великому князю, с которой он мог бы вступить в брак, поэтому великому князю надо довольствоваться тем, что он имеет. Из этого можно легко понять, что Борис жаждал власти, ибо он не позволил великому князю по обычаю вступить в другой брак и стране получить наследника.

Ясно, что Борис имел намерение сам стать великим князем, ибо, когда он увидел, что его замысел удался, он вознамерился сразу после этого устранить с дороги Дмитрия, который до достижения совершеннолетия находился в Угличе. Он опасался, что если великий князь Федор умрет, то пока жив Дмитрий, ему не удастся захватить власть. Поэтому, задумав исполнить свои намерения, обратился он к молодым дворянам двора Дмитрия, дав им большие подарки и посулив дать в тысячу раз больше, если они каким-либо образом умертвят Дмитрия. Они позволили ослепить себя подарками и оглушить посулами и поступили, как Иуда: предали и убили своего господина. Ибо те, на кого он надеялся, напали на него, те, которые ели его хлеб, убили и предали его раньше, чем он заметил это. Это произошло так, как было условлено у них с Борисом. В полночь устроили они пожар в городе и пошли во дворец к Дмитрию, ибо знали, что он выйдет на улицу посмотреть, как народ тушит пожар. И когда он, спускаясь по лестнице, выходил из дворца, наемники вынули свои смертоносные кинжалы, убили его и сразу побежали к пожарищу, крича, что Дмитрий убит, отчего люди испугались и, бросив тушить пожар, побежали ко дворцу. Когда они прибежали туда и увидели, что все сказанное правда, они так разъярились, что убили всех слуг Дмитрия, которые там были. Они сказали: из-за этих предателей все мы будем наказаны, когда великий князь в Москве и Борис Годунов узнают об этом. Поэтому мы хотим отомстить за его смерть неверным слугам. Мы же в этом неповинны и сами потеряли по их вине в огне свои дома и имущество. Но Борис, обладавший властью, узнав об этом, не посчитался с тем, что они лишились и домов, и имущества, что некоторые из предателей, которых он нанял, были убиты, покарал именитых горожан и купцов веревкой и топором, тюрьмой и застенком и другими казнями, поверг их без жалости в нужду и немилость. Сам же он притворился, что сердечно жалеет Дмитрия и не хотел его смерти, оплакивая и скорбя перед народом, в то время как сердце его ликовало от радости.

Неудивительно, что Борис приказал наказать горожан в Угличе по той причине, что они убили некоторых нанятых им предателей, и он обвинил их в смерти Дмитрия потому, что в Московии есть обычай, когда кто-либо низкого или высокого звания, крестьянин или господин, выступит против великого князя, то должен быть наказан не только он сам, но и его жена и дети и все те, кто ему помогал.

Об этом нами сказано уже достаточно, теперь мы хотим вновь перейти к самим событиям и посмотреть, что делал дальше Борис. Хотя теперь Борис знал, что Дмитрий мертв, он не верил

сам себе, и, для того чтобы окончательно убедиться в этом, он отправил туда не только своих слуг, но и одного и знатнейших бояр, Василия Ивановича Шуйского, который правит теперь в Московии, чтобы он доподлинно узнал и удостоверился, что Дмитрий на самом деле убит. И если это окажется правдой, то он должен был похоронить его там. После того как он узнал правду, он приказал похоронить Дмитрия в ближайшем ко дворцу монастыре с почетом по их обычаям, а дворец разрушить. Дворец я видел собственными глазами и был на лестнице, на которой, как говорят, он был убит, и много раз слышал от высокородного Шуйского как в Москве, так и в военном лагере, что он похоронил подлинного сына Ивана Васильевича Дмитрия, в том он давал клятву.

После того как Дмитрий был убит, Борис, не опасаясь более, что он сможет причинить ему какие-либо препятствия в делах, стремился всеми способами восстановить мир между Швецией и Россией с тем, чтобы, когда страна обретет тишину и спокойствие и не будет иметь ни внешних, ни внутренних врагов, он смог осуществить те замыслы, которые уже начали осуществляться. Ибо год спустя после заключения мира в Тиесе между Россией и Швецией, в 1594 году, почил великий князь Федор Иванович, его свояк, и некоторые думали, что Борис его отравил. А пока он лежал на смертном одре, пришли к нему бояре спросить, кто после него возьмет власть и станет великим князем, ибо наследника в стране не было. И отвечал, что передаст свой скипетр перед смертью. И когда настало время и пробил его час, он постригся в монахи (ибо у них такой обычай, и они твердо верят, что тот, кто наденет перед смертью монашеское облачение, обретет вечное блаженство в раю, о других же это неведомо) и передал скипетр свой Никите Романовичу, который был его ближайшим другом, что Борису пришлось не по душе и вызвало его раздражение. После того как он был назначен конюшим и воеводой, он отправился к стрельцам, выдал им жалованье и выступил с ними к Серпухову против татар, которых тогда там было много тысяч, и заключил с ними мир, обещая ежегодно выплачивать дань. Поэтому татары ушли своим путем, и сразу после их отступления Борис сладкими речами, обещаниями, уговорами и подарками начал вести переговоры с воинскими людьми, чтобы они избрали его царем и великим князем русским против воли бояр и дворян Москвы, обещая служить ему не на живот, а на смерть, против всех, кто не соглашался с их действиями. Поэтому он сразу двинулся с воинскими людьми к Москве. А там не нашлось никого, кто выступил бы против него, все согласились с тем, что было сделано, и венчали его на

царство. Всех бояр, которые были против него, и тех, кому умерший великий князь завещал свою державу, а также всех тех, кто принадлежал к роду Ивана Васильевича, приказал он мучить немилосердно и отнять у них все движимое и недвижимое имущество, которое им принадлежало.

После того как Борис Годунов захватил власть после смерти Федора Ивановича, многие возненавидели его как духовные, так и светские люди, и было много таких, которые охотно отняли бы у него власть. Но не нашлось никого, кто бы осмелился укусить эту лису. Многие отрубили бы ему голову, но никто не осмеливался взяться за топор. Поэтому Борис продолжал править до тех пор, пока не пришел один монах, который лишил власти его и его род, и поступил с ним так, как Борис поступил с родом и наследниками Ивана Васильевича. Этот монах был низкого происхождения, родом из Ярославского княжества, и звали его Гришка Отрепьев. Он был порочным и плутоватым, поэтому родители отправили его в монастырь, который назывался Чудов, чтобы монахи, которые вели суровый и праведный образ жизни, воспитали его и позаботились о том, чтобы он исправился и вел праведный образ жизни. Но Гришке не понравилась жизнь в монастыре, и, едва увидев свою келью, он убежал из монастыря. И так как он был неисправимым плутом и хитроумным чернокнижником, а также был осведомлен из хроник о московских делах, то направился сначала в Путивль, а оттуда в Киев в монастырь, где был хорошо принят.

Он достиг совершенства в своем плутовстве и сумел так проявить себя, что понравился настоятелю монастыря, и тот рекомендовал его воеводе Адаму Вишневецкому. Тот сразу взял его к себе на службу и обучил его всяким рыцарским играм, фехтованию, турнирам и т. д. Кроме того, он был очень способным и послушным, стремился вникать во все дела. Он тем еще отличался от других, что одна рука у него была немного длиннее другой, на левой стороне носа у него была бородавка, волосы были темные и жесткие, выражение лица кроткое; роста он был небольшого и коренастый. Поэтому им казалось, что он может участвовать во всех авантюрах, и, посоветовавшись друг с другом, князь и настоятель монастыря решили послать его к сандомирскому воеводе острожскому, который был одним из знатнейших людей государства в Польше и Литве и т. д., где он тотчас же отдал себя во власть дьявола. Ибо как только иезуиты увидели его внешность и телосложение, они сразу подумали о том, что Иван Васильевич имел сына, который обличьем был похож на Гришку и был убит несколько лет назад. Иезуиты обдумали свои намерения и то, как их можно было осуществить с

его помощью, ибо они сразу по совету воеводы начали внушать ему, что если он последует их советам, то может достичь большой славы и величия, благодаря тому что имеет на своем теле такие же знаки, какие некогда имел сын Ивана Васильевича Дмитрий. Для этого он должен теперь же назваться Дмитрием и объявить себя подлинным сыном Ивана Васильевича и законным наследником престола, которого Борис Годунов незаконно лишил власти. Тогда они окажут ему надежную поддержку и помогут золотом, деньгами, лошадьми, военным снаряжением и всем, что потребуется, чтобы захватить власть в стране, но при условии, что, когда он обретет величие и займет престол великого князя Московии, он должен взять в жены дочь сандомирского воеводы, упразднить греческую религию и насадить папистскую. Выслушав это, Гришка не медлил, а сразу согласился на все, дав письменную и устную клятву исполнить все их условия. Ее подписали также его покровители и наставники — иезуиты, папа и Рим, обещая помощь и поддержку во всех делах

Воевода острожский повез его после этого к королю Сигизмунду в Польшу, где ему была устроена пышная встреча. Он сидел за королевским столом и, как только он об этом попросил, получил разрешение нанимать войска. От папы получил он деньги, а недостающие дали ему взаймы два воеводы в таком количестве, что для этого они должны были лишиться всего своего движимого и недвижимого имущества и всего, что они имели.

Он вооружил 12 000 человек и сразу направил их через русскую границу. А после того, как они узнали, что Борис когда-то в прошлом строго наказал донских казаков за их непокорность и разбой, которым они занимались на границах, и казаки затаили зло на него, Гришка сразу отправился к ним и вступил в переговоры с ними, слезно жалуясь на то зло, которое не по-христиански причинил ему Борис, и сказал, что он подлинный сын Ивана Васильевича и ему по закону принадлежит великое княжество Московское, из которого Борис его предательски изгнал и строил козни и посягал на его жизнь и благополучие. А после того, как он чудом спасся из силков Бориса, так что он теперь не может причинить ему зла, он зашел так далеко, что папа и польский король сжалились над ним, посочувствовали его справедливому делу и помогли ему войском, при помощи которого он пытается добиться удачи. Поэтому желает он, чтобы казаки, на которых он полагается и к которым он испытывает доверие, по справедливости и из христианского сострадания оказали бы ему поддержку в справедливом деле и помогли бы занять трон своего отца. Тогда, как только он получит корону,

наградит их по-царски не только одеждой и деньгами, но и поместьями и домами.

Когда казаки услышали это, их сердца забились от радости, ибо они получили возможность отомстить Борису за своих братьев, наказанных за разбой. И они с простертыми к нему руками сказали: «Да!», согласились служить ему не на живот, а на смерть и признали его своим господином. Они доказали это сразу, как только перешли границу и подошли к Чернигову, потребовав сдаться, так как с ними подлинный наследник, и Гришка обратился к гарнизону с теми же словами, которые он перед этим говорил казакам. Бывший там воевода князь Иван Токмаков размышлял не очень долго, так как он не был расположен к Борису. Он сразу же сдал город и признал Гришку своим господином. Эту крепость Гришка использовал в интересах своих и иезуитов. Как только его войска оказались внутри крепости, он оставил там польского полковника, а сам отправился в глубь страны и захватил еще пять крепостей. Казаков было 12 000, они все время наблюдали за крымскими татарами и сообщали об их действиях. У них был полковник, которого звали Корела, он был большой колдун, и при помощи его искусства и волшебства Гришка достиг многого.

После этих побед и успехов Гришка направился в Пу-тивль, который по величине мог сравниться с Новгородом, где жили волжские казаки; их было 8 000. В этом городе была резиденция воеводы Михаила Михайловича Салтыкова. Поначалу он не хотел сдавать город Гришке. Тогда донские казаки обратились к волжским, говоря, что подлинный наследник с ними, они жаловались на жестокость и несправедливость, причиненные им Борисом, и говорили, что такая же участь ожидает со временем и волжских казаков за их верную службу. «Чтобы вам, так же как и нам, было хорошо, давайте держаться друг друга. У нас теперь есть хорошая возможность отомстить Борису и его сторонникам». Они поверили этим словам и все перешли на сторону Гришки. Когда воевода, охранявший город, узнал об этом, он сдал город Гришке и стал служить ему.

В то время, когда окраины пришли в возмущение и Гришке удавалось все, что он предпринимал, так как никто не противостоял ему, Борис, поняв это, начал призывать стрельцов со всей страны в Москву и приказал им выступить против Гришки, который объявил себя сыном Ивана Васильевича и назвался Дмитрием.

С этой же целью отправил Борис своих посланников к римскому императору и королю Христиану IV датскому, сетуя на то возмущение, которое учинили поляки с Гришкой в его стране и

которое он без помощи других государей не может подавить до тех пор, пока многие его подданные верят злостному обману поляков, а у него мало иноземных солдат. Поэтому если римский император благоволит к нему, Борису, то пусть он поможет ему войском. А так как римский император желал, чтобы папистская религия распространилась, и поддерживал папу и его сторонников, объединенных в Святую, а скорее проклятую, лигу, посол Бориса ничего не добился и остался с длинным носом. Помощь, которую он ожидал от своего предполагаемого свояка и союзника короля Дании, не поступала, как не осуществились и те намерения, которые он задумал, чтобы подчинить себе многие страны и владения, для чего, собственно, они и хотели породниться, как стало достоверно известно в Московии от слуг герцога Ганса, как немецких, так и датских, о чем я имею достоверные сведения и утверждаю это. Но Бог из своего непостижимого милосердия сразу уничтожил те замыслы, которые были связаны с предполагаемым родством, и был с нами и шведской державой, так что наши души ускользнули, как птицы из силков птицелова.

После того как стрельцы собрались, Борис послал двух больших бояр к ним в лагерь. Одного из них звали Петр Федорович Басманов, он был воеводой в Новгороде. Следует знать, что в России есть три Новгорода, один называется Великий Новгород, который расположен близ наших границ. Другой, который лежит на казанском пути, называется Нижним Новгородом. Третий и есть тот самый Новгород, где был воеводой Басманов, он называется Новгород Северский. Басманов вел себя мужественно и по-рыцарски. Когда враг подошел к городу, осадил его и подверг обстрелу и штурму, он принял бой и отбросил врага назад, не обращая внимания на то, что противник поджег деревянные укрепления и полностью разрушил башни крепости. Погасив пожар, он атаковал лагерь врага и вынудил его оставить поле битвы и поспешить оборонять лагерь, и тогда люди Бориса приняли первый бой с противником, который произошел в день св. Фомы в 1604 году. Но так как у Басманова было недостаточно сил, то он должен был вновь вернуться в город, ибо русские, которые были на другой стороне в сражении, не хотели первыми выступать против врага, за исключением иноземцев, которых было не более 600 человек. В этом сражении сильно пострадал старший воевода князь Федор Иванович Шуйский, он упал с лошади, и Гришка сильно потрепал бы русским шкуру, если бы иностранцы не проявили мужества, а Басманов не вернулся бы в крепость. Там было 2000 русских и 70 иностранцев, и после того, как их воевода пострадал, они ушли назад в свой лагерь, и там

тихо отсиживались четырнадцать дней, пока их военачальник не исцелился.

Здесь должен я вспомнить и второго боярина, которого Борис послал к войскам, и рассказать, как он вел себя. Его звали князь Василий Михайлович Мосальский. Борис послал с ним 25 000 рублей для своего войска. Но он не нашел дороги к людям Бориса и попал к Гришке: там он был превосходно принят, они встретили его с дудками и барабанами с большим почетом, и он стал Тришкиным маршал-ком (военачальником). Деньги, которые он вез с собой, Гришка роздал своим казакам. Поляки же не получили ничего, поэтому они отказались служить и не хотели сделать ни одного выстрела до тех пор, пока не получат денег. Поэтому воеводы острожский и Вишневецкий, бывшие при Гришке, должны были отправиться в Польшу, чтобы добыть побольше людей и денег, что они и сделали, и привели с собой 2000 поляков. После того как они были так обижены, Гришка больше не осмеливался оставаться здесь, тем более что увидел, что крепость он взять не сможет, и тогда он отправился к другому городу, который он и захватил.

Когда военачальники Бориса узнали об этом, они выступили за ним и остановились в трех милях от того места, где Гришка разбил свой лагерь. Но так как они не знали, сколько войска у Гришки и какова обстановка в лагере, они не осмеливались подойти ближе, а тоже расположились лагерем. И так как это место было плодородно и изобиловало травой и съестными припасами, то свыше 7000 человек войска начали его грабить и опустошать. Но когда они отошли на милю от лагеря, то встретили четыре польских отряда, которые заставили их не грабить и опустошать, а делать нечто иное. При этом поляки убили 4000 человек. Те, которым удалось избежать этой участи, бежали сломя голову в великом страхе в свой лагерь, напугав всех, кто там был, так что на следующий день они окружили себя толстым слоем валежника. Но на третий день они вновь обрели мужество. Они отобрали 12 000 добровольцев из лучших и храбрейших воинов, которые должны были узнать, где находятся враги. И когда они обнаружили их и враги увидели русских, они не замедлили напасть на них и вступить с ними в бой, который продолжался несколько часов. А когда наступила ночь, они разошлись, и каждый направился своим путем. Поляки убили в этой схватке две тысячи русских и 1000 захватили в плен. Русские захватили всего одного пленного и были этим довольны, полагая, что им выпала большая удача захватить пленника. Когда они вернулись в лагерь и привели бедного пленника к начальникам, он был допрошен. А он был пьяница, попросил дать ему вина и

пива и тогда обещал сообщить все сведения, в противном же случае отказался. За это начальники рассердились на него и приказали пытать, от чего он и умер. А так как они не получили от него никаких сведений, то раздели его донага и повесили на сосне. Но начальники были озабочены тем, что не получили никаких сведений от пленного, и не знали, что им делать, идти вперед или возвращаться назад. Тогда они все-таки решились на последнее, объявив тревогу, что завтра они должны быть готовы во всеоружии выступить против врага. Когда наступило утро, каждый вооружился, и к полудню они вышли из леса на равнину. Но Гришка недолго медлил, а сразу пошел в наступление и насел на русских со всем своим войском так, что они стали отступать к лагерю. Иноземцы, бывшие при этом, атаковали на равнине Гришкину полевую артиллерию и выбили ее оттуда. Когда русские увидели это, они воодушевились и пришли на помощь иноземцам и так храбро ударили вместе с ними по Тришкиным людям, что те бежали и Гришка проиграл сражение. Русские победили благодаря предусмотрительности и мужеству иноземцев. Иноземцы тогда же захватили бы и Гришку в плен и погнали бы врага дальше, если бы начальники, заметив это, не послали за ними, запретив им преследовать врага. В этой битве, происшедшей 20 января 1605 года, Гришка потерял 8000 солдат, войсковые литавры и всю свою полевую артиллерию. Борис потерял 5000 русских и 25 иноземцев.

Теперь, когда Гришка был разбит, он отступил к Путивлю, где у него был прекрасный дворец, и написал в Польшу, прося помощи. Люди Бориса подошли к городу Рыльску, которым владел Гришка, но так как у них было мало порядка, они не смогли ничего сделать и с позором ушли оттуда. Среди них не было единства: одни хотели на север, другие — па запад, одни хотели домой, другие — сражаться. Из-за этого Борис сильно разгневался и написал им, что если они не хотят впасть в великую немилость, то не должны расходиться по домам до тех пор, пока не прогонят врагов из страны и не возвратят всех владений. Когда войска Бориса подошли к крепости Кромы, там было 6000 донских казаков во главе с их начальником Кор ел ой. Там они стояли шесть недель, все время перестреливаясь с врагами, так что ни один день не обходился без многих жертв. У русских не было порядка, и у них чесались уши от желания получить нового повелителя. Они не хотели ничем поступиться для дела. Иноземцы подожгли крепость и штурмовали ее, чтобы войти в город. Когда русские начальники увидели это, они побежали к ним и вернули их назад, сказав, что великий князь приказал не штурмовать крепость, а взять ее измором, чтобы

сохранить своих людей.

Пока они действовали столь опрометчиво и ничего не делали, в Москве умер великий князь Борис Годунов. Некоторые считали, что он покончил с собой с горя и досады из-за лжи и неверности, которые обнаружил в своих военачальниках и многих подданных, а также от того, что не смог получить никакой помощи от союзников — римского императора и датского короля. Другие же считали, что он был отравлен. А как это было на самом деле, я не знаю, мне об этом ничего не известно, одно лишь совершенно верно, что он умер внезапно.

После смерти Бориса в Москве присягнули и поклялись в верности его сыну Федору Борисовичу. Затем послали гонца в лагерь объявить войскам, что они должны сделать то же самое: принести присягу молодому государю и доказать ему свою верность и покорность. Но так как между их военачальниками не было согласия, перессорились между собой и солдаты. Те, кто хорошо относился к Борису, присягнули его сыну, другие отошли от них и устроили в лагере бунт, послали ночью к врагам-казакам, которые находились в городе, порох и свинец и сказали, что хотят быть с ними заодно, а чтобы им можно было это сделать, пусть они нападут на тех воинских людей, у которых была артиллерия и которые размещались по левую сторону от крепости, ибо там были самые ярые противники Гришки. Казаки сделали так, как их научили, и, посоветовавшись между собой, напали всеми силами, и тогда в лагере возникла смута, одни бежали туда, другие — сюда. Те, которые кричали «Дмитрий», вставали на одну сторону, а те, которые кричали «Федор»,— на другую, нападая друг на друга, и когда они ослабели, казаки вместе с предателями набросились на них (а всего их было полторы сотни из целой тысячи) и* выбили их из лагеря, захватили некоторых воевод в плен, среди которых был Иван Иванович Годунов и Михаил Глебович Салтыков, воевода и наместник нотебургский, и жестоко терзали их.

После того как Гришкин отряд таким способом увеличился, многие знатные бояре склонились к нему и послали князя Ивана Ивановича Голицына к Гришке, покорнейше умоляя, чтобы он простил их за то, что они выступали против него, ибо они были обмануты. Но после того, как они узнали правду, припадая к его ногам, они просят милости и хотят доказать ему свою преданность и, если он согласен на их предложение, они окажут ему содействие в овладении отцовским наследством, помогут отобрать престол у врагов, рискуя жизнью и имениями. Когда Гришка получил это радостное известие, он не медлил, а привел в готовность людей и сразу двинул их к городу Орлу, где

отступники ожидали его прибытия, а затем двинулся в глубь страны, не встречая никакого сопротивления. Теперь он был отважен, т. к. имел достаточно войск и ему не грозила никакая опасность. Куда он ни приходил, все вставали на его сторону. Но когда на тридцатый день он подошел к Москве, то выжидал восемь дней, чтобы узнать, что предпримут сторонники Годунова, и написал к народу в Москве, что он подлинный наследник престола и поэтому они должны доказать ему свою верность и покорность, которые являли его отцу, схватив его злейших врагов Годуновых. Но москвичи не решились это сделать, а пошли к князю Василию Ивановичу Шуйскому, ныне правящему великому князю, попросив его не скрывать от них правду, а сказать, на самом ли деле он приказал похоронить Дмитрия, сына Ивана Васильевича, который, как говорят, был убит в Угличе. И он ответил, что Дмитрий избежал козней Бориса Годунова, а вместо него был убит сын священника, он же и был похоронен. А Дмитрий жив и ждет, когда придет его время.

Почему Василий Иванович сделал это, несмотря на то что знал правду, может понять всякий, кто имеет разум. Дело в том, что он сам намеревался таким образом прийти к власти и стать великим князем, как это и произошло теперь. Когда люди получили от него такой ответ, они дружно кинулись ко дворцу и схватили Федора, сына Бориса, которому прежде присягали на верность. Они схватили также великую княгиню, жену Бориса, и ее дочь, и всех прочих из рода и двора Бориса, разграбив все их имущество, так что Годуновы, которые раньше были знатными господами и правили страной, стали теперь бедными пленниками и были безжалостно уничтожены.

И все-таки хотя этот беглый монах и подлый тиран Гришка Трепеев захватил в свои руки многие города и крепости и вся страна покорилась ему и никто больше не сопротивлялся ему, Гришка боялся того, что в лице Федора появится умный, ловкий и осторожный наследник, который, обретя силу и придя в совершеннолетие, в будущем не только причинит ему неприятности, но и лишит его власти. Поэтому Гришка сговорился с подьячим, которого звали Иван Богданов, что тот отправится в Москву и тайно уничтожит обоих, мать и сына, и распространит в народе слух, что они сами отравились. А дочь он должен держать под надежной охраной до тех пор, пока он сам не прибудет в Москву. Подьячий с усердием все исполнил согласно воле своего господина. Как только он прибыл в Москву, он удушил мать и сына и распространил в народе слух, что они отравились, но на самом деле они были насильственно умерщвлены, и следы от веревки, которой они были задушены, я

видел собственными глазами вместе со многими тысячами людей.

Теперь, когда все это было исполнено, Гришка с великим торжеством и радостью отправился в Москву и вступил туда 18 мая 1605 года и 21 июля был коронован царем и великим князем московским.

Первое, что сделал Гришка после коронации, это велел выкопать тело Бориса Годунова из царской могилы и положить его вместе с сыном Федором Борисовичем и его матерью великой княгиней Марией Малютиной на окраине города в простой безлюдной церкви. Его дочь, Аксинью Борисовну, невесту короля Дании, он лишил девичества и сослал в монастырь, где она была пострижена в монахини и должна была оставаться до конца дней своих.

Те мучения, которым Борис подверг детей и род Ивана Васильевича, не минули и его детей и род. Гришка отплатил ему той же монетой, так что немногие из обоих родов остались в живых.

Когда с этим было покончено, он вспомнил свою клятву и обещания, которые дал в Польше, о том, что, как только он получит власть, он всеми силами начнет способствовать распространению папистской религии. Поэтому он сразу же приказал, чтобы иезуитам, пришедшим с ним в страну, отдали самый большой двор, какой только есть в Москве, с тем, чтобы они могли там совершать богослужения своему ложному богу. И для того, чтобы это безбожное учение Антихриста имело здесь успех и распространилось, папский легат Антоний Лонгинус, находившийся при дворе короля Сигизмунда в Польше, послал туда своего племянника с четырьмя иезуитами, которые должны были распространять свою религию, благо они приобрели сильного покровителя и патрона, который признавал папистскую религию и старался сделать все по воле папы, не желавшего ничего, кроме утверждения своей ложной веры. И подобно тому как папа есть орудие сатаны, которым тот совращает бесчисленное множество людей, Гришка стал теперь орудием папы, посредством которого тот намеревался искоренить греческую религию и ввергнуть ее во мрак, ярмо, рабство и вечное проклятие и подчинить ее воле дьявола, что и произошло бы, если бы ныне правящий великий князь Василий Иванович Шуйский не воспрепятствовал этому. Ибо после того, как иезуиты получили разрешение на мессу и проповедь и делали, что хотели, а Гришка им покровительствовал и защищал их, никто не осмеливался перечить им и его невесте, дочери сандомирского воеводы, а также ее отцу Острож-скому. В качестве посла

польского короля Сигизмунда в страну прибыл Александр Корвино Гонсевский с тремя тысячами человек, чтобы украсить свадьбу, которая должна была вскоре состояться. Их сопровождали двенадцать иезуитов, которые должны были уговаривать грубых и невежественных русских людей принять ложную религию, если же они не захотят этого добровольно, то принудить их силой. Но свадьба, которая во всем великолепии началась 8 мая 1606 года, закончилась слезами и скорбью 17 мая, ибо Гришка был убит вместе с 1702 поляками, невеста, ее отец и брат, а также посол короля Сигизмунда были схвачены. Это произошло так. После того как Гришка совершил свое злое дело, он открыл свои замыслы воеводе Василию Михайловичу Мосальскому, который был его советником и доверенным лицом и который ранее доставил Гришке 25 000 рублей от Бориса. Но как только тот узнал, какие намерения имеет Гришка, желая уничтожения их религии и погибели русских, он рассказал о замыслах и кознях Гришки некоторым из боярской Думы в Москве, за что впоследствии был пожалован ныне правящим великим князем Василием Ивановичем Шуйским воеводством в Кексгольме.

Теперь, когда бояре узнали и увидели, что Гришка начал каждодневно осуществлять свои замыслы, а именно: упразднять в стране греческую религию и вводить новую папистскую, обогащать иноземцев, ставить поляков выше русских, не допуская никого из них к себе без разрешения поляков. Польскому королю Сигизмунду, который оказывал ему всяческую помощь и содействие, благодаря чему он получил власть в Московии, он обещал уничтожить мирный договор, заключенный между Россией и Швецией, и начал уже выполнять это, для чего приказал привезти к Иван-городу много тысяч бревен, чем он, видимо, хотел показать, какую ужасную бойню он готовит Шведскому государству и намерен приказать повесить и лишить головы тех своих подданных как высокого, так и низкого звания, которые не хотят принять римскую религию. Он приказал готовить пир на 17 мая. Но пир этот для них плохо кончился, как было уже сказано. Ибо некоторые из Боярской Думы в ночь накануне пира велели объявить народу от имени Гришки, чтобы утром, как только рассветет, все собирались и шли ко дворцу. Когда настал день, множество людей собралось у дворца вместе с князьями, боярами и дворянами, которые были связаны с князем Василием Ивановичем Шуйским. Знатные люди сразу же, по обычаю, прошли в переднюю к Гришке, сказав иностранцам, которые были в охране, чтобы они стояли тихо и не двигались и отдали русским свои шпаги, если хотят, чтобы их пощадили. Они

испугались этих угроз и выполнили требования: стояли тихо и не брались за оружие, а русские отобрали у них шпаги.

Когда это произошло и русские не опасались больше стражи, Шуйский приказал бить в набат, от чего Гришка, спавший сладким сном со своею невестой, проснулся и вышел спросить, почему произошел пожар, так как били в те колокола, в которые бьют, когда начинается пожар. А когда Гришка вышел, то увидел, что дело совсем не в пожаре, а в чем-то другом. И когда он понял, что дело касается его, он вернулся в свои покои, надел кафтан и с саблей в руке выпрыгнул в окно, думая, что ему удастся уйти и скрыться. Но когда он прыгал, то повредил ногу, и бояре, которые были там и караулили его, схватили его и привели в большой дворец, в котором великие князья имели обыкновение принимать иноземных государей и послов.

Пока все это шумело и бушевало и звонили колокола, Шуйский повелел объявить народу, что поляки были в полном вооружении и хотели перебить думных бояр, занять Москву и сделать русских своими рабами. От этого люди пришли в великую ярость и бросились по приказу Шуйского на дома и дворцы поляков и убили из них 1702 человека, так как они, ничего не подозревая, были объяты сном, выпив много вина и пива, и не смогли защищаться, будучи застигнуты врасплох.

Затем Шуйский с боярами и дворянами пошли во дворец к Гришке. Он держал в одной руке золотой крест, а в другой — длинный нож. Как только они вошли, один из бояр сразу стал бранить Гришку, говоря, что он совсем не сын Ивана Васильевича, а лжец, мошенник и предатель. От этого Гришка разгневался и разрубил ему саблей лоб, от чего тот умер. Других же бояр он попросил, чтобы они пошли к его матери и спросили у нее, родной ли он ее сын или нет. Если она скажет, что нет, то пусть тогда они выдадут его народу и прикажут забить его насмерть камнями. Когда он сказал это, Шуйский пошел к его матери и спросил ее об этом. Но она совершенно отрицала это, сказав, что она совсем не его мать и что она никогда не рождала на свет иного сына, кроме Дмитрия, который был убит в Угличе. Когда Шуйский возвратился и поведал об этом боярам, один из них, которого звали Михаил Игнатьевич Татищев, встал и ударил его (Гришку.— Сост.) саблей по голове, и тогда все остальные последовали его примеру, стали рубить его саблями и топтать ногами, и приказал отнести его на площадь к народу и положить в чем мать родила на стол и объявить, что он мошенник и изменник, а не сын Ивана Васильевича. Выдал же себя за его сына по наущению иезуитов, которые научили его этому злодейству. У Гриш-киных ног под столом был брошен знатный боярин

Басманов, о котором уже говорилось ранее и который теперь был убит. И так как он держал сторону Гришки, они взяли веревку и привязали его ногу к Тришкиной ноге, дабы они лежали вместе на площади три дня и чтобы каждый увидел, что беглый монах и осквернитель девственности на самом деле мертв. После того как все увидели его конец, повезли его на телеге на заброшенное кладбище и там зарыли. Но спустя два дня после его погребения ударил сильный мороз, и тогда люди пошли к ныне правящему великому князю Василию Ивановичу и покорно попросили разрешения зарыть еретика и изменника в другом месте, сказав, что большой мороз, погубивший урожай, случился от того, что Бог разгневался и захотел наказать их за то, что они закопали Гришку в освященной земле, а он этого недостоин, так как отрекся от греческой религии и распространял римскую. Чтобы успокоить народ, Шуйский приказал выкопать его тело и вывезти из города на неосвященную землю, что сразу и было исполнено. После чего разожгли костер, бросили его туда и сожгли дотла, а прах развеяли по ветру, чтобы он унес прочь весь яд, который распространял Гришка.

Так Гришка встретил свою плачевную смерть и достойный конец. Однако нашлись такие люди, которые говорили, что он спасся и жив и на самом деле является подлинным сыном Ивана Васильевича, что может быть только грубой ложью и выдумкой иезуитов, которые были причиной этой ужасной кровавой бойни, а простые люди были обмануты ими так, что поднялись друг на друга и еще поныне расплачиваются за бунт и войну. И как теперь из истории известно, подлинный сын Ивана Васильевича убит и похоронен в Угличе, а Гришка, который по наущению дьявола и иезуитов выдал себя за Дмитрия, был убит в Москве, похоронен и снова вырыт и развеян по ветру.

В дополнение к тому, что Гришка никоим образом не был подлинным Дмитрием, каждый здравомыслящий человек, имеющий разум и не желающий быть увлеченным ложью, может более чем достаточно убедиться в этом на основании следующих аргументов.

Ибо, во-первых, если бы Гришка был подлинным, а не ложным Дмитрием, то к тому времени, когда он получил власть в Московии, ему должно было быть не более 22 лет. А Гришке-монаху, который так быстро получил власть, было больше 30 лет в то время, когда он благодаря своему дьявольскому искусству и козням иезуитов добился успеха в Московии.

Во-вторых, когда свершилась его коронация, в Москву явился монах из того монастыря, в котором раньше был Гришка, и опознал его и сказал во всеуслышанье в городе перед всем

народом, что Гришка лжец и мошенник и не Дмитрий, родной сын Ивана Васильевича, за которого он себя выдает. Монах учил Гришку читать и писать и хорошо знал его и его род. Когда люди услышали это, схватили они монаха и привели его к Гришке. Но монах был бесстрашен и стоял на своем, сказав Гришке в глаза, что он погубил себя ложью и предательством, за что Гришка приказал его без суда безжалостно бросить в реку и утопить.

В-третьих, когда это произошло, ныне правящий великий князь Василий Иванович Шуйский уверял, что он совсем не Дмитрий, за которого себя выдавал. Поэтому Гришка приказал схватить его и отвести на площадь и положить его голову на плаху, намереваясь обезглавить его, если он не возьмет своих слов обратно и не признает всего сказанного им за ложь. Но так как смерть всего горше, а жизнь сладка и мила, то он из человеческой слабости и признал ложь за правду, не осмеливаясь предпочесть честь и правду лжи и жизни. И поскольку у русских в обычае поступать так, то и его нельзя винить в этом.

В-четвертых, после того как стал распространяться этот слух и Гришка стал сильно изменять власть и религию, многие стали подозревать Гришку и сомневаться, действительно ли он настоящий Дмитрий. Узнав это, Гришка пошел к здравствующей великой княгине, вдове Ивана Васильевича, которую он называл своей матерью, и сказал ей, что он намерен приказать выкопать сына священника, который был убит вместо него и похоронен по-княжески, и похоронить в другом месте в соответствии с его сословием и положением. Но мать была против этого и не соглашалась, так как она хорошо знала, что это ее подлинный сын убит и похоронен в Угличе. Великая княгиня тайно открыла это одной лифляндке, которая была захвачена в плен во время московитской войны и находилась у нее в услужении, что Гришка, который выдавал себя за Дмитрия, не был сыном ее или Ивана Васильевича. Из этого каждый может увидеть, если бы Гришка был ее настоящим сыном, она охотно бы согласилась на вскрытие могилы, так как этим она упрочила бы его власть и отвела от него подозрения и сомнения, которые питал к нему народ.

В-пятых, если бы Гришка был жив и был настоящим Дмитрием, то не выбрали бы казаки кого-либо на его место, как они это сделали с князем Петром, который выдал себя за его родственника и двоюродного брата и который был пойман в 1607 году у Тулы, а в 1608 году повешен в Москве.

В-шестых, если бы Гришка был подлинным Дмитрием, казаки и другие отступники после смерти князя Петра не выбрали бы двух других своими правителями и не сделали бы их сыновьями

Федора Ивановича, которых он никогда не имел, за исключением одного побочного, которого он прижил с одной пленной девицей из рода Тизен, да и тот вскоре умер.

В-седьмых, если бы Гришка был подлинным Дмитрием, то один из именитейших иезуитов в Кракове, патер Савицкий, не сказал бы так, услышав мой ответ на его вопрос о том, намерен ли новый великий князь Гришка распространять в стране римскую религию. Он спросил меня об этом при моем приезде из Москвы в Краков. Когда я ответил, что, поскольку он имеет такое намерение, русские могут отобрать у него власть, Савицкий сказал: «Нами он приведен к власти, нами же может быть лишен ее».

В-восьмых, король Сигизмунд сам спрашивал меня, когда я прибыл из России 4 декабря 1605 года, а он праздновал свою свадьбу в Кракове с сестрой королевы Констанцией, как нравится русским их новый великий князь. Когда я ответил, что он не тот, за кого себя выдает, король, помолчав, вышел в другую комнату. То же самое признавал и королевский посланник, который в это же время прибыл от Гришки и имел такие же правдивые и достоверные сведения о Гришке, как и я. И по той причине, что никто не должен был получить достоверных сведений о Гришке, а также, чтобы не препятствовать его козням, приказал мне король через Великого Канцлера Литовского Льва Сапегу не рассказывать об этом, если я хочу наслаждаться жизнью. Но ввиду того, что Гришкина невеста собиралась ехать в Россию и справить там свадьбу, иезуиты и некоторые члены сейма заключили между собой соглашение с целью подчинить Россию Польше и устранить Гришку. Поэтому они вознамерились послать с ней 4000 человек, и она ожидала на границе в Орше прибытия к ней посланника польского короля с 3000 человек с тем, чтобы оттуда и следовать в Москву. Но прежде чем они въедут в страну, решено было договориться с поляками, 5000 которых находилось в Москве, чтобы 3000 из них встречали невесту при въезде в Москву. Другие же 2000 должны оставаться в городе и ни в коем случае не покидать его. Ибо вошло в обычай, что при прибытии таких важных персон посылает великий князь всех, кто может, без оружия и в лучших одеждах на украшенных лошадях навстречу им встречать и сопровождать в город их. И когда поляки узнали это, вознамерились они напасть на русских и перебить их, когда они встретят их без оружия, сойдут с лошадей и преклонят свои головы перед невестой. Другие поляки, которые останутся в городе, нападут на русских и таким образом захватят всю Россию и подчинят ее польской короне, что, может быть, и произошло бы, если бы это не было опасно для отца невесты. Но так как пока они

не осмелились сделать это, то отступились и сделали так, как уже было сказано раньше. Что могут иезуиты возразить против этого? Не они ли организовали эту кровавую баню? Не они ли научили Гришку его предательству? Не они ли помогли ему людьми, деньгами и снаряжением захватить московский престол? Не они ли устраивали заговоры и строили козни, дабы ввести в России ложную папскую веру и искоренить греческую? Не они ли намеревались ранее и теперь подчинить Россию папе и польским дворянам? Да, они делали это и прежде, сговариваясь с сыном бывшего короля Эрика XIV, короля шведов, готов и венедов по имени Густав. Чем только иезуиты не прельщали его, чтобы он поехал в Россию, и все, чему он научился и узнал у иезуитов, и все свои богатства, не скупясь на подарки, должен был он направить на то, чтобы подчинить Россию, чего бы это ни стоило и как бы это ни было трудно, и за это он будет вознагражден и станет могущественным властелином. По советам и наущению иезуитов он поехал в 1598 году в Россию к Борису Годунову, который поначалу не только пышно принял его и одарил дорогими подарками, но и обещал ему в жены свою дочь Аксинью. Но так как Густав не делал ничего по воле великого князя, а также не сделал ничего, чтобы отблагодарить его и сделать ему приятное, а думал только о том, чему его научили иезуиты, то от этого он пришел в большую немилость и дела его стали плохи. И в конце концов он увидел, что он не в силах осуществить то, что он желал, и что он не имеет даже возможности послать тайно какое-либо известие от себя через границу. Поэтому попросил он Бориса Годунова, чтобы он разрешил послать ему своего слугу, горожанина из Данцига по имени Кристофер Котор, к шведскому графу Эрику Браге в Висинборг, якобы для того, чтобы уговорить его приехать к великому князю. Но все получилось иначе. Когда он в конце концов получил разрешение, то отправил он сразу же Котора в путь с письмом и подарками к графу Эрику и другим иезуитам. Но когда он подошел к Пскову, приказал Борис Годунов достать и прочитать письмо, которое он написал, и если письмо содержит что-то другое, то задержать там гонца до самой его смерти. Подарки же и подношения, которые были при нем, Густаву не возвращать, а взять в залог великому князю, от чего Густав очень опечалился и загрустил и проклял иезуитов, которые научили его этому. А так как иезуиты не могли получать известий от него и даже не знали, что с ним и что он исполнил, они послали к нему испанского монаха окольным северным путем с письмами, которые он получил от пилигримов, и так как никто не заметил, откуда пришел монах, то ему разрешили отправиться своим

путем обратно домой. Но когда он пошел, его выследили русские и нашли несколько иезуитских писем, которые Борис приказал прочитать, после чего монах, несший эти письма, был отправлен уже другим путем к Белому морю в монастырь, который называется Соловецким, где он содержался до тех пор, пока Гришка не освободил его. После этого Густав пришел в большую немилость, и больше о нем не заботились, проводили назад. Свадьба с дочерью Бориса не состоялась, и он жил до самой смерти в бедности и нищете и после смерти был погребен в пустынной церкви в Кашине в 1607 г<оду), и это лишь потому, что его наставниками и опекунами были иезуиты.

Из всех перечисленных аргументов и доказательств может каждый разумный человек, имеющий здравый рассудок и желающий знать правду, понять, что Дмитрий, подлинный сын Ивана Васильевича, был ни кто иной как беглый монах Гришка Трепеев, который выдал себя за Дмитрия по наущению иезуитов, и оба они были убиты.

После смерти Гришки на царствование был избран князь Василий Иванович Шуйский и коронован 1 июля 1606 года, что чрезвычайно раздосадовало многих дворян и казаков. Поэтому они сразу выступили против него и ведут войну с ним и сильно досаждают ему ежедневными оскорблениями. При этом он держится мужественно и победил много тысяч своих врагов. Что будет дальше, увидим со временем.

Таков краткий и бесхитростный рассказ о событиях, которые произошли в прошлые годы в Московии, свидетелем которых был я сам и видел, как эти события начинались и происходили. Я видел также войну, которую Борис Годунов и Гришка вели друг с другом, и все другие беды и несчастья, посетившие эту страну, как-то: чума и дороговизна, о чем я свидетельствую перед богом и людьми, и было это так, как я описал. Что касается смерти Гришки, то о ней мне рассказывали русские и иностранцы, которым можно верить, в Московии, когда я в 1608 году был послан всемогущим высокородным князем господином Карлом IX, королем шведов, готов, венедов, финнов, карел, лапландцев в Норландии, каянцев, эстов и лифляндцев и т.д., моим всемилостивейшим господином с особым поручением к царю и ныне правящему великому князю Василию Ивановичу Шуйскому. Возблагодарим же единодушно бога, все мы, живущие в обетованном и славном королевстве, за непостижимое милосердие, которое он явил нам. Ибо в это опасное время он дал нам такого всемогущего и славного короля, который украшен всемозможными добродетелями и столь богато одарен такими достоинствами, которые необходимы королю для того, чтобы

править своими верноподданными и защищать их от нынешних и грядущих опасностей. Поэтому нам всем надлежит с сердечной мольбой просить Бога, чтобы он из милости дал бы нам еще долго жить под его правлением и сохранил бы Его Королевское Величество в добром здравии, дабы все его начинания заканчивались благополучно во славу Божию, для благоденствия церковной общины и для пользы Его Королевского Величества и всего королевского дома, а также для блага и спокойствия всех его подданных. А что казаки и другие подданные великого князя Василия Ивановича Шуйского, высокие и низкие, отошли от него и теперь, как и раньше, ведут войну против него и коварно отобрали у него много земель, замков и крепостей под тем предлогом, что будто бы подлинный сын Ивана Васильевича восстал из мертвых и возглавляет мятежную папистскую войну, которая все равно никогда не может быть признана правой, что ясно видно из хода событий, настоящей же причиной войны был сам черт, папа римский, и те поляки, которые подстрекали и обманывали казаков, которым они теперь оказывают всякую помощь и поддержку как людьми, так и деньгами, чтобы они оставались при своих враждебных замыслах, которые в конце концов принесут им зло, как и всем тем, которые сражаются против правды и становятся против правого дела, возбуждая в странах и государствах вражду и разногласия, хитрыми кознями сталкивая людей друг с другом. Да поможет нам единственный спаситель наш Иисус Христос, который сам есть справедливость, да сохранит он всех тех, кто стоит за справедливость, да отвергнет он советы безбожников и мятежников и переломит им хребет.

«ЗАПИСКИ» ЖАКА МАРЖЕРЕТА

Жак Маржерет родился около 1550 или 1560 года в городке Оксон во Франции. В начале 90-х годов XVI века он воевал на Балканах офицером-наемником, размахивал шпагой, устрашая врагов императора, трансильванского князя и польского короля. В 1600 году Маржерет переходит на русскую службу — командует пехотной ротой, с войсками Годунова выступает против Самозванца, затем с неподдельным рвением служит Самозванцу и вскоре после гибели Лжедмитрия, в сентябре 1606 года, оставляет службу и возвращается на родину. Во Франции с жадностью ждали новостей из России,— прежде всего потому, что с 80-х годов XVI века французские купцы, невзирая на помехи, чинимые сопредельными державами, начали энергично торговать на востоке Европы. Капитан Маржерет был удостоен беседы короля Генриха IV и с любопытством расспрошен хранителем королевской библиотеки Огюстом де Ту: библиотекарь короля Генриха писал в это время очерк о России для фундаментального труда «История своего времени».

Маржерет был воодушевлен королевским вниманием и немедленно написал небольшую книгу — «Состояние Российской империи и великого княжества Московии», издал ее в 1607 году и посвятил августейшему французскому монарху.

С выходом книги образ жизни автора ничуть не изменился — он был все тем же наемником-авантюристом; вернувшись в Россию, Маржерет благополучно поступил на службу ко второму Самозванцу, причем дело обошлось без присяги, так как капитан присягал первому Лжедмитрию, В войсках польского гетмана Ст. Жолкевского Маржерету выпал жребий захватывать русскую столицу, а потом поспешно бежать из Москвы. В 1612 году, посетив милую сердцу Францию, Маржерет пытается вернуться в Россию и как ни в чем не бывало завербоваться в наемники к новому правительству. Однако ратные «подвиги» Маржерета были слишком известны, и капитан, надеявшийся затеряться в группе английских офицеров, получил отповедь — гриммоту, подписанную князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, где «труды» и служба наемника описывались так: «И тот Яков Маржерет вместе с польскими и литовскими людьми кровь крестьянскую проливал и злее польских людей, и в осаде... в Москве от нас сидел, и награбився государские казны... из Москвы ушел в Польшу...»

С 1612 года Маржерет — французский политический агент и заодно торговец мехами — не находил себе места и скитался по

городкам Польши и Германии и умер, оставленный всеми, в 20-х годах XVII века.

Можно предположить, что в основе книги Маржерета — письменные отчеты капитана, отосланные в Париж между концом 1604— серединой 1605 года, дополненные устной информацией, собранной наемником у русских собеседников — московских дьяков, купцов, а также почерпнутой из разговоров иностранцев — участников событий.

Записки Маржерета публикуются с некоторыми сокращениями.

(...) У этого Иоанна Васильевича было семь жен, что противоречит их религии, не позволяющей жениться более трех раз, от которых у него было три сына. Ходит слух, что старшего он убил своей собственной рукой, что произошло иначе, так как хотя он и ударил его концом жезла с насаженным четырехгранным стальным острием (этот жезл в форме посоха никто не смеет носить, кроме императора; этот жезл великие князья принимали некогда от крымских татар как знак вассальной присяги) и он был ранен ударом, но умер он не от этого, а некоторое время спустя, в путешествии на богомолье. Вторым сыном был Федор Иоаннович, который унаследовал отцу. Третий, а именно Дмитрий Иоаннович, был от последней жены, которая была из рода Нагих.

Иоанн Васильевич, прозванный Тираном, будучи не уверен в преданности своих подданных, испытывал их различными способами. Главный был, когда он возвел на императорский трон вместо себя царя Симеона, о котором говорилось выше, короновал его, передал ему все императорские титулы, а для себя приказал выстроить дворец сразу напротив замка, повелев называть себя великим князем Московским. Он правил целых два года, занимаясь как внутренними вопросами, так и посольскими и другими внешними делами. Разумеется, сначала испросив у него совета, который значил столько же, сколько безоговорочный приказ. По прошествии двух лет отстранил его от власти и даровал ему большие имения.

После смерти своего старшего сына он женил второго сына, именно Федора, на дочери Бориса Федоровича, который был дворянин довольно хорошего рода, называемого московские дворяне, который мало-помалу приобрел милость императора Иоанна, скончавшегося в марте 1584 года. После его кончины власть унаследовал сказанный Федор, государь весьма

простоватый, который часто забавлялся, звоня в колокола, или большую часть времени проводил в церкви. Борис Федорович, тогда достаточно любимый народом и очень широко покровительствуемый сказанным Федором, вмешался в государственные дела и, будучи хитрым и весьма сметливым, удовлетворял всех. Поэтому после того, как некоторые возроптали, что следует низложить названного Федора из-за его простоты, Борис был избран правителем страны. Считают, что с этих пор, видя, что у Федора, кроме дочери, скончавшейся трех лет от роду, больше нет детей, он начал стремиться к короне и с этой целью начал благодеяниями привлекать народ. Он обнес стеной вышеназванный город Смоленск. Он окружил город Москву каменной стеной вместо ранее бывшей деревянной. Он построил несколько замков между Казанью и Астраханью, а также на татарских границах. Обеспечив таким образом расположение народа и даже дворянства, за исключением самых проницательных и знатных, он отправил в ссылку под каким-то предлогом тех, кого считал своими противниками. Наконец; и императрицу, жену покойного Иоанна Васильевича, с сыном Дмитрием выслал в Углич — город, удаленный на 180 верст от Москвы. Как считают, мать и некоторые другие вельможи, ясно предвидя цель, к которой стремился Борис, и зная об опасности, которой младенец мог подвергнуться, потому что уже стало известно, что многие из вельмож, отправленных им в ссылку, были отравлены в дороге, изыскали средство подменить его и подставить другого на его место. После он предал смерти еще многих невиновных вельмож. И так как он не сомневался более ни в ком, кроме как в принце, то, чтобы окончательно избавиться, он послал в Углич погубить принца, который был подменен. Что и было исполнено сыном одного человека, посланного им в качестве секретаря для матери. Принцу было семь или восемь лет от роду; тот, кто нанес удар, был убит на месте, а подложный принц был похоронен весьма скромно.

Вести, пришедшие в Москву, породили различные мнения; о них шептались и говорили по-разному. Борис, будучи извещен обо всем, приказал поджечь ночью главные купеческие дома и лавки и в разных местах на окраинах, чтобы наделать им хлопот до тех пор, пока волнение немного пройдет и умы успокоятся. Он сам находился там, чтобы распоряжаться тушением огня, и столько трудился, что можно было бы счесть, будто убытки для него очень важны. Затем, собрав всех, кто понес убытки, он сказал им длинную речь, чтобы утешить их и выказать сожаление об их потере, и пообещал испросить у императора для каждого из них некоторое вознаграждение, чтобы они могли вновь отстроить

дома, и даже пообещал построить каменные лавки вместо прежних, сплошь деревянных. Он выполнил это так хорошо, что каждый остался доволен и считал за счастье иметь столь доброго правителя.

Наконец, в январе 1598 года, Федор скончался (некоторые говорят, что Борис был виновником его смерти) С этих пор он начал более чем прежде домогаться власти, но так скрытно, что никто, кроме самых дальновидных, которые, однако ж, не осмелились ему противиться, не заметил этого, так как он притворялся, что домогается для своей сестры, вдовы покойного Федора. Хотя это противоречит законам страны, которые не позволяют жить свободно ни одной вдове, я имею в виду вдов великих князей и императоров, но обязывают через шесть недель после похорон стать монахиней в монастыре. Он даже для виду отказывал тем, кто по совету императрицы приходил к его дверям или в палату Думы (куда всякий волен входить во время междуцарствия). Итак, он заставил просить себя принять титул императора и, возражая, увещевал их, что они напрасно так спешат, что дело заслуживает более зрелого решения, что ничто их не торопит, ибо они в мире со всеми, и что империя останется в том же состоянии, в каком она была при жизни покойного, когда он же был ее правителем, до тех пор, пока они при зрелом рассуждении не выберут другого. Истина была, однако же, в том, что при нем страна не несла урона, что он увеличил казну, не считая городов, замков и крепостей, построенных по его повелению, а также заключил мир со всеми соседями. А для того он хотел надлежащим образом созвать сословия страны, именно: по восемь или десять человек от каждого города, чтобы вся страна единодушно приняла решение, кого следует избрать; для чего нужно было время. Ибо, как он говорил, его желанием было удовлетворить всякого. В это время он распустил слух, что по сведениям, полученным от пленников, приведенных казаками, сам татарский хан с большими силами идет разорять Россию. Узнав такую новость, народ стал более настоятельно просить его принять корону, которую он принял после многих возражений, что делает это против своей воли, так как есть много выходцев из более знатных родов, чем он, и обладающих большим правом на корону, и что он и без этого мог бы выказать свою отеческую любовь к народу, и с такой же заботой об общественных делах, как и прежде. Но раз народ так его желает и никто другой не желает вмешаться, он готов возложить на себя столь тяжкий груз. Но только после того, как будет дан отпор неверным, идущим с армией в сто тысяч человек опустошать империю, и они будут поставлены в подчинение, как и остальные соседи. С этих пор его

называли титулами его предшественников.

Итак, чтобы осуществить вышесказанное, он велел собрать войско в Серпухове — городе, находящемся в 90 верстах от Москвы и расположенном на Оке, вблизи обычной переправы татар, куда он отправился лично после того, как его сестра-императрица удалилась в Девичий монастырь, расположенный в 3 верстах от Москвы. В июле был дан смотр армии; и по словам как иностранцев, так и русских, там присутствовавших, было пятьсот тысяч человек пеших и конных. Я добавлю — по меньшей мере, ибо Россия никогда не была сильнее, чем тогда. И поскольку это кажется неправдоподобным, я объясню далее порядок, который они применяют, чтобы выставлять столько людей, каким я его увидел и узнал. Но чтобы закончить эту войну, не нашлось другого неприятеля, кроме посла с примерно сотней людей, одетых по их обычаю в бараньи шкуры, но на очень хороших лошадях, явившихся для переговоров со стороны татарского хана, о чем Борис был хорошо осведомлен заранее. Эти переговоры принесли ему очень большую славу, так как он показал послу все военные силы России, приказав многократно дать залпы всей артиллерией, расположенной по обе стороны дороги шириной в две версты или около того, причем пушки были достаточно удалены друг от друга, а сказанного посла несколько раз провести между сказанными пушками, и наконец отослал его со многими подарками. Распустив после этого армию, Борис Федорович с великим триумфом явился в город Москву. Ходил слух, что татарский хан, прослышав о его приезде, не осмелился пойти дальше. И первого сентября 1598 года, что считается у них первым днем года, Борис был коронован.

<…) Что касается военных, то в первую очередь нужно сказать о воеводах, то есть генералах армии. Их выбирают обычно из думных бояр и окольничьих, так делают при появлении неприятеля; в противном случае их ежегодно выбирают из думных и московских дворян и посылают на границу Татарии, чтобы помешать вторжению скопившихся татар, которые являются временами, чтобы угонять лошадей с гарнизонных пастбищ, и если не встречают сопротивления, то, сверх того, грабят. Армию они разделяют на пять частей, именно авангард, располагающийся около какого-нибудь города вблизи татарских границ; вторую часть — правое крыло, располагающееся у другого города, третью — левое крыло; затем основную армию и арьергард. Все части отделены одна от другой, но генералы обязаны при первом уведомлении явиться на соединение с главной армией. В армии нет другого командования, кроме генералов, разве только все воинство, как кавалерия, так и

пехота, подчинено капитанам, а лейтенантов, прапорщиков, трубачей и барабанщиков нет. У каждого генерала есть свое знамя, которое различается по изображенному на нем святому; они освящены патриархом, как другие изображения святых. Два или три человека назначены его поддерживать. Кроме того, у каждого генерала есть свой собственный набат, как они называют, это такие медные барабаны, которые перевозятся на лошади; у каждого их десять или двенадцать и столько же труб и несколько гобоев, которые звучат только тогда, когда они готовы вступить в сражение, или в стычке, кроме одного из барабанов, в который бьют, чтобы выступать в поход или садиться на коней.

Порядок, которого они придерживаются, чтобы обнаружить врага в этих громадных татарских равнинах, таков.

Существуют дороги, которые у них называются: дорога императора, дорога крымского хана, дорога великого хана, кроме того, на равнинах здесь и там рассеяно несколько дубов, удаленных на восемь, десять и до сорока верст друг от друга. Под большинством деревьев поставлены часовые, именно по два человека, каждый с подставной лошадью, один из них караулит на вершине дерева, а другой пасет оседланных лошадей, они сменяются каждые четыре дня. В том случае, если верхний увидит, что в воздух поднимается пыль, он должен спуститься, ничего не говоря, пока не сядет на лошадь, и во весь опор скакать ко второму дереву, издали крича и делая знаки, что видел людей. Тот, кто стережет лошадей у второго дерева, садится на лошадь по команде того, кто, сидя на дереве, обнаруживает его еще издали, и сразу, как только услышит и различит, в какой стороне он видел сказанную пыль, скачет на своей лошади во весь опор до следующего дерева, где происходит то же самое. И так из рук в руки до первой крепости, а оттуда до Москвы, говоря только, что видели людей, хотя во многих случаях это оказывается всего лишь табуном диких лошадей или стадом каких-нибудь диких животных Но если тот, кто остался на первом дереве, является и подтверждает сообщение, и также первый со второго дерева, тогда вооружаются, и собираются вышеназванные генералы, и посылают разведать силы врага. Те же часовые, сойдя с дороги, по которой следует неприятель, рассеиваются тут и там, поджидая, что он пройдет и выходят к его следу и приблизительно выясняют его силы по ширине дороги, проложенной им в траве, которая высотой больше лошади, но это не луговая трава, а пустынная, так как русские поджигают ее каждую весну как для того, чтобы татары в раннюю пору не имели пастбищ, так и для того, чтобы она росла выше. И если те явятся по любой из вышеназванных дорог, то их силы приблизительно распознают также по глубине

протоптанной ими дороги Также их приблизительно распознают по пыли, увидев, как она поднимается в воздух, поскольку они неохотно едут через граву, опасаясь загнать своих лошадей. И тогда часовые по известным им секретным тропинкам приносят известия об их силах, для сопротивления которым генералы отходят к рекам или лесам, чтобы затруднить их продвижение. Но татарин — враг столь подвижный и проворный, что, зная это, с двадцатью или тридцатью тысячами всадников отвлечет армию, отправив в то же время некоторое число по другой дороге опустошать страну, что они проделают с такой скоростью, что удар будет нанесен прежде, чем русская армия получит предупреждение. Они не обременяют себя иной добычей, кроме пленников, у них нет никакой поклажи, хотя у каждого из них есть одна или две переменные лошади, которые так хорошо выучены, что не доставляют им никаких затруднений, а они столь проворны, что на рыси могут спрыгнуть с лошади и вскочить на другую. Из оружия у них только лук, стрелы и сабля; они стреляют гораздо быстрее и вернее на скаку, чем иначе. Провизия, которую они берут с собой — немного сушеного на солнце мяса, очень мелко нарезанного; кроме того, они привязывают к арчаку седла длинную веревку. В конечном итоге сотня их всегда обратит в бегство двести русских, если только это не будут лучшие воины: русская пехота, или аркебузиры, находясь на берегу реки или в лесу, заставят их убежать со всех ног, хотя в действительности их легче напугать, чем нанести им какой-либо вред. Если случится, что отряд в пятнадцать или двадцать тысяч всадников начнет их преследовать, то на расстоянии пушечного выстрела не окажется их вместе и трех-четырех тысяч, а остальные будут походить скорее на привидения на ослах, чем на людей на лошадях. Таким образом татары уходят, никогда не неся больших потерь, если только, поджидая их возвращение, не перекроют проход через какой-нибудь лес или реку. Но это случается нечасто. Русские силы состоят большей частью из кавалерии; кроме вышеназванных дворян, нужно включать в нее остальных — выборных дворян и городовых дворян, детей боярских и сыновей боярских, их большое число; отряды именуются по названию города, под которым они имеют земли. Некоторые города выставляют триста, четыреста, и до восьмисот, и до тысячи двухсот человек, например Смоленск, Новгород и другие; есть множество таких, как эти, городов, которые могут выставить множество людей. И нужно, чтобы, кроме себя лично, каждый снарядил одного конного и одного пешего воина с каждых 100 четвертей земли, которую они держат, разумеется, в случае необходимости, так как в другое время

довольно их самих. Так собирается невероятное число, но скорее теней, чем людей. Содержание их, прежде всего вельмож из Думы — от 500 рублей до 1 200 рублей; таково содержание князя Федора Ивановича Мстиславского, в продолжение жизни четырех императоров всегда занимавшего первое место, окольничих — от 200 до 400 рублей и от 1000 до двух тысяч четвертей земли, я знал одновременно пятнадцать окольничих; думных дворян, которых обычно не более шести — от 100 рублей до 200 рублей и земли от 800 до 1200 четвертей, московских дворян — от 20 до 100 рублей и земли от 500 до 1000 четвертей, выборных дворян — от восьми до пятнадцати рублей, городовых дворян — от пяти до двенадцати рублей и земли до 500 четвертей. Все это выплачивается ежегодно, кроме вышеназванных четвертей, и, как сказано выше, нужно снарядить двух человек с каждых 100 четвертей. Что касается прочих — детей боярских и сыновей боярских, то их жалованье — 4,5 или 6 рублей — выплачивается за 6—7 лет сразу. Все они держат земли от императора, от ста до трехсот четвертей. Их служба обычно соответствует жалованью, то есть состоит скорее в том, чтобы образовать количество, чем в чем-либо другом.

Вышеназванные знатные воины должны иметь кольчугу, шлем, копье, лук и стрелу, хорошую лошадь, как и каждый из слуг; прочие должны иметь пригодных лошадей, лук, стрелы и саблю, как и их слуги; в итоге получается множество всадников на плохих лошадях, не знающих порядка, духа или дисциплины и часто приносящих армии больше вреда, чем пользы. Кроме того, есть казанские войска, которые, как считают, составляют вместе с черемисами почти 20 000 всадников; есть далее татары, которые за ежегодную плату служат императору вместе с мордвинами, они составят от семи до восьми тысяч всадников, их жалованье — от восьми до тридцати рублей; затем есть черкесы, их от трех до четырех тысяч; затем иностранцы — немцы, поляки, греки, их две тысячи пятьсот, получающих жалованье от двенадцати до шестидесяти рублей, некоторые капитаны получают до 120 рублей, не считая земли, ее же от шестисот до тысячи четвертей.

Наконец, есть даточные люди; их должны снаряжать патриархи, епископы, игумены и прочие священнослужители, владеющие землями, а именно: одного конного и одного пешего с каждых ста четвертей, как сказано выше; порой, если нужно, берут у священнослужителей вместо людей большое количество лошадей, чтобы перевозить артиллерию и прочие боевые припасы, и для стрельцов и прочих, которых нужно снабжать лошадьми; этого бывает достаточно для кавалерии.

Их лошади большей частью приводятся из Ногайской

Татарии, каковых лошадей они называют конями; они среднего роста, весьма хороши в работе и скачут семь-восемь часов без отдыха, но если их совсем загнали, нужно четыре-пять месяцев, чтобы восстановить их силы. Они весьма пугливы и очень боятся аркебузных выстрелов; их никогда не подковывают, так же как и местных лошадей; овса они едят мало или совсем не едят, и если есть намерение его давать, то нужно приучать их мало-помалу. Затем у них есть грузинские легкие верховые лошади, но они не распространены, это весьма красивые и хорошие лошади, но несравнимые с конями по выносливости и скорости, разве только в беге на короткое расстояние. Затем у них есть лошади турецкие и польские, которых они называют аргамаками; среди них есть хорошие; все их лошади — мерины; кроме того, среди ногайских встречаются, но довольно редко, очень хорошие лошадки, совсем белые и в мелких черных пятнах, как тигры или леопарды, так что их можно принять за раскрашенных. Местные лошади называются меринами, они обычно маленькие и хорошие, прежде всего те, что из Вологды и ее окрестностей, и гораздо скорее объезжаются, чем татарские. За двадцать рублей можно приобрести весьма красивую и хорошую татарскую или местную лошадь, которая послужит больше, чем аргамак — турецкая лошадь, которая будет стоить пятьдесят, шестьдесят и сто рублей. Все их лошади болеют больше, чем во Франции, они очень подвержены болезни, называемой норица; это гной, скапливающийся спереди, и если его быстро не истребить, он бросается в ноги, и тогда нет спасения. Но как только его замечают, то прорезают кожу на груди почти между ногами и вкладывают туда веревку из пеньки и древесной коры, которую натирают дегтем, затем два-три раза в день заставляют лошадь бегать, пока она не будет вся в мыле, и часто передвигают названную веревку, и через три-четыре дня созревает нечистота, которая выходит через отверстие. Так продолжается до пятнадцати дней или трех недель, затем вынимают веревку, и дыра начинает закрываться, лошади после этого вполне пригодны. А чтобы избежать этой болезни, они загоняют всех лошадей в реку, когда та вскроется ото льда, где держат их по шею в воде час или два, пока они едва смогут держаться на ногах от сильной дрожи, от чего они весьма истощаются, так как это продолжается в течение пятнадцати дней, но после того становятся весьма резвыми. Названные лошади также весьма склонны к запалу. Татарскую или местную лошадь считают пригодной к работе лишь с семи или восьми лет и продолжают считать таковой до 20 лет; я видел двадцатипяти и тридцатилетних лошадей, несущих добрую службу, а с виду их можно было принять за молодых, десяти- или двенадцатилетних;

и среди них есть весьма хорошие иноходцы.

Лучшая пехота состоит, как было сказано выше, из стрельцов и казаков, о которых еще не было речи; помимо десяти тысяч аркебузиров в Москве, они есть в каждом городе, приближенном на сто верст к татарским границам, смотря по величине имеющихся там замков, по шестьдесят, восемьдесят, более или менее, и до ста пятидесяти, не считая пограничных городов, где их вполне достаточно. Затем есть казаки, которых рассылают зимой в города по ту сторону Оки, они получают равно со стрельцами плату и хлеб; сверх того, император снабжает их порохом и свинцом. Есть еще другие казаки, имеющие земли и не покидающие гарнизонов. Из них наберется от 5000 до 6000 владеющих оружием. Затем есть настоящие казаки, которые держатся в татарских равнинах вдоль таких рек, как Волга, Дон, Днепр и другие, и часто наносят гораздо больший урон татарам, чем вся русская армия; они не получают большого содержания от императора, разве только, как говорят, свободу своевольничать как им вздумается. Им позволяется иногда являться в пограничные города, продавать там свою добычу и покупать что нужно. Когда император намеревается обратиться к ним, он посылает им пороха, свинца и каких-нибудь 7—8 или 10 тысяч рублей; обычно именно они приводят из Татарии первых пленников, от которых узнают замысел неприятеля. Тому, кто взял пленного и привел его, обычно дарят хорошего сукна и камки, чтобы из того и другого сделать платье, 40 куниц, серебряную чашу и 20 или 30 рублей. Они располагаются по рекам числом от 8 до 10 тысяч, готовясь соединиться с армией по приказу императора, что происходит в случае необходимости. Казаки с верховьев Днепра держатся чаще всего в Подолии, отряжая по одному человеку с каждых ста четвертей; все это крестьяне, более способные управляться с плугом, чем с аркебузой, хотя их не отличишь по одежде, так как они должны быть одеты по-казацки, именно в платье ниже колен, узкое как камзол, с большим воротником, отвернутым назад, доходящим до пояса. Половина из них должны иметь аркебузы, по два фунта пороха, четыре фунта свинца и саблю.

Остальные подчиняются тем, кто их посылает, и должны иметь лук, стрелы и саблю или нечто вроде рогатины, пригодное скорее для того, чтобы проткнуть медведя, вылезающего из берлоги, чем для всего того, что им делают. Не нужно забывать про саблю. Кроме того, и купцы должны при необходимости снаряжать воинов в соответствии со своими средствами, кто трех, кто четырех, больше или меньше.

Как замечено выше, казаки обычно в начале великого поста

приводят пленников, от которых узнают, не собирается ли татарин, и в соответствии со сведениями по всей стране отдается приказ, чтобы, пока лежит снег, все отправляли съестные припасы в города, у которых решено встретить неприятеля. Эти припасы перевозят на санях в сказанные города; они состоят из «сухарей», то есть хлеба, нарезанного на мелкие кусочки и высушенного в печке. Затем из крупы, которая делается из проса, очищенного ячменя, но главным образом из овса. Затем у них есть толокно, это — прокипяченный, затем высушенный овес, превращенный в муку; они приготавливают его по-разному, как для еды, так и для питья: всыпают две-три ложки названной муки в хорошую чарку воды, с двумя-тремя крупинками соли, размешивают, выпивают и считают это вкусным и здоровым напитком. Затем соленая и копченая свинина, говядина и баранина, масло и сушеный и мелко толченный, как песок, сыр, из двух-трех ложек его делают похлебку; затем много водки и сушеная и соленая рыба, которую они едят сырой. Это пища начальников, так как остальные довольствуются сухарями, овсяной крупой и толокном с небольшим количеством соли. Они редко выступают в поход против татар, пока не появится трава. Относительно других врагов придерживаются того же порядка, если только они не являются неожиданно. Таким образом, и во время войны, и без нее император почти ничего не тратит на воинство, разве только на вознаграждения за какие-нибудь заслуги, именно тому, кто возьмет пленного, убьет врага, получит рану и тому подобное, так каким в соответствии со званием дарят кусок золотой парчи или другой шелковой материи на платье.

Русские императоры имеют сношение с римским императором, королями английским и датским и шахом персидским; также имеют и имели с древности с королями польским и шведским, но в настоящее время только для виду, так как они постоянно подозревают друг друга, не зная, когда разразится война. Что касается турок, то с тех пор, как они сняли осаду Астрахани, которую осадили около сорока лет назад с ногайскими татарами и некоторым числом пятигорских черкесов, то есть грузин, в России побывали всего лишь два турецких посла и два русских — в Константинополе, так что хотя они вовсе не воюют друг с другом, но меж ними не было переписки и приветствий в течение тридцати лет, как если бы они были гораздо более удалены. С тех пор не было войн, кроме как с крымскими татарами и пятигорскими черкесами, то есть грузинами, потому что на их землях и границах были построены четыре или пять городов и замков, главные Терский городок и Самара. В 1605 году грузины взяли один из ближайших к их

границам замков при некоторой помощи турок, но это дело было несерьезное. Грузины — люди воинственные, лошади у них весьма хороши и большей частью легкой верховой породы; они вооружены легкими нагрудными латами превосходного закала, весьма ловки и все носят пики или дротики; они могли бы нанести большой урон России, если бы были столь же многочисленны, как прочие ее соседи, хотя их и разделяет Волга, так как они живут между морем Каспием и Понтом Евксинским.

Вернемся к Борису Федоровичу, ставшему императором первого сентября тысяча пятьсот девяносто восьмого года и в большем благоденствии, чем при любом из его предшественников, мирно вкушавшему власть; который изменил обычаю выслушивать каждое ходатайство и прошение особо и вместо того скрывался, показываясь народу редко и с гораздо большими церемониями и неохотой, чем любой из его предшественников. У него был сын, по имени Федор Борисович, и дочь. Тогда он начал действовать с целью породниться с какими-нибудь чужеземными государями, чтобы утвердиться на троне самому и закрепить его за своими родственниками. Кроме того, он начал ссылать тех, в ком сомневался, и заключал браки по своему усмотрению, соединяя узами родства со своим домом важнейших из тех, кем надеялся воспользоваться; и в городе Москве осталось лишь пять или шесть домов, с которыми он не породнился, а именно дом Мстиславского, неженатого и имевшего двух сестер, одна из которых вышла за царя Симеона, другую, незамужнюю, он отдал против ее воли в монахини и не позволил Мстиславскому жениться; затем был дом Шуйских, их было три брата; чтобы породниться с названным домом, он выдал за среднего брата, по имени Дмитрий, сестру своей жены, не разрешив жениться старшему, князю Василию Ивановичу Шуйскому, ныне правящему в Московии, о котором будет подробно говориться ниже, из опасения, чтобы какие-нибудь дома, соединившись, вместе не оказали бы ему сопротивления. В конце концов он отправил в ссылку царя Симеона, о котором пространно говорилось выше, женатого на сестре Мстиславского. Когда тот был в ссылке, император Борис послал ему в день своего рождения, день, широко празднуемый по всей России, письмо, в котором обнадеживал его скорым прощением, и тот, кто принес письмо и посланное одновременно Борисом испанское вино, дал ему и его слуге выпить за здоровье императора, и спустя немного времени они ослепли, и царь Симеон и поныне слеп, этот рассказ я слышал из его собственных уст.

Во второй год своего правления он сумел заманить в страну Густава, сына шведского короля Эрика (который был низложен

своим братом, шведским королем Иоанном), пообещав дать ему в жены свою дочь, если тот оправдает его надежды. Он действительно был принят с большим великолепием и удостоен больших подарков от императора, именно серебряной посуды для всего двора, многих тканей — золотой и серебряной персидской парчи, бархата, атласа и других шелковых тканей для всей его свиты, драгоценностей, золотых и жемчужных цепей, многих прекрасных лошадей с полной сбруей, всевозможных мехов и суммы денег, которая поистине не соответствовала дарам, именно десяти тысячам рублей. Он въехал в Москву как принц, но проявил себя не лучшим образом; в конце концов, как впавший в немилость, был выслан в Углич (город, где, как полагали, был умерщвлен Дмитрий Иоаннович); его годовой доход, при надлежащей экономии, поднимался до четырех тысяч рублей.

В тысяча шестисотом году явилось великое посольство из Польши, именно Лев Сапега, нынешний канцлер Литвы, с которым был заключен мир на двадцать лет; его долго задерживали против воли, и он жил в Москве с августа до конца великого поста 1601 года, поскольку Борис был тогда болен. В день, когда он получил свои грамоты, он поцеловал руку императора, сидевшего в приемной палате на императорском троне, с короной на голове, скипетром в руке, золотой державой перед собой; сын его сидел рядом по левую руку, вельможи из Думы и окольничие сидели на скамьях кругом палаты, одетые в платья из очень дорогой золотой парчи, обшитые жемчугом, в шапках из черной лисы, по обе стороны от императора стояли по два молодых вельможи, одетых в платья из белого бархата, снаружи кругом обшитые горностаем на ширину в полфута, в белых шапках, с двумя золотыми цепями крестообразно на шее, и каждый с дорогим боевым топором из дамасской стали, они держат их на плече, словно готовясь нанести удар; все это олицетворяет величие государя. Большая зала, через которую проходят послы, полна скамей, на которых сидят прочие дворяне, одетые так же; никто не смеет присутствовать там без платья из золотой парчи; они не шевельнутся, пока посол не проследует по проходу, оставленному для этой цели, и там такая тишина, что можно было бы счеть палату и залу пустыми. Таков обычный порядок приема послов. Он обедал в присутствии императора, с ним и все его люди, числом до трехсот человек, им подавали на золотой посуде, которой там великое множество, я имею в виду блюда, так как ни о тарелках, ни о салфетках там и речи нет, даже император ими совсем не пользуется, и ели очень хорошую, но плохо приготовленную рыбу, так как это было в Великий пост, когда они не едят яиц, масла, ничего молочного, и много выпил

за здоровье обеих сторон; он был отправлен с хорошими и почетными дарами.

А нужно заметить, что по древнему обычаю страны императору подают на стол весьма пышно, а именно двести или триста дворян, одетых в платья из золотой или серебряной персидской парчи, с большим воротником, расшитым жемчугом, который спускается сзади по плечам на добрых полфута, и в круглых шапках, также расшитых, эти шапки совсем без полей, но сделаны в точности как суповая чашка без ручек, а сверху шапки высокая шапка из черной лисы, затем массивные золотые цепи на шее; и двести или триста человек, число которых увеличивают смотря по количеству приглашенных, назначены подносить императору кушанья и держать их до тех пор, пока он не спросит того или другого. Порядок таков, что, после того как усядется император, а также послы или другие приглашенные, вышеназванные дворяне, одетые как сказано, начинают проходить по двое перед столом императора, низко ему кланяются и отправляются также по двое, одни за другими, выносить кушанья из кухонь, и подносят их императору; но перед тем, как появится кушанье, приносят на все столы водку в серебряных сосудах вместе с маленькими чашками, чтобы наливать в них и пить. На столах только хлеб, соль, уксус и перец, но совсем нет ни тарелок, ни салфеток. После того как выпьют или пока пьют водку, император посылает со своего стола каждому в отдельности кусок хлеба, называя громко по имени того, кому его предназначает, тот встает, и ему дают хлеб, говоря: «Царь, господарь и великий князь всея Россия, жалует тебя», то есть император, господин и великий герцог наш, всей России, оказывает тебе милость; тот его берет, кланяется и затем садится, и так каждому в отдельности. Затем, когда приносят кушанье, император отправляет полное блюдо кушанья каждому из знатных, и после этого на все столы подаются яства в великом изобилии. Затем император посылает каждому отдельно кубок или чашу какого-нибудь испанского вина, с вышеописанными словами и обрядами; затем, когда обед перевалит за середину, император снова посылает каждому большую чашу красного меда, какового есть у них различные сорта. После этого приносят большие серебряные тазы, полные белого меда, которые ставят на столы, и все большими чашами черпают оттуда, и по мере того как один пустеет, приносят другой, с другим сортом, более или менее крепким, смотря какой спросят. Затем император в третий раз посылает каждому чашу крепкого меда или вина-клерета. В заключение, когда император отобедает, он посылает каждому в четвертый, и последний, раз очередную чашу, полную паточного

меда, то есть напитка из чистейшего меда, он не крепкий, но прозрачный, как родниковая вода, и весьма вкусный. После этого император посылает каждому в отдельности блюдо с кушаньем, которое тот отсылает домой, а для тех, к кому император более всего благоволит, он, прежде чем послать, отведывает сказанного кушанья, причем повторяются вышеназванные слова, как и всякий раз при подношении во время обеда. Кроме приглашенных, император посылает домой каждому дворянину и всем тем, кого он жалует, блюдо кушанья, которое называется Подача; и не только с пиршеств, но ежедневно по разу, что соблюдается как возможно точно. Если император не расположен пировать с послом после приема, то, по обычаю страны, император посылает обед к нему домой следующим порядком: прежде всего посылают знатного дворянина, одетого в золотую парчу, с воротником и в шапке, расшитыми жемчугом, который перед обедом отправляется верхом, чтобы передать послу приветствие и объявить милость императора, а также чтобы составить ему компанию за обедом. Его лошадь окружают пятнадцать или двадцать слуг, за ним идут два человека, несущие каждый по скатерти, свернутой в свиток, затем следуют двое других, несущие солонки, и еще двое с двумя уксусницами, полными уксуса, затем еще двое, один из которых несет два ножа, а другой две ложки, весьма дорогие; далее следует хлеб, который несут шесть человек, идущих по двое, далее следует водка, и за ними дюжина человек, несущих каждый по серебряному сосуду примерно в три шо-пина каждый, с разными винами, но большей частью крепкими винами — испанскими, Канарскими и другими, после этого несут столько же больших кубков немецкой работы; дальше следуют кушанья, именно: сначала те, которые едят холодными в первую очередь, затем вареное и жареное и наконец пирожное, все эти кушанья приносят в больших серебряных блюдах, но если император благоволит послу, то вся посуда, которой накрывают на стол,— золотая; затем появляются восемнадцать или двадцать больших жбанов меда различных сортов, каждый из них несут два человека, далее следует дюжина людей, несущих каждый пять-шесть больших чаш для питья, и после всего следует две или три тележки с медом и сикерой для прислуги, все несут назначенные для этого стрельцы, которые весьма парадно одеты. Я видел до трех- и четырехсот их, несущих, как рассказано, кушанья и напитки для одного обеда, и видел, как в один день посылали три обеда разным послам, но одному больше, другому меньше; однако тем же вышеописанным порядком.

В 1601 году начался тот великий голод, который продлился

три года; мера зерна, которая продавалась раньше за пятнадцать солей, продавалась за три рубля, что составляет почти двадцать ливров. В продолжение этих трех лет совершались вещи столь чудовищные, что выглядят невероятными, ибо было довольно привычно видеть, как муж покидал жену и детей, жена умерщвляла мужа, мать — детей, чтобы их съесть. Я был также свидетелем, как четыре жившие по соседству женщины, оставленные мужьями, сговорились, что одна пойдет на рынок купить телегу дров, сделав это, пообещает крестьянину заплатить в доме; но когда, разгрузив дрова, он вошел в избу, чтобы получить плату, то был удавлен этими женщинами и положен туда, где на холоде мог сохраняться, дожидаясь, пока его лошадь будет ими съедена в первую очередь; когда это открылось, признались в содеянном и в том, что тело этого крестьянина было третьим. Словом, это был столь великий голод, что, не считая тех, кто умер в других городах России, в городе Москве умерли от голода более ста двадцати тысяч человек; они были похоронены в трех назначенных для этого местах за городом, о чем позаботились по приказу и на средства императора, даже о саванах для погребения. Причина столь большого числа умерших в городе Москве состоит в том, что император Борис велел ежедневно раздавать милостыню всем бедным, сколько их будет, каждому по одной московке, то есть около семи турских денье, так что, прослышав о щедрости императора, все бежали туда, хотя у некоторых из них еще было на что жить; а когда прибывали в Москву, то не могли прожить на семь денье, хотя в большие праздники и по воскресеньям получали денинг, то есть вдвойне, и, впадая в еще большую слабость, умирали в городе или на дорогах, возвращаясь обратно. В конце концов Борис, узнав, что все бегут в Москву, чтобы в Москве умереть, и что страна мало-помалу начала обезлю-девать, приказал больше ничего им не подавать; с этого времени стали находить их на дорогах мертвыми и полумертвыми от перенесенных холода и голода, что было необычайным зрелищем. Сумма, которую император Борис потратил на бедных, невероятна; не считая расходов, которые он понес в Москве, по всей России не было города, куда бы он не послал больше или меньше для прокормления сказанных нищих. Мне известно, что он послал в Смоленск с одним моим знакомым двадцать тысяч рублей. Его хорошей чертой было то, что он обычно щедро раздавал милостыни и много богатств передал священнослужителям, которые в свою очередь все были за него. Этот голод значительно уменьшил силы России и доход императора.

В начале августа тысяча шестьсот второго года приехал

герцог Иоанн, брат короля датского Христиана, чтобы жениться на дочери императора. По обычаю страны, он был встречен с большими почестями; в его свите было около двухсот человек, охрана состояла из двадцати четырех ар-кебузиров и двадцати четырех алебардщиков. Через три дня после приезда он имел аудиенцию у его величества, который принял его весьма ласково, называя сыном; для него было приготовлено в приемной палате кресло рядом с сыном императора, на которое его усадили. После приема он отобедал вместе с императором за его столом, чего прежде не бывало, так как против обычая страны, чтобы там сидел кто-либо, кроме сыновей императора. После того как поднялись от стола, сделав ему богатые подарки, проводили в его жилище. Дней пятнадцать спустя он заболел, как считают, от невоздержанности, от чего умер спустя некоторое время. Император со своим сыном трижды навещал его во время болезни и много сожалел о нем; все врачи впали в немилость. Император не допустил, чтобы тело Иоанна набальзамировали, так как это противоречит их религии. Он был похоронен в Немецкой церкви, в двух верстах от города; все дворяне сопровождали его до церкви, где они оставались до самого конца обряда; император и все его дворянство три недели носили по нему траур. Немного позже умерла императрица, сестра его, вдова Федора Ивановича; она была похоронена в женском монастыре.

Все это время его беспокойство и подозрительность постоянно возрастали; он много раз ссылал Шуйских, подозревая их больше всех остальных, хотя средний брат был женат на сестре его жены; многие были безвинно подвергнуты пыткам за то, что навещали их даже тогда, когда они были в милости. Без приказания императора ни один врач под страхом изгнания не смел посещать вельмож или давать им что-либо, так как во всей России никогда не бывало никаких врачей, кроме тех, которые служат императору, даже ни одной аптекарской лавки. Наконец, прослышав в тысяча шестисотом году молву, что некоторые считают Дмитрия Ивановича живым, Борис с тех пор целые дни только и делал, что пытал и мучил по этому поводу. Отныне, если слуга доносил на своего хозяина, хотя бы ложно, в надежде получить свободу, он бывал им вознагражден, а хозяина или кого-нибудь из его главных слуг подвергали пытке, чтобы заставить их сознаться в том, чего они никогда не делали, не видели и не слышали. Мать Дмитрия была взята из монастыря, где она жила, и отправлена примерно за шестьсот верст от Москвы. Наконец, осталось совсем мало хороших фамилий, которые не испытали бы, что такое подозрительность тирана, хотя его считали очень милосердным государем, так как за время своего правления до

прихода Дмитрия в Россию он не казнил публично и десяти человек, кроме каких-то воров, которых собралось числом до пятисот, и многие из них, взятые под стражу, были повешены. Но тайно множество людей были подвергнуты пытке, отправлены в ссылку, отравлены в дороге, и бесконечное число утоплены; однако он не почувствовал облегчения.

Наконец, в 1604 году объявился тот, кого он так опасался, а именно Дмитрий Иоаннович, сын императора Иоанна Васильевича, которого, как было сказано выше, считали убитым в Угличе. Он примерно с четырьмя тысячами человек вступил в Россию через Подольскую границу, осадил сначала замок под названием Чернигов, который сдался, затем другой, который также сдался, затем они пришли в Пу-тивль, очень большой и богатый город, который сдался, и с ним многие другие замки, как Рыльск, Кромы, Карачев и многие другие, а в стороне Татарии сдались Царьгород, Борисов Город, Ливны и другие города. И поскольку его войско выросло, он начал осаду Новгород-Северского, это замок, стоящий на горе, губернатора которого звали Петр Федорович Басманов (о котором будет сказано ниже), который оказал столь хорошее сопротивление, что он не смог его взять.

Наконец, 15 декабря армия императора Бориса расположилась верстах в десяти от его армии. Князь Федор Иванович Мстиславский, бывший генералом основной армии, ждал еще подкрепления; несмотря на это, 20 декабря две армии сошлись и после двух-, трехчасовой стычки разошлись без особых потерь, разве что Дмитрий упустил там хороший случай из-за неопытности своих капитанов в военном искусстве: вступив в схватку, он повел три польских отряда в атаку на один из батальонов столь яростно, что сказанный батальон опрокинулся на правое крыло и также на основную армию в таком беспорядке и смятении, что вся армия, кроме левого крыла, смешалась и обратила врагам тыл, так что если бы другая сотня всадников ударила во фланг или по другому батальону, наполовину смешавшемуся, то без сомнения четыре отряда разбили бы всю армию императора; притом Мстиславский, генерал армии, был сбит с лошади и получил три или четыре раны в голову и был бы взят в плен Дмитрием, если бы не дюжина аркебузиров, которые избавили его от пленения. Словом, можно сказать, что у русских не было рук, чтобы биться, несмотря на то что их было от сорока до пятидесяти тысяч человек. Армии, разойдясь в стороны, пребывали в бездействии до рождества; пленники, между которыми находился капитан польской кавалерии по имени Домарацкий, были отправлены в Москву.

Двадцать восьмого декабря Дмитрий Иоаннович, видя, что ничего не может сделать, снял осаду Новгорода и ушел в Северскую землю, которая весьма плодородна, где большая часть поляков его покинула. Несмотря на это, он собрал все силы, какие смог, как русских, казаков, так и поляков и доброе число крестьян, которые приучались к оружию. Армия Бориса также крепла с каждым днем, хотя одна его армия находилась в стороне Кром и преследовала сказанного Дмитрия (но так медленно, что можно было бы подумать, что они не хотят встретиться). Наконец, миновав леса и чащи, через которые армию проводили в течение целого месяца, они снова приблизились к войскам Дмитрия, который, узнав, что армия расположилась в деревне в такой тесноте, что невозможно было двинуться, решил напасть ночью врасплох и предать огню сказанную деревню при помощи нескольких крестьян, которые знали к ней подходы. Но они были со всех сторон обнаружены дозорами и так настороженно держались до утра; а это было утро 21 января 1605 года. Армии сблизились, и, после нескольких стычек, при пушечной стрельбе с обеих сторон, Дмитрий послал свою главную кавалерию вдоль ложбины, чтобы попытаться отрезать армию от деревни; узнав об этом, Мстиславский выдвинул вперед правое крыло с двумя отрядами иноземцев.

Поляк, видя, что его предупредили, пошел ва-банк, атаковав с какими-нибудь десятью отрядами кавалерии правое крыло с такой яростью, что после некоторого сопротивления, оказанного иноземцами, все обратились в бегство, кроме основной армии, которая была как в исступлении и не трогалась, словно потеряв всякую чувствительность. Он двинулся вправо к деревне, у которой находилась большая часть пехоты и несколько пушек. Пехота, видя поляков так близко, дала залп в десять или двенадцать тысяч аркебузных выстрелов, который произвел такой ужас среди поляков, что они в полном смятении обратились в бегство. Тем временем остаток их кавалерии и пехота приближались с возможно большим проворством, думая, что дело выиграно. Но, увидев своих, бегущих в таком беспорядке, пустились догонять; и пять или шесть тысяч всадников преследовали их более семи или восьми верст. Дмитрий потерял почти всю свою пехоту, пятнадцать знамен и штандартов, тринадцать пушек и пять или шесть тысяч человек убитыми, не считая пленных, из которых все, оказавшиеся русскими, были повешены среди армии, другие со знаменами и штандартами, трубами и барабанами были с триумфом уведены в город Москву. Дмитрий с остатком своих войск ушел в Путивль, где оставался до мая.

Армия Бориса приступила к осаде Рыльска, сдавшегося Дмитрию. Но, пробыв там в бездействии пятнадцать дней, сняли осаду с намерением распустить на несколько месяцев армию, которая очень устала. Однако Борис, узнав об этом, написал командующим своей армии, безоговорочно запретив ее распускать. После того как армия немного оправилась и отдохнула в Северской земле, Мстиславский и князь Василий Иванович Шуйский (который был послан из Москвы в товарищи Мстиславскому) направились к другой армии, которая, прослышав о поражении Дмитрия, осадила Кромы. Обе соединившиеся армии пребывали под Кро-мами, не занимаясь ничем достойным и только насмехаясь друг над другом, до кончины сказанного Бориса Федоровича, который умер от апоплексии в субботу двадцать третьего апреля, в названный год.

А прежде чем перейти к дальнейшему, следует отметить, что меж ними совсем не бывает дуэлей, так как, во-первых, они не носят никакого оружия, разве только на войне или в путешествии, и если кто-нибудь оскорблен словами или иначе, то должно требовать удовлетворения только через суд, который приговаривает того, кто задел честь другого, к штрафу, называемому Бесчестие, то есть удовлетворение за оскорбление, который всегда определяется пострадавшим, именно: подвергнуть ли его битью батогами (что происходит таким образом: ему обнажают спину до рубахи, затем укладывают его на землю на живот, два человека держат его, один за голову и другой за ноги, и прутьями в палец толщиной бьют его по спине в присутствии судьи и оскорбленного, и все это до тех пор, пока судья не скажет «довольно»); или же обязать его выплатить заинтересованному в качестве возмездия сумму жалованья, которое тот ежегодно получает от императора, но если тот женат, он должен заплатить вдвое больше в удовлетворение за оскорбление его жены, так что, если тот получает пятнадцать рублей ежегодного жалованья, он платит ему пятнадцать рублей в удовлетворение за оскорбление и тридцать рублей для его жены, что составляет сорок пять рублей, и так поступают, каким бы ни было жалованье. Но оскорбление может быть таким, что оскорбившего высекут кнутом, водя по городу, сверх того, он заплатит названную сумму и затем будет сослан. Если в непредвиденном случае, какому я был свидетелем один раз за шесть лет, произойдет дуэль между иностранцами и если одна из сторон будет ранена, будь то вызвавший или вызванный, так как для них это безразлично, его наказывают как убийцу и ничто ему не служит оправданием. Более того, хотя бы человек был сильно оскорблен словами, однако ему не разрешается ударить хотя бы только рукой под угрозой

вышесказанного. Если это случается и другой возвращает ему удар, то, в случае жалобы, их обоих приговаривают к вышеназванному наказанию или к уплате штрафа императору, по той же причине, как они говорят, что, отомстив за себя оскорблением или возвратив удар оскорбителю, оскорбленный присвоил власть суда (который один только и сохраняет за собой право разбирать проступки и наказывать за них); и поэтому суд намного более скор и строг при этих спорах, оскорблениях и клевете, чем при любых других делах. Это соблюдается весьма строго не только в городах в мирное время, но также в армиях во время войны, относясь лишь к дворянству (так как удовлетворение за оскорбление простолюдина и горожанина всего лишь два рубля). Правда, они не придираются к каждому слову, потому что весьма просты в разговоре, так как употребляют только «ты», и даже были еще проще, так как если идет разговор о чем-либо сомнительном или небывалом, то, вместо того чтобы сказать: «это по-вашему», или «простите меня», или тому подобное, они говорят: «ты врешь», и так даже слуга своему господину. И хотя Иоанн Васильевич был прозван и считался тираном, однако не считал за дурное подобные уличения во лжи; но теперь, с тех пор как среди них появились иностранцы, не прибегают к ним так свободно, как каких-нибудь двадцать или тридцать лет назад.

Тотчас после смерти Бориса, до того как армия узнала о его смерти, князья Мстиславский и Шуйский были отозваны его женой-императрицей и Федором Борисовичем, сыном покойного. Двадцать седьмого апреля для того, чтобы привести воинство к присяге, и для того, чтобы занять место своих предшественников, в армию приехал Петр Федорович Басманов (который был губернатором Новгорода, когда Дмитрий его осаждал) и с ним еще один воевода. Армия, признав императором, присягнула в верности и послушании Федору Борисовичу, сыну покойного, который послал весьма благосклонные письма в армию, увещевая ее хранить по отношению к нему ту же верность, что она показала по отношению к его усопшему отцу Борису Федоровичу, заверяя в своей щедрости к каждому по истечении шести недель траура.

Князья Василий Иванович Голицын и Петр Федорович Басманов со многими другими семнадцатого мая перешли к Дмитрию Иоанновичу и взяли в качестве пленников двух других воевод, Ивановича Годунова и Михаила Салтыкова. Остальные воеводы и армия пустились бежать в Москву, бросив в окопах все пушки и военные припасы. Изо дня в день города и замки сдавались Дмитрию, который выступил из Путивля навстречу армии. У него было только шесть отрядов польской кавалерии, то

есть шестьсот человек, некоторое число казаков с верховьев Дона и Днепра и немного русских. Он немедленно послал приказ распустить армию на отдых недели на три-четыре, именно тех, у кого были земли по ту сторону от Москвы, а остаток армии послал отрезать съестные припасы от города Москвы. Сам же с двумя тысячами человек отправился короткими переходами к городу Москве, ежедневно посылая туда письма как к дворянству, так и к простому люду, уверяя их в своем милосердии, если они сдадутся, и указывая, что прежде Бог, а затем и он не преминут наказать их за упрямство и непокорность, если они останутся при своем. Наконец, получив одно из подобных писем, народ собрался на площади перед замком. Мстиславский, Шуйский, Вельский и другие были посланы, чтобы усмирить волнение: тем не менее письма были публично прочитаны; и, распалив друг друга, те и другие побежали в замок, захватили императрицу— вдову покойного императора Бориса с сыном и дочерью и, сверх того, всех Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых, это все одна семья, и разграбили все, что нашли.

Дмитрий Иоаннович был в Туле — городе, удаленном от Москвы на сто шестьдесят верст, когда он получил известие о происшедшем, и поспешил отправить князя Василия Голицына, чтобы привести город к присяге. Вся знать вышла навстречу Дмитрию к Туле. Наконец, двадцатого июня императрица — вдова покойного и его сын Федор Борисович были, как считают, удавлены, но был пущен слух, что они отравились. Дочь была оставлена под стражей, все другие родственники сосланы кто куда. Покойный Борис Федорович был по просьбе вельмож вырыт в Архангельской церкви, месте погребения великих князей и императоров, и захоронен в другой церкви.

Наконец, тридцатого июня Дмитрий Иванович вступил в город Москву; приехав туда, он поспешил отправить Мстиславского, Шуйского, Воротынского, Мосальского за своей матерью, императрицей, которая находилась в монастыре за 600 верст от Москвы. Дмитрий отправился встречать ее за версту от города, и, после четвертьчасовой беседы в присутствии всех дворян и жителей города, она взошла в карету, а император Дмитрий и все дворянство, пешком, окружив карету, препроводили ее до императорского дворца, где она жила до тех пор, пока не был перестроен для нее монастырь, в котором похоронена императрица — вдова императора Федора, сестра Бориса. Наконец, в конце июля он короновался, что совершилось без больших торжеств, разве только весь путь от покоев до церкви Богоматери и оттуда до Архангельской был устлан алым сукном, а сверху золотой персидской парчой, по которой он шагал. Когда

он вошел в церковь Богоматери, где его ждал патриарх со всем духовенством, то после молитв и других обрядов ему вынесли из сокровищницы корону, скипетр и золотую державу, которые были ему вручены; затем, когда он выходил из церкви, направляясь в Архангельскую, по пути бросали мелкие золотые монеты, стоимостью в пол-экю, в экю и некоторые в два экю, отчеканенные для этого случая, так как в России совсем не делают золотых монет; а из Архангельской церкви он возвратился в свой дворец, где был накрыт стол для всех, кто мог усесться. Так они обычно поступают при коронации.

Немного времени спустя князь Василий Шуйский был обвинен и изобличен в присутствии лиц, избранных от всех сословий, в преступлении оскорбления величества, и приговорен императором Дмитрием Иоанновичем к отсечению головы, а два его брата к ссылке. Четыре дня спустя он был приведен на площадь, но, когда голова его была уже на плахе в ожидании удара, явилось помилование, испрошенное императрицей, матерью названного Дмитрия, и одним поляком, по имени Бучинский, и другими; тем не менее он был отправлен в ссылку вместе с братьями, где находился недолго. Это было самой большой ошибкой, когда-либо совершенной императором Дмитрием, ибо это приблизило его смерть.

Тем временем он спешно отправил Афанасия Ивановича Власьева послом в Польшу, как считают, чтобы исполнить данное сандомирскому воеводе секретное обещание жениться на его дочери, когда Богу станет угодно вернуть ему трон его усопшего отца Иоанна Васильевича; это было обещано для того, чтобы получить от него помощь при завоевании империи. Афанасий приехал ко двору и провел переговоры так хорошо, что в Кракове была отпразднована свадьба, на которой присутствовал сам польский король. В это время император Дмитрий велел нанять иноземную гвардию, чего прежде не видывали в России, а именно: отряд в сотню стрелков для охраны своей особы, которыми я имел честь командовать, и двести алебардщиков. Он разрешил жениться всем тем, кто при Борисе не смел жениться: так, Мстиславский женился на двоюродной сестре матери императора Дмитрия, который два дня подряд присутствовал на свадьбе. Василий Шуйский, будучи снова призван и в столь же великой милости, как прежде, имел уже невесту в одном из названных домов, его свадьба должна была праздноваться через месяц после свадьбы императора. Словом, только и слышно было о свадьбах и радости ко всеобщему удовольствию, ибо он давал им понемногу распробовать, что такое свободная страна, управляемая милосердным государем. Каждый день или дважды в

день он навещал императрицу-мать. Он вел себя иногда слишком запросто с вельможами, которые воспитаны и взращены в таком унижении и страхе, что без приказания почти не смеют говорить в присутствии своего государя; впрочем, император умел иначе являть величие и достоинство, присущее такому, как он, государю, к тому же он был мудр, достаточно образован, чтобы быть учителем для всей Думы. Несмотря на это, начали вскрываться какие-то тайные интриги, и был схвачен один секретарь или дьяк, которого пытали в присутствии Петра Федоровича Басманова, самого большого любимца императора; который не сознался и не выдал главаря этой интриги, кем был, как позднее стало известно, Василий Шуйский; а сказанный секретарь был отправлен в ссылку.

Наконец императрица прибыла к границам России со своим отцом и братом, зятем, по имени Вишневецкий, и многими другими вельможами. 20 апреля Михаил Игнатьевич Татищев, вельможа, пользовавшийся большим доверием императора, был удален, попав в немилость за какие-то пренебрежительные слова, обращенные к императору в поддержку князя Василия Шуйского, поспорившего тогда с императором о бывшем на столе телячьем жарком, поскольку это противоречит их религии. В конце концов он вернул себе милость в день Пасхи по ходатайству Петра Федоровича Басманова, хотя все, и сам император (который вовсе не был подозрительным государем), подозревали, что существует какой-то скверный заговор, так как он до этого обычно не выказывал себя так, как за пятнадцать дней до своего изгнания; возвращение Татищева было ошибкой, подобно возвращению Шуйского, так как его злобный ум, не забывавший никакой обиды, был всем известен.

В конце апреля император Дмитрий получил известие, что между Казанью и Астраханью собрались около четырех тысяч казаков (казаки, как и все те, о которых говорилось выше,— пешие воины, что подразумевается в настоящем рассказе постоянно; а не кавалеристы, как казаки, живущие в Подолии и Черной Руси под властью польского короля, известные в армиях Трансильвании, Валахии, Молдавии и других, каковые казаки с древности ездили верхом и вооружались, как татары, и подражали им во всем, разве только с недавнего времени большинство их пользуется аркебузами, но они не носят никакого оборонительного оружия, хотя многие из них привешивают саблю); которые разбойничали вдоль Волги и говорили, что с ними находится молодой принц по имени царь Петр, истинный (как они пустили слух) сын императора Федора Иоанновича, сына Иоанна Васильевича и сестры Бориса Федоровича, правившего

после Федора, который родился около 1588 года и был тайно подменен, так как, по их словам, на его место подставили девочку, которая умерла в возрасте трех лет, как мы упомянули выше. Если бы они говорили правду, то этому царю Петру могло быть от шестнадцати до семнадцати лет; но было хорошо известно, что это всего лишь предлог, чтобы грабить страну, из-за недовольства казаков Дмитрием ввиду того, что они не были им вознаграждены, как надеялись. Несмотря на это, император написал ему письмо, в котором оповещал его, что если он истинный сын его брата Федора, то пусть будет желанным гостем, и приказывал предоставлять ему в дороге все необходимое из съестных припасов, что они называют кормом; но если он не истинный, то пусть удалится из его пределов. Пока гонцы ездили туда и обратно, названный несчастный Дмитрий был убит, как расскажем ниже; но до моего отъезда из России казаки захватили и разграбили три замка вдоль Волги, захватили несколько маленьких пушек и другое военное снаряжение и разделились: большинство отправились в татарские равнины, другие ушли в замок, находящийся на полдороге между Казанью и Астраханью, в надежде грабить купцов, торгующих в Астрахани, или, по меньшей мере, чем-нибудь у них поживиться. Но, будучи в Архангельске, я получил известие, что там все успокоилось, и казаки все это оставили. В пятницу 12 мая императрица, супруга Дмитрия, вступила в Москву более торжественно, чем когда-либо видели в России. В ее карету впряжены были десять ногайских лошадей, белых с черными пятнами, как тигры или леопарды, которые были так похожи, что нельзя было бы отличить одну от другой; у нее было четыре отряда польской кавалерии на весьма хороших лошадях и в богатых одеждах, затем отряд гайдуков в качестве телохранителей, в ее свите было много вельмож. Ее отвезли в монастырь к императрице, матери императора, где она проживала до семнадцатого числа, когда ее доставили в верхние покои дворца. Назавтра она была коронована с теми же обрядами, что и император. Под правую руку ее вел посол польского короля каштелян Малогощский, под левую жена Мстиславского, а при выходе из церкви ее вел за руку император Дмитрий, и под левую руку ее вел Василий Шуйский. В этот день на пиршестве присутствовали только русские; девятнадцатого начались свадебные торжества, где присутствовали все поляки, за исключением посла, потому что император отказался допустить его к столу. И хотя по русскому обычаю посла не сажают за императорский стол, однако ж сказанный каштелян Малогощский, посол польского короля, не преминул заметить императору, что его послу была оказана подобная честь его

повелителем королем, так как во время свадебных торжеств его всегда усаживали за собственным столом короля. Но в субботу и в воскресенье он обедал за отдельным столом рядом со столом их величеств. В это время и тесть, сандомирский воевода, и секретарь Петр Басманов, и другие предупредили императора Дмитрия, что против него затеваются какие-то козни; кое-кто был взят под стражу, но император, казалось, не придал этому большого значения.

Наконец, в субботу 27 мая (здесь, как и в других местах, подразумевается новый стиль, хотя русские считают по старому стилю), в шесть часов утра, когда менее всего помышляли об этом, наступил роковой день, когда император Дмитрий Иоаннович был бесчеловечно убит и, как считают, тысяча семьсот пять поляков зверски убиты, потому что они жили далеко друг от друга. Главой заговорщиков был Василий Иванович Шуйский. Петр Федорович Басманов был убит в галерее против покоев императора и первый удар получил от Михаила Татищева, которому он незадолго до этого испросил свободу, и были убиты несколько стрелков из телохранителей. Императрица — супруга императора Дмитрия, ее отец, брат, зять и многие другие, избежавшие народной ярости, были заключены под стражу, каждый в отдельном доме. Покойного Дмитрия, мертвого и нагого, протащили мимо монастыря императрицы, его матери, до площади, где Василию Шуйскому должны были отрубить голову, и положили Дмитрия на стол длиной около аршина, так что голова свешивалась с одной стороны и ноги — с другой, а Петра Басманова положили под стол. Они три дня оставались зрелищем для каждого, пока глава заговора Василий Иванович Шуйский, тот, о котором мы столько говорили, не был избран императором (хотя это королевство не выборное, а наследственное, но, поскольку Дмитрий был последним в роду и не оставалось никого из родственников по крови, сказанный Шуйский был избран в результате своих интриг и происков, как сделал Борис Федорович после смерти Федора, о чем мы упоминали выше); он велел зарыть Дмитрия за городом у большой дороги.

В ночь после того, как он был убит, наступил великий холод, продлившийся восемь дней, который погубил все хлеба, деревья и даже траву на полях, чего прежде не бывало в это время. Поэтому по требованию тех, кто следовал партии Шуйского, несколькими днями спустя Дмитрия вырыли, и сожгли, и обратили в пепел. В это время слышен был лишь ропот, одни плакали, другие горевали, а некоторые другие радовались, словом, это была полная перемена. Дума, народ и страна разделились одни против других, начав новые предательства. Провинции восставали, не

зная, что произойдет дальше. Польский посол находился под строгой охраной. Сослали всех тех, к кому сколько-нибудь был благосклонен покойный. Наконец, императрицу, вдову покойного императора Дмитрия Иоанновича, препроводили в жилище ее отца воеводы со всеми статс-дамами и другими польками и очень строго охраняли.

Пытаясь усмирить народное волнение и ропот, избранный Василий Шуйский отправил своего брата Дмитрия и Михаила Татищева и других родственников в Углич, чтобы извлечь тело или кости истинного Дмитрия, который, как они утверждали, был сыном Иоанна Васильевича, умерщвленным около семнадцати лет назад, как мы упоминали выше. Они обнаружили, что (как они распустили слух) тело совершенно цело, одежды такие же свежие и целые, какими были, когда его хоронили (так как принято хоронить каждого в той одежде, в которой он был убит), и даже орехи в его руке целы. Говорят, что, после того как его извлекли из земли, он сотворил много чудес как в городе, так и по дороге. Крестным ходом, в сопровождении всех мощей, имеющихся у них во множестве, патриарх и все духовенство, избранный император Василий Шуйский, мать покойного Дмитрия и все дворянство перенесли его в город Москву, где он был канонизирован по приказу Василия Шуйского. Это почти не усмирило народ, так как сказанный Василий дважды был очень близок к низложению, хотя он и короновался двадцатого июня того же года.

Он выслал в Польшу большое количество поляков, а именно слуг, людей низкого положения, задержав в плену знатных, чтобы принудить польского короля к миру; сан-домирского воеводу с дочерью-императрицей он сослал в Углич, чтобы содержать их там под стражей, причем воевода был очень болен.

В заключение, покойному императору Дмитрию Иоан-новичу, сыну императора Иоанна Васильевича, прозванного Тираном, было около двадцати пяти лет; бороды совсем не имел, был среднего роста, с сильными и жилистыми членами, смугл лицом; у него была бородавка около носа, под правым глазом; был ловок, большого ума, был милосерден, вспыльчив, но отходчив, щедр; наконец, был государем, любившим честь и имевшим к ней уважение. Он был честолюбив, намеревался стать известным потомству. Он решился и отдал уже своему секретарю приказание готовиться к тому, чтобы в августе минувшего тысяча шестьсот шестого года отплыть с английскими кораблями во Францию, чтобы приветствовать христианнейшего короля, о котором он говорил мне много раз с великим почтением, и завязать с ним отношения. Короче, христианский мир много потерял с его

смертью, если таковая случилась, что весьма вероятно; но я говорю так потому, что своими глазами не видел его мертвым, поскольку я был тогда болен.

Несколько дней спустя после этого убийства разошелся слух, что был убит не Дмитрий, но некто на него похожий, которого он поместил на свое место после того, как за несколько часов до рассвета был предупрежден о том, что должно произойти, и выехал из Москвы, чтобы посмотреть, что же произойдет, не столько из страха (как я полагаю), так как иначе он мог это предотвратить, сколько для того, чтобы узнать, кто ему верен, чего он не мог устроить иначе, как избрав самый опасный путь. Это можно объяснить тем, что он, по-видимому, мало сомневался в верности своих подданных. Этот слух держался до моего отъезда из России, произошедшего четырнадцатого сентября тысяча шестьсот шестого года; я думаю, что в действительности это были козни какой-нибудь новой партии с целью сделать ныне правящего Василия Шуйского, главу заговора, ненавистным для народа, чтобы легче было достичь своих замыслов; я не могу предположить что-либо иное, имея в виду то, что будет сказано ниже. Для подтверждения этого слуха русские ссылаются, во-первых, на то, что после полуночи от имени императора Дмитрия явились взять из маленькой конюшни, которая находится в замке, трех турецких лошадей, которые не были приведены обратно, и до сих пор неизвестно, что с ними стало; того, кто их выдал, позднее замучили до смерти по приказу Шуйского, вынуждая его сознаться, как это было. Далее, на то, что хозяин первого жилья, где Дмитрий должен был отдыхать после своего отъезда из Москвы, показал, что говорил с Дмитрием, и даже принес письмо, написанное (как он говорил) его рукой, в котором он жаловался на русских, упрекая их в неблагодарности и в забвении его доброты и милосердия, и грозил вскоре покарать виновных. И сверх того, обнаружилось много записок и писем, разбросанных на улицах, сводящихся к тому же, и даже писем о том, что его узнали в большинстве мест, где он брал почтовых лошадей. В августе также обнаружилось много других писем, свидетельствовавших о том, что они ошиблись, нанося удар, и что вскоре, в первый день года, Дмитрий с ними повстречается.

Я отмечу заодно то, что мне сообщил французский купец по имени Бертран де Кассан, который по возвращении с площади, где находилось тело Дмитрия, сказал мне, что он считал, что у Дмитрия совсем не было бороды, так как он не замечал ее при его жизни (потому что ее и в самом деле не было), но что тело, лежавшее на площади, имело, как можно было видеть, густую бороду, хотя она была выбрита; и также говорил мне, что волосы

у него были гораздо длиннее, чем он думал, так как видел его за день до смерти. Кроме того, секретарь Дмитрия, поляк, по имени Станислав Бучинский, уверял его, что был один молодой русский вельможа, весьма любимый и жалуемый Дмитрием, который весьма на него походил, только у него была небольшая борода, который совершенно исчез, и, по словам русских, неизвестно, что с ним сталось.

Затем я узнал от одного француза, бывшего поваром у сандомирского воеводы, что императрица — жена Дмитрия, узнав о ходившем слухе, полностью уверилась, что он жив, утверждая, что не может представить себе его иначе, и с того времени казалась гораздо веселее, чем прежде.

Некоторое время спустя после выборов Шуйского взбунтовались пять или шесть главных городов на татарских границах, пленили генералов, перебили и уничтожили часть своих войск и гарнизонов, но до моего отъезда в июле прислали в Москву просить о прощении, которое получили, извинив себя тем, что их известили, будто император Дмитрий жив. В это время в Москве происходил большой раздор между дворянами и прочими из-за того, что Василий Шуйский был выбран без их согласия и одобрения, и Шуйский едва не был низложен; в конце концов все успокоились, и он был коронован двадцатого июня.

Против Шуйского после его коронации начались новые секретные козни, в пользу (как я предполагаю) князя Федора Ивановича Мстиславского, который происходит из знатнейшего во всей России рода и получил много голосов при выборах и был бы избран, если бы жители страны собрались. Несмотря на это, он отказался от избрания, утверждая, как толкуют слухи, что сделается монахом, если выбор падет на него. Сказанный Мстиславский был женат на двоюродной сестре матери Дмитрия, которая (как мы упомянули) из рода Нагих, так что есть вероятность, как я полагаю, что эти происки происходят более от родственников его жены, чем с его согласия. Затем знатный вельможа Петр Никитович Шереметьев в свое отсутствие был обвинен и изобличен свидетелями как глава этих происков; он из рода Нагих; и из города, где он находился, он был отправлен в ссылку и, как я слышал, был впоследствии отравлен в дороге.

Тогда же было однажды ночью написано на воротах большинства дворян и иностранцев, что император Василий Шуйский приказывает народу разорить названные дома, как дома предателей; и, чтобы выполнить это, собрался народ (который приучен к добыче ранее случившимися переменами и, думаю, был бы доволен на таких условиях каждую неделю иметь нового императора), который был усмирен с некоторым трудом. Спустя

некоторое время в воскресенье к выходу Шуйского созвали от его имени перед замком народ, под предлогом, что он хочет говорить с ним; я случайно находился около императора Шуйского, когда он выходил, чтобы идти на службу. Узнав, что народ собирается от его имени на площади, он был весьма удивлен и, не трогаясь с места, где узнал об этом, велел разыскать тех, кто затеял собрание. Когда все туда прибежали, сказанный Шуйский начал плакать, упрекая их в непостоянстве, и говорил, что они не должны пускаться на такую хитрость, чтобы избавиться от него, если они того желают; что они сами его избрали и в их же власти его низложить; если он им не нравится, и не в его намерении тому противиться. И, отдавая им посох, который не носит никто, кроме императора, и шапку, сказал им: если так, изберите другого, кто вам понравится; и, тотчас взяв жезл обратно, сказал: мне надоели эти козни, то вы хотите убить меня, а то дворян и даже иноземцев, по меньшей мере вы хотите их хотя бы пограбить; если вы признаете меня тем, кем избрали, я не желаю, чтобы это осталось безнаказанным. Вслед за этим все присутствующие вскричали, что они присягнули ему в верности и послушании, что они все хотят умереть за него и что пусть те, кто окажутся виновными, будут наказаны. До этого народу было дано приказание расходиться по домам, и были схвачены пять человек, которые оказались зачинщиками этого созыва народа. Считают, что если бы Шуйский вышел или собрался бы весь народ, то он подвергся бы такой же опасности, как и Дмитрий. Несколько дней спустя пять человек были приговорены к битью кнутом среди города, то есть к обычному наказанию, и затем высланы. При оглашении приговора упомянули, что Мстиславский, который был обвинен как глава этих происков, невиновен, вина же падает на вышеназванного Петра Шереметьева.

Василий Шуйский подвергся другой опасности, когда в Москву привезли тело истинного Дмитрия (как о том пустили слух), умерщвленного шестнадцать лет назад, как я упоминал выше, и Шуйский с патриархом и всем духовенством отправился встречать его за город; там Шуйский, как говорят, был едва не побит камнями, хотя дворяне усмирили народ прежде, чем он собрался.

В это время взбунтовалось Северское княжество, по рассказам русских, уже присягнувшее сказанному Шуйскому; и, утверждая, что Дмитрий жив, в поход отправились семь или восемь тысяч человек, совсем без предводителей, которые поэтому были разбиты войсками, посланными туда Василием Шуйским, включавшими от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек и всех иноземцев; известия об этом я получил в Архангельске. Те, кто

спаслись, ушли в Путивль — один из главных городов Северского княжества; говорили также, что город сдался и что все эти восстания учинили какие-то польские шайки, скопившиеся у пределов России и Подолии, которые распускали слух, что Дмитрий живет в Прлыие. Это все, что произошло в подтверждение предположения, что Дмитрий жив, до четырнадцатого сентября тысяча шестьсот шестого года.

Что до мнения тех, кто считает, что Дмитрий Иоаннович не сын или не был сыном Иоанна Васильевича, прозванного Тираном, но Самозванцем, я отвечу на это, рассказав, как мне это представляется.

Возражение русских исходит, во-первых, от правившего тогда Бориса Федоровича, государя весьма хитрого и лукавого, и от других его врагов. Якобы он был самозванец, так как истинный Дмитрий был убит в возрасте семи-восьми лет в Угличе семнадцать лет тому назад, как мы упомянули выше; а он был расстрига, а именно: монах, покинувший свой монастырь, по имени Гришка, или Григорий Отрепьев.

Те же, кто считают себя самыми проницательными, как иностранцы, знавшие его, так и прочие, приводят суждение, что он был не русским, но поляком, трансильван-цем или другой национальности, взращенным и воспитанным для этой цели.

Выше я упомянул в ответ причину, почему Борис Федорович, правитель империи при Федоре Иоанновиче, сыне Иоанна Васильевича и брате Дмитрия Иоанновича, отправил Дмитрия с матерью-императрицей в ссылку в Углич; можно судить по рассказу, что это сделал не Федор, его брат, как по простоте своей, так и потому, что Дмитрий был тогда всего лишь ребенком четырех-пяти лет, который не мог ему чем-либо повредить, но что это были козни Бориса Федоровича. Вполне вероятно, что мать и другие из оставшейся тогда знати, как Романовичи, Нагие и другие, зная цель, к которой стремился Борис, пытались всеми средствами избавить ребенка от опасности, в которой он находился. А я знаю и считаю, что, убедившись в том, что нет никакого другого средства, как подменить его и подставить другого на его место, а его воспитывать тайно, пока время не переменит или вовсе не смешает замыслы Бориса Федоровича, они это и проделали, и столь хорошо, что никто, кроме принадлежавших к их партии, ничего не узнал Он был воспитан тайно, и, как я считаю, после смерти императора Федора, его брата, когда Борис Федорович был избран императором, он был отправлен в Польшу, в монашеской одежде, чтобы его провели за пределы России с вышеупомянутым Расстригой. Как считают, прибыв туда, он стал служить одному польскому вельможе по

имени Виш-невецкий, зятю сандомирского воеводы; затем перешел на службу к названному воеводе и открылся ему Тот послал его к польскому двору, где он получил небольшое вспомоществование; вышесказанное послужит для ответа и разъяснит, что в Угличе был умерщвлен не он, а подменный.

Что касается того, кого называют Расстригой, то вполне достоверно, что спустя немного времени после избрания Бориса Федоровича объявился один монах, бежавший из монастыря, где он жил, которого называют Расстригой, по имени Гришка Отрепьев, который прежде был секретарем патриарха и бежал в Польшу, и именно с тех пор Борис начал сомневаться, кто же это был, в чем можно убедиться из его жизни. Чтобы ответить на это, скажу, что совершенно точно в монашеской одежде бежали двое, именно: этот Расстрига и другой, до сих пор совершенно безымянный. Ибо правивший тогда император Борис послал ко всем границам гонцов со срочным приказом сторожить все переходы и задерживать всякого, не пропуская даже тех, у кого есть паспорт. Потому что (так говорилось в письменном приказе Бориса, как я узнал) два предателя империи бежали в Польшу; и дороги были перекрыты таким образом, что в течение трех или четырех месяцев никто не мог ни въехать, ни выехать из одного города в другой из-за застав, то есть рода стражи, охранявшей дороги, которую ставят только во время морового поветрия.

Кроме того, совершенно бесспорно и достоверно то, что Расстриге было от тридцати пяти до тридцати восьми лет, в то время как Дмитрию, когда он вернулся в Россию, могло быть только от двадцати трех до двадцати четырех лет. Потом он вернулся домой, и всякий, кто хотел, видел его; еще живы его братья, имеющие земли под городом Галичем. Этого Расстригу знали до бегства как человека дерзкого, приверженного к пьянству, за каковую дерзость он и был Дмитрием удален за двести тридцать верст от Москвы в Ярославль, где есть дом английской компании. И тот, кто там жил, когда Дмитрий был убит, мне ручался, что Расстрига уверял его даже тогда, когда явились известия, что Дмитрий умерщвлен, а Василий Шуйский избран императором, что Дмитрий был истинным сыном императора Иоанна Васильевича и что он выводил его из России; он подтверждал это великими клятвами, уверяя, что невозможно отрицать, что он сам — Гришка Отрепьев, прозванный Расстригой, это его собственное признание, и немного найдется русских, которые думали бы иначе. Спустя некоторое время Василий Шуйский, избранный императором, прислал за ним, но я не знаю, что с ним сталось. Этого довольно будет для приведенного возражения.

Что касается возражения, которое высказывают большинство иностранцев: что он был поляк или трансильванец, самозванец сам по себе или воспитанный для этой цели, то они хотят доказать это тем, что он говорил по-русски не так чисто, как ему подобало, кроме того, не имел русских привычек, над которыми насмехался, соблюдал их религию только для вида, и другими подобными поводами, так что, в заключение (говорят они), во всех его поступках и в обращении чувствовался поляк.

Итак, если он был поляк, воспитанный с этой целью, то нужно было бы в конце концов знать кем; притом я не думаю, чтобы взяли ребенка с улицы, и скажу мимоходом, что среди пятидесяти тысяч не найдется одного, способного исполнить то, за что он взялся в возрасте 23—24 лет. Но, сверх того, какое соображение могло заставить зачинщиков этой интриги предпринять такое дело, когда в России не сомневались в убийстве Дмитрия; далее, Борис Федорович правил страной при большем благоденствии, чем любой из его предшественников, народ почитал и боялся его как только возможно; притом мать названного Дмитрия и многочисленные родственники были живы и могли засвидетельствовать, кто он. И, что правдоподобно, это было бы проделано с согласия польского короля и сейма, так как совершенно невероятно без ведома короля предпринять дело столь большой важности, весь урон от которого, если оно не удастся, падет на Польшу в виде большой войны в невыгодное время. А если бы так было, то война не была бы начата с 4000 человек и Дмитрий получил бы, как я полагаю, несколько советников и опытных людей из польских вельмож, уполномоченных королем, чтобы советовать ему в этой войне. Далее, я считаю, что они помогли бы ему деньгами; также неправдоподобно, что, когда он снял осаду Новгорода Северского, его покинули бы большинство поляков, как мы упомянули выше, тем более что он удерживал уже около пятнадцати городов и замков, а его армия крепла с каждым днем. И, как мне кажется, было бы неблагоразумно поверить предположению, что это самозванец, который предпринял все самостоятельно, и всего лишь 20 или 21 года от роду, когда он объявился, или до того, выучился с этой целью русскому языку, даже читать и писать по-русски, притом что можно спросить, где бы он мог его выучить, потому что, как я полагаю, он внятно и разумно отвечал на каждый заданный вопрос, когда он объявился; ибо Россия — не свободная страна, куда можно отправиться обучаться языку и разузнать о том-то и о том-то, а затем уехать; так как, сверх того, что она недоступна, как мы уже упомянули, все вещи там столь секретны, что весьма трудно узнать правду о том, чего не видел

собственными глазами. Мне также кажется неправдоподобным, что он смог бы осуществить этот замысел так, чтобы никто о нем не узнал. А если бы кто-нибудь о нем узнал, то объявился бы при его жизни или после его смерти. Наконец, если бы он был поляком, то вел бы себя иначе по отношению к некоторым из них. И я не думаю, что сандомир-ский воевода дал бы ему некое обещание столь поспешно, не узнав сначала получше, кто он такой. Предположить, что воевода этого не знал — неправдоподобно, как заметим ниже.

Касательно тех, кто считает, что он был воспитан и выращен иезуитами, то к какой же нации, по их мнению, он принадлежал; так как он не поляк, как явствует из вышесказанного и будет замечено ниже, еще менее — другой нации, кроме русской. Если признать это предположение, то спрашивается, где они его взяли, так как до прихода Дмитрия во всей России не бывало иезуитов, разве только при послах, с которых не спускают глаз, так что они не смогли бы вывезти ребенка из России. Итак, вывезти ребенка из страны было возможно только во время войн, которые польский король Стефан вел с Россией около тридцати лет назад. И если бы даже они нашли способ сыскать ребенка во время войны Швеции с Россией, насколько возможно, чтобы они сыскали такого, который был бы не сравним ни с одним в России? Я думаю также, что они не смогли бы воспитать его в такой тайне, что кто-нибудь из польского сейма, а следовательно, и сандомирский воевода в конце концов не узнали бы. Признаем, по меньшей мере, что Дмитрий не мог не знать, кто он такой; и, если бы он был воспитан иезуитами, они без сомнения научили бы его говорить и читать по-латински.

Но совершенно верно, что он совсем не говорил на латыни, я могу это засвидетельствовать, еще менее умел по-латински читать и писать, как я могу показать по его имени, которое он написал не слишком уверенно. Он также больше жаловал бы сказанных иезуитов, чем он это делал, принимая во внимание, что их было всего трое во всей России, приехавших вслед за польскими военными, у которых не было других монахов; после коронации Дмитрия один из этих иезуитов был по их просьбе отправлен в Рим.

Касательно других возражений, что он неправильно говорил по-русски, я отвечу, что слышал его спустя немного времени после его приезда в Россию, и нахожу, что он говорил по-русски как нельзя лучше, разве только, чтобы украсить речь, вставлял порой польские фразы. Я видел также письма, продиктованные им по разным поводам до того, как он въехал в Москву, которые были так хороши, что ни один русский не мог бы найти повода

для упреков. А если и были ошибки в произношении некоторых слов, этого недостаточно, чтобы осуждать его, принимая во внимание его долгое отсутствие в стране и с такого юного возраста.

Ссылаются на то, что он насмехался над русскими обычаями и следовал русской религии только для виду; этому не нужно удивляться. Особенно если принять во внимание их нравы и образ жизни, так как они грубы и необразованны, без всякой учтивости, народ лживый, без веры, без закона, без совести, содомиты и запятнаны бесчисленными другими пороками и скотскими страстями. Ведь Борис Федорович, в котором никто не усомнится, ненавидел не столько их, сколько их пороки, и так мало преуспел в их исправлении. Как же Дмитрий, который узнал отчасти, что такое светское общество, воспитывался некоторое время в Польше — свободной стране и среди знатных, не мог по меньшей мере желать некоторого исправления и просвещения своих подданных.

Говорят еще, что он не соблюдал их религию. Но так же поступают многие русские, которых я знал, среди прочих некто по имени Посник Дмитриев, который, побывав с посольством Бориса Федоровича в Дании, узнав отчасти, что такое религия, по возвращении среди близких друзей открыто высмеивал невежество москобитов. Почему бы Дмитрию, который для своих лет не лишен здравого смысла, предавался чтению Священного писания и без сомнения слышал в Польше рассуждения о религиозных спорах и познал смысл догматов веры, которые надлежит почитать всем христианам, не презирать их невежество?

Я рассуждаю, исходя из их утверждения, хотя я уверен, что, за редким исключением, никто из его иностранных и даже русских обвинителей не заметил ничего такого, что дало бы им право его в этом обвинять, так как он обычно соблюдал все их обряды; хотя я и знаю, что он решил основать университет. В заключение, если бы он был поляком, он не причинил бы никому из них неудовольствия; а если бы сами русские, например, Борис и его приверженцы и ныне правящий император Василий Шуйский могли с правдоподобием показать, что Дмитрий — иностранец, они не упустили бы столь надежного подспорья.

Касательно тех, кто, подобно некоторым русским, хочет возразить, что кто бы он ни был, но сандомирский воевода не находился в неведении, кто он; если это так и если бы он был не истинным Дмитрием, то какова вероятность, что он так скоро вступил бы с ним в родство, хотя был осведомлен об измене, в которой был уличен Шуйский вскоре после приезда Дмитрия в

Москву? Кроме того, поскольку он хотел породниться с ним, он, вероятно, посоветовал бы не распускать бывших при нем поляков и казаков, которых он мог удержать, не вызывая никаких подозрений, если принимать во внимание, что все его предшественники всегда старались привлечь к себе на службу столько иностранцев, сколько было возможно; этого не случилось, так как он распустил всех их, за исключением отряда в сотню всадников. Я полагаю также, что воевода привел бы большее войско со своей дочерью-императрицей, чем было, и изыскал бы способ разместить поляков вблизи друг от друга, вместо того чтобы поселять их на значительном отдалении во власти русских. Также после совершения свадьбы, когда, как мы увидели из вышесказанного, столько говорилось об измене, он смог бы упросить Дмитрия и мог бы столько указать ему и посоветовать, что они могли бы все предотвратить с большой легкостью.

Самым большим доказательством того, что если он не был истинным сыном Иоанна Васильевича, то не был русским, я считаю, во-первых, то, что его противники постарались бы и при его жизни и после его смерти найти его родственников, кем бы те ни были, особенно если принять во внимание порядок и способ ведения дел у русских. Далее, если бы он чувствовал свою вину, он, вероятно, стремился бы всегда и во всем угождать русским; и поскольку ему было хорошо известно, что Борис мог одержать верх, только провозгласив его еретиком, он, следовательно, не разрешил бы ни одному иезуиту войти в Москву; и поскольку он знал хорошо, что Борис вызвал недовольство народа, пытаясь породниться с каким-нибудь иноземным государем, он, следовательно, предотвратил бы это, породнившись, как все его предшественники, с каким-нибудь русским родом, что укрепило бы его положение. Но если мы примем во внимание его уверенность, мы увидим, что он должен был быть, по меньшей мере, сыном какого-нибудь государя.

Его красноречие очаровало всех русских, а также в нем светилось некое величие, которого нельзя выразить словами, и невиданное прежде среди русской знати и еще менее — среди людей низкого происхождения, к которым он неизбежно должен был принадлежать, если бы не был сыном Иоанна Васильевича. Его правоту, кажется, достаточно доказывает то, что со столь малым числом людей, что он имел, он решился напасть на столь огромную страну, когда она процветала более чем когда-либо, управляемая государем, проницательным и внушавшим страх своим подданным, породнившимся с большинством знатных фамилий в России и изгнавшим, предавшим смерти и сославшим всех тех, в ком он сомневался, любимым всем духовенством, как

можно было судить, благодеяниями и подаяниями завоевавшим сердца всех подданных, замирившимся со всеми соседями и мирно правившим восемь или девять лет. Примем во внимание и то, что мать Дмитрия и многочисленные оставшиеся в живых родственники могли бы высказать противное, если бы это было не так.

Затем рассмотрим его положение, когда большинство поляков покинули его; с какой уверенностью он отдался в руки русских, в которых еще не мог быть вполне уверен, притом их силы не превышали восьми-девяти тысяч человек, из которых большая часть были крестьяне, и решился противостоять более чем стотысячной армии; затем, проиграв сражение, причем все его войска были разгромлены, утрачены немногие имевшиеся у него пушки со всеми боевыми припасами, он с тридцатью или сорока людьми вернулся в город под названием Рыльск, который сдался ему немного раньше, не имея никакой уверенности в его преданности, и оттуда в Путивль — большой и богатый город, где жил с января по май того же года. В своих невзгодах он никогда не изменял себе, хотя Борис прилагал все усилия, стремясь то путем тайных происков, то открыто отравить, убить или захватить его в плен, а позднее ложными утверждениями убедить народ в том, что он самозванец. И при этом Борис ни разу не захотел допросить всенародно его мать, чтобы засвидетельствовать, кто он такой; и в конце концов пришлось объявить, что даже если бы он и был истинным сыном Иоанна Васильевича, за ним не может быть признано право на престол, так как он незаконный, поскольку является сыном седьмой жены, что противоречит их религии, и потому что он еретик; и тем не менее это вовсе не может послужить против него. Затем скажем о его милосердии ко всякому после его въезда в Москву, и особенно к нынешнему императору Василию Шуйскому, который был уличен в измене, и ему было доказано из русских летописей и по его поступкам в отношении Бориса, что ни он, ни его род никогда не были верными слугами своих государей, также и все присутствующие просили Дмитрия предать его смерти, так как он всегда был возмутителем общественного спокойствия, я говорю то, что слышал своими ушами и видел своими глазами; и, несмотря на это, Дмитрий его простил, хотя хорошо знал, что никто не посмеет стремиться к короне, кроме рода Шуйских; он простил также многих других, так как был чужд подозрений.

Кроме того, если, как они говорят, он был самозванцем и истина открылась лишь незадолго до убийства, почему он не был взят под стражу? Или почему его не вывели на площадь, пока он был жив, чтобы перед собравшимся там народом уличить его, как

самозванца, не прибегая к убийству и не ввергая страну в столь серьезную распрю, при которой многие лишились жизни. И вся страна должна была без всякого другого доказательства поверить словам четырех или пяти человек, которые были главными заговорщиками. Далее, почему Василий Шуйский и его сообщники взяли на себя труд измыслить столько лжи, чтобы сделать его ненавистным для народа? Почему они приказали публично читать письма, в которых говорилось, что Дмитрий хотел подарить большую часть России польскому королю, а также своему тестю воеводе, словом, что он хотел разделить Россию, а также, что он отправил всю казну в Польшу? И что он намеревался на следующий день, в воскресенье, собрать весь народ и дворянство за городом под предлогом, что хочет развлечь своего тестя-воеводу и показать ему всю артиллерию, которую с этой целью должны были вывезти из города, и намеревался приказать полякам всех их изрубить в куски, разграбить их дома и предать город огню. И что он послал в Смоленск приказ учинить то же, и другие бесконечные вымыслы, к чему прибавили, как рассказано выше, что тело истинного Дмитрия, убитого семнадцать лет назад, когда ему было восемь лет, было найдено совсем целым и, как мы уже упомянули, канонизировали его, по приказу Шуйского. Все это для того, чтобы убедить народ в своих словах. И я заключаю, что если бы Дмитрий был самозванец, то было бы достаточно доказать чистую правду, чтобы сделать его ненавистным для каждого; что, если бы он чувствовал себя виновным в чем-либо, он с полным основанием был бы склонен поверить, что вокруг него замышляются и строятся козни и измена, о которых он был в достаточной мере осведомлен и мог предотвратить их с большой легкостью.

Посему я считаю, что раз ни при его жизни, ни после смерти не удалось доказать, что он — некто другой; далее, по подозрению, которое питал к нему Борис, и по тирании, к которой он поэтому прибег; далее, по разногласиям во мнениях о нем; далее, по его поступкам, его уверенности и другим бывшим у него качествам государя, качествам, невозможным для подложного и узурпатора, и также потому, что он был уверен и чужд подозрений; особенно принимая во внимание то, что сказано выше о Дмитрии, я заключаю, что он был истинный Дмитрий Иоаннович, сын императора Иоанна Васильевича, прозванного Тираном!

«МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА» КОНРАДА БУССОВА

Конрад Буссов, уроженец Люнебургского княжества в Германии, наемник-ландскнехт, был заброшен судьбой в Россию в 1601 году и провел в Московской державе долгих одиннадцать лет. Несправедливо было бы назвать Буссова очевидцем событий Смуты: он оказался одним из деятельнейших ее участников, сначала в роли платного агента Бориса Годунова на шведской стороне русско-шведской границы, затем — как военный наемник на службе у царя Бориса, житель Немецкой слободы. Буссов с энтузиазмом встретил успехи первого Самозванца и начал служить ему, но вскоре пострадал при воцарении Шуйского, перебежал под знамена Болотникова и дрался на стороне калужских «сидельцев». После поражения Болотникова Буссов остается в Калуге, где кипит борьба за политическое наследство второго Самозванца: казаки Заруцкого готовы сложить головы за «царицу» Марину Мнишек и ее новорожденного сына «царевича» Ивана, а тушинские бояре надеются еще посидеть в Думе, «уставив бороды» и сдвинув на умные лбы богатые шапки. Внимательно оглядевшись, Буссов оставляет это царство политических грез и через Москву отправляется в лагерь польского короля Сигизмунда под Смоленск.

Осенью 1611 года ландскнехт Буссов окончательно покидает Московию и в течение нескольких месяцев живет в Риге, где вместе со своим молодым зятем, лютеранским пастором Мартином Бером, приводит в порядок походный дневник. 1 марта 1612 года вчерашний наемник ставит точку под обширной реляцией «Смутное состояние Московского государства».

Автор, не сумевший шпагой пленить богиню удачи, предполагал теперь прославиться на литературном поприще — в интернациональном государстве ученых-подвижников и ловких авантюристов. Однако швед Петрей, побывавший в России в 1601 — 1605 годах, не только сумел раздобыть рукопись труда Буссова и включить ее в свою «Историю о великом князе Московском», но и огласил подробности тайной службы Буссова Борису Годунову в ущерб интересам Швеции, чем запятнал репутацию писателя-ландскнехта. До самой смерти в 1617 году Буссову не удалось увидеть свою книгу напечатанной. Не повезло и Мартину Беру, пытавшемуся наскоро исправить рукопись своего тестя и опубликовать ее под собственным именем.

Известия Буссова насыщены сведениями, полученными им от

многочисленных русских собеседников, и примечательны массой деталей, отсутствующих в других источниках.

Буссов считал главными героями Смуты немцев, немецких наемников. Цель приезжего немца — обогащение, и социальные бури начала XVII столетия увлекают его лишь как возможность разжиться добычей, поэтому Буссов не замечает брожения низов, смотрит поверх голов простого люда. В его «Хронике» действуют благородные герои, рыцари и монархи. Настроения бродячего табора профессиональных военных, к которому принадлежал Буссов, прекрасно передал его зять Мартин Вер, записавший в альбом путешественнику Адаму Олеарию латинскую фразу: «Omne solum for-ti patria est, ut piscibus aequor», что означает: «Смелому всякая земля — отечество, как рыбам море».

В ноябре 1613 года Буссов клялся герцогу Фридриху-Ульриху Браунгшвейскому в том, что «Московская хроника» излагает события «истинно... одно за другим» и что «никакой лжи, никакого обмана сюда не примешалось». Автор слишком снисходителен к своему труду, однако нельзя не признать, что «Хроника» Буссова — наиболее достоверное из всех иностранных сочинений о Смуте начала XVII столетия.

ГЛАВА I О князе Федоре Ивановиче

Великий князь России или, как ее еще называют, Московии, тиран Иван Васильевич, умер в 1584 г(оду) в пятое воскресенье после Пасхи и оставил после себя двух сыновей, Федора Ивановича и Димитрия Ивановича. Престол перешел к старшему сыну, Федору Ивановичу. Младшему и его матери, царской вдове Марии Федоровне Нагой, отвели для княжеского пребывания княжество Углич, расположенное в 90 верстах от главного города Москвы (5 верст составляют немецкую милю). Так как, однако, Федору Ивановичу, человеку весьма благочестивому и, на их московит-ский лад, богобоязненному, больше было дела до своих лжебогов, чем до правления, и так как он больше любил ходить к Николе и к Пречистой, чем к своим советникам в Думу, то он созвал своих советников князей и бояр, и сказал им, что заботы о правлении такой монархией слишком для него тяжелы, пусть они выберут из своей среды умного и рассудительного человека, на которого он мог бы возложить бремя управления государством для того, чтобы сам он мог с меньшим беспокойством и без такого утомления как можно лучше служить своему Богу. И тогда избрали правителем русской монархии Бориса Федоровича Годунова, некоего дворянина, хотя и не знатного роду, но

разумного и очень рассудительного человека. После окончания церемонии царь встал, снял со своей шеи большую золотую цепь, надел ее на шею избранному правителю и сказал:

«Этим я, царь всея Руси, снимаю бремя правления с плеч моих и возлагаю его на твои плечи, Борис Федорович. Все малые дела во всем моем государстве решать будешь ты. Большие и важные вопросы ты должен докладывать мне, и не надлежит тебе решать их без моего ведома, ибо царствовать буду я». После этого царь повелел провозгласить его всенародно правителем.

Этот самый Борис Федорович Годунов исполнял свои обязанности столь разумно и ревностно, что почти все дивились и говорили, что на всей Руси нет равного ему по разумности, поскольку он многие неисправные дела привел в полный порядок, многие злоупотребления пресек, многим вдовам и сиротам помог добиться справедливости. Этим он стяжал себе даже такую добрую славу, что московиты говорили, что если царь умрет, не оставив наследника, а также умрет его младший брат, царевич Димитрий, то во всем государстве не сыскать будет более достойного быть новым царем, нежели вот этот самый правитель, с которым никто во всей стране не может сравниться в мудрости и рассудительности. Толки эти, дошедшие до правителя через подученных им доносчиков и соглядатаев, разожгли и распалили в нем жажду стать со временем самому царем, но он решил добиваться всего незаметно и хитростью. Он устроил так, что у его сестры Ирины Федоровны, супруги благочестивого, немудрого царя, ни один наследник не выживал, а все они безвременно погибали. Велел он также неустанно наблюдать за речами и детскими забавами брата царя, молодого царевича Димитрия Ивановича Угличского. А в царевиче с ранней юности стал сказываться отцовский жестокий нрав. Так, он однажды приказал своим товарищам по играм, молодым дворянским сынам, записать имена нескольких князей и вельмож и вылепить и\ фигуры из снега, после чего стал говорить: «Вот это пусть будет князь такой-то, это — боярин такой-то» и так далее, «с этим я поступлю так-то, когда буду царем, а с этим эдак» — и с этими словами стал отрубать у одной снежной куклы голову, у другой руку, у третьей ногу, а четвертую даже проткнул насквозь. Это вызвало в них страх и опасения, что жестокостью он пойдет в отца, ужасавшего своим жестокосердием, Ивана Васильевича, и поэтому им хотелось, чтобы он уже лежал бы подле отца в могиле. Особенно же хотел этого правитель (а его снеговую фигуру царевич поставил первой в ряду и отсек ей голову), который подобно Ироду считал, что, как учит известная пословица: «Лучше предупредить события, чем быть

предупрежденным ими»,— в этом деле мешкать нельзя; нужно вовремя обезвредить юношу, чтобы из него не вырос тиран.

В большой тайне Годунов прельстил деньгами двух русских людей, и они перерезали царевичу горло в Угличском кремле на месте, отведенном для игр. Этим правитель подготовил себе дорогу к царствованию. А чтобы не открылось, по чьей указке совершено это убийство, правитель приказал и тех двух убийц, которых он прельстил ранее большими деньгами, прикончить в пути, когда они возвращались в Москву. Так царь Федор Иванович и не смог узнать, кто был убийцей его брата, хотя он многих из дворцовых сторожей и дядек царевича приказал посадить на кол, обезглавить, утопить в реке или подвергнуть такой пытке, что многие безвинно потеряли здоровье и жизнь, ибо настоящие злодеи и убийцы были сами умерщвлены на обратном пути. Правитель подкупил также нескольких поджигателей, которые подожгли главный город Москву во многих местах, так что на обоих берегах реки Неглинной сгорело несколько тысяч дворов, а сделано это было с той целью, чтобы одна беда перебила другую и каждый больше скорбел бы о собственном несчастье, нежели о смерти царевича. Так пришлось погибнуть юному царевичу в раннем детстве. Он был погребен там же, в Угличе.

Год 1597

В этом году немудрый царь Федор Иванович занемог смертельною болезнью и скончался от нее на другой день после Богоявления. Но еще до его кончины бояре собрались, чтобы спросить у больного царя: если Бог призовет его к себе и т. д., то кому после его смерти сидеть на царском престоле, поскольку у него нет ни детей, ни братьев.

Царица Ирина Федоровна, родная сестра правителя, обратилась к своему супругу с просьбой отдать скипетр ее брату, правителю (который до сего дня хорошо управлял страной). Но царь этого не сделал, а протянул скипетр старшему из четырех братьев Никитичей, Федору Никитичу, поскольку тот был ближе всех к трону и скипетру. Но Федор Никитич его не взял, а предложил своему брату Александру. Тот предложил его третьему брату, Ивану, а этот — четвертому брату, Михаилу, Михаил же — другому знатному князю и вельможе, и никто не захотел прежде другого взять скипетр, хотя каждый был не прочь сделать это, о чем будет сказано позднее. А так как уже умиравшему царю надоело ждать вручения царского скипетра, то он сказал: «Ну, кто хочет, тот пусть и берет скипетр, а мне

невмоготу больше держать его». Тогда правитель, хотя его никто и не упрашивал взять скипетр, протянул руку и через голову Никитичей и других важных персон, столь долго заставлявших упрашивать себя, схватил его. Тем временем царь скончался, и на следующий день его положили, по их обычаю, в церкви подле других царей. Он царствовал двенадцать лет.

ГЛАВА II О царе Борисе Федоровиче и о том, как он пришел на царство

После смерти царя Федора Ивановича вельможи стали раскаиваться, что они столь долго отказывались от скипетра, и сильно досадовать на то, что правитель поспешил его схватить. Они начали в укор ему говорить перед народом о его незнатном происхождении и о том, что он недостоин быть царем. Но все это не помогло. Тому, кто схватил скипетр, выдался удачный год, он удержал то, что взял, и в конце концов был повенчан на царство, хотя знатные вельможи, толстопузые московиты, чуть не лопнули от злости. А все потому, что правитель и его сестра Ирина, вдова покойного царя, вели себя очень хитро. Царица тайно призвала к себе большинство сотников и пятидесятников города, прельстила их деньгами, многое им пообещала и уговорила их, чтобы они побуждали подчиненных им воинов и горожан не соглашаться, когда их созовут для избрания царя, ни на кого другого, кроме ее брата, правителя, который ведь до сих пор всегда пекся о благе подданных и так управлял страной, как еще никогда ни один царь не управлял ею. Он, мол, хорошо отблагодарит их потом, если они, не мешкая, помогут ему в этом деле. Правитель и сам приобрел много сторонников: монахов высокого звания из всех монастырей в разных концах страны, затем тех вдов и сирот, длительные тяжбы которых он справедливо разрешил, а также некоторых бояр, которым он дал денежную ссуду и посулил великие блага, чтобы они побуждали и уговаривали простой народ не называть, когда будут проводиться выборы, никого иного, кроме него, и избрать его царем. Не мешкая, они стали выполнять этот хитроумный замысел.

Пока длился траур, все шло, как говорится, вкривь и вкось. Правитель перестал заниматься делами управления, никакие суды не действовали, никто не вершил правосудия. К тому же во всей стране было неспокойно, и положение было опасным. Дабы всей земле не случилось еще большего худа, вельможам и боярам пришлось по прошествии шести недель траура (положенных у них) созвать в главный город Москву все сословия земли, чтобы

каждое высказалось, кого из вельмож, князей и бояр они хотят избрать и иметь царем.

Когда все сословия государства собрались для выборов, правитель вышел к ним, передал высшим чинам царский скипетр и сложил с себя обязанности правителя, притворившись, будто он очень рад избавиться от такой большой заботы и тягости и будто корона и скипетр ему ненавистны, чему многие из важных персон дивились, не зная, что за этим кроется.

Когда правитель ушел погулять на досуге, князья начали называть друг друга, этот указывал на одного, тот на другого, и говорили: «Вот он достоин стать царем». Когда же было предложено сказать свое слово и боярам, вышел от имени всех собравшихся бояр один старец, который верно знал, куда дело клонит, и сказал: «Любезные государи мои, князья, это дело не одного сословия, а всех подданных государства. Что они почтут за благо, тому и мы, бояре, перечить не станем».

Затем собрались все сословия, высшие и низшие — вместе, и большинство высказалось так: в стране достаточно знатных вельмож, князей и бояр, но нет мудрого и разумного царя, а поскольку до сего времени правитель Борис Федорович вершил государственные дела так, как не вершил их еще никто с тех пор, как стоит их монархия, то они хотят иметь царем его и не хотят никого иного. Тут стали говорить, что «глас народа — глас Божий», кого выбрал весь народ, тот, без сомнения, избранник Божий.

Эти речи неприятно было слушать многим знатным вельможам, князьям и боярам, да пришлось им стерпеть. Послали за правителем, но он отказался прийти, не пожелал стать царем (так ловко он умел скрывать свое лукавство) и тайно отправился в Новодевичий монастырь к своей сестре Ирине, чтобы посоветоваться с ней (такие он распустил слухи), уйти ли ему в монастырь и стать монахом или поступить как-либо иначе и т. д.

К этому ловко сумели приспособиться подчиненные ему покровители, которые стали подстрекать простонародье, говоря, чтобы они не зевали с этим делом, ибо если они дотянут до того, что правителя постригут, то тогда будет уже слишком поздно и не найти будет на всей Руси столь мудрого государя. Из-за этого в простом народе началось большое волнение, стали кричать, чтобы вельможи прекратили совещания, шли вместе с ними к Новодевичьему монастырю и вместе с ними предприняли все, что может помочь делу.

Когда же все сословия собрались там и единодушно решили просить на царство правителя, старейшие и главнейшие из монахов и попов, князей и бояр, торговых и служилых людей,

стрельцы и ремесленники пошли просить его принять их, но он велел передать им, чтобы они понапрасну не старались, ибо все равно ничего не добьются, он, мол, достаточно долго служил миру, выполняя трудное дело управления государством, и теперь хочет уйти на покой. Тогда народ начал громко кричать так, что доносилось до небес: «Пожалей, осподарь Борис Федорович, пожалей» и т. д. «Пожалей нас, бедных, разбредшихся людей, не имеющих пастыря, и не отказывайся стать нашим царем».

Крики эти продолжались до тех пор, пока он не вышел; он поблагодарил собравшихся за предложенную ему честь, но посоветовал им обратиться к знатным вельможам и князьям, которые выше его званием и родом, к тому же и старше летами, да и опытнее его. Но они и слышать не хотели ни о ком другом, упорствовали и настаивали на своем, падали ниц и, время от времени выпрямляясь, кричали и просили: «Пожалей, осподарь, пожалей!», «Пожалей, государь, пожалей и будь нашим царем!» и т. п. Но он снова скрылся в монастыре, не хотел еще смилостивиться.

Тогда собравшиеся вывели вперед кучку малых отроков и юношей, которые очень жалобно запели у монастыря, чтобы растрогать правителя: «Сжалься, государь Борис Федорович. Уж если ты не хочешь смилостивиться над нашими родителями, то смилостивись над нами и будь нашим царем. Если, может быть, наши родители причинили тебе зло и поэтому ты не хочешь внять их мольбам, то мы ведь неповинны. Будь же ради нас царем и государем этих бедных людей. Земля наша полна разбредшихся овец, у которых нет пастыря, будь нашим пастырем, бога ради. Он за это воздаст тебе». В ответ на мольбы этих отроков он снова вышел со своей сестрой, вдовой царя, но и им отказал.

Тогда отроки стали взывать к царице и просить ее, чтобы она сжалилась над разбредшимися овцами и уговорила своего господина брата не отказываться больше от царства. Царица так и сделала, стала уговаривать своего брата и усердно просить его, чтобы он смягчился и дал бедному народу благожелательный ответ.

После этого он обратился к народу и сказал: «Так как я вижу, что множество присутствующего здесь народа из всех сословий не перестает просить, то полагаю, что воля господня такова, чтоб государем на Руси был я. Но для того чтобы я еще вернее познал волю Божью, я прошу нескольких недель отсрочки, и чтобы к июню вся земля собралась под Серпуховом для похода против крымских татар. Если я увижу, что вся земля повинуется, то это будет свидетельством того, что все сословия истинно желают моего избрания».

Таким образом, правитель многим отвечал отказом, хотя давно уже хотел быть царем. Вследствие этого к июню вся земля была призвана под Серпухов, чтобы идти против татар, а также чтобы избрать правителя царем, и к этому времени в указанном месте собрались 800 000 человек, умевших обращаться с ружьями и саблями, луками и стрелами. Туда была доставлена также в изрядном количестве артиллерия в несколько сотен пушек крупного калибра (каковых немало у них в стране, и они такой огромной величины, так великолепны и красивы, что здесь, у немцев, этому едва можно поверить), для того чтобы из них палить в честь персидского и татарского послов, которые прибыли туда на аудиенцию там же в стане.

При этом было истрачено весьма много пороха и показаны такая пышность и такое великолепие, что оба посла были очень изумлены великой мощью, снаряжением, роскошью и богатством московитов и, как говорят, сказали, что равного подобному государю на свете нет. Затем послов обоих государей препроводили в Москву, а вновь избранный царь повелел благодарить всю землю за повиновение и, выйдя в поле, дал согласие быть царем, обнадежив всех, что с Божьей помощью он будет заботиться о своих подданных так, чтобы они благоденствовали и преуспевали. После этого весь народ пожелал ему счастья, а главнейшие в сословиях отвезли его в Москву. Там 1 сентября 1597 года в церкви Св. Марии, которую они называют «Пречистая», что значит «заступница», патриархом (который в этой стране является главой духовного сословия) был возложен на него царский венец. Так правитель страны получил золотую карету, которой он долго домогался всякими хитростями и вражьими кознями. По окончании церемонии коронации, когда царя вывели из церкви, в народ бросили много денег.

Новый царь облагодетельствовал всю землю и всех людей еще и тем, что отказался на этот год от тех денег, которые ежегодно полагаются ему ко дню святого Егидия, зато теперь, на коронации, он получил вдвойне.

Все вдовы и сироты, местные жители и иноземцы были от имени царя наделены деньгами и запасом, т.е. съестным. Все заключенные по всей земле были выпущены и наделены подарками. Царь дал обет в течение пяти лет никого не казнить, а наказывать всех злодеев опалой и ссылкой в отдаленные местности. Он повелел построить особые судебные палаты и приказы, издал новые законы и постановления, положил конец всякому имевшему место в стране языческому содомскому распутству и греху, строго-настрого запретил пьянство и шинкарство, или корчмарство, угрожая скорее простить убийство

или воровство, чем оставить ненаказанным того, кто вопреки его приказу откроет корчму и будет продавать навынос или нараспив водку, меды или пиво. Каждый у себя дома волен угощаться чем Бог пошлет и угощать своих друзей, но никто не смеет продавать московитам напитки, а если кто не может прокормиться без содержания корчмы или шинка, тот пусть подаст челобитную, и царь даст ему землю и крестьян, чтобы он мог на это жить.

Немцам, которых при Иване Васильевиче Грозном взяли в плен, привели из Лифляндии в Московию и поселили всех вместе в живописной местности на расстоянии немецкой полумили от Кремля, где они жили в достатке, а многие за службу в царском войске получили доходные поместья, он предоставил свободу совершать свое богослужение на дому.

А для того, чтобы в будущем иметь среди своих подданных мудрых и способных людей, он предложил оказать всей стране милость и благоволение и выписать из Германии, Англии, Испании, Франции, Италии и т.д. ученых, чтобы учредить преподавание разных языков. Но монахи и попы воспротивились этому и ни за что не хотели согласиться, говоря, что земля их велика и обширна и ныне едина в вере, в обычаях и в речи и т.п. Если же иные языки, кроме родного, появятся среди русских, то в стране возникнут распри и раздоры и внутренний мир не будет соблюдаться так, как сейчас. Хотя из-за решения монахов и попов это благое намерение царя и не могло быть выполнено, тем не менее он все же выбрал из московитских детей восемнадцать дворянских сынов, из которых шесть было послано в Любек, шесть в Англию и шесть во Францию, чтобы их там обучили. Они легко выучили иноземные языки, но до настоящего времени из них только один вернулся в Россию — тот, которого Карл, король шведский и пр., дал в толмачи господину ПонтусуДелагарди. Его звали Димитрий. Остальные не пожелали возвращаться в свое отечество и отправились дальше по свету.

Тем немецким купцам, которые (как говорилось выше) были взяты в плен и приведены в Москву за несколько лет до этого из лифляндских городов — Дерпта, Нарвы, Феллина и других,— Борис также предоставил свободу путешествовать и заниматься своим делом как внутри страны, так и за ее пределами, где и как они захотят. Он приказал, кроме того, ссудить их деньгами из царской казны, кому дал триста, кому четыреста рублей в пользование без процентов и ренты до тех пор, пока он не потребует их обратно, каковые деньги до настоящего времени с них не востребовали, и они их не возвращали.

А сделано это было лишь с той целью, чтобы его имя, благодаря похвальным и добрым делам, стало известным всякому

и повсюду; однако все же с каждого купца бралась присяга, что он не сбежит и без особого на то разрешения царя никого не увезет с собой из страны, а также никогда не отзовется о царе плохо, а наоборот, будет перед всеми восхвалять и прославлять его и т.д.

Год 1599

В этом году царь Борис Федорович получил сведения о шведском герцоге Густаве, сыне Эрика, который в юности был отправлен матерью из Швеции в Германию (по той причине, что она опасалась, чтобы шведы не преследовали и не убилн его, поскольку она была дочерью простого воина низкого звания), много бродил по свету, а сейчас пребывал в Риге, в Лифляндии, с очень небольшим числом слуг. Царь через тайных послов пригласил его в свою страну, приказал с пышностью встретить его на границе, почтить многими подарками и подношениями. Он хотел дать ему в жены свою единственную дочь. Он показал ему и предоставил в его распоряжение все свои военные силы, чтобы при помощи их он напал на своих неверных шведов (как московиты называли их из особой неприязни к шведскому народу, ибо во многих войнах им был нанесен большой ущерб достохвальной шведской короной), отомстил им за свое горе и постарался вернуть себе отцовский наследственный трон. Но герцог Густав не пожелал на это согласиться и ответил, что он предпочтет скорее погибнуть сам, чем подвергнуть свою родину опустошению и лишить жизни тысячи людей. Он вел и другие неуместные речи, из чего можно заключить, что добрый господин либо переучился (поскольку он был ученым мужем), либо слишком много перестрадал. В конце концов, поскольку не было высказано желания воевать со шведским государством, царь изменил свое к нему благоволение и расположение, не только не пожелал отдать за него свою дочь, но даже проявил к нему такую немилость, что отправил его насовсем из Москвы в Углич. Там его содержали по-княжески до самой его смерти, случившейся при третьем после того царе, Василии Шуйском. На своем смертном одре герцог очень жаловался на свою сожительницу Катерину (которую он вместе с ее мужем привез в Россию из Данцига) из-за того, что она им так завладела, что он не только не имел силы ее покинуть, но даже следовал больше ее советам, чем благоволению царя, почему она и является началом и причиной всех его бед и несчастий. Его погребал в Кашине в монастыре Димитрия Солунского22 февраля 1607 года немецкий пастор господин Мартин Бер из Нейштадта.

Год 1600

В этом году царь выписал из Германии несколько докторов медицины и аптекарей. Одного доктора, который приехал с английским посольством, он выпросил у посла. По национальности этот доктор был венгерцем, звали его Христофор Рейтлингер, очень сведущий был человек и хороший врач, кроме того, знал много языков. Остальные, те, которых царь выписал из Германии, были:

доктор Давид Фасмар из Любека,

доктор Генрих Шредер

доктор Иоганн Хильшениус — из Риги,

доктор Каспар Фидлер — из Кенигсберга.

Все со степенью доктора и очень ученые люди. Шестой, по имени Эразм Венский, из Праги, был студентом-медиком. Царь держал их всех для того, чтобы они ухаживали за его персоной. Они не имели права лечить кого-либо другого, даже кого-либо из вельмож, если только тот не пойдет на поклон к его величеству и не испросит его позволения.

Годовое содержание господ докторов: каждому было положено годовое жалованье 200 рублей, ежемесячные корма, т.е. пропитание для него и для всех его людей, шестьдесят возов дров, четыре бочки медов, четыре бочки пива, ежедневно полторы кварты водки и столько же уксуса, через день боковину шпика. В каждую трапезу от каждой подачи (это отменные яства) на царский стол три или четыре блюда таких, что здоровый парень едва мог донести одно; ежемесячно деньгами двенадцать рублей, что составляет 33 рейхсталера и 12 м. грошей, иногда 14 рублей, т.е. 36 рейхсталеров и 33 м. грошей для закупки свежих съестных припасов. Царь пожаловал каждому доктору пять хороших коней из своей конюшни, для которых ему ежемесячно отпускалось столько сена и соломы, что он вполне смог бы вдоволь прокормить этим семь лошадей; кроме того, каждый получил еще одного хорошего коня, чтобы летом каждое утро ездить верхом во дворец и в аптеку, одного коня особо для упряжки в сани зимой, затем двух лошадей для кареты жены, чтобы ездить ей на богослужение, затем одну рабочую лошадь — возить воду. Сверх того, царь дал каждому большое поместье с тридцатью или сорока крестьянами. А всякий раз, когда они давали царю лекарство, оказывавшее благотворное действие, каждый получал порядочный кусок камки или бархата на кафтан и сорок прекрасных соболей. Равным образом, если по царскому повелению они лечили кого-либо из знатных вельмож, князя или боярина, также не обходилось без хорошего подарка.

Да и уважение царь оказывал господам докторам такое же, что и знатнейшим князьям и боярам. Он много раз с большим вниманием советовался с ними о важных делах, особенно о религиозных, и под конец просил их, чтобы они за него молились, да сподобится он вечного блаженства. Итак, у господ докторов не было ни в чем недостатка при этом царе, только церкви у них не было. Поэтому они сообща подали челобитную и получили дозволение построить по своему вкусу церковь в Немецкой слободе, расположенной в четверти мили от Москвы.

На возведение этой церкви господа доктора не пожалели денег, и ни один простой немец не повел себя по-эвкли-оновски. И построили они во славу господа Бога такую церковь, что впоследствии сам царь счел эту немецкую церковь достойнее многих других своих церквей принять прах брата датского короля, герцога Иоганна и пр. Царь тогда сам повелел возвести там башню и повесить на нее три колокола, чтобы звонили при погребении герцога, а в будущем всякий раз, когда умрет кто-либо из его людей.

От собранных денег так много осталось после окончания постройки, что немецкая община пригласила для церковной службы и для преподавания в школе, кроме своих старых пасторов (взятых в плен и привезенных со всеми вместе из Лифляндии в Россию), еще одного пастора, господина Вольдемара Гульмана из Вестфалии, и студента Мартина Бера из Нейштадта, которые приехали в Россию в этом году. Они, во славу Божию, не жалея трудов и сил, наставляли и учили так, что в короткое время в церкви стали петь в шесть, семь и восемь голосов. Господа доктора сами не стыдились принимать участие в хоре, и многие добрые люди часто плакали от радости, что милосердный Бог дал им дожить в Москве до такого прекрасного времени.

В начале своего царствования царь Борис заключил договор с римским императором Рудольфом и пр. и послал его императорскому величеству мехов на много тысяч, дорогих черных лисиц, соболей, куниц и т.п. и обещал на благо христиан ежегодно выставлять 10 000 людей против турок.

В этом году турецкий султан отправил в Москву к Борису Федоровичу посла с ценными подарками и подношениями, ища его дружбы, но Борис отослал ему все это обратно с таким ответом: «Поскольку ты являешься исконным врагом христианства и брата нашего императора римского и пр., мы не можем и не хотим быть твоим другом, а будем, пока живы, твоим врагом и что только можно будем делать тебе наперекор».

Царь послал также турку на славную шубу выдубленной

добела свиной кожи в большом, крепко зашитом кожаном мешке, который был покрыт кусками блестящей парчи и наполнен свиным навозом. Этот подарок был принят турецким султаном с таким почтением, что до настоящего времени от него в Москву не приезжал больше ни один посол.

С королем Швеции и пр. царь также заключил вечный мир, а с поляками — перемирие на двадцать один год. Сумел он поладить и с татарами. Он был в крепкой добрососедской дружбе с его королевским величеством Христианом Датским и хотел выдать свою родную дочь за брата его королевского величества, герцога Иоганна и пр. Но после того, как этот бедный господин прожил в Москве шесть недель, он умер от горячки, и его с почестями похоронили в немецкой церкви, где он и поныне лежит замурованный в склепе у алтаря. И хотя церковь была целиком сожжена войсками Димитрия второго (о котором будет речь впереди), княжеская гробница осталась невредимой. То, что его королевское величество привез с собой из Датского королевства в Россию, и то, чем царь пожаловал его здесь, все это царь отослал с людьми его княжеской милости обратно в королевство Данию. Он щедро одарил всех, кто служил князю: рыцарей, оруженосцев, дружинников, пажей и всех других, кто был при нем, так что не был забыт и последний мальчишка на конюшне и на кухне.

Год 1601

Четвертого октября этого года царь явил свою милость и доброту также и изгнанникам из Лифляндии, ибо когда Карл, герцог шведский и пр., в этом году отнял у польской короны и подчинил себе для шведской короны почти всю Лифляндию, заставив присягнуть шведской короне и себе дворян и недворян, живших там до того под властью польской короны (каковых государь их, король польский и пр., оставил без всякой защиты), а поляки, выступив потом в поход, оказали ему сопротивление, одержали несколько побед под Эрлау, Кокенгаузеном и в других местах, отвоевали и вновь заняли сданные замки и города, и счастье, таким образом, изменило Карлу, бедные люди (те, которых он привел к присяге себе и шведской короне) не знали, куда им податься, поскольку надо было бросать свои дворы и поместья и бежать от поляков. Они хотели было уйти в оставшиеся у Карла крепости, но так как замки Сесвегон, Мариенбург и Хирримпе были в плохом состоянии и разрушены, то они не решились ждать там прихода озлобленных поляков; поэтому около тридцати пяти из них, дворяне и недворяне,

имевшие собственные земли и крестьян, двинулись к замку Нейгауз (расположенному у самого московского рубежа), рассчитывая укрыться там от поляков. Но управитель этого замка Отто фон Фитингофен, лифляндский дворянин, которого герцог Карл назначил туда штатгальтером, отказался принять их к себе и объявил им, что в замке будто бы нет лишнего места для них, тогда как вскоре,— спустя несколько недель после того, как оттуда уехал я, Конрад Буссов, около четверти году управлявший этим замком по приказанию его высочества герцога Карла, который и мою скромную персону милостивейше назначил одним из ревизоров всех отнятых у польской короны земель, крепостей и городов,— у него нашлось достаточно места для поляков, которым он снова открыл и сдал этот замок, нарушив присягу, данную им его княжеской милости и достохвальной шведской короне, подобно тому как до того он нарушил присягу, данную им польской короне.

Поскольку эти бедные люди оказались из-за этого в бедственном положении и сильно беспокоились, куда им направиться со своими близкими искать убежища от поляков, они осмелились перейти московский рубеж и искать защиты под стенами русского Печерского монастыря, испросив дозволения остаться там на некоторое время. Хотя тамошний настоятель уступил их просьбам и мольбам и разрешил им это, он все же не посмел не послать царю в Москву спешного донесения обо всем этом с просьбой указать ему, терпеть ли их там или нет. На это он получил от царя ответ, что должно не только позволить им там остаться, но даже объявить им его царскую милость и при этом сказать им, что царь их беду принимает очень близко к сердцу. Царь повелел также настоятелю пригласить их от имени царя в гости в монастырь и хорошо угостить, а после угощения сообщить им, что царь милостиво желает,— поскольку они потеряли все, что имели в Лифляндии, и неизвестно еще, на чьей стороне будет победа, а война может продлиться еще довольно долго,— чтобы они поразмыслили и приехали к нему в Москву. Там он даст им втрое больше поместий, чем у них было и пропало в Лифляндии.

Когда настоятель, согласно повелению царя, пригласил их в гости в монастырь и изложил им его милостивое желание и предложение, они были этим больше опечалены, чем обрадованы. Будучи свободными людьми, они не имели охоты попасть в постоянную зависимость. Поэтому они поблагодарили за высокое царское благоволение, христианское сострадание и лестное предложение, а также за обильное угощение, полученное от настоятеля, и, попросив разрешения прожить там еще некоторое время, ушли из монастыря опять туда, где остановились.

В следующие дни их неоднократно посещали монахи и бояре и всячески советовали им ехать к царю в Москву, поскольку он к ним так милостив и предлагает им такие блага, говорили им, что раскаиваться им не придется, а будут они, наоборот, радоваться. Но, несмотря на все эти настоятельные советы и увещания, ни у кого из них не возникло ни малейшего желания последовать им.

Несколько дней спустя явился к ним из Печерского монастыря толмач, московит, который несколько лет был в плену у немцев из шведских земель и хорошо выучил немецкий язык. Он сказал, что от немцев, которые держали его в плену, он видел много добра и уважения и поэтому очень благоволит к немецкому народу и очень дружески к нему расположен.

А поскольку царь всея Руси призывает их к себе в Москву и делает им еще столь щедрые и милостивые предложения, он по совести советует им ни в коем случае не отвергать столь высокую милость и дольше не отказываться, ибо он совершенно доверительно не скроет от них, что дано приказание, в случае, если они отвергнут царскую милость и откажутся добровольно ехать в Москву, не только никого из них не отпускать обратно в Лифляндию, а схватить их всех как лазутчиков, связать по рукам и по ногам и отвезти в Москву. И поскольку с ними поступят так, то следовало бы им понять, что добра из этого для всех них не будет и что более разумно немедля заявить настоятелю, что они не только с верноподданнейшей глубокой благодарностью принимают предложенную царем милость, но окончательно решили и намерены тотчас же собраться в путь и ехать к его величеству в Москву и т.д.

Такие речи толмача и его советы сильно испугали этих бедных людей. Столько пожеланий посыпалось на голову Отто фон Фитингофена за то, что он не пустил их в крепость, что если бы все они исполнились, то вовек не видеть ему было бы в Нейгаузе ни одного поляка. Немало убивались эти бедные люди. Один предлагал одно, другой — другое. В Лиф-ляндии у поляков им места не было, герцог Карл тоже не мог уже защитить их, ибо поляки отвоевали свои крепости и города. А кто попадет в Россию, тому, как они полагали, придется остаться там на веки вечные, а в этом случае хуже будет для них, если, как им втайне сообщил об этом толмач, поведут их туда на гнев и немилость — всего более за то, что они так неуважительно отвергли предложенную им великую милость.

Поэтому они единодушно решили,— ибо, как говорится: «Из двух зол надо выбирать меньшее»,— явиться к настоятелю и сказать, что они вполне готовы отправиться в Москву к царю всея Руси, если только их не будут там держать как пленников и они

там не пропадут вместе с женами и детьми. Настоятелю очень понравились эти речи, он стал их всячески ободрять, и, говоря, чтобы они спокойно ехали, ничего не опасаясь и не боясь, он поклялся им своим богом, приложившись к кресту, что не будет им никакого зла, а наоборот, ждут их великие милости и многие блага.

После настоятелевой клятвы и целования креста они отправились (хотя и невеселые) в монастырь. Настоятель и монахи приняли их очень приветливо, поместили каждого с его близкими в гостинице и не дали никому истратить ни копейки на пропитание. Царь приказал безвозмездно содержать их как в этом монастыре, так и в Пскове, Новгороде, в Твери и на всем пути. Вина, медов, пива, а также вареного и жареного подавали столько, что если бы их было втрое больше, то и тогда всего было бы вполне достаточно.

Тогдашний воевода псковский Андрей Васильевич Трубецкой и тамошние горожане приняли их превосходно, записали имена не только их самих, но и их жен и детей, слуг, дворовых людей и девок, записали также, кто дворянского, а кто недворянского звания и какое у кого имущество осталось в Лифляндии, а также — кто к чему был приставлен или чем занимался. Запись эту послали вперед царю в Москву. Целых восемь дней гостили там лифляндцы, их очень хорошо содержали и уговаривали продать своих лошадей и спрятать деньги в кошель, благо у царя достаточно лошадей, чтобы довезти их до места. После этого дали им сколько надо было возчиков и лошадей, а слугам, которые были в плохой одежонке, по теплой шубе. Так отправились они с божьей помощью в путь и прибыли в Москву в добром здравии 21 ноября 1601 г(ода). Царь велел освободить боярский двор у самого Кремля и поселить там немцев, а вскоре им было туда доставлено все, что потребно для домашних нужд: дрова, рыба, мясо, соль, масло, сыр, вино, меды, пиво, хлеб,— и к каждому хозяину был определен в пристава московит, которого можно было посылать за припасами и другими покупками и приобретениями или за какой иной надобностью.

23 ноября царь прислал им денег, одному 6 рублей, другому 9, третьему 12 рублей, кому больше, кому меньше, смотря по тому, сколько у кого было людей, на покупку того, в чем у них была нужда, а корма само собою выдавались каждую неделю. 12 декабря вновь прибывшим немцам было сказано, чтобы они собрались и были готовы на следующий день в своих лучших одеждах предстать перед царем. Большинство отказалось, говоря, что они недостойны явиться к его величеству из-за худой одежды. Царь велел им сказать в ответ, чтобы они не считали себя

недостойными, он хочет видеть их самих, а не их одежду, пусть они придут в том, что каждый из них привез с собой, он всех их оденет и так же, как своих немцев, пришедших к нему ради его высокого имени, с избытком их обеспечит.

13 декабря царь сидел с сыном на своем царском месте, вокруг них сидели и стояли тут же в палате все его советники и знатные бояре в камковых и парчовых одеждах. На них были длинные золотые цепи и великолепные драгоценности. Своды палаты, четыре стены и пол, там, где по нему ходили и где на нем стояли, были обиты ценными турецкими тканями и коврами. Вновь прибывших немцев подводили к его величеству по очереди, сначала старших, потом среднего возраста, потом молодых. Все они почтительно кланялись по-немецки царю и его сыну.

Царь сказал через своего переводчика: «Иноземцы из Римской империи, немцы из Лифляндии, немцы из Шведского королевства, добро пожаловать в нашу страну. Мы рады, что вы после столь долгого пути прибыли к нам в нашу царскую столицу Москву в добром здравии. Ваши бедствия и то, что вам пришлось бежать, покинув своих родных, и все оставить, мы принимаем близко к сердцу. Но не горюйте, мы дадим вам снова втрое больше того, что вы там имели. Вас, дворяне, мы сделаем князьями, а вас, мещане и дети служилых людей,— боярами. И ваши латыши и кучера будут в нашей стране тоже свободными людьми. Мы дадим вам вдоволь земли, и крестьян, и слуг, оденем вас в бархат, шелка и парчу, снова наполним деньгами ваши пустые кошельки. Мы будем вам не царем и государем, а отцом, и вы будете нам не подданными нашими, а нашими немцами и нашими сынами, и никто, кроме нас, не будет повелевать вами. Мы будем сами судьей вашим, если у вас возникнут спорные дела. Веры своей, религии и богослужения вы вольны держаться так же, как в своем отечестве. Вы должны поклясться нам вашим Богом и вашей верой, что вы будете верны нам и нашему сыну, что не измените или не перейдете к какому-либо другому государю, ни к турку, ни к татарам, ни к полякам, ни к шведам. Вы не должны также скрывать от нас, если услышите о каких-либо изменнических замыслах против нас, и вы не должны вредить нам ни колдовством, ни ядом. Если вы выполните и сдержите все, то мы за это пожалуем и одарим вас так, что у других народов и прежде всего в Римской империи много об этом будут говорить».

Дитлоф фон Тизенгаузен, ловкий и красноречивый лифляндский дворянин, произнес от имени всех краткую благодарственную речь за это царское благоволение и милость и под присягой дал за всех обет до самой смерти быть верным и

преданным отцу своему, царю всея Руси.

Царь ответил: «Любезные дети мои, молите Бога за нас и наше здравие. Пока мы живы, у вас ни в чем нужды не будет». Он прикоснулся пальцами к своему жемчужному ожерелью и сказал: «Даже если придется поделиться с вами и этим». Царь протянул вперед руку с посохом, и немцы должны были по очереди подходить и целовать руку ему и его сыну. После этого он приказал, чтоб все остались обедать за его царским столом.

Был принесен длинный стол и поставлен прямо перед царем и его сыном. Старейшие были посажены за стол так, что царь мог видеть их лица, а к остальным он сидел спиной. Прежде всего на накрытый стол был подан отменный пшеничный хлеб и соль в серебряной посуде. Знатным боярам велено было прислуживать и подавать. В первую подачу этот большой, длинный стол был до того заставлен разными отменными яствами и кушаньями, что едва хватало места, куда каждый мог бы положить отрезанный ему кусок хлеба. Так подавали до вечера. Было большое изобилие всевозможных сортов иноземных вин, а также медов и пива и т.д. Первые кушанья царь велел поднести сначала себе, отведал их и сказал: «Любезные наши немцы, мы позвали вас на нашу царскую хлеб-соль и сами с вами вкушаем, берите и кушайте что Бог послал». Немцы встали, призвали благословение на его трапезу и сказали: «Дай, господи, нашему государю здоровья и долгой жизни». Точно так же царь первым пригубил и, повелев сначала провозгласить имя каждого, сказал: «Мы пьем за всех вас. Примите нашу здравицу». Бояре сильно понуждали немцев пить, но они соблюдали меру, поскольку им было известно от их приставов о воздержанности царя и о том, что он не любил пьяниц.

Милостивый царь заметил это и, засмеявшись, спросил, почему они не веселятся и не пьют вовсю за здоровье друг друга, как это принято у немцев. Они ответили, что здесь для этого неподходящее место, ибо здесь каждый должен вести себя учтиво, и что в присутствии царя нельзя не сохранять меры и т.д. Царь ответил: «Мы хотим вас угостить, раз мы вас пригласили, и что бы вы сегодня ни сделали, все будет хорошо. Пейте все за наше здоровье. Уже дано распоряжение, чтобы к вашим услугам были кареты и лошади, и каждого, когда придет время, доставят без всякой опасности домой».

Сказав это, царь поднялся и приказал отвести себя к своей супруге. Он велел доставить в палату бочонки из чистого серебра с золотыми обручами, полные разных дорогих напитков, и приказал боярам так угостить немцев, чтобы им было невдомек, как они попали домой, что с большинством и случилось.

18 декабря немцев повели в Разряд. Дьяки разбили их на четыре группы. В первую выделили старейших и знатнейших и объявили им, что царь, их отец, по случаю их приезда жалует каждому сверх ежемесячных кормов по 50 рублей деньгами, по венгерскому кафтану из золотой парчи, по куску черного бархата и по сорок прекрасных соболей, чтобы они оделись в честь царя, и что столько же денег им положено на годовое жалованье, каждому поместье, а к нему 100 вполне обеспеченных крестьян. Все это было дано им в ближайшие дни.

Во вторую группу выделили тридцати- и сорокалетних мужчин. Им выдали по 30 рублей, по куску красной камки, по сорок соболей, по кафтану из серебряной парчи и каждому поместье с 50 обеспеченными крестьянами и 30 рублей годового жалованья.

В третью группу выделили молодых дворян и несколько наиболее опытных воинов. Им выдали по 20 рублей, по куску простого бархата, по куску красного шелка на кафтан, по сорок соболей, по 30 обеспеченных крестьян к поместью, и 20 рублей было их годовым жалованьем.

В четвертую группу определили молодых простолюдинов и тех, кто были слугами и мальчишками у дворян. Им дали по 15 рублей, по куску шарлахового сукна на камзол, по куску желтой камки, по сорок простых соболей и каждому поместье с 20 обеспеченными крестьянами во владение, их годовое содержание было 15 рублей.

Помимо того, всем было объявлено, что если царю они понадобятся против его врагов, то они должны быть всегда готовы; это им, конечно, и надлежало за такие прекрасные поместья и хорошее жалованье чистоганом. Таким образом, милостивый, добрый царь Борис Федорович многих бедняков сделал знатными, богатыми людьми и превратил их горе в радость, о чем везде и повсюду стали говорить.

Год 1602

В Москву прибыли послы из города Любека: господин Конрад Гермерс — бургомистр, господин Генрих Керклинг — член совета города и Иоган Брамбах — секретарь, с большим сопровождением и ценными великолепными дарами и подношениями. Они ходатайствовали от имени всех членов Ганзы о праве свободно вести торговые дела, о возобновлении своих прежних привилегий в России, а также о восстановлении имевшихся тут раньше контор. Выслушав это ходатайство, царь заявил, что до членов Ганзы ему никакого дела нет, поскольку он о них ничего не знает, но городу Любеку, который ему знаком, он всегда милостиво склонен выказать дружбу и добрососедство. И действительно, он предоставил и дал им большие привилегии для торговли в своей стране и милостиво позволил также вновь открыть и привести в прежнее состояние конторы, так что любекцам на этот раз удалось добиться и достичь столь многого, что, не случись плачевной войны и разорения страны, город Любек ежегодно мог бы пользоваться значительным доходом.

В общем, этот Борис стремился так править, чтобы его имя восхваляли во многих землях, а в его земле была тишина и подданные благоденствовали бы. Он возвел и укрепил много городов и крепостей в стране. Весь большой главный город Москву он велел украсить и укрепить высокой и толстой обводной стеной из тесаного камня, а также обнести такой же очень высокой стеной толщиною в 23 фута город и крепость Смоленск, так что войска польского короля (когда король, как дальше будет сказано, осадил Смоленск) едва смогли соорудить штурмовые лестницы такой длины, чтобы можно было добраться до бойниц. На татарском рубеже он выстроил две мощные крепости, одну из которых по его велению назвали в честь него Борисградом, а другую в честь всех царей — Царьградом, чтобы помешать и воспрепятствовать ежегодным набегам татар. Он искренне хотел добра своей земле, но над его правлением все же не было благословения Божия, ибо он достиг царства убийством и хитростью. Закон воздаяния за зло равным злом, в конце концов, пал на него самого. «Что он содеял, тем ему Бог и воздал»; что он содеял, то случилось с ним самим и с его близкими. Его владений и короны так сильно домогались, что он, подобно Ироду, должен был пребывать и жить в постоянном беспокойстве. Первым подстрекателем против него был нечестивый злодей, жестокий и беспощадный враг немцев, Богдан Вельский, в прошлом спальник

Ивана Васильевича, которого он толкал и наущал на многие жестокости. Этого изменника царь послал воеводой и начальником над строителями на татарский рубеж, чтобы завершить постройку крепости Борисграда. Когда же крепость была выстроена, злодей посмел объявить, что он теперь царь в Борисграде, а Борис Федорович — царь в Москве. Но титул этот он носил недолго, ибо как только об этом стало известно Борису Федоровичу от немцев, которые были посланы с Вельским, он приказал доставить этого самозваного борисград-ского царя оттуда в Москву в таких регалиях, какие приличествуют не государю, а такому негодному бунтовщику, как он, а ничего лучшего достоин он и не был. Поскольку, однако (как говорилось выше), царь Борис дал обет в течение 15 лет пс* проливать крови, то он конфисковал все его имущество f добро, дав его людям право служить, кому они захотят. Одному шотландскому капитану, по имени Габриэль, царь приказал вырвать у самозваного царя пригоршнями всю густую длинную бороду и в конце концов сослал последнего в опалу в Сибирь, которая находится в нескольких сотнях миль от Москвы и некогда была завоевана у татар, чтобы у него там прошла «безудержная жажда власти».

Злоумышляли против царя еще и четыре брата Никитича (о каковых говорилось выше, что они после смерти царя Федора стояли ближе всех к трону и им был даже предложен царский скипетр, от которого они отказались, почему его взял Борис Федорович, хотя и не был призван на то и скипетра ему не предлагали). Они душевно скорбели о том, как поступили с Богданом Вельским.

Некоторое время они держались спокойно и покорно, но в конце концов они решили, что раз Вельскому не удалось добиться своего, то им следует пойти по другому пути, а именно — постараться дать Борису яд и тем извести его. Но и им тоже это не удалось, они были преданы своими собственными людьми, из-за этого потеряли все и так же, как и первый изменник, были сосланы в опалу на несколько сот миль вдаль.

После этого Борис стал следить за тем, что он ест и пьет, очень остерегался, приказал многим тысячам московских стрельцов день и ночь оберегать его особу, куда бы он ни шел и где бы ни был — в Кремле или когда он ехал на богомолье в монастырь, так что князья и бояре не смогли причинить ему никакого вреда ни ядом, ни мятежом.

Увидев, что ядом и убийством ничего сделать невозможно, дьявол внушил им другую отраву, а именно — прибегнуть к обману, и употребили они для этого весьма удивительное орудие

дьявола, так что случилось, как сказал некто: «На то не отважится Стигийский Плутон, на что отважится распутный монах и исполненная лжи старуха».

Был один монах, по имени Гришка Отрепьев. Его, поскольку он и все монахи были заодно с изменниками и мятежниками против Бориса, подготовили, чтобы он уехал, а для того, чтобы все осталось незамеченным, объявили, что он бежал из монастыря. Ему было дано приказание ехать в королевство Польское и в большой тайне высмотреть там какого-либо юношу, который возрастом и обличием был бы схож с убитым в Угличе Димитрием, а когда он такого найдет, то убедить его, чтобы он выдал себя за Димитрия и говорил бы, что тогда, когда его собирались убить, преданные люди, по соизволению божию, в великой тайне увели его оттуда, а вместо него был убит другой мальчик. Монаха подгонять не пришлось; прибыв на польский рубеж, на Борисфен в Белоруссии (которая принадлежит польской короне), он немедля расставил сети и заполучил, наконец, такого, какого ему хотелось, а именно — благородного, храброго юношу, который, как мне поведали знатные поляки, был незаконным сыном бывшего польского короля Стефана Батория. Этого юношу монах научил всему, что было нужно для выполнения замысла. После обстоятельного наставления он дал ему совет: постараться поступить на службу к князю Адаму Вишневецкому, деду Михаила Вишневецкого, короля Польского, потому что тот живет в Белоруссии у самого московит-ского рубежа, а когда ему это удастся и он как-нибудь потом найдет благоприятный случай, то пусть с печальным видом и грустными словами жалуется на свое злосчастье и откроет князю, что он прямой наследник Московского государства и младший сын прежнего царя Ивана Васильевича и что, когда он был еще ребенком, на его жизнь посягал и хотел его убить Борис Федорович и т.д., и если бы Бог не помешал этому и не внушил преданным людям тайком увезти его, то и убил бы. Пусть он всегда и всюду держит и ведет себя так, как он, Отрепьев, его наставлял и учил. А чтобы князья и другие во всем ему могли поверить (когда он со временем откроется им), монах передал ему еще и золотой крест который убитому Димитрию был дан при крещении крестным отцом, князем Иваном Мстиславским, и был у мальчика на шее, когда его убили. На этом кресте были вырезаны имена Димитрия и его крестного отца.

После того как монах наладил это обманное дело, он опять вернулся в Россию и отправился к полевым казакам в Дикое поле распространять среди них слух, что настоящий наследник Московского государства, Димитрий Иванович (которого ныне

царствующий царь Борис хотел убить в Угличе), в действительности еще жив и содержится в большой чести у князя Адама Вишневецкого близ рубежа, пусть они направятся к нему, и если они честно поддержат его, то впоследствии он их за это щедро наградит. И посланный монах Гришка Отрепьев не пожалел трудов, чтобы поднять на ноги отряд воинских людей.

Подученный юноша нанялся личным слугою к князю Вишневецкому и держал себя хорошо. И вот, когда однажды князь пошел в баню, а он ему там прислуживал, князь приказал ему что-то принести в баню, он принес не то, что нужно было, князь рассердился, дал ему затрещину и обозвал его сукиным сыном. Тогда он сделал вид, что это очень задело его за сердце, начал в бане горько плакать и сказал князю: «Знал бы ты, князь Адам, кто я такой, так не обзывал бы меня сукиным сыном, а тем более не бил бы меня по шеям из-за такой малости, но раз уж я выдаю себя за твоего слугу, то приходится мне терпеть». Князь спросил: «Кто же ты? Как твое имя?»

Подученный юноша сделал так, как ему было внушено, сказался младшим сыном прежнего московского царя Ивана Васильевича, рассказал обстоятельно, по порядку, что с ним произошло в детстве и как ныне правящий Борис Федорович посягал на его жизнь, затем — как он спасся и кто ему помогал, а также сколько времени он тайно скрывался здесь в Белоруссии, прежде чем поступить к нему иа службу, показал ему также золотой крест, усыпанный драгоценными каменьями, и сказал, что его подарил ему крестный отец при крещении,— все, как монах Гришка Отрепьев его наставлял и учил.

Затем он по московитскому обычаю упал князю в ноги и сказал: «Князь Адам Вишневецкий! Поскольку так получилось, что ты узнал, кто я такой, то я предаю себя в твою власть, делай со мной, что хочешь, не хочу я больше жить в такой нужде, если же ты мне поможешь вернуть свое, то воздастся тебе с избытком, если Бог мне поможет».

Князь Адам был удивлен и изумлен, а так как юноша был учтив и к тому же умен и скромен, да еще показал дорогой крест, он сразу поверил его словам, почтя за правду, что он действительно сын Грозного, попросил у него прощения за затрещину и за бранные слова, пригласил его остаться в бане и тоже помыться и не уходить, пока он сам за ним не придет. Он пошел к своей супруге и велел ей дать распоряжение по кухням, погребам, залам и комнатам сделать и приготовить все так, чтобы в этот вечер он мог угостить и принять московского царя. Его жене и всему двору это известие показалось весьма удивительным, а именно то, что царь всея Руси так скоро и

неожиданно прибудет к ним. Князь приказал оседлать и великолепно убрать шесть прекрасных лошадей, определил и каждой лошади слугу, одетого в нарядное платье, приказал также как можно изящней убрать свою лучшую карету, запрячь в нее шесть отличных упряжных лошадей, и все они должны были стоять во дворе, так что слуги полагали, что хозяин сам хочет куда-то ехать.

Когда все было выполнено к его удовольствию, он взял с собой 12 слуг, пошел в баню, подарил своему бывшему слуге, молодому русскому царю, дорогие одежды, выказал ему много почтения, сам прислуживал ему, вывел из бани, подарил ему шесть верховых лошадей с приставленными к ним слугами, а также княжескую карету с шестью упряжными лошадьми и кучерами и еще других слуг для ухода за его персоной и при этом попросил, чтобы его величество соблаговолил на этот раз милостиво принять столь скромный подарок от него, скромного князя, а если он сможет еще чем-либо услужить ему, то не пожалеет ни трудов, ни стараний, пусть не сомневается и ждет от него всего наилучшего. Юноша поблагодарил с большим уважением, пообещал, если Бог ему поможет, воздать за это сторицей, и с тех пор он жил по-княжески. Так как слух о молодом царе пошел повсюду и был сообщен также правящему московскому царю Борису Федоровичу (по велению которого истинный юный Димитрий был убит в детстве), он немало испугался такой новости, полагая, что такое дело не принесет ему много мира и покоя от поляков, его врагов.

Поэтому он отправил в большой тайне послов к князю Адаму Вишневецкому и предложил ему в потомственное владение несколько московских крепостей и городов, расположенных на рубеже, и, кроме того, большую сумму денег, если он выдаст ему вора. Вследствие этого предложения Бориса князь еще более утвердился в своем решении отбросить сомнения и поверить, что юноша действительно сын Грозного, раз Борис так его преследует. Он отправил-посла обратно с ответом, что такого человека у него нет и он никогда о нем ничего не слыхал и не ведал.

Но так как большая сила московита и его близкое соседство наводили князя на разные мысли и он поэтому боялся быстрого неожиданного нападения, он приказал тотчас же подать себе и молодому государю карету и в сопровождении нескольких всадников уехал с ними в другой город, называемый Вишневцом, который стоял на несколько миль дальше от рубежа в глубь страны. Там он показал юноше письмо Бориса. Когда тот прочел и понял содержание, он горько заплакал, упал князю в ноги и

сказал: «Волен Бог да ты. Делай со мной, что хочешь, я сейчас в твоей власти и предаюсь в твои руки».

Князь сказал, чтобы Димитрий не беспокоился, он не предаст его, именно потому он и уехал с ним из своего замка сюда, подальше от рубежа, чтобы Димитрий там (поскольку это близко к рубежу) не подвергся непредвиденному нападению и не попал в руки своих врагов, пусть он остается здесь, в Вишневце, со своими слугами, все необходимое будет ему предоставлено, а он, князь, поедет назад, и если что-либо опять услышит о Борисе, он немедля даст ему знать. Когда же Борис Федорович снова прислал гонца к князю Адаму Вишневецкому с еще более щедрыми предложениями, чем прежние, а одновременно с этим подослал и многих убийц, чтобы прикончить того, кто выдавал себя за Димитрия, князь позаботился о том, чтобы отправить Димитрия отсюда в глубь Польши, к воеводе сандомирскому, где он точно так же был принят как сын Ивана Васильевича и был спасен от подосланных Борисом убийц.

Год 1604

В январе господин Иоган Тирфельд написал из немецкой Нарвы (расположенной в Лифляндии на Московском рубеже) в Финляндию, штатгальтеру в Або, и сообщил, между прочим, как достоверную новость, что младший сын Ивана Васильевича Грозного, тот, про которого говорили, что он якобы убит, еще несомненно жив и пребывает у казаков в Диком поле и что он собирается вернуть себе отцовское наследие, отчего на Руси большое волнение. Этого посланца московиты перехватили в пути и отвели сначала в Ивангород (который называется русской Нарвой), а потом дальше в Москву, однако найденные у него письма доставили весьма мало радости Борису.

В том же году и месяце царь Борис отправил посла в Казань, которая в 250, и в Астрахань, которая в 500 немецких милях по ту сторону от Москвы. Посол, по имени Степан Степанович Годунов, был родственником Бориса. В Диком поле (где ему пришлось ехать) на него напали дикие казаки, поднятые на мятеж орудием дьявола, монахом Гришкой Отрепьевым, и направлявшиеся в город Путивль, расположенный на Белорусском рубеже России, чтобы разыскать там у князя Адама Вишневецкого, жившего там поблизости, своего истинного наследного государя (каким они в неведении своем его считали). Они убили многих ратников и слуг, сопровождавших царского посла, и захватили, кроме того, нескольких в плен. Сам посол с большим трудом спасся, и ему

пришлось вернуться в Москву, не выполнив своего дела. Нескольких пленных казаки отпустили на волю, наказав им ехать в Москву к своему незаконному царю, и сообщить ему, что они вскоре приедут с несколькими тысячами полевых казаков и поляков в Москву и привезут с собой истинного наследного государя Димитрия.

Как это, так и многие другие донесения из Белоруссии, Польши, Литвы и Лифляндии, поступавшие ежедневно одно за другим, так смутили Бориса, что он сам начал сомневаться, что убит был тогда, когда он поручил это сделать, юный царевич Димитрий, а не кто-то иной вместо него. Поэтому он приказал произвести с особым тщанием розыск и, получив относительно этого достоверные сведения, что действительно был убит тот, а не кто-то иной вместо него, смекнул и догадался, что все это происки и козни его вероломных князей и бояр.

Но, сказать по правде, это была кара божия, ниспосланная для того, чтобы Борис узнал, что никакая премудрость не устоит против господа Бога и что Бог может обратить в глупость лукавый ум. Борис полагал, что он достиг царства своей хитростью, без помощи божией, и поэтому должен был узнать, что его хитрые уловки не помогут ему перед господом Богом, и хотя все его начинания были разумными, ни одно из них не кончилось добром. Заключенные им союзы с могущественными властителями ни к чему не привели, все труды и старания, которые он с великим разумением положил на улучшения в стране, мало кем ценились, неслыханно обильная милостыня, которую он раздавал во время длившейся несколько лет подряд великой дороговизны, не спасла бедный народ от сильного голода и мора в его стране, и люди гибли тысячами. Эта дороговизна началась в 1601 году и продолжалась до 1604 года, когда кадь ржи стоила 10 или 12 флоринов (а прежде кадь обычно стоила не больше, чем 12 или 15 м. грошей), и голод во всей стране был сильнее, чем даже при осаде Иерусалима, о чем можно прочесть у Иосифа Флавия, когда евреи поедали собак, кошек, крыс и мышей, даже кожу со старых седел и сапог, а также голубиный помет; одна дворянка от великого голода зарубила, сварила, поджарила и съела своего собственного ребенка. Большего ужаса и у Иосифа не найти!

Но, клянусь Богом, истинная правда, что я собственными глазами видел, как люди лежали на улицах и, подобно скоту, пожирали летом траву, а зимой сено. Некоторые были уже мертвы, у них изо рта торчали сено и навоз, а некоторые (прошу прощения) пожирали человеческий кал и сено. Не сосчитать, сколько детей было убито, зарезано, сварено родителями,

родителей — детьми, гостей — хозяевами и, наоборот, хозяев — гостями. Человеческое мясо, мелко-мелко нарубленное и запеченное в пирогах, т. е. паштетах, продавалось на рынке за мясо животных и пожиралось, так что путешественник в то время должен был остерегаться того, у кого он останавливался на ночлег.

Когда из-за ужасной дороговизны и голода начались столь страшные, бесчеловечные и в некоторых местностях никогда не слыханные убийства и на всех улицах ежедневно стали находить множество трупов людей, умерших от голода, и об Этом сообщали царю Борису, надумал он эту беду и божью кару отвратить своей казной и приказал у наружной городской стены, которая в окружности составляла четыре немецких мили, с внутренней стороны отгородить четыре больших площади, куда ежедневно рано утром собирались бедняки города Москвы и каждому давали одну деньгу, а их 36 идет на один талер. Такое благодеяние побуждало бедных поселян бросать и покидать дома все и бежать с женами и детьми в Москву, чтобы тоже получить эти деньги. Бедняков там собралось такое множество, что ежедневно на них тратилось до 500 000 денег (что составляет тринадцать тысяч восемьсот восемьдесят восемь талеров и 32 м. гроша).

Это продолжалось все время, а дороговизна на убыль все не шла. Ежедневно повсюду на улицах по приказу царя подбирали сотни мертвецов и увозили их на таком множестве телег, что смотреть на это (легко поверить) было страшно и жутко. Мертвецов было приказано особо приставленным к этому людям тщательно обмывать, заворачивать в белое полотно, обувать в красные башмаки и отвозить для погребения в «Божий дом» — так называлось место, где хоронят умерших без покаяния.

Из-за такого царского милосердия на пищу бедняков, на одеяние для умерших и на их погребение в течение этой четырехлетней дороговизны из казны ушло неисчислимо много сот тысяч рублей, так что из-за этого казна сильно истощилась. Как легко подсчитать и как мне сообщили это достойные доверия приказные подьячие и торговые люди, в одном только городе Москве во время этой дороговизны умерло от голода более 500 000 человек, которые при жизни получали от его величества пропитание, а после смерти белый саван и красные башмаки, в которых их на его счет хоронили. Так было в одном только этом городе, а какое великое множество народа погибло за это долгое время от голода и чумы во всех концах страны и в других городах, и все они были также похоронены на счет казны.

Ах, сколько сот тысяч их было!

Ах, во сколько сот тысяч они обошлись!

Увы, как страшен гнев Божий, когда он возгорается и пылает над страной и людьми!

И все-таки Борис был так неисправим и так ослеплен, что столь многие тяжкие бедствия не заставили его смириться и он все еще думал отвратить эту напасть своей богатой казной. И хотя господь благостный в милосердии своем сделал так, что в русскую Нарву (которую русские называют Иван-городом) пришло из немецких приморских городов несколько кораблей, груженных зерном, которым можно было бы накормить сотни тысяч людей, Борис все же не захотел такого позора, чтобы в его богатой хлебом стране продавалось и покупалось зерно из чужих земель, и поэтому корабли ушли снова в море, не продав своего зерна. Никому не было дозволено купить ни одной кади под страхом смерти.

Царь снарядил розыск по всей стране, не найдется ли запасов хлеба, и тогда обнаружили несказанно много скирд зерна в 100 и больше саженей длиною, которые 50 и больше лет простояли не вымолоченные в полях, так что сквозь них росли деревья.

Царь приказал вымолотить и отвезти это зерно в Москву и во всякие другие города. Он приказал также во всех городах открыть царские житницы и ежедневно продавать тысячи кадей за полцены. Всем вдовам и сиротам из тех, кто сильно бедствовал, но стыдился просить, и прежде всего немецкой национальности, царь послал безвозмездно на дом по нескольку кадей муки, чтобы они не голодали. Он воззвал также к князьям, боярам и монастырям, чтобы они приняли близко к сердцу народное бедствие, выставили свои запасы зерна и продали их несколько дешевле, чем тогда запрашивали.

И хотя это тоже было сделано, дьявол жадности по попущению Божию в наказание всей земле так оседлал богатых московитских барышников, что они стали незаметно скупать через бедняков по низкой цене хлеб у царя, князей, бояр и монастырей, а потом перепродавать его бедноте много дороже. После того как гнев Божий утолился этой дороговизной, сотни тысяч людей умерли голодной смертью, а Борис растратил почти всю свою казну, пришли новые ужасы и кары, а именно — война и кровопролитие, о чем будет сказано ниже.

В июле 1604 года в Россию прибыл посол его величества императора римского, барон фон Лоэ и т. д., с многочисленным сопровождением. Борис дал распоряжение, чтобы в тех местах, где проезжал посол, не смел показываться ни один нищий. Он приказал также привезти на рынки в те города всевозможные припасы, только бы иностранцы не заметили никакой

дороговизны. Поскольку посла должны были встретить и торжественно принять за полмили до Москвы, сказано было всем князьям, боярам, немцам, полякам и всем другим иноземцам, имевшим земли и людей, чтобы каждый под страхом потери годового жалованья во славу царя нарядился как можно богаче и пышнее в бархат, шелк и парчу и в таком виде, в лучших своих одеждах, выехал навстречу императорскому послу для участия в его въезде в Москву. Тут не одному бедняге пришлось против своей воли и желания роскошничать и покупать или занимать у купцов за двойную цену такие дорогие вещи, каких ни он, ни его предки никогда не носили и носить не собирались. Кто тогда наиболее гшшно вырядился, был царю лучший слуга и получал прибавку к годовому жалованью и к земельным угодьям. Кто же не так пышно разоделся или, в соответствии со своими средствами, оделся скромно, тому досталась брань и угроза списать с него годовое жалованье и поместья, невзирая на то что у многих из них в великую дороговизну прежнее платье было снесено в заклад и им едва хватало на самое необходимое.

Для угощения господина посла было доставлено и подано много всевозможных яств, а люди были такие нарядные, что на улицах не было заметно никакой дороговизны, она чувствовалась только в домах и в сердцах. Под страхом смерти никто не должен был жаловаться при людях господина посла, что в стране была или еще есть дороговизна, а должен был говорить только о дешевизне. Такой чрезмерной гордыней Борис не мог не навлечь на себя еще большего гнева Божия, и вслед за дороговизной и мором пришел и меч.

В дороговизну было много необычайных явлений перед тем, как разразилась война. По ночам на небе появлялось грозное сверкание, как если бы одно войско билось с другим, и от него становилось так светло и ясно, как будто взошел месяц; временами на небе стояли две луны, а несколько раз три солнца, много раз поднимались невиданные бури, которые сносили башни городских ворот и кресты со многих церквей. У людей и скота рождалось много странных уродов. Не стало рыбы в воде, птицы в воздухе, дичи в лесу, а то, что варилось и подавалось на стол, не имело своего прежнего вкуса, хотя и было хорошо приготовлено. Собака пожрала собаку, и волк пожрал волка. В той местности, откуда пришла война, по ночам раздавался такой вой волков, подобного которому еще не бывало на людской памяти. Волки бродили такими большими стаями, что путешественникам нельзя было пускаться в путь маленькими отрядами.

Один немец, золотых дел мастер, поймал молодого орла, и так как он не мог взять его живым, то он убил его и привез в

Москву, что тоже было ново, ибо орлы в этих местах никогда не показываются. Разной породы лисицы, голубые, красные, черные, бегали среди белого дня по Москве внутри стен, и их ловили. Это продолжалось целый год, и никто не знал, откуда приходит столько лисиц. В сентябре этого 1604 года убили черную лисицу совсем близко от Кремля. За ее шкуру или мех один купец дал 90 рублей. Это составляет 300 польских гульденов, из расчета 30 м. грошей за один флорин. Эти и подобные им знамения предвещали недоброе, но московиты не ставили их ни во что, как иудеи в Иерусалиме, они считали, что это к счастью.

Все татары толковали это так: разные лукавые народы пройдут в недалеком будущем по Московской земле и будут посягать на престол, что и действительно сбылось. Затем то, что собака сожрала собаку, а волк — волка, наперекор известной поговорке «волк волка не сожрет», один татарин объяснил так, что московиты будут предавать друг друга, грызться как собаки и уничтожать друг друга.

Одновременно с этими знамениями во всех сословиях между всеми начались раздоры и несогласия, так что ни один человек не мог ожидать от другого ничего хорошего. Страшное, сверхъеврейское повышение цен на товары и турецкое бессовестное ростовщичество, обирание бедных шло вовсю. За все нужно было платить вдвое дороже, чем раньше. Друг не давал своему другу ничего взаймы без залога, который должен был стоить втрое больше, чем то, что он под него давал, а за каждый рубль еженедельно надо было выплачивать 4 м. гроша процентов. Если же залог в назначенное время не выкупали, то он пропадал.

О новых покроях одежды и о пестроте тканей, которые проникали туда от других народов, о грубом, нелепом чванстве и мужицкой кичливости, приводившей к тому, что каждый мнил себя во всем выше остальных, о неумеренном обжорстве и пьянстве, о распутстве и разврате,— а все это как потоп распространялось среди людей и высокого и низкого звания,— о том, как господа Бога прямо-таки вынуждали покарать, пресечь и прекратить это огнем, мечом и другими бедствиями и т.д., обо всем этом полностью и не расскажешь.

В том же 1604 г<оду> в следующее воскресенье после Троицы, в ясный полдень, над самым Московским Кремлем, совсем рядом с солнцем, показалась яркая и ослепительно сверкающая большая звезда, чему даже русские, обычно ни во что ставившие знамения, весьма изумились. Когда об этом было доложено царю, он тотчас же потребовал к себе одного достойного старца, которого он за несколько лет до того выписал к себе в Москву из Лифляндии и одарил прекрасными

поместьями и к которому за проявленную им преданность он особо благоволил. Царь велел думному дьяку Афанасию Ивановичу Власьеву спросить этого старца, что он думает о таких новых звездах. Тот ответил, что Господь Бог такими необычными звездами и кометами предостерегает великих государей и властителей, и ему, царю, следует хорошенько открыть глаза и поглядеть, кому он оказывает доверие, крепко стеречь рубежи своего государства и тщательно оберегать их от чужеземных гостей, ибо в тех местах, где появляются такие звезды, случаются обычно немалые раздоры. Человек этот был щедро и богато награжден приумножением его земельных владений, соболями, парчой и деньгами.

Вскоре, в сентябре этого же года, на Московском рубеже собралось около 6000 полевых казаков, которых (как упоминалось выше) монах Гришка Отрепьев набрал в Диком поле, уверив их, что сын старого царя Ивана Васильевича, Димитрий, в действительности жив и находится доподлинно у князя Адама Вишневецкого в Белоруссии. Об этом монах сообщил своему подученному Димитрию и призвал его приехать к ним и во имя Божие попытать счастья против Бориса с тем, чтобы вернуть себе отцовский наследный трон, чему он, Отрепьев, совместно с имеющимися у него казаками, будет всячески способствовать словом и делом. Монах и казаки с большим нетерпением ожидали приезда Димитрия. А так как Димитрий, пожив среди польских дворян, приобрел некоторую известность и получил от многих, как и от князя Адама и др., большую помощь и поддержку, то у него оказалось несколько отрядов польских конников, с которыми он направился к рубежу, где вместе с казаками они составили войско в 8000 ратных людей, и с ними Димитрий попытал счастья, потребовав от пограничной крепости Путивль, чтобы она сдалась ему добром, поскольку она является его наследным владением. Орудие дьявола приложило к этому большие старания. В октябре крепость сдалась Димитрию без сопротивления, благодаря чему изрядно увеличилось его войско.

Когда в Москву к Борису прибыло спешное донесение об этом, он пришел в великий ужас, хорошо распознав, откуда это идет и к чему может привести, и, верно, вспомнив то, что сказал упоминавшийся выше старец о появлении звезды, стал горько жаловаться на предательство и вероломство вельмож, князей и бояр и сказал им в лицо, что это их рук дело и задумано оно, чтобы свергнуть его, в чем он и не ошибся.

Он срочно разослал по всей земле предписание, чтобы под страхом смерти и лишения имущества ко дню Симона Иуды, 28 октября, все иноземцы, князья, бояре, стрельцы и все пригодные к

ратному делу явились в Москву. На следующий день он снова разослал такие же послания, и на третий день — точно такие же, чтобы ясно было, что дело нешуточное и случилась немалая беда. Вследствие этого в течение месяца собралось свыше 100 000 человек.

Борис послал их с главным военачальником, князем Иваном Мстиславским (который с изменниками не знался), сначала навстречу врагу под Новгород-Северский. Других князей и бояр и всех, кто обязан был идти на войну, но оставался еще дома, он приказал за приставами гнать из их имений в стан; у некоторых непокорных он велел отнять поместья, некоторых бросить в тюрьмы, а некоторых по его приказу так выпороли плетьми, что кожа у них на спине до того полопалась, что на ней не видно было живого места, куда можно было бы воткнуть хоть булавку. Почувствовав такую суровость, никто из тех, кому надлежало быть в стане, не захотел, чтобы его схватили дома, и ежедневно кто-либо направлялся к большому войску, так что в ноябре, ко дню св. Мартина, собралось свыше 200 000 человек.

Димитрий упорно осаждал в Новгороде-Северском знатного вельможу Петра Федоровича Басманова, но тот стойко держался и учинил ему много срама и вреда. Узнав о приближении столь великой силы, Димитрий оставил эту крепость, выступил с большими предосторожностями в поле и, когда представился случай, напал, как говорится, очертя голову со своим малым отрядишком недалеко от Новгорода-Северского на большое московское войско, нанес ему большой урон, но и самому ему пришлось несладко.

Главный военачальник Бориса, князь Мстиславский, получил в этой битве 15 ран, и если бы в дело не вмешались 700 немецких конников (которые тоже пришли в стан из своих поместий) и не бросились на помощь и выручку московитам, то московитам пришлось бы плохо. Эти 700 немцев отогнали Димитрия так далеко, что он был вынужден снова покинуть северские земли и прекратить попытки взять крепость, где был Басманов. После того как господин Басманов, а также и крепость благодаря этому избавились от врагов, он приехал в Москву к царю 15 декабря, в день св. Валериана, и за верную службу и благородное рыцарское поведение его приняли очень торжественно, как князя. Царь выслал ему навстречу самых знатных князей и бояр, какие только были при дворе, они должны были встретить Басманова у города и от имени царя приветствовать его. Царь приказал подать и подарить ему свой собственный санный выезд, в котором он и проехал через весь город Москву до Кремля со столь пышным сопровождением, словно ехал сам царь. Когда он предстал перед

царем, тот собственноручно пожаловал ему золотое блюдо весом в 6 фунтов, наполненное дукатами, и сказал, чтобы он принял это за свои рыцарские мужественные дела, в знак милостивой признательности, и впредь служил царю столь же преданно, как послужил сейчас. Сверх того, царь приказал выдать ему деньгами 2000 рублей, что составляет 5555 обычных талеров и 20 м. грошей, а также разной серебряной посуды, сделал его знатным вельможей в стране, пожаловал ему много земли и крестьян, возвел его в бояре и поставил его очень высоко. Басманов был также очень любим и почитаем всеми.

Год 1605

В январе московиты выступили всей военной силой опять в поход, чтобы преследовать Димитрия дальше. Набралось их свыше 200000 человек, и 20 января, в день св. Фабиана и Севастьяна, они подошли к Добрыничам. Димитрий тоже снова соединился со своими и собрал войско в 15000 человек. С ними он напал 20 января на свое московское войско, смело врезался в него и побил их так, что они принуждены были отступить и обратиться в бегство. Он захватил всю их артиллерию, и на этот раз все поле сражения и победа остались бы за ним, если бы на него не напали выстроенные в стороне 2 эскадрона немецких конников. Начальниками были: у одного Вальтер фон Розен, лифляндец из дворян, весьма пожилой человек, а у другого капитан Яков Маржерет, француз. Они с такою силою ударили на полки Димитрия, что те не только не смогли больше преследовать бегущих московитов, но даже вынуждены были снова бросить взятую артиллерию и обратиться в бегство.

Боевой клич немцев был: «Бог на помощь! Бог на помощь!» Бог им и помог. Они смело преследовали бегущее войско Димитрия, стреляли во всадников и закололи всех, кого они могли настичь и нагнать. Когда московиты увидели такую храбрость немцев и то, что те одни выбили с поля и отогнали врага, они снова собрались с духом, и много тысяч их кинулось помогать немцам, преследовали врага 3 мили, выучились даже кричать немецкий боевой клич: «Бог на помощь! Бог на помощь!» А немцы немало смеялись над тем, что Димитрий уж очень быстро привил московитам такие замечательные способности, что они в один миг прекрасно усвоили немецкий язык и немецкий клич.

Во время этого бегства Димитрий был почти наголову разбит. Его царский конь был под ним ранен в бедро, а сам он едва

спасся. Он наверное был бы убит или взят в плен, и из его 15 000 человек немногие спаслись бы, если бы им не помогли изменники Борису и не помешали бы немцам (которые обратили в бегство и преследовали Димитрия и его войско), посылая им вслед гонца за гонцом с требованием остановиться и вернуться, ибо достаточно пролито крови, а главная цель уже достигнута и победа одержана.

Поэтому немцы повернули назад, и московиты (те, которые ничего не знали о совете нечестивых) очень обласкали и похвалили их за хорошее поведение. Московиты сказали еще, что немецкий Бог сильнее русского, потому что немцев была только горсточка, а они все-таки одержали победу, тогда как русских, которых было свыше 100000, враг, имевший по сравнению с ними незначительный отрядец, обратил в бегство при первом же натиске, и им пришлось оставить и бросить весь лагерь и артиллерию.

Не успел Димитрий с очень немногими уцелевшими людьми во время этого бегства добраться до Рыльска, как он, побоявшись там остаться, пошел в большой горести и печали поближе к границе, в Путивль. Он опасался, что раз он потерпел такое сильное поражение, потерял большую часть людей и сохранил едва 400 или 500 казаков, отступивших в городишко, называемый Кромами, то все потеряно, не будет ему больше удачи, и нужно отказаться от надежды быть царем на Руси, особенно потому, что, отбив и заняв благодаря этой победе захваченную Димитрием местность, те русские, которые не знали ничего о тайном сговоре бояр, стали чинить над бедными крестьянами, присягавшими Димитрию, ужасающую беспощадную расправу. В Комарицкой волости (так называлась эта местность) они повесили на деревьях за одну ногу несколько тысяч крестьян с женами и детьми и стреляли в них из луков и из пищалей так, что на это прискорбно и жалостно было смотреть.

Хотя у Димитрия, как уже было сказано, из-за этого не осталось почти никакой надежды и у него отбило охоту домогаться царства, все же окаянному сатане этого было мало. Он до того подстрекал и наущал сообщников своего орудия, Гришки Отрепьева, этих забывших присягу собственному государю предателей, что они тайно снарядили послов к Димитрию и велели ему сказать: несмотря на то что он потерпел поражение (в котором повинны немцы) и с немногими уцелевшими у него людьми не может надеяться на успех, он все же из-за этого не должен отчаиваться, а уж тем более совсем отступаться; они потрудятся и постараются, чтобы не только немцы, но и московиты постепенно, из-под руки, были привлечены на его сторону, а он сам пусть непрестанно шлет одно письмо за другим

и сурово убеждает и призывает русских одуматься и впредь столь упрямо не противиться ему, прирожденному государю, и не давать повода к пролитию крови многих безвинных, а лучше подумать и поразмыслить о своем собственном и всей страны преуспеянии и благополучии и о том, что мир им больше на пользу, чем война (которая в противном случае не может окончиться так быстро, как они, может быть, предполагают), и поэтому постараться, чтобы он без дальнейшего сопротивления получил свой наследственный отцовский трон в Москве, чем они достигнут мира и спокойствия, а он тогда вознаградит их за это всяческими милостями. Если же они этого не сделают, то да будет им ведомо, что их упорство приведет их скорее к разорению и погибели, чем к преуспеянию и благополучию, и т. д.

Благодаря этому посольству и призыву Димитрий вновь воспрянул духом и стал без устали каждый день рассылать свои письма, рассказывая в них обо всех обстоятельствах: сколько ему было лет, когда его должны были убить, кто должен был его убить и кто его спас и увез, а также — кем был его крестный отец, и что тот подарил ему на крестины, и как он некоторое время жил в Белоруссии, а потом попал к польским панам, и еще — как он однажды побывал в Москве с литовским канцлером, господином Львом Сапегою, когда тот был направлен королем к Борису в качестве посла от Польши, и как он, Димитрий, с великой скорбью (которую он все же должен был затаить) смотрел на своего предателя Бориса, восседавшего на его отцовском наследном троне.

Подобными письмами, которые Димитрий во множестве рассылал в города по всей земле, он добился того, что московиты толпами отпадали от Бориса и переходили на его сторону, признавали его за законного наследного государя и отправлялись к нему в Путивль. В это время Борис послал из Москвы своему воеводе в лагере под Добрыничами много тысяч рублей, чтобы выдать немцам их годовое жалованье и отблагодарить их за выказанную верную службу и честное поведение и призвать их и впредь выказывать подобную же верность, а при этом еще и обещать им также, что их годовое жалованье и поместья будут улучшены и увеличены и что даже если у него не останется ничего, кроме рубашки, то и ее он готов будет разделить с ними.

Военачальнику Борис приказал со всеми силами идти на Кромы, взять этот городишко, а Корелу, который с подчиненными ему казаками отступил туда во время прошлой битвы, истребить полностью. Но поскольку полководец князь Иван Мстиславский после полученных в этой битве 15 ранений не совсем еще оправился, Борис придал ему для замены еще одного знатного

вельможу, князя Катырева. Это очень возмутило некоторых важных персон (которые почитали себя более пригодными для этого), и даже настолько, что они с несколькими тысячами людей отпали и перешли к врагу. Однако оба полководца, и Мстиславский, и Катырев, вместе с иноземцами выказали усердие, осаждая деревянный городишко Кромы. Иноземцы подожгли его, так что он выгорел дотла и не осталось от домов ни одного кола. Казаки вырыли вокруг всей оборонительной ограды снаружи и изнутри глубокие рвы. Из обоих рвов землю повыбрасывали наверх и сделали изнутри под оградой так много сквозных лазеек, что можно было, если нужно, мигом выйти и войти. Свои жилища казаки, подобно мышам, устроили тоже в земле, так что никакой пушкой их нельзя было потревожить. От наружного рва они прорыли к шанцам московитов маленькие рвы и прятались в них.

Когда московиты приближались для схватки или посылали людей на штурм, казаки, как мыши, вылезали из земляных нор и храбро оборонялись, а если московиты начинали одолевать их, они живо через отверстия забирались снова во внутренний ров и ждали там преследования со стороны московитов, но тех мороз пробирал по коже, и они не хотели залезать туда; так они и стояли там около 3 месяцев, расстреляли много пороха и свинца и ничего не добились, ибо слишком много было у них измены, и она с каждым днем усиливалась, даже настолько, что однажды среди бела дня 500 казаков, которых Димитрий послал из Путивля на помощь осажденным, проехали через один из московитских лагерей в Кромы с сотнями саней, груженных съестными припасами, прежде чем московиты из другого лагеря заметили это.

Когда оба военачальника сообщили царю в Москву о столь великой измене, о ежедневном отпадении бояр и князей и о том, что их войско из-за этого ежедневно уменьшается, а у врага значительно увеличивается и усиливается, из-за чего они находятся в большей опасности, не зная, кому из тех, кто еще с ними, можно, а кому нельзя доверять, а также о том, что к Димитрию непрерывно прибывают польские конники и поэтому, надо полагать, он опять выступит в поход и померится с ними силами, причем, по их мнению (вследствие слишком большой измены), почти нет никакой надежды выстоять против врага, а тем более одержать над ним победу,— все это так напугало Бориса, что он впал в уныние и, приняв яд, лишил себя жизни.

13 апреля утром он был бодр и здоров, к вечеру его не стало, и на следующий день он был положен в Московском Кремле, в церкви, подле прежних царей. Так над бедным государем

свершился «закон воздаяния за зло равным злом». Как он злоумышлял против прирожденного царевича и приказал его убить, так и на его царство во все время его правления покушались. Ему не выпало счастья умереть от руки своих врагов, а пришлось самому стать своим палачом и лишить себя жизни, приняв яд. О, «нечистая совесть, как ты труслива!». Он владел царским престолом неполных восемь лет, с 1 сентября 1597 года до 13 апреля 1605 года.

ГЛАВА III О Федоре Борисовиче, сыне Бориса Федоровича

16 апреля военачальник князь Мстиславский был отозван из стана в Москву помочь молодому царю решать и вершить дела правления, а на его место военачальником был назначен и послан к войскам господин Петр Федорович Басманов, которого (как было сказано выше) царь Борис, незадолго до того сделал рыцарем и очень щедро одарил землей, крестьянами, золотом, серебром и др.

Басманов приказал, чтобы все в лагере— немцы, московиты, поляки, шведы, татары, казаки и пр.— принесли положенные клятвы и присягнули молодому царю. Но эту клятву соблюдали ровно столько времени, сколько голодная собака соблюдает пост, ибо через 3 недели умомянутый Басманов сам нарушил клятву, отпал от молодого царя вместе со многими другими воеводами и многими тысячами московитов, почти со всем лагерем, и все пошли в Путивль к Димитрию, за исключением немцев. Те в суматохе отделились от них с несколькими тысячами московитов и вернулись в Москву к своему государю, молодому царю, которому очень по душе пришлось их постоянство, и он щедро пожаловал и одарил их, да еще приказал объявить их всенародно самыми верными и постоянными. Димитрий был немало обрадован этим бесчестным делом, оно открыло и отворило ему все пути и дороги, двери и окна к счастью. Со своим вновь набранным войском из поляков, казаков и отпавших хитрых московитов он снова выступил в поход, взял направление из Путивля на Кромы и дальше.

Он отправлял в Москву к жителям города многих посланцев с письмами, всячески убеждая их вовремя одуматься и предотвратить свое несчастье и гибель, уничтожить его врагов, Годуновых, и без дальнейшего противодействия признать его прирожденным государем. Он заверял их, что если это произойдет, он будет милостив к ним, и кончал угрозой, что, если они этого не сделают, а будут и дальше держать сторону его

врагов, незаконных владетелей престола, и поддерживать их,— хотя они ведь знают, что почти все войско признало и приняло его, как истинного наследного государя, благодаря чему он овладел многими крепостями и городами и уже не встречает больше ратного сопротивления,— значит, они своим неразумием и упорством вынудят его идти с войском на Москву, а тогда конец всякому милосердию. Пощады не будет даже дитяти во чреве матери, поскольку ему, Димитрию, придется силой заставить их подчиниться и покориться ему. Родственники молодого царя, Годуновы, дали приказ всех этих посланцев, кто бы ни попадал в их руки, сажать в тюрьму, пытать без всякой пощады и предавать мучительной смерти.

Наконец, Димитрий 3 июня послал одного знатного боярина с подобным же письмом в большое селение Красное село, называемое иногда также Царским селом, расположенное у самой Москвы, где жили богатые купцы и золотых дел мастера, имевшие в Москве друзей и родственников. В этом письме он сообщал им, сколько писем и посланцев одного за другим он направлял к ним и к жителям Москвы и как ни один из них к нему не вернулся, ибо всех их убили, а он, не зная, народ ли в этом повинен или это сделали господа Годуновы тайком и без ведома народа, хочет узнать это через боярина, а этот боярин будет последним посланцем, которого он направляет к ним в Красное село, где никто из Годуновых не живет; если этот тоже вернется с недобрыми вестями, то даже дети во чреве матери поплатятся за это. Если же он приедет назад в добром здравии и с их повинной, то он всемилостивейше воздаст им за это. Жители этого села со всем уважением встретили и приняли боярина и послание с призывом Димитрия; спешно собралось несколько тысяч человек, проводили боярина с письмом через всю Москву до главной церкви, называемой Иерусалимом, что у самых кремлевских ворот, возвели его там на Лобное место, созвали жителей Москвы, огласили письмо Димитрия и выслушали устное обращение боярина. После того как это было сделано, они посовещались друг с другом, обменялись мнениями и, наконец, решили следующее: раз вся страна, все князья и бояре перешли к Димитрию, а он с большим войском стоит так близко у ворот, и ему не оказывается больше никакого сопротивления в поле, да к тому же их город Москва не обеспечен и не располагает воинскими людьми, а все люди перешли к Димитрию, чего не могло бы произойти, если бы он не был законным наследником, то неразумно защищать дольше себя и город от Димитрия и ради Годуновых (этих незаконных, похитивших престол властителей, которые к тому же ведь и не могут защищать или оборонять их)

ввергать себя с женами и детьми в пучину величайшего бедствия и гибели. А наиболее краткий и правильный путь, если они хотят спасти себя, своих и весь город — это послать Димитрию с боярином повинную грамоту от себя и своих и просить помилования и сдаться. А чтобы их тем вернее приняли на милость, то не худо было бы Годуновых, которые изгнали царевича Димитрия в его юности и тем причинили вред всему государству, лишить власти и взять под стражу. Между тем из Кремля пришло несколько знатных вельмож, князей и бояр, оставшихся еще на стороне молодого государя, Борисова сына, и его родственников Годуновых, и позвали принесшего письмо в Кремль. Но народ его не пустил, а стал требовать, чтобы князья и бояре сказали и сообщили, куда девались посланцы и письма, о которых теперь требуются сведения и отчет. С этими словами «господин наш» начал бунтовать, желать удачи приближающемуся к городу Димитрию, громко восклицая: «Дай Боже, чтобы истинное солнце снова взошло бы над Русью. До сих пор мы сидели во мраке, теперь снова забрезжил истинный свет». Превознося Димитрия и ругая Годуновых, они в неистовстве кинулись в Кремль и так безудержно и злобно поносили и порочили покойного царя Бориса, его сына и его родственников (что дальше некуда). Среди многих тысяч людей ни один не вспомнил о том, что все же Борис сделал очень много добра всей земле, что за восемь лет своего правления он ввел столько больших улучшений. Все это и то, что он содержал этих подлецов во время дороговизны, было начисто забыто, как будто он ровно ничего достойного похвалы не сделал. Его сына, молодого царя, которому они только что присягали, его мать, царскую вдову, его сестру и всех, кто был из рода Годуновых, схватили, дворы их разграбили и опустошили, их самих, их жен и детей раздели донага, заковали в железо, бросили на навозные телеги и повезли без подушек и одеял, не разбирая дороги, в дождь и непогоду из Москвы на заточение в другие крепости за много миль от Москвы. Некоторые из них умерли в дороге, остальные умерли с голоду и погибли в тюрьмах. Истинно глаголет пророк: «Знатные будут низвергнуты, взращенные в неге и холе будут изнемогать и терпеть нужду». Молодой царь Федор Борисович, его мать и сестра на этот раз еще остались (однако лишенные своего величия) в Москве на собственном дворе Бориса, их как пленников усиленно охраняли и стерегли.

После того как 1 июня грубый «господин наш» столь безжалостно охладил свой пыл на Годуновых, так что из них ни одного правителя в Кремле не осталось, ему вздумалось потребовать еще и выпивки из царского погреба, и он обратился с

этим к одному старому боярину, Богдану Вельскому, о котором выше уже было сказано, что Борис Годунов за мятеж подверг его опале. После смерти Бориса он появился снова, был в большой чести у простого народа, и ему, поскольку он больше всех других преследовал Годуновых, поручили управление в Кремле от имени Димитрия (за крестного отца которого он себя выдавал).

Он очень ласковыми словами отказал «господину нашему», сказав, что царские погреба трогать нельзя, чтобы они не оказались пустыми, когда придет царь Димитрий. А так как он питал большую злобу и вражду ко всем докторам из-за одного шотландского капитана, который до прибытия этих докторов за неимением лучшего был назначен лейб-медиком Бориса и по Борисову приказу (как упоминалось выше) вырвал этому самому Вельскому всю бороду, хотя этот капитан, доктор Габриэль, уже давно умер, другим докторам все же пришлось поплатиться за него, ибо Богдан Вельский надоумил подлую чернь, сказав, что Борисовы доктора разбогатели и с ними и надлежит говорить о выпивке, так как в подвалах у них есть всякие напитки, да к тому же они были духовниками и советниками Бориса, к ним-то и следует наведаться и выпить все их напитки, а последствия он, Вельский, берет на себя. После этого они бросились к докторским дворам, и раз им позволили взять себе аршин, они захватили много саженей, не только выпили у бедных докторов все вино, но позарились также и на их имущество и достояние, растащили все, что попалось им на глаза, так что некоторые из докторов в этот день потерпели убытку на 2 или 3000 талеров. При этом также и многие другие честные люди, из тех, кто жили за городом в незащищенных поселениях и ввиду приближения войска перенесли все свое добро в докторские дома, без всякой вины и причины были ограблены. Так, при этом и я, и мои близкие тоже потерпели немалый убыток, потеряв свое имущество подобным образом. Так из-за чужой вины, о которой сказано выше, пострадали многие безвинные люди.

3-го июня московские жители написали Димитрию повинную грамоту, умоляя о прощении и милости и обещая сдаться. Они писали, чтоб он с Богом шел к ним, все его враги уничтожены, кроме молодого Федора Борисовича, его матери и сестры, которые еще живы, но содержатся под такими замками, что ему нечего их опасаться. Димитрий был еще в Серпухове, в 18 милях от Москвы, и оттуда ответил им, что не приедет прежде, чем будут уничтожены те, кто его предал, все до единого, и раз уж большинство из них уничтожено, то пусть уберут с дороги также и молодого Федора Борисовича с матерью, тогда только он приедет и будет им милостивым государем.

Это письмо было получено в Москве 10 июня. Тогда же оно было оглашено, и вскоре молодой царь Федор и его мать были убиты в своих покоях. Дочь, которую достохваль-ный государь герцог Иоганн Датский получил бы в жены (если бы Бог сохранил ему жизнь), была отправлена в Новодевичий монастырь, а затем отдана Димитрию в наложницы. Было сделано два гроба, в один положили сына, в другой — мать. Отца, погребенного несколько недель тому назад подле прежних царей, снова взяли оттуда, и всех троих увезли из Кремля на Сретенку в бедный монастырь, где зарыли на кладбище без всяких почестей и без совершения каких бы то ни было церемоний, хотя обычно мертвых у них хоронят очень торжественно. Такой жалкий конец выпал на долю царя Бориса Годунова и всего его рода (который поднялся и вознесся выше, чем Какой-либо род, с тех пор, как существует Русская монархия), и Борис сам был (первопричиной) нынешней войны на Руси из-за того, что он приказал убить малолетнего Димитрия, сына старого тирана, и достиг царства хитростью и происками. Поистине про него можно сказать, как говорилось про Бонифация VII, папу римского: «Пришел как лисица, царствовал как лев, умер как собака». Его сын, Федор Борисович, царствовал после смерти отца только 2 месяца без 4 дней и не был коронован.

ГЛАВА IV О Димитрии I и его царствовании

Как только Димитрию были доставлены достоверные сведения, что с его врагами покончено вчистую, он двинулся 16 июня 1605 года из Серпухова со всем войском и встал лагерем на лугу в одной миле пути от Москвы. Там он стоял три дня, испытывая московское население, прежде чем вступить в город, и после того, как он убедился, что оно благонамеренно,— раз они покорились ему, радовались его благополучному прибытию и поднесли ему множество ценных подарков из золота, серебра, драгоценных каменьев и жемчуга, а кроме того, поднесли, помимо хлеба и соли, и всякие напитки (что по русскому обычаю является важнейшим и высочайшим знаком уважения),— то он решил довериться им, согласился забыть и никогда не вспоминать все, что было прежде содеяно против него, а также быть им не государем, а отцом и всегда хотеть и искать лучшего для любезных своих подданных.

20 июня московские бояре принесли своему новому царю красивые, пышные и дорогие одежды из парчи, бархата и шелка, вышитые драгоценными каменьями и жемчугом, и попросили,

чтобы он вступил в город, принял с божьего благословения отцовское наследие (вернуть которое милосердный Бог помог ему столь быстрым и чудесным образом) и счастливо, мирно и благополучно царствовал. Ведь все хорошо улажено и устроено, и ему нечего больше опасаться, а также нет причин печалиться, так пусть он веселится и радуется, ибо всех тех, кто хотел его пожрать, уже нет, и они не смогут загрызть его.

В этот день пришли к нему все немцы, подали ему на лугу челобитную с просьбой не гневаться на них, если они причинили какое-либо зло его величеству и его войску под Добрыничами. В то время этого требовала их присяга и честь, ибо они были людьми подневольными, служили своему тогдашнему государю господину Борису, клялись ему великой клятвой преданно стоять за него и не могли поступить против этого, не замарав своей совести. Но как они верою и правдою служили Борису, так они будут служить и ему.

Димитрий позвал к себе их начальников (большинство которых думало, что он очень будет на них гневаться), был с ними очень приветлив, хвалил за стойкость и преданность и за то, что они под Добрыничами основательно потеснили его и обратили в бегство, причем почти все его люди полегли на снегу, и за то, что и под Кромами они точно так же не сдались ему, как это сделали тысячи московитов, а остались верны Борису, своему тогдашнему государю, и т. д.; и сказал он им также, что если они будут служить ему даже и не лучше, чем они служили его врагу, то и тогда он им будет больше доверять, чем своим московитам, спросил, кто из них был знаменосцем, а когда тот к нему подошел, он погладил его по голове и сказал: «Ты немало напугал меня своим знаменем. Вы, немцы, подошли ко мне так близко, что царский конь (который приведен сюда, но еще не выздоровел) был очень тяжко ранен подо мной, но все же вынес меня из сражения. Если бы вы меня захватили, вы убили бы меня». Они ответили с почтительным поклоном: «Лучше, что ваше величество остались, слава Богу, живы. Да будет благословен Бог за это, и да сохранит он ваше величество и впредь от всякого несчастья».

Все было готово для въезда. Димитрий приказал знатнейшим князьями и боярам ехать справа и слева от себя, перед ним и за ним ехало на конях около 40 человек, и каждый из них был одет с такой же пышностью, как и сам царь. Своих фурьеров он выслал со всеми русскими вперед проследить, все ли в порядке и нет ли какой тайной пакости и т. п. Беспрестанно туда и сюда отправлял гонцов.

Перед царем ехало на конях множество польских ратников в полном вооружении, в каждом звене по 20 человек, с трубами и

литаврами. За царем и боярами тоже ехало столько же отрядов польских всадников, в том боевом порядке и с такой же веселой музыкой, как и передние. Весь день, пока длился въезд, в Кремле звонили во все колокола, и во всем было такое великолепие, что на их лад лучше быть и не могло.

В тот день можно было видеть тысячи людей, многих отважных героев, большую пышность и роскошь. Длинные широкие улицы были так полны народу, что ни клочка земли не видать было. Крыши домов, а также колоколен и торговых рядов были так полны людьми, что издали казалось, что это роятся пчелы. Без числа было людей, вышедших поглазеть, на всех улицах и переулках, по которым проезжал Димитрий. Московиты падали перед ним ниц и говорили: «Дай господи, государь, тебе здоровья! Тот, кто сохранил тебя чудесным образом, да сохранит тебя и далее на всех твоих путях!», «Ты — правда солнышко, воссиявшее на Руси». Димитрий отвечал: «Дай Бог здоровья также и моему народу, встаньте и молите за меня господа».

Как только Димитрий въехал по наплавному мосту, проложенному через Москву-реку, в Водяные ворота, поднялся сильный вихрь, и, хотя в остальном стояла хорошая, ясная погода, ветер так сильно погнал песок и пыль на народ, что невозможно было открыть глаза. Русские очень испугались, стали, по их обычаю, осенять лицо и грудь крестом, восклицая: «Помилуй нас Бог, помилуй нас Бог!», «Боже, спаси нас от несчастья!»

Когда въезд закончился, каждый был водворен на свое место и все сделано, как положено, вышел из Кремля господин Богдан Вельский с несколькими князьями, боярами и дьяками на Лобное место, около которого собрались все жители города, а также дворяне и недворяне из сельских местностей. Он призвал всех собравшихся возблагодарить Бога за этого государя и служить ему верою, так как он прирожденный наследник и сын Ивана Васильевича, затем вытащил из-за пазухи свой литой крест с изображением Николая, приложился к нему и поклялся, что Димитрий прирожденный наследник и сын Ивана Васильевича; он, Вельский, укрывал его на своей груди до сего дня, а теперь снова возвращает им, и пусть они любят его, почитают и уважают. И весь народ ответил: «Сохрани, Господи, нашего царя! Дай Бог ему здоровья! Сокруши, Господи, всех его врагов!» Это пожелание исполнилось впоследствии, после смерти Димитрия, обернувшись ужасным образом против них самих.

29 июня, в субботу, Димитрий короновался в церкви св. Марии согласно русским обычаям и церемониям, о каковых можно прочесть выше, где говорится о коронации Бориса.

После Дня посещения девы Марии Димитрий приказал

привезти с большими почестями с несколькими тысячами конных провожатых свою мать обратно в Москву из Троице-Сергиевского монастыря (куда царь Борис сослал ее, приказав постричь в монахини). Димитрий сам выехал на свидание с ней, и они встретили друг друга очень приветливо и радостно. Старая царица сумела отлично приладиться к этой комедии, хотя в душе ей было хорошо — и лучше, чем тысячам других людей,— известно совсем иное, ведь благодаря этому сыну она вновь возвращалась к прежнему высокому положению и царскому сану. Соскочив с коня, царь довольно долго шел пешком рядом с ее каретой, и это зрелище исторгло слезы из глаз многих людей из простой черни, плакавших оттого, что столь чудесны дела господни среди людей. Затем царь снова вскочил на коня, поехал со своими князьями и боярами вперед и сам распорядился обо всем в монастыре, где собиралась поселиться его мать. В Кремле у Иерусалимских ворот, против Кирилловского монастыря, он приказал выстроить новые красивые палаты и назвал их монастырем своей матери. Он содержал ее так, что между его и ее столом не было никакой разницы. Посещал он ее ежедневно и столько выказывал ласки и почтения, что, говорят, тысячи людей клятвенно заверяли, что он действительно ее родной сын.

Он заседал ежедневно со своими боярами в Думе, требовал обсуждения многих государственных дел, внимательно следил за каждым высказыванием, а после того, как все длинно и подробно изложат свое мнение, начинал, улыбаясь, говорить: «Столько часов вы совещались и ломали себе над этим головы, а все равно правильного решения еще не нашли. Вот так и так это должно быть».

Экспромтом он мог найти лучшее решение, чем все его советники за столько часов, чему многие удивлялись. Будучи хорошим оратором, он вводил иногда в свои речи тонкие удачные сравнения и достопамятные истории об имевших место у всевозможных народов событиях, которые он пережил или видел сам на чужбине, так что его слушали с охотой и удивлением. Часто он укорял (однако весьма учтиво) своих знатных вельмож в невежестве, в том, что они необразованные, несведущие люди, которые ничего не видели, ничего не знают и ничему не учились, помимо того, что казалось им, с их точки зрения, хорошим и правильным. Он предложил дозволить им поехать в чужие земли, испытать себя кому где захочется, научиться кое-чему, с тем чтобы они могли стать благопристойными, учтивыми и сведущими людьми. Он велел всенародно объявить, что будет два раза в неделю, по средам и субботам, лично давать аудиенцию своим подданным на крыльце, т. е. на балконе перед его

палатами, чтобы людям не приходилось так долго, как это имело место прежде, мучиться и выбиваться из сил в поисках справедливости. Он повелел также очень строго по всем приказам, судам и писцам, чтобы приказные, а также и судьи без посулов (это значит взяток) решали дела, творили правосудие и каждому без промедления помогали найти справедливость. И русским и чужеземцам он дал свободу кормиться своим делом, как кто умел и мог, благодаря чему все в стране стало заметно расцветать, а дороговизна пошла на убыль. За трапезами у него было весело; его музыкантам, вокалистам и инструменталистам приходилось вовсю стараться. Он отменил многие нескладные московитские обычаи и церемонии за столом, также и то, что царь беспрестанно должен был осенять себя крестом и его должны были опрыскивать святой водой и т. д., а это сразу же поразило верных своим обычаям московитов и послужило причиной больших подозрений и сомнений относительно их нового царя. Они повесили головы, словно у них за ушами были вши. Он не отдыхал после обеда, как это делали прежние цари и как это вообще принято у русских, а отправлялся гулять по Кремлю, заходил в казну, в аптеку и к ювелирам, иногда один, а то вдвоем или втроем, или уходил потихоньку из своих покоев, так что его личные слуги часто не знали, где он, и подолгу искали его в Кремле, пока не найдут, чего тоже не бывало с прежними царями. Те из своей московитской важности не могли сами переходить из одного покоя в другой, а множество князей должны были вести их, держать, прямо чуть ли не нести.

Когда он отправлялся на богомолье, он обычно никогда не ехал в карете, а скакал верхом. Он приказывал привести ему не самого смирного, а самого резвого коня и не допускал, чтобы, как это было принято при других царях, двое бояр подставляли ему скамью, когда он на него садился, а сам брал лошадь под уздцы, и стоило ему коснуться рукою седла, как он вмиг уже сидел в нем. Он так умело объезжал своих аргамаков и таким отважным витязем сидел на коне, что ни среди его берейторов, ни среди остальных вельмож и воинов не было никого, кто мог бы сравниться с ним. Он любил охоту, прогулки и состязания, у него должны были быть самые прекрасные соколы, а также лучшие собаки для травли и выслеживания, кроме того, большие английские псы, чтобы ходить на медведей. Однажды под Тайнинским, в открытом поле, он отважился один пойти на огромного медведя, приказал, невзирая на возражения князей и бояр, выпустить медведя, верхом на коне напал на него и убил.

Он велел отлить большое количество мортир и пушек, хотя в Москве уже имелось такое большое количество крупных орудий и

такие великолепные большие красивые пушки, что тому, кто их не видел, трудно поверить этому. Зимой он отправил тяжелую артиллерию в Елец, который расположен у татарского рубежа, намереваясь со всем этим навестить следующим летом тамошних татар и турок. Но как только слух об его намерении дошел до татарского рубежа и об этом узнал татарский царь (как их там называют), он покинул свой главный город Азов и ушел в степи. Для себя и для своей царицы Димитрий выстроил в Кремле новые великолепные покои.

По его глазам, ушам, рукам и ногам было видно, а по словам и поступкам чувствовалось, что был он совсем иной Гектор, чем прежние, и что он получил хорошее воспитание, много видел и много знал. В сентябре 1605 г<ода> он вспомнил о любви, верности и дружбе, которую выказал ему в Польше воевода сандомирский, а также о своем обещании его дочери Марине Юрьевне. Поэтому он послал к сандомирскому воеводе своего думного дьяка Афанасия Ивановича Власьева с большими подарками — золотыми цепями, кольцами, золотом и деньгами более чем на 200 000 гульденов, приказав поднести это своей невесте, поклониться ее отцу и ей и просить ее руки. Ее и сговорил, помолвил и обручил с Димитрием его величество король польский, господин Сигизмунд III и пр., с согласия, ведома и одобрения всех сословий. Русским это совсем не понравилось. Они замечали из многого, что одурачены и постыдно обмануты, и это мнение еще более укрепилось в них из-за того, что си пренебрег дочерьми вельмож своей национальности и женится на иноверке, как они называют другие народы, и даже дошло до того, что они, в конце концов, решили, что он, верно, совсем не русский, а поляк. Три брата из рода Шуйских вошли в тайный сговор с монахами и попами со всей земли и принялись строить невероятнейшие козни, чтобы снова избавиться от этого государя. Когда недоверие русских стало заметно, Димитрий решил не полагаться на них больше, как это было прежде, а взял себе личную охрану из одних только живших в России немцев.

Год 1606

В январе он назначил трех капитанов. Первый — француз, чисто говоривший по-немецки,— был благочестивым и рассудительным человеком, звали его Яков Маржерет, и у него под началом было 100 копейщиков. Они должны были носить бердыши, на которых был вычеканен золотой царский герб.

Древки были обтянуты красным бархатом, окованы серебряными позолоченными гвоздями, обвиты серебряной проволокой, и с них свисали разные кисти из шелковых нитей и из серебряной или золотой проволоки. Эти копейщики каждые три месяца получали такое жалованье, что большинство могло заказывать себе бархатные плащи с золотыми позументами и очень дорогое платье.

Второго капитана, лифляндца из Курляндии, звали Матвей Кнутсон, ему были вверены 100 алебардников. На их алебардах с двух сторон был вытравлен тоже царский герб. Кафтаны у них были темно-фиолетовые с обшивкой из красных бархатных шнуров, а рукава, штаны и камзолы — из красной камки.

Третий капитан был шотландец, по имени Альберт Вандтман, но его обычно звали паном Скотницким, так как он долго жил в Польше. У него также было 100 алебардников, алебарды которых были так же отделаны, как и у других сотен. Но они отличались тем, что должны были шить себе штаны и камзол из зеленого бархата и носить рукава из зеленой камки. Одна половина этой стражи должна была оберегать царя одни сутки, а другая половина — следующие сутки. Это вызвало большое недовольство, особенно среди московских вельмож, говоривших между собою: «Смотрите, наш государь уже теперь показывает этой стражей, что он и сейчас не хочет на нас смотреть, а что еще будет, когда приедет польская панна со столькими поляками, немцами и казаками». «В промедлении — опасность»,— думалось князю Василию Ивановичу Шуйскому, старшему из трех братьев Шуйских, особенно когда царь Димитрий повелел сделать ревизию монастырей, подсчитать их доходы и немного урезать корма этим — бесполезному бремени земли — праздным монахам, а лишек взять в казну на содержание войска против врагов христианства, турок и татар, а также и тогда, когда попам, жившим близко от Кремля на Чер-толье и на Арбате, пришлось уйти из своих домов и передать их немцам (чтобы те в случае нужды днем или ночью могли быстрее оказаться у царя).

Вместе со всеми жителями Москвы Шуйский стал строить всяческие козни, чтобы извести и убить Димитрия со всеми его близкими раньше, чем прибудут иноземцы. Когда, однако, этот дьявольский замысел по воле божией был раскрыт, многие попы и стрельцы были схвачены и подвергнуты пытке, и все они показали, что князь Василий Шуйский замыслил измену. Попам пришлось претерпеть пытку, а виновных стрельцов Димитрий отдал их товарищам, чтобы те убили их каким угодно способом, и объявил, что того из них, кто первый наложит руку на этих предателей, он будет считать непричастным к этому заговору.

Тогда стрельцы, как собаки, набросились на виновных, чтобы показать свою невиновность, и так растерзали их зубами, что нельзя было разобрать, где какой кусок находился. Корифея этой измены, князя Василия Шуйского, он тоже повелел заключить в тюрьму и сначала отдать палачу, чтобы тот на дыбе хорошенько угостил его плетьми, а потом приговорить к смерти. Но когда его привели на место казни между Кремлем и каменными торговыми лавками, где ему должны были отрубить голову, объявили о его преступлении и о приговоре, и палач, раздев его, уложил его голову на плаху, чтобы отрубить ее топором, прискакал от царя из Кремля немец Мартин Сибельский, некрещеный мамелюк родом из Пруссии, в руках у него была царская шапка, он махал ею и кричал, чтобы палач остановился, ибо царь многим изменникам даровал жизнь и пожелал также помиловать и этого, поскольку он из столь знатного рода, да к тому же и мать царя за него просила и т. д.

К какому великому несчастью привело это неуместное милосердие, будет сказано дальше в надлежащем мест?. А Димитрий сделал бы лучше, если бы казнил обличенного мошенника и предателя, вместо того чтобы помиловать его, и не дал бы заржаветь мечу, которым он должен был пресекать зло, и тем самым не дал бы повода к еще большему вреду и несчастью, горю и бедствию. Димитрий полагал, что теперь он выказал достаточно строгости в отношении этого князя и примерно наказал его, что заставит остальных предателей остерегаться и не идти больше на какое-либо подобное злое дело. Поэтому он впал в благодушное спокойствие и жил без всякой опаски.

Вероломные князья и бояре держались некоторое время скромно и покорно, точно они примирились со своим поражением, для того чтобы Димитрий окончательно успокоился и не опасался никакого зла с их стороны. Они ездили с ним в поле, на охоту и на другие развлечения, прикидывались веселыми и довольными, тогда как в душе таили только хитрость, выжидая случая. В шести милях от Москвы расположен большой монастырь, называемый Вязё-ма. Там Димитрий велел на масленицу сделать снежный вал, чтобы учить своих князей и бояр, как они должны оборонять, осаждать, штурмовать и брать крепости. Он взял с собой свою немецкую стражу, два отряда польских конников и всех бывших при дворе князей и бояр. Конников он поставил в поле, неподалеку от монастыря.

Князей и бояр он поставил в снежную крепость, назначив одного из них начальником и воеводой, чтобы он вместе с ними защищал крепость. Сам же он хотел со своими немцами нападать и штурмовать. Оружием с обеих сторон должны были быть только

снежки. Русские должны были обороняться снежками, а он хотел с таким же оружием идти в наступление и на штурм и попытать счастья, удастся ли ему взять у них крепость или же они сумеют его отогнать. Воспользовавшись удобным случаем, немцы примешали к снегу другие твердые вещества и насажали русским синяков под глазами.

Царь сам бросился вперед, захватил со своими немцами укрепление и взял в плен князей и бояр, сам одолел посаженного им воеводу, связал его и сказал: «Дай Бог, чтобы я так же завоевал когда-нибудь Азов в Татарии и так же взял в плен татарского хана, как сейчас тебя». Он приказал еще раз начать эту забаву, распорядился принести тем временем вина, медов и пива, чтобы всем выпить за здоровье друг друга. Тут подошел к нему один боярин, предостерег его и сказал, чтобы он эту игру прекратил, ибо многие бояре и князья очень злы на немцев из-за твердых снежков, которыми те насажали им синяков, и чтобы он помнил о том, что среди них много изменников и что у каждого князя и боярина есть длинный острый нож, тогда как он и его немцы сняли с себя и верхнее и нижнее оружие и нападают только со снежками, ведь легко может случиться большое несчастье. Это предостережение царь принял близко к сердцу, прекратил игру и вернулся в Москву, где он вскоре узнал, что бояре затевали там предательство и намеревались убить сразу и его и всех его немцев, как только они вторично пойдут на штурм, решив оправдать это дело тем, что Димитрий и бывшие с ним немцы и поляки будто бы действительно имели намерение перебить и уничтожить в поле всех князей и бояр, тогда как отважный герой никогда и в мыслях не имел такого злодейства.

В это время Димитрий получил приятное известие, что его невеста находится в пути из Польши в Россию. Поэтому он послал ей за рубеж 15 000 рублей на расходы, а также написал смоленскому дворянству, поскольку Смоленск — первая крепость от польской границы, чтобы они приготовились подобающим образом принять его невесту со всеми, кто едет с ней, угостили их по-царски и проводили в Дорогобуж. Дорогобужцам надлежит сделать то же самое, точно так же как и жителям Вязьмы, Царево-Займища и Можайска. И все должны следить, чтобы ни у кого ни в чем не было недостатка и каждого из этих гостей принимать с таким же почтением и уважением, как если бы приехал он сам собственной персоной. От границы до Смоленска и до Московского Кремля починили все дороги и пути, через самые малые канавы перекинули мостки, а улицы подметали до такой чистоты, какую не во всяком доме и дворе найдешь.

Невеста праздновала свою Пасху с отцом, братьями, другими

бывшими с ней родственниками и со всей свитой в замке Можайск, в 18 милях от Москвы. Димитрий ночью тайно уехал из Москвы с немногими людьми и появился среди своих милых гостей раньше, чем они его заметили. Он пробыл у них целых два дня, потом вернулся обратно и подготовил все, что было нужно для въезда.

На четвертый день после нашей светлой Пасхи,— а это было 24 апреля,— в Москву заранее приехал отец невесты, господин воевода сандомирский, с небольшим сопровождением и был торжественно встречен князьями и боярами, а также стрельцами.

На восьмой день после этого, в день св. Филиппа и Якова, 1 мая, прибыла царская невеста, Марина Юрьевна. Царь послал ей навстречу всех своих придворных, князей, бояр, немцев, поляков, казаков, татар и стрельцов — около 100 000 человек, великолепно одетых и разукрашенных. А сам, переодетый, в сопровождении еще двух всадников скакал на коне взад и вперед, расставляя народ направо и налево по своему усмотрению, а потом вернулся в Кремль. Он выслал невесте 12 верховых коней в дорогих попонах, а также седла, покрытые шкурами рысей и леопардов, с серебряными позолоченными стременами и оголовье с золотыми мундштуками. К каждой лошади был приставлен нарядно одетый московит, который должен был ее вести. Была выслана вперед и большая московская карета, обитая внутри красным бархатом. Подушки в ней были из золотой парчи, вышитой жемчугом. В карету были впряжены 12 белоснежных лошадей, а 12 верховых коней вели перед каретой. Князю Мстиславскому было велено в поле от имени царя произнести приветствие и принять невесту с ее братьями, затем и всей свитой, и он с усердием выполнил поручение царя, после чего он приказал подвести к невесте упомянутые 12 верховых коней и карету с 12 белыми лошадьми и обратился к ней с просьбой не отвергать подарка, посланного любезным ее женихом, всемилостивейшим царем и государем, и соблаговолить пересесть из своей кареты в присланную и поданную ей карету любезного ее жениха. Когда она встала для этого, знатнейшие вельможи подняли ее с большим почтением на руки и перенесли в царскую карету.

Впереди шли 300 гайдуков, которых она привела с собой из Польши, со своими дудами и барабанами. За ними следовали в полном вооружении старые польские конники Димитрия, служившие ему раньше в походах, в каждом ряду по 10 человек с барабанами и литаврами, за ними 12 верховых коней, высланных невесте, после них ехала царская невеста, по обеим сторонам кареты ехала конная сотня копейщиков, а 200 немецких

алебардников шли* пешком рядом с ее каретой.

За каретой ехали на конях московские знатные вельможи с братьями и с зятьями невесты. Затем следовали приведенные невестой из Польши верховые лошади, украшенные с большой пышностью, которых вели по двое верховых, затем карета невесты, в которой она приехала из Польши в Россию. В нее были запряжены восемь серых в яблоках лошадей с выкрашенными в красный цвет гривами и хвостами. За этой каретой ехала гофмейстерина, госпожа Казановская, в своем собственном возке, запряженном 6 красивыми рыжими конями. После нее везли всех женщин в 13 каретах. Затем следовала прибывшая из Польши конница в полном вооружении с трубами, литаврами и дудами, за ними русская конница со своими набатами больших размеров, чем другие барабаны или литавры, а за ними польские полковые фуры, повозки и весь обоз. У передних, а также у средних и у 3-х городских ворот стояли московские музыканты, которые своими трубами и барабанами производили много неблагозвучного шума.

Между Никитскими воротами и воротами у Львиного моста при въезде царской невесты поднялся такой же ужасный вихрь, как и при въезде Димитрия (о чем можно прочесть выше), что многими было истолковано как дурное предзнаменование.

В тот день многие московиты были опечалены тем, что у них появилось столько иноземных гостей, дивились закованным в латы конникам и спрашивали живших у них в стране немцев, есть ли в их стране такой обычай приезжать на свадьбу в полном вооружении и в латах. Они начали подозревать в этом опасность, особенно когда увидели, как из польских полковых фур вместе с другими вещами выносят по 5, по 6 и больше ружей.

Старый Шуйский и многие другие бояре уже давно распускали слух, что этот Димитрий не истинный Димитрий. А когда «господин наш» увидел еще и то, что Димитрий собирается породниться с поляками, что он жалует немцев и отдает им предпочтение и что поляки приехали так прекрасно вооруженные, у многих еще более усилились подозрения, посеянные Шуйским. Они стали жаловаться друг другу на свое положение, на то, как неудачна оказалась для них эта смена правителя, на то, что раньше они имели такого доброго государя и при нем такой прочный мир и т. д., а теперь, при этом правителе, все внушает опасения и кажется странным, и еще на то, что этот польский царь со своими поляками и немцами перебьет все московитские войска, и этого не миновать.

Когда эти горькие жалобы русских дошли до старого Шуйского (того самого, которого Димитрий прошлой осенью за

его предательство клал на плаху, чтобы казнить, но на свою собственную погибель помиловал), он созвал тайно к себе на свой двор сотников и пятидесятников города, а также некоторых бояр и купцов и сказал им тут, что они ясно видят, как всей Москве угрожает великая опасность от царя и от иноземцев (уж слишком много впущено их), и то, чего он уже давно боялся, теперь стало явным, а ведь когда он хотел воспротивиться этому, то едва не лишился головы, а московиты молчали при этом и ника.ч ?,а него не вступились.

Теперь-то они, конечно, хорошо понимают, чего следует ожидать и что произойдет, а именно, что все русские должны будут исчезнуть и стать подданными Польши, ибо это не истинный Димитрий, а поляк, а то, что они приняли его в страну царем, произошло потому, что они хотели свергнуть Бориса, чего нельзя было добиться никакой другой хитростью, а они питали надежду, что этот юный герой будет держаться их Бога, их веры и их, самих московитов. Вышло, однако, все наоборот: иноземцев он жалует больше, чем своих русских, пренебрегает их богами, даже оскверняет их церкви, позволяет нечистым полякам входить в них со своими собаками, и в церковь Николы, и в церковь Пречистой. У священников он отнимает дома и отдает их латышам (они подразумевали под этим немцев, обычно же латышами именуют не немцев); он женится на поганой польке и, конечно, совершит вскоре какое-нибудь злодейство, если русские вовремя не предотвратят этого. Во имя православной веры он, Шуйский, готов еще раз отважиться на кое-что, если они преданно помогут ему и делом поддержат его. Пусть каждый сотник и пятидесятник тайно сообщит своим подначальным, что этот Димитрий не истинный наследный государь, а кроме того, что он и поляки злоумышляют против русских, а потому им следует быть начеку, и соседям следует посовещаться друг с другом, как вовремя предупредить это зло, ведь московское население доходит уже до 100 000, а у Димитрия и его поляков только 5 000 человек и к тому же они живут не в одном месте, а рассеяны по разным местам, так что если положение станет угрожающим, то нужно будет назначить день и рано утром захватить их во сне прежде, чем они смогут оказать сопротивление, и царя вместе с его поляками прикончить и уничтожить. Пусть все собравшиеся доверительно и втайне известят его, Шуйского, каково будет их решение, и если «господин наш» склонен к этому делу, то нужно не мешкая выполнить его.

Чернь, которая и без того легко склоняется к возмущению, сразу согласилась и объявила, что, для того чтобы очистить

православный город Москву и Московский Кремль от неверных, они поддержат Шуйского и его приверженцев в день, когда им будет угодно совершить это дело. Был придуман и сообщен им условный знак, по которому, услышав утром набат, все должны были бежать из своего дома в Кремль с криком: «Поляки хотят убить нашего царя Димитрия», проникнуть к царю под видом того, что они хотят помочь ему и спасти его от поляков, и в возникшей суматохе самим схватить его, убить и прикончить, а после того, как это будет сделано, спешно покинуть Кремль и перебить поляков в их домах, на воротах которых будет стоять сделанная ночью помета русскими буквами, чтобы московиты действовали сообразно с этим. Местных немцев должно было пока щадить, ибо они всегда были верны государству.

Так пробил час Димитрия и поляков (и он, и они жили в полной беспечности), и хотя Димитрию многие сообщали об этом, он не обращал на это никакого внимания, полагая, что у него достаточно сил, чтобы справиться с русскими, и те ни на что не осмелятся. Не подумал он о том, как далеко от Кремля и друг от друга рассеяны в разных местах поляки. Потом-то, когда мятеж уже вспыхнул, он хорошо все понял, погибая столь плачевно, да ничего уже тогда изменить не мог.

8 мая состоялось бракосочетание царя Димитрия и польской панны Марины Юрьевны, и сразу после этого на нее был возложен венец царицы всея Руси. На этой свадьбе и коронации произошел немалый спор между царем и московитскими вельможами из-за одежды. Царь и польские вельможи хотели, чтобы невеста, когда ее поведут в церковь, была в польской одежде, к которой она привыкла с юности, тогда как в чужой она не умела держаться. Московиты требовали, чтобы при венчании она была, согласно обычаям страны, одета, так же как и царь, по-русски. После долгого спора царь сказал: «Хорошо, я не стану отменять обычай моей страны, уступлю моим боярам, чтобы они не имели повода жаловаться, будто я хочу ввести много изменений и новшеств. Дело идет об одном дно,— и попросил свою невесту, чтобы она надела русскую одежду, на что та, в конце концов, и согласилась. Тогда на невесту надели очень дорогие царские одежды, в которых ее отвели в церковь Св. Марии и обвенчали с Димитрием. На следующий день, 9 мая, Димитрий приказал принести своей царице новые польские платья с просьбой, чтобы она надела и носила их из уважения к нему, поскольку вчера был день русских вельмож rt он хотел угодить всей стране, а сегодняшний и последующие дни теперь будут принадлежать ему. Он будет царствовать и поступать, как ему будет угодно, а не так, как хотят его московиты. С того дня царица одевалась по-

польски.

Эти свадебные дни были проведены в роскоши и веселье, в пирах и трапезах с пением и плясками. Тут были не только всякие музыкальные инструменты, какие только можно придумать, но также и самый прекрасный хор из 32 голосов, какого только может пожелать властитель. Димитрий выписал его из Польши. Поляки на радостях так перепились, что при разъезде, направляясь на свои квартиры, сильно бесчинствовали. Они порубили и поранили саблями московитов, встретившихся им на улице. Жен знатных князей и бояр они повытаскивали насильно из карет и вдоволь поиздевались над ними, что русские молча запоминали, думая свою думу.

В субботу 10 мая, на третий день свадьбы, царь приказал приготовить в кухне все по-польски и среди других кушаний — вареную и жареную телятину. Когда русские повара увидели это и рассказали всем, в царе стали сильно сомневаться, и русские стали говорить, что он, верно, поляк, а не московит, ибо телятина считается у них нечистой и ее не едят. Они это молча стерпели, выжидая удобного случая.

10 мая того же года в Московском Кремле с дозволения царя Димитрия впервые была произведена евангелическая лютеранская проповедь господином Мартином Бером из Нейштадта по той причине, что господам докторам, капитанам и другим немцам, которым надлежало быть при царе, было слишком далеко до церкви в Немецкой слободе.

12 мая в народе стали открыто говорить, что царь — поганый, он не ходит больше в церковь так часто, как раньше, живет, во всем придерживаясь чужеземных церемоний и обычаев, жрет нечистую пищу, в церковь ходит не помывшись, не кладет поклонов перед святым Николаем, и хотя с первого дня свадьбы до сегодняшнего дня каждое утро приготовляется баня, он со своей языческой царицей еще не мылся. Должно быть, он не московит, а следовательно, и не истинный Димитрий.

Чем это кончится, еще неизвестно. Так они открыто говорили на рынке, и несколько алебардников услыхали это, схватили одного такого негодяя и, отведя его в Кремль к царю, рассказали, что они слышали всюду на рынке.

Хотя царь велел созвать всю свою охрану, чтобы нести службу день и ночь, а также приказал допросить и пытать захваченного болтуна, предатели бояре, потакая негодяю, сказали царю, что малый напился и был пьян, теперь он ничего не может сказать, да и без этого не слишком умен, даже когда трезв, пусть царь не обращает внимания на подобные пустые речи и не верит всякому наушнику. Он теперь достаточно силен, чтобы справиться со

всеми своими врагами и изменниками, если они что-либо предпримут. Все обстоит не так, как ему наговаривают немцы и т. д.

Все это вселило в царя такую уверенность, что он не стал обращать внимания ни на какие предостережения, и хотя 13, 14, 15 и 16 мая открыто и совсем явно говорили и слушали об измене, и это было сообщено ему его капитанами, он не придал этому особого значения, взял донесения и сказал, что никакой беды тут нет, страже из 50 человек следует по прежнему указу день и ночь нести охрану, а остальным оставаться дома до своей очереди.

Но как гласит пословица: «Опасность приходит быстрее, когда ею пренебрегают, и случается сразу то, чего не ждут и через год»,— и как говорит св. Павел в первом послании к фессалоникийцам: «Ибо когда будут говорить: мир и безопасность, тогда внезапно постигнет их пагуба».

Так случилось и с этим беспечным Димитрием. Изменники захватили его, когда он меньше всего этого ожидал, ибо он не обращал внимания ни на чудесные знамения, ни иа правдивые сообщения. 16 мая в ночь случился столь ужасающий снегопад и столь неслыханный мороз, что все хлеба в полях померзли, а это к добру привести не могло.

17 мая хитрые русские привели в исполнение свой дьявольский замысел, который они вынашивали целый год. В третьем часу утра, когда царь и польские вельможи были еще в постели и отсыпались с похмелья, их грубо разбудили. Разом ¦о всех церквах (каковых в Москве около 3000, и на каждой колокольне по крайней мере 5 или 6, а, смотря по церкви, и 10 или 12 колоколов) ударили в набат, и тогда из всех углов побежали толпами сотни тысяч человек, кто с дубинами, кто с ружьями, многие с обнаженными саблями, с копьями или с тем, что попалось под руку: ярость давала в руки оружие. Все они бежали к Кремлю и кричали: «Кто убивает царя?» Князья и бояре отвечали: «Поляки». Когда Димитрий в постели услышал этот страшный набат и невероятный шум, он сильно испугался и послал своего верного рыцаря Петра Федоровича Басманова выяснить, что там происходит, а князья и бояре, которые несли службу в передних покоях, ответили, что они ничего не знают, верно, где-либо горит. К набату прибавились нечеловеческие крики на всех улицах, так что слышно было даже в царских покоях. Тогда царь во второй раз послал господина Басманова узнать, что там творится, не горит ли, и где именно, сам тоже встал и оделся. Господин Басманов, увидев перед дворцом в Кремле снаружи на всех крыльцах и лестницах бесчисленное

количество русских с копьями и кольями, сильно испугался и спросил, что они там делают, что им нужно и что означает набат. «Господин наш» ответил, чтобы он убирался, а им вызвал бы сюда самозваного царя, они с ним поговорят.

Тут господин Басманов понял, что означает набат и какое совершилось предательство, схватившись за голову, он приказал немецким копейщикам держать оружие наготове и не впускать ни одного человека. Печальный, пришел он назад к царю и сказал: «Ахти мне, ты, государь мой, сам виноват! Совершилось большое предательство, там собрался весь народ и требует, чтобы ты вышел. Ты же до сих пор никогда не хотел верить тому, что тебе почти ежедневно сообщали твои верные немцы».

Пока Басманов говорил так с царем, один боярин, который пробрался через телохранителей, пришел в спальню к царю и сказал ему дерзко, как отъявленный изменник и злодей: «Что? Еще не выспался, недоношенный царь. Почему ты не выходишь и не даешь отчета народу?» Верный Басманов схватил царский палаш и тут же в спальне отрубил вероломному боярину голову.

Царь вышел в передний покой, взял у одного из дворян, Вильгельма Шварцкопфа, курляндца родом из Лифляндии, из рук бердыш, прошел в другой покой к копейщикам, показал бердыш народу и сказал: «Я тебе не Борис буду». Тогда несколько человек выстрелили в него и его телохранителей, так что ему снова пришлось уйти.

Господин Басманов вышел на крыльцо, где стояло большинство бояр, и стал очень усердно просить, чтобы они хорошенько подумали о том, что они замышляют, отказались от подобных злых намерений и поступили так, как надлежит. Татищев, знатный вельможа, ответил ему руганью и со словами: «Что ты, сукин сын, говоришь! Так тебя растак и твоего царя тоже»— выхватил длинный нож (каковой русские обычно носят под длинной одеждой) и всадил его в сердце Басманову так, что тот на месте упал и умер. Другие бояре взяли его и сбросили с крыльца высотою в 10 сажен вниз на землю.

Так пришлось ради своего царя расстаться с жизнью отважному рыцарю, который был верным другом всех немцев. Когда «господин наш» увидел, что убит тот, мужества и осмотрительности которого почти все боялись, кровожадные собаки осмелели, дикой толпой ринулись в сени на телохранителей, требуя выдачи вора, т. е. царя. Тот вышел с палашом в руках и хотел броситься на них, но с пылающей печью шутки плохи. Они выломали в сенях доски из стены, накинулись на 50 алебардников и отняли у них силой оружие. Царь все же скрылся от них в своих внутренних покоях с 15 немцами, которые

заперлись и стали у дверей с оружием в руках. Сильно перепуганный, Димитрий швырнул в комнату свой палаш, стал рвать на себе волосы и, ничего не сказав, ушел от немцев в свою спальню.

Русские сразу начали стрелять сквозь дверь по немцам, так что тем пришлось отойти в сторону. В конце концов русские разрубили дверь пополам топорами, и тут каждый немец предпочел бы иметь вместо своих алебард или бердышей хороший топор или мушкет. Один говорил другому: «Ах, если бы мы все, 300 человек наших, были здесь вместе и у нас были бы хорошие мушкеты, мы могли бы с божьей помощью сегодня заслужить славу и почет, спасти нашего царя и нас самих. Теперь же мы с ним пропали, это оружие годится только напоказ, а не для дела. О горе! Наших бедных жен, детей и добрых друзей, наверное, уже всех нет в живых, о горе, горе, что царь никогда не верил нашим сообщениям. Теперь и он погибнет, и мы все, и все немцы».

Тут они бросились в другую палату и заперлись, но царя они там не обнаружили. Он ушел из своей спальни потайным ходом, пробежал мимо царицыных покоев в каменный зал, где он со страху выпрыгнул в окно, с высоты 15 сажен, на пригорок и спасся бы, если бы не вывихнул себе ногу.

Русские прошли через царские покои, отобрали у телохранителей их оружие, приставили к ним стражу, не пустили их дальше сеней, допытывались, куда девался царь, разгромили царские палаты и похитили великолепные ценности из его покоев. Князья и бояре силой вломились в комнату к царице и к ее дамам, уже полумертвым от страха и ужаса.

Царица, будучи маленького роста, спряталась под юбку гофмейстерины (которая была высокого роста). Грубые князья и бояре (а вернее было бы назвать их мужланами и грубыми мужиками) спросили гофмейстерину и девиц: «Где царь и где его царица?» Они ответили: «Это вы должны знать, где вы оставили царя, мы не приставлены его охранять». Тогда русские сказали: «Ах вы, бесстыдные потаскухи, куда вы девали эту польскую... вашу царицу?» Гофмейстерина спросила, что они от нее хотят. Они ответили непотребно на грубом московитском языке... Совратили и соблазнили всех девиц. Один князь приказывал отвести к себе домой одну, другой — другую, так обращались они с дочерьми польских вельмож.

Гофмейстерина, под юбкой которой спряталась царица, была старой толстой матроной, она сохранила свою честь вместе с царицей, но ее обругали такой-сякой и заставляли сказать, где царица. Она ответила: «Сегодня утром в первом часу мы

проводили ее к отцу, сандомирскому воеводе, она еще там».

Тем временем стрельцы, охранявшие Чертольские ворота, увидели, что свернувший себе ногу царь лежит на пригорке, услышали, как он стонет и вскрикивает. Они подошли к нему, помогли ему встать и хотели отвести его опять в его покои. Но как только «господин наш» это увидел и сообщил об этом боярам, которые были перед женской половиной и внутри нее, те бросили гофмейстерину с царицей и быстро сбежали с лестницы.

Стрельцы решили было защищать царя, так как он им многое пообещал, если они его спасут, и поэтому даже застрелили одного или двух бояр, но их скоро осилили, так что они ничего больше не могли поделать. Множество князей и бояр схватили больного, разбитого падением и страдающего царя и так с ним обращались, что он вполне мог бы сказать вместе с пленниками из комедии Плавта «Пленники»: «Велика обида, когда и волочат и толкают». Князья и бояре отнесли его назад в его покои, столь богатые и великолепные прежде, а теперь безобразно разрушенные и разграбленные. Там, в сенях, стояли некоторые из его телохранителей (охраняемые стражей и без оружия) и очень горевали. Он так на них взглянул, что слезы потекли у него по щекам, протянул одному из них руку, но не смог вымолвить ни слова. О чем он при этом думал, знает только всеблагий Бог, которому ведомы все сердца, но вполне можно предположить, что он подумал о многократных предостережениях немцев и о том, как часто они добросовестно предостерегали его через капитанов.

Один из дворян, копейщик Вильгельм Фюрстенберг из Лифляндии, проскользнул вместе с русскими в покой, чтобы взглянуть, что же будет с царем, но когда он встал рядом с царем, его заколол копьем один из бояр. Тут русские сказали: «Вот какие верные собаки эти немцы; они все еще не хотят покинуть своего царя, давайте уничтожим их всех». Но некоторые им возразили, да и знатные князья и бояре никак не хотели допустить или дозволить это.

В этом покое они разыграли с бедным Димитрием действо о муках страстных нисколько не хуже, чем евреи с Иисусом Христом. Один дергал и щипал его сзади, другой — спереди, содрали с него царское платье и надели на него грязный кафтан пирожника, один говорил другому: «Это царь всея Руси», «Смотрите, каков царь всея Руси», другой говорил: «Такой царь есть у меня дома на конюшне», третий говорил: «Я могу царю...», четвертый ударил его по лицу и спросил: «Эй ты, сукин сын, кто ты такой? Кто твой отец? Откуда ты родом?» Он ответил: «Всем вам известно, что я ваш венчанный царь, сын Ивана Васильевича, спросите мою мать в монастыре или отведите меня на Лобное

место и дайте мне говорить». Тут выскочил со своим ружьем один купец по прозвищу Мюльник и сказал: «Нечего давать оправдываться еретикам, вот я благословлю этого польского свистуна»,— и с этими словами он выстрелил и ранил его.

Старый изменник Шуйский разъезжал по Кремлю и без стеснения кричал черни, чтобы они потешились над вором. Тогда каждому захотелось проникнуть в покои, чтобы поглумиться над раненым Димитрием. Но там места больше не было, поэтому они столпились снаружи и спрашивали: «Что хорошего сказал польский скоморох?» А те отвечали: «Признался, что он не истинный Димитрий» (чего он, однако, не делал, а говорил, что он сын Ивана Васильевича).

Тогда они завопили во все горло свое: «Распните его», «Бей его! Не оставляйте его в живых» и т. п. Князья и бояре выхватили свои сабли и ножи, один ударил его по голове спереди, другой, наоборот, сзади опять по тому же месту, так что у него выпал из головы кусок шириною в три пальца и остался висеть на одной только коже, третий рубанул ему по руке, четвертый по ноге, пятый проткнул ему насквозь живот. Другие вытащили его за ноги из палат на то же крыльцо, на котором был заколот и сброшен вниз его верный рыцарь Петр Басманов (как рассказывалось выше), а отсюда они сбросили его вниз, приговаривая: «Вы были дружными братьями в жизни, так не отличайтесь друг от друга и в смерти».

Так внизу в грязи валялся гордый и отважный герой, который еще вчера восседал в большом почете и своею храбростью прославился во всем свете. Так свадебное ликование на девятый день после бракосочетания превратилось для жениха, для невесты и для всех свадебных гостей в великое горе. Поэтому всякому следует остерегаться ездить на такие свадьбы, как московская и парижская. Этот Димитрий царствовал без трех дней 11 месяцев.

ГЛАВА V Как поступили с сандомирским воеводой и с поляками после убийства царя

Двор, где остановился господин воевода сандомирский со своими слугами и гайдуками, находившийся в Кремле, поблизости от царских палат и от патриаршего дома, окружили со всех сторон много сотен московитов. К воротам подвезли даже несколько пушек, и все так охранялось, что ни одна собака, не говоря уже о человеке, и то не смогла бы оттуда выйти, пока длился мятеж. Воевода не мог вызволить своего зятя, царя, но был готов защищаться, если бы московиты задумали напасть на него.

Все музыканты, певцы и инструменталисты, мальчики, юноши и взрослые мужчины, помещенные на монастырском дворе в Кремле, были убиты первыми вслед за царем и Басмановым, сто безвинных, искусных и честных душ. После них пришел черед пострадать полякам в Китай-городе и в Белом городе. Некоторые из них залезли и заползли на чердаки, другие — в развалины и в погреба, часть зарылась в солому, другая — в навоз. Как в одних рубахах повыскакивали из постелей, так и попрятались, но все-таки их нашли, одних забили насмерть дубинами, другим саблями перерубили шеи. Женщин и девиц забрали.

Брат царицы, пан староста, со своими людьми и находившимися близ него польскими дворянами, крепко держался в Валашском доме, против Литейного двора, храбро оборонялся, и многим московитам пришлось у этого двора вылететь из седла и протянуть ноги на земле. В это же время хорошо оборонялись царицын зять и польские послы, жившие в доме, где умер блаженной памяти его княжеское высочество герцог Иоганн, брат его королевского величества короля датского и пр. Всего там было 700 человек, и они угрожали, что станут метать огонь в город, подожгут свой дом, сядут на коней и будут защищаться до последнего человека, если русские клятвенно не обещают оставить их в живых. Подобным же образом поступили старые польские конники Димитрия на своем дворе. Они держались так крепко, что ни один московит не смог к ним прорваться. Московиты подтащили к дому пушки и стали угрожать разнести дом до основания, если они не сдадутся добром, и дали два выстрела по двору брата царицы.

Тогда поляки запросили мира при условии, что московиты поклянутся не посягать на их жизнь и имущество. Московиты поклялись своим Николаем и распятием. Но поляки не поверили им, потребовали к себе знатных вельмож. Тогда пришел старый предатель Шуйский со своими приспешниками, и они поклялись, что не причинят полякам никакой обиды, пусть только несколько дней спокойно посидят дома и не выходят на люди, так как жители очень озлоблены против поляков из-за своевольства и насилия, учиненного ими над московитскими женами и детьми. Такая же милость выпала и другим полякам, сплотившимся на больших дворах. Те же, которые находились на маленьких дворах примерно по 8, 10 или 12 человек, все были перебиты, как собаки, без всякой жалости.

Несколько поляков успели вскочить на коней и уехать из Москвы в надежде найти прибежище в Немецкой слободе у тамошних немцев. Но по дороге они попали к дурным, бессовестным немцам, которые, заслужив виселицу и

четвертование в Лифляндии и Германии, тут, в России, переменили веру, стали мамелюками и христопродавцами и поэтому были скорее русскими, чем немцами, отчего Димитрий и не счел их достойными служить в его охране. Он говорил, что раз они не остались верны господу Богу, который дал им тело и душу, так уж тем более они не будут верны ему. Поэтому они ненавидели Димитрия и его поляков и еще более злобились на них, чем сами исконные московиты. Бедняги поляки ушли от медведей и попали в пасть ко львам. Эти архиплуты отняли у них коней, сняли одежду, убили их и бросили в речку Яузу.

Эта дьявольская охота с душегубством и убийством длилась с 3 часов дня до 10-ти, были убиты и зарублены 2135 поляков, среди них много достойных студентов, немецких ювелиров и купцов из Аусбурга, имевших при себе много добра и золота. Всех раздевали донага, выбрасывали, как падаль на улицу, так что их пожирали собаки, а русские знахари вырезали жир из их трупов. Так они лежали под открытым небом, пока на третий день убийца Шуйский не приказал увезти их и похоронить в Божьем доме.

Этот день, 17 мая, будут помнить, пока существует мир. Это был горестный и страшный день, в который иноземцы испытали такой страх и ужас, что всего в точности даже и рассказать невозможно, а уж тем более вряд ли поверит тот, кто про это прочтет или услышит. Шесть часов подряд ничего иного слышно не было, кроме набата, стрельбы, ударов топора, стука копыт. Московиты кричали и вопили: секи, секи их, таких-сяких. Милосердия к полякам безжалостные русские не знали, не помогали ни просьбы, ни мольбы, ни обещания, ни уговоры.

Один благородный, достойный дворянин как выскочил в рубашке из постели, так и зарылся в погребе в песок, взяв с собой в кошельке 100 дукатов. Русские его нашли, когда искали, не зарыли ли чего поляки. Он добровольно отдал им 100 дукатов, просил сохранить ему жизнь и взять его в плен, говорил, что он ни перед кем не грешен, ни перед царем, ни перед кем из вельмож, а если они его и кормили, то у него в Польше достаточно имущества, чтобы оплатить это, пусть его отведут в Кремль к вельможам, и там он оправдается. Как этот бедняга сокрушался, какой у него был несчастный вид, как тяжко он вздыхал, увидев, что все его слуги, зверски порубленные, валяются перед воротами, когда его повели по их телам, я сам видел собственными глазами.

Какой-то московит зашел с другой улицы на эту и, увидев, что ведут связанного польского дворянина, закричал: «Руби, руби его, сукина сына». Тот склонился чуть не до земли перед убийцей и стал молить его так, что даже камень в земле смягчился бы,

Бога ради сохранить ему жизнь. Так как это не помогло, он стал просить Христа ради, потом ради Николая и пречистой девы Марии, но мольбы его все равно не были услышаны.

Убийца замахнулся на него. Он вырвался от тех, кто его вел, отскочил назад, низко склонился перед ними и сказал: «Ах! Вы, московиты, именуете себя христианами, где же ваше христианское сострадание и милосердие? Пощадите же меня ради вашей христианской веры и ради моей жены и детей, покинутых в Польше». Но его просьбы и мольбы были тщетны. Убийца рассек ему подплечье, так что из раны длинною в пядь со всех сторон полилась кровь. Несчастный все же побежал еще дальше, думая спасти свою жизнь. Но на этот новый шум в ту улицу прибежали еще и другие убийцы, они так обласкали его саблями, что он упал на землю и жалостным образом испустил дух. Тогда негодяи стали ссориться из-за окровавленной рубашки и портков.

Так этот бедный дворянин лишился не только своего добра и одежды, золота и серебра, слуг, лошадей, ружей и пищалей, но и жизни, что, конечно, было прискорбно для его близких в Польше, точно так же как и для многих сотен других жен и детей, братьев, родных и друзей, которые потеряли своих близких. Этот день был для всех иноземцев несчастливым, злополучным и печальным.

Иноземцы теряли, а коренные жители приобретали. Какой-нибудь голодранец тащил в свой дом доставшиеся ему в добычу бархатные и шелковые платья, собольи и лисьи меха, золотые цепи, кольца, ковры, золото и серебро, чего ни он, ни его предки никогда не имели. В этот день слышно было неимоверно много хвастовства и похвальбы. Говорили между собою: «Наш московитский народ очень могуч, весь мир его не одолеет. Не счесть у нас народу. Все должны перед нами склоняться». Да, любимые московиты, когда вас сто против одного безоружного, то вы отважные герои, да когда вы к тому же нападаете на спящих, а не то, пожалуй, плохо обстояло бы с вашим могуществом, сколько бы сот тысяч вас ни было.

После 10 часов трагедия была окончена, и с оставшимися еще в живых поляками был заключен мир. Во всей Москве стало тихо, и иноземцы немного вздохнули. Подобно этому, когда рев и завывание бури и огромные морские волны утихают и наступает совсем тихая, ясная погода, моряки становятся веселее и радостнее, чем они были во время бури, потому что они остались целы. Такая же радость была и у нас, когда мы узнали, что со злодействами и убийствами покончено, а мы остались живы в бунте и мятеже столь многих сотен тысяч людей.

ГЛАВА VI Что учинили московиты с царицей и ее отцом

После того как мятеж утих, изменническая шайка князей и бояр собралась перед царицыными покоями и велела сказать ей, что хоть они и хорошо знают, что она дочь знатного человека, но она лучше знает, кто и кем был тот обманщик и вор, который выдавал себя за Димитрия и наследника царства русского, ибо она зналась с ним еще в Польше. Если она хочет, чтобы ее отпустили и отправили к отцу, то пусть она отдаст все, что вор украл из казны и послал в Польшу или же дал ей здесь.

Она отдала им не только свои платья и украшения, драгоценные камни и все, что у нее было, но даже сняла с себя платье, оставив на себе только спальный халат, и попросила, тобы они все это взяли, а ее с миром отпустили к отцу, она оплатит также и все, что она проела со своими людьми. Русские ответили, что они говорят не о том, что она проела, а о том, чтобы она вернула 40000 и 15000 рублей деньгами, которые вор послал ей вместе с другими ценными вещами и украшениями, и только после этого, а не иначе, ей разрешат уйти к отцу.

Царица сказала, что все это— и еще столько же своих денег — она, из уважения ко всем московитам и к их государю, истратила на путешествие, а то, что у нее еще оставалось в ее покоях, они ведь забрали и получили обратно. Она попросила еще, чтобы к ней был допущен один из слуг ее отца, и тогда они с отцом доставят все, что будет в их силах, а остальное будет прислано из Польши после того, как ее отпустят из России. Тогда одному из слуг ее отца было дозволено входить и выходить и передавать вести.

Отец попросил, чтобы вельможи пришли к нему, обратился к ним и сказал: «Господа! Вы не хотите отпустить ко мне мою дочь, если она не выложит вам 55000 рублей, которые Димитрий, ваш царь, послал ей, чтобы она могла достойно его и всего государства снарядиться в путь; да еще столько же стоило снаряжение моей дочери и мне самому. Ведь все это вы уже взяли обратно, поубивали людей и ограбили их, да еще смеете опять требовать от нас денег. Вот у меня есть,— сказал он,— при себе еще деньги на расходы. Я по-честному взял их из моей собственной казны и привез из Польши, вот они 60000 рейхсталеров и 20000 польских серебряных монет в 3 гроша каждая; если вы отпустите за это меня, мою дочь и всех наших остальных людей, то все это я отдам вам, а остальное пришлю потом».

Русские ответили: «Отпускать тебя с твоими людьми еще слишком рано, если же ты хочешь, чтобы твоя дочь была с тобою, то отдай нам 80 000 талеров в нашу казну, и тогда мы тебе ее доставим». Бедняга сказал: «Что ж поделаешь! Я свою дочь не покину, а в остальном пусть будет со мной, что господу Богу угодно. Вот деньги, приведите ко мне мою дочь с ее гофмейстериной и дамами».

После этого царица и гофмейстерина были доставлены к воротам отцовского двора, но внутрь их не пустили, прежде чем отец не выслал за ворота 80 000 талеров. Они забрали деньги и впустили царицу к ее отцу, а он сказал московитам с горькими слезами и тяжкими сетованиями: «Вы поступили с нами не так, как поступают честные люди; вы говорите, что мой покойный зять не был Димитрием, сыном Ивана Васильевича, и все же вы приняли его год тому назад, когда он с немногими людьми пришел в вашу землю из Польши. Вас много тысяч отпало от вашего Бориса, перешло к нему, приняло и признало его своим истинным царевичем и государем, благодаря чему и мы, поляки, имели основания верить, что он истинный наследный государь. Ради него вы лишили жизни Бориса Федоровича Годунова и искоренили весь род Годуновых. Вы короновали его своим государем и даже благодарили нас через посла вашей державы, что мы его так добросовестно сохранили, хорошо воспитали и помогли ему встать на ноги. Документ, в котором вы все приложением руки и печати удостоверяете, что он законный наследный государь Московской земли, и просите, чтобы мы согласились дать ему в жены и отпустили к нему нашу возлюбленную дочь, находится у нас в Польше, и всего этого вы никак не можете отрицать. Мы не навязывали нашу дочь вашему государю, он же через вас, князей и бояр, весьма настойчиво добивался ее и сватался к ней. Мы не хотели давать своего согласия, не получив прежде согласия всего вашего государства, а также свидетельства, что он истинный наследник престола. Вы доставили таковое нам в Польшу, и оно в полной сохранности лежит и по сей день у его королевского величества. То же самое засвидетельствовали также и ваши послы перед нашим королем в Польше. Как же вы теперь смеете говорить, что он им не был? Как вам не совестно жаловаться на нас, поляков, что будто бы мы вас обманули? Мы, будучи честными людьми, слишком положились на ваши слова, грамоты и печати, да и на ваши клятвы и целования креста; вы нас, а не мы вас обманули. Мы приехали к вам как друзья, а вы поступили с нами как злейшие враги. Мы жили среди вас без лукавства, чему свидетельством то, что мы поселились не все вместе, а жили врозь, кто здесь, кто там, один

тут, на этой улице, другой там, на другой улице и т. д., чего мы, конечно, не сделали бы, если бы таили какой-либо злой умысел против вас, русских. Вы же подстерегали нас, как коварные убийцы, устами нас приветствовали, а в душе проклинали, что теперь, помилуй господи, воочию видно и что во всем Польском государстве сотни покинутых вдов и сирот, опечаленных родителей и родственников, которых вы создали этими убийствами, будут оплакивать, непрестанно вздыхая и денно и нощно воссылая свои жалобы к господу Богу на небесах. Как оправдаетесь вы перед вечностью в таком злом деянии, в столь ужасных убийствах? А если мой покойный зять и не был законным государем и наследником престола, а мы можем на основании ваших посланий и грамот утверждать обратное, то чем же провинились сто человек невинных музыкантов? Чем погрешили против вас ювелиры и купцы, которые у вас ничего не отняли, а привезли вам хорошие товары? Какой вред причинили вам другие безвинные люди, среди них женщины и девицы, с которыми вы так дурно поступили? Если бы мы питали к вам вражду, мы приехали бы к вам, которых 100 000, не с тремя или четырьмя тысячами человек, а могли бы взять с собой в вашу страну значительное войско. Мы с дружескими чувствами приехали к вам на свадьбу, а у вас нашим пришлось обожраться смертью, выблевать душу да еще отдать все грабителям. Неужели вы думаете, что господь на небесах не накажет вас и всех ваших за это убийство? О нет, нет, невинная кровь будет взывать к Богу. Плач удрученных вдов, сирот и родных прекратится не раньше, чем господь увидит, рассудит и покарает, можете этому смело поверить. Если вы хотите нас полностью пожрать и поглотить, то вы вольны это сделать, Бог нас рассудит. Мы с чистой совестью уповаем на Бога, ибо ни единой злой мысли против вас мы не таили». Ответ московских князей и бояр: «Ты, господин воевода, не виноват, мы, бояре и князья, тоже не виноваты, а виноваты твои своевольные поляки, которые позорили русских женщин и детей, насильничали на улицах, били, ругали и грозились убить русских и этим возмутили всех жителей города. Кто может противостоять сотням тысяч, раз уж они пришли в движение,— это во-первых. Во-вторых, и твой убитый зять сам подал много поводов, послуживших к его гибели. Он пренебрег нашими нравами, обычаями, богослужениями и даже нами самими. Он предпочитал нам любого иноземца, вопреки своим обещаниям и присяге. Ведь земля Московская — это наша земля, мы ее ему вверили, он должен был быть благодарен и понимать, до какого почета и какого величия мы его вознесли. Он должен был держаться больше нашего народа, чем чужеземцев, тогда бы весь

свет несомненно почитал бы его за Димитрия, несмотря на то что он им не был. Он же сам хорошо знал, что он не Димитрий, а то, что мы его приняли, произошло потому, что мы хотели свергнуть Бориса, мы полагали, что с его помощью улучшим свои дела, но жестоко обманулись и даже, напротив, сделали себе много хуже. Он жрал телятину, держал себя как язычник и, в конце концов, заставил бы нас делать то, что нам совсем не по нраву. Поэтому мы предупредили все это, и если бы он не был убит, мы его все равно уничтожили бы. Что касается безвинных музыкантов и других людей, которые при этом тоже лишились жизни, то нам хотелось бы, чтобы они были живы, но ничего не поделаешь. Это произошло во время мятежа ожесточенного народа, и при таком возмущении невозможно было противостоять сотням тысяч человек, ни тем более противоречить им. Горничные твоей дочери не пропали, они у наших жен и дочерей, им даже лучше, чем твоей дочери. Но если ты хочешь, их могут привести к тебе в любой день. Если ты дашь нам клятву, что ни ты, ни все твои близкие, ни кто-либо от вашего имени не станет ни сам, ни через других мстить нам и нашему государству за эти обиды,— это во-первых; во-вторых, что ты добьешься, чтобы твой король не поссорился с нами из-за убийства его людей во время мятежа; в-третьих, что ты вернешь деньги, которых недостает до 55 000 руб., и все то, что, как тебе известно, Димитрий послал твоей дочери; мы этого сейчас не нашли в ее казне,— если ты дашь нам эту клятву, то тогда ты будешь отпущен, если же нет, то у нас есть так много тюрем, что даже если бы вас было еще столько же, мы все же вполне смогли бы посадить вас под замок. Решай посему».

Возражение воеводы: «То, что возлюбленной моей дочери как своей милой невесте послал в подарок мой покойный любезный зять, все это она привезла сюда, и все это вместе со всем, что мы дали ей в приданое, теперь разграблено, а она приведена ко мне в одном спальном халате. Вам всем лучше, чем нам, известно, куда во время беспорядков (когда вы, князья и бояре, похитили у нее ее девушек) все подевалось и куда пропало, поэтому нас немало удивляют ваши безбожные притязания, поскольку вы все разграбили и от нас же, ограбленных, смеете требовать еще чего-то. Из 80 000 талеров, которые мы, скорбя о нашей дочери, вынуждены были дать вам, вы ни на копейку не имеете права, это наше в поте лица и честно приобретенное имущество, а из вашей казны там нет ни полушки, большим мы не располагаем. За безбожное насилие и неслыханные обиды, которым вы подвергли нас и наших, мы поклянемся не мстить и клятву сдержим, мы не дадим мстить нашим, а предоставим это тому, кто сказал: «Мне

отмщение, и аз воздам». Пусть он рассудит и отомстит. За его величество короля польского и пр., моего милостивейшего государя и короля, я давать обещаний не могу, не зная, сумею ли сдержать их. Большинство убитых были подданными его королевского величества, их смерть он примет близко к сердцу, когда узнает, что с ними поступили так бесчеловечно. Его королевское величество — мой единственный государь, так что мне не приличествует брать на себя здесь от его имени обязательства, поэтому не требуйте от меня невозможного».

Ответ московитов: «Так как ты не хочешь или не можешь этого выполнить, придется тебе со всеми поляками оставаться у нас под стражей до тех пор, пока мы не увидим, как у нас пойдут дела с вашим королем, и пока ты нам не возместишь того, чего недостает в нашей казне, а также и того, что было израсходовано за все время войны с твоим зятем, если же нет, то все вы останетесь здесь в нашей власти».

Воевода сказал: «На что будет воля господня, то пусть со мной и произойдет, все, и мой крест и мое счастье, исходит только от него, я терпеливо снесу все, что он мне определит. Предел, до которого вы можете мне вредить, уже поставлен. Делайте все, что Бог мне предназначил и что он дозволит вам сделать, большего вы ни мне, ни моим близким причинить не сможете».

После этого, в конце мая, все они были высланы из Москвы, за исключением королевского посла. Некоторые из них были заточены в тюрьму в Ярославле, а господин воевода и царица вместе с братом и родственниками были там же, в Ярославле, заточены в одном дворе и так охранялись днем и ночью, что никто не мог и не смел входить к ним или выходить от них, разве что позволят московиты. Часть поляков препроводили в Ростов, часть в Галич, некоторых в Кострому, Белоозеро, Каргополь и Вологду. Было дано распоряжение содержать их там на воде и на хлебе. Польские вельможи вынуждены были продавать за полцены серебряные украшения и то, что еще уцелело у них во время мятежа. Этим они продержались, пока Господь Бог не пожелал, чтобы Димитрий второй чудесным образом освободил их.

ГЛАВА VII Что сталось с убитым Димитрием и его рыцарем господином Петром Федоровичем Басмановым, а также с 2135 поляками, и о происходивших чудесах, когда везли тело Димитрия

Выше было рассказано, как господин Басманов был заколот и сброшен вниз с крыльца. Затем — как русские в течение 6 часов во все колокола били тревогу и неистовствовали, сколько они убили поляков и т. д. Далее повествуется о том, как поступили с мертвыми телами. Тела поляков целых два дня и две ночи валялись нагими на тех улицах, куда их всех сволокли, под конец собаки пообъели их, а знахари стали вырезать у них жир. Тогда вельможи и бояре приказали прислать возчиков, собрать трупы со всех улиц, отвезти и бросить их в Божий дом. Конец этих людей совсем не соответствовал началу; начало было слишком блестящим, а конец слишком печальным, бедственным, жалким.

Тела Димитрия и его верного рыцаря Басманова были признаны недостойными лежать в Кремле до вечерни, и вскоре после окончания мятежа их раздели донага, к [...], а также к ногам привязали веревку из мочалы, вытащили обоих из Кремля через Иерусалимские ворота и оставили их лежать посреди базара около лавок. Затем туда были принесены стол и скамья, царя положили на стол, а Басманова поперек на скамью перед столом, так что ноги царя лежали на груди Басманова.

Из Кремля приехал боярин с маской и волынкой, маску он положил царю на живот у стыдного места, а дуду от волынки воткнул ему в рот, положив ему меха на грудь, и сказал: <Ты, сукин сын и обманщик земли нашей, достаточно долго заставлял нас свистеть для тебя, посвисти же разок теперь и ты для нас». Другие бояре и купцы, которые пришли посмотреть на него, били по трупу кнутами и говорили: «Как ты опорожнил и истощил нашу казну!» Московитскне женщины, большей частью из простого народа, тоже протолкались к нему и столь непристойно выражались о его стыдном месте и о его царице, что писать об этом не подобает.

Князь Иван Голицын, сводный брат господина Басманова, добился от других князей и бояр такой милости, что ему разрешили увезти и похоронить брата, который и был погребен 18 мая у церкви своего брата, близ Английского подворья. Димитрий, царь, валялся на вышеназванном месте три дня и три ночи и подвергался ужасному поруганию со стороны всех русских.

О чудесных знамениях, которые происходили у тела Димитрия

На третью ночь по обеим сторонам стола появились из земли огни. Когда сторожа подходили туда, они исчезали, а когда сторожа удалялись, огни снова загорались, что привело сторожей в ужас, и они донесли об этом знатным вельможам, которые сами пошли туда, подождали там и тоже увидели это и поэтому

распорядились рано утром увезти тело в Божий дом за Серпуховские ворота и там бросить.

Когда тело увозили, поднялась ужасная буря, но не во всем городе, а только в тех местах, где везли покойника, и она сорвала на Кулишке крышу с башни ворот, едва мертвеца через них провезли.

Серпуховские ворота,— а это последние ворота во внешней стене с тремя башнями, средняя из которых чуть выше, чем боковые,— ветер сорвал вместе с деревянной стеной до фундамента и отбросил к самым Яузским воротам.

Четвертое чудо произошло в Божьем доме, куда Димитрия бросили к другим мертвецам. На другое утро он лежал там перед воротами, которые ведь были заперты, а у тела сидели два голубя. Когда кто-либо пытался подойти к ним, они улетали, когда от тела отходили, они прилетали снова. И хотя по распоряжению вельмож тело было снова брошено в яму, которую даже засыпали землей, оно все же пролежало там не дольше чем до 27 мая.

В этот день, 27 мая, тело его оказалось на другом кладбище, расположенном далеко от Божьего дома. Весь город немало перепугался, и высшие и низшие сословия, и все очень дивились, что с мертвым телом происходили такие странные вещи. Некоторые говорили: сОн, должно быть, на самом деле не был обыкновенным человеком, раз его тело не остается в земле». Кто-то другой говорил, что это сам дьявол, поэтому он и напускает свои наваждения на христиан. Третий говорил, что он чернокнижник и научился этому искусству у диких лапландцев, ибо те, дав умертвить себя, могут действительно снова ожить, и этому же дьявольскому искусству он тоже, верно, хорошо научился и т. п.; надо бросить поэтому тело в огонь и сжечь его в прах. Это и было сделано 28 мая, а пепел был развеян по ветру, так что ничего не осталось. И хотя поляки в первый же день мятежа распространили слух, что убитый был не царь Димитрий, а один похожий на него немец, но это все только сказки и выдумки для того, чтобы при помощи их поднести русским снова что-либо новенькое, как это потом будет рассказано о Димитрии втором.

Я его очень хорошо знал, когда он еще был жив, видел его после того, как он был убит. Это, конечно, был тот же, который сидел на троне, царствовал, женился, справил свадьбу и т. д. Его убили, и он мертв, сожжен в пепел и прах, и на этом свете его не увидят. И сколько бы других Димитриев после него ни объявлялось, они все будут мошенники и обманщики и не достигнут такого величия, каким обладал убитый.

В этом покойном государе был героический, мужественный дух и проявлялись многие хорошие, достойные похвалы добродетели, но у него были также и пороки, а именно: беспечность и тщеславие, из-за чего, без сомнения, благой Бог и наложил на него эту кару. Беспечность приняла у него такие размеры, что он даже гневался на тех, кто говорил об измене московитов и о том, что они намереваются убить его вместе с поляками. Тщеславие ежедневно возрастало и у него, и у его царицы, оно проявлялось не только в том, что во всякой роскоши и пышности они превзошли всех других бывших царей, но он приказал даже именовать себя «царем всех царей».

Его копейщики и алебардники, приветствуя его и его царицу, когда они проходили мимо, должны были уже не только делать поясной поклон и сгибать колени, а обязаны были вставать на одно колено, что даже для всеблагого Бога (которому единственно надлежит воздавать такую почесть) не так уже часто делается людьми. Поэтому тот, кто глаголет в книге пророка Исайи, 45: «Надменных земли унижу»,— низвергнул его и уничтожил.

Эту неподобающую надменность часто вспоминала потом в заключении его овдовевшая царица и тяжко скорбела о том, что никогда всем сердцем не была благодарна господу Богу за такую милость, что он ее, всего только дочь воеводы, возвысил до такого брака и удостоил стать царицей в столь могущественной монархии. Она говорила, что они с покойным супругом слишком возгордились своим саном и тем тяжко согрешили против господа Бога, почему на нее и на ее супруга столь быстро и незамедлительно обрушилась такая страшная кара, и что она дала обет, если Бог снова поможет ей в этой беде, никогда больше не проявлять высокомерия. Господь праведный да свершит это да смилуется над ней и избавит ее во имя спасителя от всех ее горестей и несчастий, в которых я оставил ее позже, в 1611 году, в городе Калуге, напрявляясь в лагерь к его королевскому величеству королю польскому и пр. под Смоленск. Аминь, Аминь, Аминь.

В это трагическое зерцало должны по справедливости хорошенько поглядеться все властители и государи, если что-либо подобное начинается и у них, то вовремя прекратить это, дабы не давать благому Богу повода тоже обрушить на них свой гнев, ибо сказано: «Что случилось с одним, может случиться с многими. Одинаковые причины порождают одинаковые следствия».

Во-первых, все большие начальники и властители должны хорошо запомнить, что их сословие ненавистно дьяволу и все, что

ему самому не удается сотворить с ними, он препоручает сделать и совершить своим орудиям — изменникам и мятежникам. Поэтому они не должны жить так распущенно и беспечно и проводить время неподобающе (что, увы, наблюдается у очень многих), как будто бы на свете нет больше ни дьявола, ни злодеев. Ах, нет, нет! Дьяволы сейчас все на свободе и стараются вовсю, особенно потому, что они знают, как мало у них осталось времени. Они пытаются всякими способами расшатать и опрокинуть установленный Богом порядок в государственном управлении, в церковных делах и в хозяйстве. Надежных людей теперь тоже немного найдешь, «не стало праведников» и т. д., глаголет пророк; поэтому всем правителям следует устремлять свои взоры к небесам и ревностно молиться, чтобы Бог со своими Рафаилом и Михаилом, Гавриилом и др. не покидал их на всех путях и перепутьях, не допускал бы до них мерзкого дьявола и его орудий, охранял их от всякого несчастья и даровал им счастье и благословение в их царствовании.

Во-вторых, хотя Бог благой и дозволяет большим властителям, как своим посланникам и наместникам, держаться перед другими властно и величественно, они все же должны умерять себя в этом и избегать неподобающей надменности, не принимать почестей, которые подобают одному только Господу Богу, не заставлять своих подданных воздавать их царю. Бог не может и не станет терпеть этого. Свои почести он не уступит никому и не замедлит унизить подобных честолюбцев. Как говорит один поэт: «Всё высокое спокойно препоручается божественному попечению».

Какое множество примеров подтверждает это: Навуходоносора, Павсания, Красса, Помпея, Дионисия, Ирода, Агриппы и т. д., а затем также и этого храброго героя Димитрия русского, с которым господь сыграл свое суровое: «Сверг надменных с их престола». Ибо сказано: «И высокопоставленным отказано в прочности положения». Кто превознесется, тот вскоре будет унижен, и еще сказано у сына Сирахова, гл. 10: «Начало греха — гордость, и облада-емый ею изрыгает мерзости». Господь всегда посрамляет гордых и, в конце концов, низвергает их. Поэтому для властителей, а также для других высокопоставленных особ нет ничего более превосходного и похвального, чем воспитывать в себе смирение и постоянно помнить о словах, которые мудрый Симонид сказал Павсанию: «Помни, что ты человек». Тогда неподобающее тщеславие не вселится в них.

В-третьих, властители и вельможи не должны оказывать неуместную милость и милосердие явным и уличенным

преступникам, дабы этим не дать повода к еще большему несчастью и вреду и не сделаться соучастниками чужих грехов.

Бог повелел им не смотреть сквозь пальцы на преступников, а вывести злых из Израиля. Их глаза не должны щадить зло, и тогда они будут благоденствовать. Они — слуги и мстители господни, которым поручено карать того, кто творит зло, поэтому они не должны носить меч праздно или от скуки, тем паче не должны носить вместо него мягкую метелку и легонько проводить ею по преступникам, такой нерадивостью раскрывая двери и окна злодеям, чтобы они умножали свои греховные деяния, ибо этим они так прогневят Господа Бога, что он возьмет у них меч и отдаст его другому, опустив его сперва на них, а затем и на других для вящего наказания за их нерадивость, как это по справедливости действительно испытал на себе, к сожалению, и этот храбрый герой Димитрий. Он подарил жизнь предавшему его Василию Шуйскому, который уже лежал на плахе и должен был быть казнен и который был истинным предводителем, зачинщиком и подстрекателем всей этой шайки изменников, а тот отнюдь не исправился от этой неуместной милости, а стал еще хуже, возбудил и поднял весь народ на столь страшное возмущение и убийство (как рассказано выше), что царь, который незадолго до этого подарил ему жизнь, теперь вместе с тысячами людей лишился жизни и всего, что он имел. Поистине это называется: сСвоего спасителя повесить на перекладине».

Если бы Димитрий применил меч против изменника и мятежника Шуйского и без милосердия дал волю своему справедливому гневу, как поступил царь Давид с мятежником Савеем, то не произошло бы этого ужасающего убийства, горя и несчастья с ним и со всеми его близкими, как это, к несчастью, случилось и последовало за столь неуместной милостью и длится посейчас, и один Бог знает, когда этому будет конец.

Я уж не буду говорить, как же Димитрий оправдается перед Богом в тот великий день, когда с него спросится за его собственную жизнь и за жизнь других убитых, загубленных его попустительством и нерадивостью в наказании. Если бы Клаус Дурак дожил до этих московских событий, то он вынес бы такой же приговор, какой уже выносил и раньше: с Димитрия в тот день спросится не только за его жизнь, но и за жизнь всех, кто был убит вместе с ним во время мятежа, а также и за тех, кого и теперь убивают в России, поскольку причиной этого кровопролития и последовавшей за тем войны была только его беспечность и то, что он не отрубил голову предателю Шуйскому.

Поэтому пусть все могущественные властители и начальники увидят в прискорбной кончине этого Димитрия предостережение

себе и повинуются велению господню свывести злых из Израиля» по примеру Давида, который говорит в 101 псалме: сПоутру поражаю грешников», сС раннего утра буду истреблять всех нечестивцев земли, дабы искоренить из града господня всех, делающих беззаконие»,— а также примеру Стефана Батория, короля польского, который и слушать не хотел, когда его упрашивали помиловать изобличенного предателя, а говорил: «Мертвый пес не кусает»,— и еще: «Да свершится правосудие, да погибнет мир»,— и всегда приказывал казнить их. Ведь обычно бывает так, что если кто-либо один раз учинит пакость, то на этом не остановится, а совершит после этого что-либо еще более тяжкое и дурное. Поэтому государи должны заранее остерегаться, тогда у них будет покой и чистая совесть и им не придется быть соучастниками чужих грехов.

ГЛАВА VIII Подлинное сообщение, что этот Димитрий был вовсе не сыном тирана Ивана Васильевича, а чужеземцем

Так как о Димитрии всегда думали по-разному, часть считала, что он прирожденный русский царевич, большинство же говорило, что он чужеземец, то я потратил много труда, чтобы выяснить подлинную и действительную правду.

1. Господина Басманова, который был преданнейшим слугой Димитрия и отдал за него свою жизнь (о чем уже говорилось выше), я однажды, когда он, будучи очень благосклонным и расположенным ко мне, пригласил меня в гости, всячески, но в большей тайне просил и уговаривал открыть мне доверительно правду о нашем милостивом государе: прирожденный ли он наследник или нет? Тогда он доверительно сказал мне следующее: «Вы, немцы, имеете в нем отца и брата. Он вас любит и возвысил вас более, чем кто-либо из прежних царей, и я знаю, что вы верны ему. Молитесь за него, чтобы Бог его сохранил, я тоже это буду делать вместе с вами. Хотя он и не сын царя Ивана Васильевича, все же теперь он наш государь. Мы его приняли и ему присягнули, и лучшего государя на Руси мы никогда не найдем».

2. Так же доверительно один аптекарь, который в течение 40 лет подряд служил сначала старому тирану, потом его сыну Федору Ивановичу, следом за ним Борису Годунову, а теперь этому Димитрию и ежедневно видел в Кремле и хорошо знал царевича Димитрия в юности, сообщил мне и клятвенно утверждал, что этот Димитрий не истинный, ибо истинный был очень похож на свою мать Марию Федоровну Нагую.

3. Подобные же сообщения я получил от одной дворянки, которая за несколько лет до того была из Лифляндии привезена в плен в Россию, а в 1611 году освобождена и, слава Богу, вернулась к своим. Она была повитухой при матери Димитрия и должна была при рождении и воспитании царского младенца днем и ночью оказывать услуги во дворце.

4. После этого убийства я ехал вместе с одним немецким купцом (по имени Бернд Хопер, родом из города Риги) из Москвы в Углич, и, немного не доезжая Углича, мы встретили одного московита, которому было 105 лет и который был в угличском дворце сторожем при молодом Димитрии. Разговорились с ним об убитом Димитрии и после долгой беседы попросили его совершенно доверительно открыть нам, что он думает об убитом государе, сын ли он старого царя или нет, и сказали еще, что мы ни одному человеку не передадим. Он встал, трижды перекрестился на своего Николая и сказал: «Этот убитый государь был отважный герой, он в один год навел страх на всех соседних врагов, и наши московиты плохо сделали, что его убили, ибо они его приняли, посадили на престол и присягнули ему. Если он и поступал в чем-то против наших нравов и обычаев, то подобало изменить это иными способами. Он был разумным государем, но сыном Грозного он не был, ибо тот действительно убит 17 лет тому назад и давно истлел. Я видел его, лежащего мертвым на месте для игр. Прости, Боже, нашим князьям и боярам, которые погубили Бориса Федоровича Годунова и возвели этого на его место. Теперь они пожрали обоих, а как это для них и для нас всех во всей земле нашей обернется — покажет время».

Многие знатные люди сообщали, что он будто был незаконным сыном покойного короля Польши, Стефана Батория. Полководец под Троице-Сергиевским монастырем Иван-Петр-Павел-Сапега, сидя однажды со своими офицерами за столом, превозносил храбрость поляков, «что они не ниже, а даже выше римлян», и среди многого другого сказал он также и следующее: «Мы, поляки, три года тому назад посадили на московский трон государя, который должен был называться Димитрием, сыном тирана, несмотря на то что он им не был. Теперь мы второй раз привели сюда государя и завоевали почти половину страны, и он должен и будет называться Димитрием, даже если русские от этого сойдут с ума: «Нашими силами и нашей вооруженной рукой мы сделаем это». Это я слышал собственными ушами.

К молодому Димитрию в Угличе ни один из знатных князей и бояр не относился хорошо из-за его жестокого нрава, который проявлялся в нем уже с детских лет. А делом простых людей тайное похищение юного государя быть не могло. Московиты,

особенно знатные люди, скорее дали бы своим детям умереть какой угодно смертью, чем добровольно отпустили бы их из своей земли в чужие земли, разве только их принудил бы к этому царь. Они считают одну только свою страну христианской, а остальные страны под солнцем считают языческими, где, по их мнению, люди не крещены, Бога не имеют, не умеют как следует ни молиться, ни служить Богу, и поэтому они полагают, что их дети навеки погибнут, если умрут на чужой стороне. Если же они умрут на родной земле, то обязательно попадут на небо.

А ведь если бы московиты не побоялись уйти к чужим народам, они с женами и детьми могли бы в этой продолжительной войне спасти и сохранить свою жизнь и свое имущество, но они этого не сделали, а претерпели все, что им определил их Бог Николай. Следовательно, этот Димитрий был не сыном старого Грозного, а чужеземцем и московиты приняли его лишь по той причине, что они хотели свергнуть Бориса Федоровича (которого иначе из-за его большой осторожности не могли одолеть), ради чего они тысячами отпадали от него и переходили к этому Димитрию, при котором они надеялись улучшить свое положение.

ГЛАВА IX и X

О князе Василии Шуйском и Димитрии втором, который хотел свергнуть Шуйского и выдать себя за спасшегося Димитрия и т. д. Также о Сигизмунде III, короле польском и пр., как вмешался он, и о сыне его королевского величества господине Владиславе, как ему были предложены Московская земля и престол

В том же 1606 году, 24 мая,— это был 8-й день после измены и убийства,— князь Василий Шуйский (тот, что прошлой осенью побывал в руках палача, был раздет его подручными и уже положил голову на плаху, ибо ему на месте публичных казней должны были топором запретить заниматься изменами) без ведома и согласия Земского собора, одною только болею жителей Москвы, столь же почтенных его сообщников в убийствах и предательствах, всех этих купцов, пирожников и сапожников и немногих находившихся там князей и бояр, был повенчан на царство патриархом, епископами и попами, и присягнул ему весь город, местные жители и иноземцы. Сразу после этого некоторые из находившихся в Москве вельмож и дьяков были отправлены по стране, чтобы привести к клятве и присяге весь простой народ и все дворянство, все города и общины. Став царем, Шуйский

первым делом отправил посольство к польскому королю и обвинил его величество в том, что не было соблюдено заключенное в свое время перемирие, и присовокупил к этому просьбу прекратить нападения на рубежи и придерживаться добрососедских отношений. При этом он послал королю всевозможные великолепные подарки и подношения и, заметая за собой следы, сообщил его королевскому величеству, как его подданные, люди воеводы сандомирского, издевались над жителями Москвы и тем вызвали мятеж, во время которого было убито столько поляков, но королевскому послу не было причинено никакого зла, ибо он, Шуйский, сам лично его охранял и в будущем отпустит обратно в полном здравии.

Король Сигизмунд III тоже послал новому царю Шуйскому привет и отозвал своего посла, который был отправлен к Димитрию. Касательно убитых его величество отвечал, что поляки свободные люди, они могут ездить и служить, где и кому им вздумается, что они по собственной воле поехали с воеводой сандомирским и его дочерью на свадьбу, и если они там что-то натворили и за это им в свою очередь досталось, то до этого его королевскому величеству дела нет и потому он этим заниматься не станет, а что будут делать родственники убитых, то тут его величество ничего поделать не может. Они, польские вельможи,— вольные люди, если они захотят отомстить, то его величество не может им запретить этого. Присланных подарков его величеству было не надобно, и он отослал их все обратно, требуя только возвращения своего посла, который вскоре после этого и был туда отпущен.

Всех других поляков Шуйский посадил в тюрьмы в разных концах страны и так очистил христианский город Москву от нехристей (как они называют всех иноземцев), что там остались только истинные христиане и благочестивые люди (как же!).

23 июня он выгнал из Москвы четырех докторов медицины, с которыми много общались поляки Димитрия и люди воеводы сандомирского, потому что он им уже не доверял. Пятого доктора, Давида Фасмара из Любека, который всегда жил уединенно и тихо и с теми поляками никаких особых дел не имел, он оставил своим лекарем. Так как в это время широко распространилась выдумка о спасении Димитрия, московиты были сильно сбиты с толку таким странным известием и скоро перестали уже понимать, во что и кому им верить.

Шуйский, которому это было важнее, чем кому-либо иному, решил вывести русских из заблуждения и поэтому послал 30 июня в Углич вырыть труп настоящего Димитрия, убитого там в детстве, пролежавшего в земле 17 лет и давно истлевшего,

перевезти его в Москву и похоронить в той же церкви, где лежат прежние цари. Сделано это было лишь для того и с той целью, чтобы простонародье узнало и увидело, как дерзко оно было обмануто Димитрием, а теперь снова может дать себя обмануть второму появившемуся Димитрию. А чтобы эта дурацкая затея выглядела как можно лучше, Шуйский приказал сделать новый гроб. Он приказал также убить одного девятилетнего поповича, надеть на него дорогие погребальные одежды, положить в этот гроб и отвезти в Москву. Сам же он вместе со своими князьями, боярами, монахами и попами выехал с крестами и хоругвями встретить тело царя, которое он велел пышной процессией внести в церковь усопших царей. По его повелению было всенародно объявлено, что князь Димитрий, невинно убиенный в юности,— большой святой у Бога, он, мат, пролежал в земле 17 лет, а его тело так же нетленно, как если бы он только вчера умер. И орехи, которые были у него в руке на площадке для игр, когда его убили, еще тоже не сгнили и не протухли, точно так же и гроб не попорчен землей и сохранился как новый. Кто желает его видеть, пусть сходит в царскую церковь, где он поставлен; церковь всегда будет отперта, чтобы каждый мог туда пойти и поглядеть на него. Шуйский подкупил нескольких здоровых людей, которые должны были прикинуться больными. Одному велели на четвереньках ползти к телу св. Димитрия, другого повели туда под видом слепца, хотя у него были здоровые глаза и хорошее зрение. Они должны были молить Димитрия об исцелении. Оба, конечно, выздоровели, параличный встал и пошел, слепой прозрел, и они сказали, что им помог св. Димитрий.

Этому поверило глупое простонародье, и такое неслыханное и страшное идолопоклонство началось перед телом, что Господь Бог разгневался и одного человека, представившегося слепым и хотевшего, чтобы св. Димитрий снова сделал его зрячимˆ там же в церкви лишил зрения. Другого, прикинувшегося больным и велевшего нести себя к Димитрию, чтобы найти там помощь, Бог наказал так, что в церкви он умер. Когда это кривляние привело к тому, что даже дети стали замечать, что это только чистый обман и подлог, Шуйский приказал закрыть церковь и никого больше в нее не пускать, объявив, что слишком много людей беспокоило св. Димитрия. Они его рассердили, нужно оставить его на некоторое время в покое и до той поры ему не досаждать, пока он не придет в хорошее расположение духа.

ГЛАВА XI Воровство и выдумка князя Григория Шаховского, которыми он нанес очень большой вред царю Шуйскому

Один именитый князь, по имени Григорий Шаховской, во время мятежа, когда был убит царь Димитрий, похитил золотую государственную печать и бежал по направлению к пограничной крепости Путивль, взяв с собой из Москвы еще двух поляков в русском платье. Под Серпуховом он переправился через реку Оку, дал перевозившему его лодочнику шесть польских гульденов на чай и спросил его, знает ли он их и известно ли ему, кто они такие. Лодочник ответил: «Нет, господин, я вас не знаю». Князь сказал: «Молчи, мужичок, и никому не рассказывай, ты перевез царя всея Руси Димитрия». Указал простодушному мужичку на одного из двух поляков и сказал: «Смотри, вот юный герой, которого наши московиты хотели убить, он от них, слава и благодарение Богу, ушел, мы направляемся в Польшу и приведем оттуда войско; он сделает тебя большим человеком, если Бог поможет нам снова прийти сюда. Пока же довольствуйся этой малостью».

Подобную же выдумку рассказал князь и в городе Серпухове одной немецкой вдове, где они обедали. Он дал ей полную пригоршню золота и сказал: «Ты, немка, довольствуйся этим, приготовь хороший мед и водку, мы, Бог даст, скоро вернемся с большой ратной силой, но вам, немцам, от этого вреда не будет». Женщина спросила: «Господин, что вы за люди? Вы говорите странные вещи». Князь ответил: «Я князь из Москвы и говорю тебе, что сейчас у тебя ел и пил царь Димитрий, которого московиты во время своего мятежа хотели лишить жизни, но он с божьей помощью тайно ушел от них и оставил вместо себя другого, того они схватили и убили. Мы скоро снова будем у вас». После этого они во всю прыть скакали от одного города к другому до самого Путивля, оставляя после себя на всех постоялых дворах это известие, а именно, что Димитрий не убит, а спасся, вследствие чего вся страна от Москвы до польского рубежа поверила, что царь Димитрий и вправду спасся и еще жив. Слух об этом дошел до Москвы, и в простонародье в связи с этим возникли дикие и нелепые мысли.

В Путивле те двое поляков отделились от князя Григория Шаховского, поехали прямо в Польшу, к жене воеводы сандомирского, принесли ей весть об ужасном побоище, которое произошло в Москве, и рассказали, как один московит-ский князь по имени Григорий Шаховской тайком вывел их из Москвы и доставил через всю страну в Путивль и что этот князь намеревается и клянется так отомстить за смерть царя Димитрия, что, пока существует Россия, его соотечественники будут об этом говорить.

Он собирается также написать сюда, в Польшу, сделав вид,

что Димитрий, его государь, добрался до Польши и здесь живет, а они напишут ему отсюда в Путивль, как будто ему отвечает Димитрий. Князь Шаховской собрал в Путивле всех горожан, рассказал им, что московиты хотели расправиться с царем Димитрием, что он тайно сбежал, а его поляков всех убили, что он пробрался в Польшу, к матери своей супруги-польки, воеводше сандомирской, и хочет собрать новую военную силу, чтобы с ней как можно скорее опять пойти в Россию и отомстить своим клятвопреступным московитам. Он повелел ему, Шаховскому, всячески убеждать их, обещая им царскую милость, чтобы они хранили верность Димитрию и помогли ему отомстить московитам за такой позор. Он так отплатит неверным псам, чтобы об этом передавали из поколения в поколение.

Путивляне тотчас же послали в Дикое поле и спешно набрали несколько тысяч полевых казаков, вызвали также всех князей и бояр, живущих в Путивльской области, их тоже было несколько тысяч. Когда эти последние соединились с казаками, над ними был поставлен воевода по имени Истома Пашков. Во имя Димитрия они должны были двигаться дальше, чтобы снова покорить и взять крепости и города, которые отпали от Димитрия во время московского бунта. Но те, узнав, что царь Димитрий не убит, а тайно ушел, жив еще и снарядил это войско, без всякого сопротивления все до самой Москвы добровольно сдались, снова присягнули Димитрию и были очень недовольны теми, кто был виновен в плачевных событиях и ужасных убийствах в Москве.

Новый царь, цареубийца Шуйский, очень испугался при этой вести, спешно призвал всю землю к войне. А чтобы все как можно раньше, скорее и не мешкая явились в стан, он придумал ложь и сказал, что будто крымские татары с войском в 50 000 человек вторглись в страну, уже взяли в плен много тысяч московитов, отвезли их в Татарию и сильно свирепствуют в стране, а поэтому всем надо, не глядя, день или ночь, спешить в Москву, чтобы оказать сопротивление татарам.

В августе этого года войска царя Шуйского подошли к Ельцу, но обнаружили, что там вовсе не татары, а их собственные соотечественники — князья, бояре и казаки, которые сражаются за Димитрия, и те так побили и потеснили их, что им пришлось уйти обратно в Москву. С теми же из них, которые попали в плен, путивляне обращались очень плохо, им пришлось проглотить множество злых насмешек, им говорили: «Вы, сукины дети, москвичи, с вашим Шубником (так они называли цареубийцу Шуйского) хотите убить государя, перебить его людей и напиться царской крови; пейте, мерзавцы, воду и жрите блины, как привыкли. Наш царь сумеет отомстить вам как следует за это

убийство, когда он прибудет из Польши со своим вновь набранным войском».

Некоторых пленников, сильно избив их и до полусмерти исполосовав кнутом, они отпустили и отослали обратно в Москву, где они тоже были плохо приняты своими собственными собратьями, а за вести, которые пришлись не по вкусу Шуйскому и его приверженцам, их бросили в тюрьму, где они умерли и сгнили. Шуйский приказал объявить всем жителям Москвы, какое великое зло причинили России поляки и их поддельный Димитрий, как истощилась казна, сколько пролито христианской крови и как по милости Димитрия столь жалостно погиб бедный государь Борис Федорович Годунов с сыном и женой, как предатели страны снова распространяют слух, что Димитрий будто бежал, а не был убит, но даже если бы было и так (чего на самом деле вовсе нет), то все равно ведь это не Димитрий, сын царя Ивана Васильевича, а обманщик, которого они не хотели принять, чтобы он не ввел в стране поганую веру. А для того чтобы вызвать в народе христианское сострадание, он, Шуйский, приказал три мертвых тела — Бориса, его сына и жены (которые были погребены в бедном монастыре) — снова вынести оттуда, увезти в Троицкий монастырь и там похоронить по царскому чину. Тело Бориса несли 20 монахов, его сына Федора Борисовича — 20 бояр, жены Бориса — также 20 бояр, а за этими тремя телами шли пешком до самых Троицких ворот все монахи, монашки, попы, князья и бояре, здесь они сели на коней, тела приказали положить на сани и сопровождали их в Троицкий монастырь, расположенный в 12 милях от города Москвы. Этот монастырь необычайно могуществен. Ни один знатный вельможа во всей стране не умирает, не отказав туда в своем завещании крупный вклад. Этот монастырь, когда в стране немирно, должен выставлять для царя 20 000 вооруженных всадников.

Дочь Бориса Федоровича, одна только и оставшаяся в живых, которую должен был получить в жены господин брат его величества короля Дании и пр., герцог Иоганн, высокочтимой и блаженной памяти (как говорилось выше), ехала следом за этими тремя телами в санях с пологом, причитала и голосила: «О горе мне, бедной покинутой сироте! Самозванец, который называл себя Димитрием, а на самом деле был только обманщиком, погубил любезного моего батюшку, мою любезную матушку и любезного единственного братца и весь наш род, теперь его самого тоже погубили, и как при жизни, так и в смерти своей он принес много горя всей нашей земле. Осуди его, господи, прокляни его, господи!» Теперь многие стали сильно оплакивать и жалеть Бориса, говоря, что лучше было бы, если бы он жил еще

и царствовал, а эти безбожные люди умышленно и преступно погубили и извели его вместе со всем его родом ради Димитрия. Как говорится: «Не отказывайся от старого друга прежде, чем хорошо не испытаешь нового».

Упоминавшийся выше воевода путивльского войска Истома Пашков продвинулся в августе этого года с имевшимися у него силами ближе к Москве, дошел до Коломенского и снова привел к присяге и к подчинению Димитрию второму многие крепости, города и местечки без всякого с их стороны сопротивления. К Михайлову дню он подошел ближе к Москве и встал лагерем в Котлах, примерно в миле с четвертью от Москвы. От имени своего государя Димитрия он потребовал сдачи города, а также выдачи трех братьев Шуйских, как изменников царю и зачинщиков имевшего место мятежа и страшного убийства. В это время многие из жителей Москвы, как местные, так и иноземцы, считая все уже потерянным, стали тайно уходить из города к врагу.

ГЛАВА XII Об Иване Исаевиче Болотникове, который пришел в Польшу из Венеции, и о том, как в Польше некто, требовавший, чтобы его титуловали Димит-рием и царем России, послал его воевать в Россию

Вскоре после Мартынова дня на помощь путивльскому воеводе Истоме Пашкову пришел через Комарицкую волость на Калугу и затем дальше к Москве на Котлы очень опытный воин Иван Исаевич Болотников. Всю местность, по которой он проходил, он снова привел к присяге собирающемуся прибыть Димитрию и тем изрядно укрепил свое войско.

Этот Болотников по рождению был московит, в юности был захвачен в Диком поле татарами, с которыми московитам ежегодно приходится воевать, и продан в Турцию, где он был прикован на галерах и несколько лет был принужден выполнять тяжелую и грубую работу, пока наконец его не освободили немецкие корабли, одолевшие турок на море, и не отвезли в Венецию, откуда он направился через Германию в Польшу, чтобы разузнать там про удивительные перемены, которые произошли на его родине в его отсутствие.

Как только он услыхал там, что его государь, царь Димитрий, спасся от рук московских убийц, прибыл в Польшу и сейчас, как говорят, находится у сандомирского воеводы, он отправился к нему. После того как тот, кто выдавал себя за Димитрия, тщательно проверил и расспросил его, кто он, откуда он приехал и каковы его дальнейшие намерения, и по его ответам прекрасно

понял, что Болотников — опытный воин, он спросил его, хочет ли он ему служить против своих преступных соотечественников, этих вероломных злодеев. Когда тот ответил, что в любое время готов отдать жизнь за своего наследного государя, мнимый Димитрий сказал ему: «Я не могу сейчас много дать тебе, вот тебе 30 дукатов, сабля и бурка. Довольствуйся на этот раз малым. Поезжай с этим письмом в Путивль к князю Шаховскому. Он выдаст тебе из моей казны достаточно денег и поставит тебя воеводой и начальником над несколькими тысячами воинов. Ты вместо меня пойдешь с ними дальше и, если Бог будет милостив к тебе, попытаешь счастья против моих клятвопреступных подданных. Скажи, что ты меня видел и со мной говорил здесь в Польше, что я таков, каким ты меня сейчас видишь воочию, и что это письмо ты получил из моих собственных рук».

С письмом и с этими вестями Болотников немедля отправился в Путивль, где был принят радушно и благожелательно, и все это побудило и склонило путивлян твердо поверить, что Димитрий, как им уже ранее сообщил князь Григорий, несомненно спасся и еще жив. Они стали еще смелее бороться с клятвопреступниками, проливали свою кровь и теряли свое состояние и имущество ради него, хоть он и вовсе был не истинный, а новый, подставленный поляками Димитрий.

На основании этого письма и этих вестей Болотников был назначен большим воеводой, т. е. старшим военачальником, и послан с 12 000 ратников через Комарицкую волость к Истоме Пашкову под Москву, которую он вскоре осадил и даже добился бы сдачи города, если бы этому не помешало несогласие, начавшееся между обоими воеводами. Произошло это потому, что, придя под Москву, Болотников, как старший военачальник, вместо Димитрия, захотел занять для своего лагеря самое удобное место и потребовал, чтобы он почитался большим начальником, чем Пашков, поскольку этот был поставлен воеводой одним только князем Шаховским, а его, Болотникова, в Польше назначил и поставил в старшие военачальники сам мнимый царь. Поэтому Пашкову пришлось уйти с занятого им места и уступить его Болотникову и его ратным людям.

Так как это бесчестье и позор сильно рассердили Истому, он задумал в свою очередь сыграть шутку с Болотниковым и потому вступил в тайные переговоры с московским врагом, царем Шуйским: получив от него большие подарки золотом и серебром, он сообщил ему, что до настоящего времени еще ни одна живая душа в Путивле Димитрия не видела и о нем знают не более того, что в самом начале сообщил князь Григорий Шаховской, а именно — что он не убит, а тайно ушел и укрылся в Польше и т.

п. Кроме того, Пашков сообщил еще про то, что Болотников рассказывает, как он не только видел Димитрия в Польше и с ним разговаривал, а даже им самим был там назначен старшим военачальником вместо него. Правда ли, что Димитрий бежал и находится в Польше и сам прислал этого Болотникова, назначив его вместо себя, или же поляки и Шаховской выпестовали нового Димитрия, этого он знать не может, но, как сказано, до настоящего времени Димитрия в Московии никто не видел.

Тогда жители города Москвы послали в лагерь к Болотникову такое требование: если тот Димитрий, который прежде был в Москве, жив и находился у него в лагере или где-либо в ином месте, то пусть Болотников покажет его или призовет его к себе, чтобы они увидели его собственными глазами. Если это произойдет, они перед Димитрием смирятся, будут умолять о прощении и милости и сдадутся ему без сопротивления.

Болотников ответил, что Димитрий действительно живет в Польше и скоро будет здесь. Он сказал также: «Я у него был, и он сам лично назначил меня вместо себя старшим военачальником и отправил в Путивль с письменным распоряжением». Московиты сказали: «Это несомненно другой, мы того Димитрия убили»— и стали уговаривать Болотникова, чтобы он перестал проливать невинную кровь и сдался царю Шуйскому, а тот сделает его большим человеком. Болотников ответил: «Этому моему государю я дал нерушимую клятву не жалеть своей жизни ради него, что я и сдержу. Поступайте, как вам кажется лучше, если вы не намерены сдаться добром, я тоже вместо моего государя поступлю так, как мне кажется лучше, и скоро вас навещу».

После этих переговоров Болотников спешно отправил гонца к князю Григорию Шаховскому с сообщением о желании москвичей и с просьбой как можно скорее послать в Польшу к царю Димитрию и приложить все старание, чтобы убедить его не мешкая и как только можно скорее снова вернуться в Россию и заявиться в лагере Болотникова, так как тот довел дело с москвичами до того, что они окончательно решили, как только снова увидят Димитрия, покориться ему, умолять о прощении и милости и сдаться без всякого сопротивления, а посему Димитрий не должен больше набирать ратных людей или приводить их с собой, а должен только сам лично как можно быстрее поспешить сюда, так как дело только за тем, чтобы увидели его особу воочию. Тогда все вскоре образуется, жители Москвы быстро схватят его предателей за загривок и выдадут их ему.

Князь Григорий не стал мешкать, написал и спешно послал в Польшу, но тот, кто по уговору с ним обещал выдать себя за

Димитрия и прикинуться им, не решился на такое хитрое дело, не пожелал стать Димитрием, остался в Польше добрым дворянином и представил кому угодно драться за Московское царство. Так как никакого Димитрия им не показывали, московиты осмелели и стали ежедневно делать вылазки, храбро вступая в схватки.

2 декабря, узнав от лазутчиков, что враг собирается сделать более решительную вылазку, чем это имело место прежде, Болотников послал к Истоме Пашкову сообщение об этом, призывая его выступить со своим войском, чтобы оказать помощь в сопротивлении врагу. Когда же враг вышел из Москвы со 100 000 человек, а Болотников пребывал в надежде, что Истома Пашков, имевший под началом 40 000 человек, окажет ему поддержку, Пашков с этим своим войском действительно подошел, делая вид, что он намеревается не на шутку сразиться с врагом. Болотников смело решился на сражение, имея в распоряжении 60 000 ратников, так как надеялся, что Пашков нападет на врага с другой стороны. Но благородный герой был постыдно обманут, ибо его соратник, Истома Пашков, не только не оказал ему никакой поддержки, а на поле боя перешел с несколькими тысячами человек из числа имевшихся у него людей к неприятелю и очень помог ему, тоже напав на Болотникова, благодаря чему войско Болотникова настолько поредело, что он должен был обратиться в бегство, оставив на разграбление врагу весь свой лагерь со всем, что в нем было, 10 000 казаков из его людей были полностью окружены врагом и, не имея возможности прорваться, вынуждены были сдаться.

В 18 милях от Москвы есть городок по названию Серпухов, в нем Болотников соединился с уцелевшими людьми из своего войска и спросил местных жителей, есть ли у них достаточно запасов, чтобы продолжительное время содержать его и его ратников, тогда он останется у них, чтобы дождаться здесь прибытия Димитрия, если же нет, то ему придется оставить их и двинуться дальше. Жители Серпухова ответили,что им не надолго хватит, чем прокормить самих себя и своих, а не то что его и его ратников. Так как Болотникову опасно было оставаться там дольше, поскольку враг быстро приближался, он направился дальше, в ближайший город с острогом — Калугу. Там его с еще оставшимися у него людьми радушно приняли, и жители сказали, что у них достаточно провианта на продолжительное время не только для себя и своих, но и для него и для всех его людей.

Так как, однако, этот город и острог не были укреплены, Болотников приказал вокруг города и острога, вдоль тына или частокола, который уже стоял там, вырыть с обеих сторон снаружи и изнутри, большие рвы, а землю с обеих сторон

перекидать на частокол, чтобы можно было использовать его как бруствер. Но враг безостановочно шел сюда из Москвы и осадил Болотникова 20 декабря 1606 года в этом городе Калуге (где тогда находился и я, ибо одно из моих поместий было в той же местности, и мне пришлось там остаться). Эта осада длилась до 26 мая 1607 года.

А между тем не появилось никакого Димитрия, который освободил бы нас от осады; не было в Польше никого, кто бы на этот раз захотел рисковать своей жизнью и стать Димитрием. Когда князь Григорий Шаховской увидел теперь, что из Польши никто не хочет браться за это, он придумал новую шутку, чтобы все-таки досадить московитам, даже если Димитрий из Польши не явится. Узнав от полевых казаков, что благочестивый, немудрый государь Федор Иоан-нович, женой которого была сестра Бориса Федоровича Годунова, оставил сына Петра Федоровича (на жизнь которого, когда он был еще ребенком, Борис Годунов тоже посягал), и что этот князь, Петр Федорович, жил в Диком поле и уже собрался было идти к своему родичу Димитрию просить, чтобы он дал ему возможность жить по-княжески, да Димитрия убили — или, как говорят, он скрылся,— князь Шаховской именем Димитрия послал к этому князю, Петру Федоровичу, призывая его приложить все усилия, чтобы спешно набрать как можно больше казаков и прийти с ними в Пу-тивль. Там он помог бы отвоевать свое отечество и удержать его до тех пор, пока его родственник Димитрий не придет сам из Польши со вновь набранным войском и не утихомирит своих врагов, после чего ему, князю Петру, будет пожаловано и отдано лучшее княжество.

В ответ на это указанный князь Петр собрал 10 000 человек, поспешил с ними как только мог быстрее к Путивлю в надежде оказать помощь своему родственнику.

Князь Шаховской поехал с ним собственной персоной, и они явились в Тулу, которая представляет собой превосходную крепость. Помыслы Шаховского были направлены к тому, чтобы, если Бог даст счастья и московиты будут побеждены, а из Польши никто не будет притязать на страну и не станет Димитрием, этот князь Петр тогда бы и стал царем (поскольку он кровный сын Федора Ивановича и потому прирожденный наследник государства). Однако пока еще все должно делаться именем Димитрия, который в действительности умер.

В этом году его княжеская светлость, герцог Карл, прислал из Швеции в Москву к царю Шуйскому посольство, для того чтобы предупредить его об опасности, призвать к тщательной осмотрительности и уведомить, что его княжеской милости

небезызвестно, какие козни готовятся в Польше у короля и в Риме у папы, что он получает ежедневно надежные сведения от обоих и, поскольку его княжеское величество подозревает, что готовится нападение на владения его соседа Шуйского,— а значит, и его, Карла, владения тоже подвергнутся не меньшей опасности,— то поэтому он не только дружески предупреждает своего дорогого соседа, но также обещает, если это ему угодно, направить на благо земли Московской 10 000 человек (либо немцев, либо шведов) к Нарвскому или Новгородскому рубежу, и если они ему нужны, то пусть уж сам и содержит их.

Шуйскому не особенно были нужны и предостережения, и предложенные услуги. Он ответил его княжеской светлости, что до сих пор Россия всегда оборонялась от своих врагов силами своих собственных жителей и никогда не нуждалась в помощи соседей и, надо думать, и впредь сумеет таким же образом защитить себя сама. Но вскоре все обернулось совсем по-другому, а именно так, что Шуйский со всеми жителями земли не смог защитить себя и вытеснить врага из своей страны, и он охотно воспользовался бы предложенной его княжеской светлостью помощью, но так легко (как это было бы тогда) получить ее уже не мог, и ему пришлось затратить много средств и труда, прежде чем он заполучил в страну Понтуса Делагарди. Таким образом, Шуйский понял, что справедливо говорится: «Когда предлагают поросенка — открывай мешок».

В это время один непутевый человек по имени Фридрих Фидлер, родом из Кенигсберга в Пруссии, явился к царю Шуйскому и предложил на благо царя и всей Московской земли пойти к врагу, Ивану Болотникову, чтобы отравить его, если царь Шуйский пожалует его хорошим поместьем и некоторой суммой денег. Шуйский обещал ему дать сначала для выполнения его замысла 1 000 польских флоринов и доброго коня, чтобы с этим он отправился к Болотникову, а в случае, если он выполнит обещанного, пожаловать ему вотчину с 100 крестьянами и 300 флоринов ежегодного жалованья.

Но так как этот Фидлер был очень непутевым человеком и его лукавство было известно многим, Шуйский не захотел ему довериться, прежде чем он (до того, как получит что-либо) не принесет клятву и крепко-накрепко не обязуется действительно выполнить свои обещания и предложения, что этот непутевый человек и сделал, произнеся такую клятву, что у всех присутствующих волосы на голове дыбом встали. Он взял деньги и направился к врагу, но яд ему передал открыто, сказав, что он послан Шуйским, чтобы отравить его, но что он отнюдь не намерен этого делать и потому вручает ему этот яд, пусть он

делает с ним, что угодно. За это он получил от Болотникова большую награду, а душу свою выбросил за окно, чтобы черт ее побрал, если захочет; этой гнусной проделкой он создал в России дурную славу всем немцам, да и самому ему не было добра и счастья от этих иудиных денег, ибо многие из нас могут достоверно рассказать, что вместе с ними у него пропало и все, что он имел другого; лицо его ужасающе обезобразилось, и счастье от него совсем отвернулось, а еще позднее, когда город Тула сдался, он был схвачен Шуйским и сослан в опалу в Сибирь, а вместе с ним и 52 немца (среди которых, к моему большому горю, был и один из моих сыновей) по той причине, что во время осады крепости Тулы они были в ней на стороне Димитрия второго. Да сжалится над ними господь и да вызволит он их оттуда своей всемогущей десницей, на которую я и призываю их уповать во имя Христа. Аминь. Аминь. Аминь.

Сибирь московиты отняли перед тем у сибирских татар, земля эта очень пустынная, но за несколько лет они возвели там три крепости, чтобы преградить татарам и туркам доступ оттуда в Россию. Считается, что от города Москвы туда полных 800 миль, а в Москве говорят, что будет и целых 900.

Клятва гласит так:

«Я, Фридрих Фидлер, клянусь святой и присноправной троицей, предвечным Богом отцом, предвечным Богом сыном, предвечным Богом духом святым, что изведу ядом врага Шуйского и земли Русской Ивана Болотникова. Если же я этого не исполню, а из корысти обману государя моего Шуйского, то пусть я лишусь на веки вечные царствия небесного, пусть предвечный Бог отец вовек не будет ко мне милостив, пусть драгоценное заступничество за меня Бога сына Иисуса Христа, спасителя нашего, будет напрасным и тщетным, пусть дух святой отведет от меня силу и могущество свое и вовек не осенит меня своим утешением, пусть отступятся от меня сподвижники Божий, святые ангелы, охраняющие меня и всех христиан, пусть стихии, сотворенные на пользу мне и всем людям, будут враждебны мне, пусть я провалюсь живым сквозь землю, пусть злаки и пища будут мне не подкреплением, а отравой, и пусть дьявол возьмет мои тело и душу на вечные мучения и странствия, и если я даже в мыслях своих скажу: «Вот я возьму у своего господина деньги и обману его и все-таки не сделаю того, в чем поклялся»,— и пойду к своему духовнику и попрошу отпустить мне этот грех, то пусть ни один слуга Божий на всем свете не сможет дать мне отпущение, которое имело бы силу очистить меня от такого греха, если я не исполню того, что пообещал. Но я исполню все без хитрости, обмана и лукавства и этим ядом изведу и погублю Ивана

Болотникова. Клянусь Богом и святым Евангелием».

Как же велики и неисчерпаемы доброта и долготерпение божие, если он так долго попускает злодеяниям таких ужасающих, преступных и добровольных слуг дьявола, закоренелых грешников. И как только земля не разверзлась и не поглотила злодея вкупе со всеми нами, присутствовавшими при этом.

В 1607 году, 13 мая, князь Петр Федорович послал свое войско из Тулы, чтобы вызволить людей своего родственника Димитрия, которых так долго осаждал в Калуге враг Шуйский. Московиты, стоявшие под Калугой, выслали навстречу ему несколько тысяч человек, у Пчельни они встретились. Московиты были обращены в бегство и должны были с большими потерями в страхе снова отступить в свой лагерь под Калугой. На другое утро, очень рано, Болотников напал из Калуги на их шанцы и доставил им столько хлопот, что они бросили свои шанцы вместе с тяжелыми орудиями, порохом, пулями, провиантом и всем, что там было, и в сильном страхе и ужасе бежали в Москву, совсем очистив поле боя.

Когда Болотников с бывшими у него ратниками освободился от осады, он пошел в Тулу к князю Петру Федоровичу. Но Шуйский вновь воспрянул духом, собрал своих разбежавшихся людей и послал их под Серпухов, имея намерение осадить Тулу, где находились те самые начальники, которые были зачинщиками всего и от которых пошли все беды. Когда лазутчики сообщили об этом, князь Петр, князь Шаховской и Иван Болотников собрались и отправились навстречу неприятелю под Серпухов, где произошла жаркая схватка, так что московиты вот-вот потеряли бы поле сражения, если бы один воевода по имени Телетин с 4 000 имеющихся у него людей не изменил тульским полкам, не ободрил теснимых и не помог им биться против своих соотечественников, из-за чего тульское войско обуял такой ужас, что они бросились бежать и снова вернулись в Тулу. Там они немного передохнули, укрепились людьми, насколько это второпях было возможно, и когда войско Шуйского приблизилось к крепости Туле, они отважились второй раз и отправились встретиться с ним всем войском. Но Шуйский снова призвал всю землю до 100 000 человек, а выступившее из Тулы войско было много слабее, и поэтому оно должно было снова укрыться в крепости.

В июне Шуйский так осадил их в этой крепости, что никто не мог ни войти, ни выйти. На реке Упе враг поставил запруду в полумиле от города, и вода так высоко поднялась, что весь город стоял в воде и нужно было ездить на плотах. Все пути подвоза

были отрезаны, поэтому в городе была невероятная дороговизна и голод. Жители поедали собак, кошек, падаль на улицах, лошадиные, бычьи и коровьи шкуры. Кадь ржи стоила 100 польских флоринов, а ложка соли — полталера, и многие умирали от голода и изнеможения.

Болотников писал и часто посылал гонцов в Польшу к своему государю, направившему его в Россию, с просьбой о помощи, но тот не явился и оставил его в беде. Казаки и все тульские жители были очень озлоблены против Болотникова и Шаховского, хотели их схватить и отослать к врагу, Шуйскому, за то, что они выдумали такую басню и уверили их, что Димитрий еще жив.

Болотников сказал: «Какой-то молодой человек, примерно лет 24 или 25, позвал меня к себе, когда я из Венеции прибыл в Польшу, и рассказал мне, что он Димитрий и что он ушел от мятежа и убийства, а убит был вместо него один немец, который надел его платье. Он взял с меня присягу, что я буду ему верно служить; это я до сих пор и делал и буду делать впредь, пока жив. Истинный он или нет, я не могу сказать, ибо на престоле в Москве я его не видал. По рассказам он с виду точно такой, как тот, который сидел на престоле». Князя Григория Шаховского они посадили в тюрьму за то, что он говорил, что Димитрий ушел с ним из Москвы, объявили, что не выпустят его оттуда до тех пор, пока не придет Димитрий и не вызволит их. Если же он не придет, то они его, Шаховского, как зачинщика и начинателя этой войны и кровопролития, выдадут врагу — Шуйскому.

Болотников послал из осажденного города одного поляка, Ивана Мартыновича Заруцкого, который должен был разузнать, что с государем, которому Болотников присягал в Польше. Собирается ли он приехать сюда и как вообще обстоит дело с ним? Заруцкий доехал до тародуба, не отважился ехать дальше, остался там и не принес назад никакого ответа.

ГЛАВЫ XIII И XIV Об одном казаке, которого направили в Польшу, чтобы поторопить Димитрия или передать все польскому королю, и о том, как некто из Шклова в Польше выдал себя за Димитрия и приехал в Россию

Болотников и князь Григорий Шаховской велели одному казаку переправиться с письмами вплавь через реку и добраться до Польши. Указывая и жалуясь на свое крайне бедственное положение, они сообщали, что если никто из близких воеводы сандомирского не отважится выдать себя за Димитрия и не вызволит их, то тогда они преподнесут и передадут его

величеству королю польскому все крепости и города, которые они захватили и подчинили себе именем Димитрия, с тем чтобы его величество вызволил их и они не попали бы во власть московитов. Получив это письмо, близкие воеводы сандомирского стали измышлять способ раздобыть кого-либо, кто выдал бы себя за Димитрия, и нашли у одного белорусского попа в Шклове, который был под властью польской короны, школьного учителя, который по рождению был московит, но давно жил в Белоруссии, умел чисто говорить, читать и писать по-московитски и по-польски. Звали его Иван. Это был хитрый парень. С ним они вели переговоры до тех пор, пока он наконец не согласился стать Димитрием. Затем они научили его всему и послали в Пу-тивль с господином Меховецким. Там его приняли как Димитрия и оказали ему почести, что доставило большую радость всем тем, кто был на стороне Димитрия. Этот новый Димитрий поехал около дня св. Иакова из Путивля на Новгород-Северский, а оттуда дальше на Стародуб всего-навсего втроем, с Григорием Кашнецом и с одним писцом по имени Алексей, не выдавая себя, однако, за царя, а говоря, что он царский родственник Нагой, а сам царь недалеко, он идет с господином Меховецким и множеством тысяч конников, пусть они поэтому ликуют, ибо за их верность и постоянство он их щедро пожалует и даст им большие привилегии. Но когда оказалось, что Меховецкий задерживается с приездом дольше, чем это было им сказано, жителей Стародуба взяла досада, что над ними издеваются. Поэтому они взяли писца Алексея вместе с Григорием Кашнецом и с тем, кто выдавал себя за Нагого, а сам был Димитрием вторым, повели их всех троих на дыбу, писца раздели, и палач расписал ему всю спину кнутом, и при этом ему еще сказали, что отпустят его не раньше, чем он сообщит, где находится их царь Димитрий, жив ли он, где он, отчего его так долго нет и т. п.

К подобной росписи бедняга писец не привык, он и решил: будь что будет угодно Николе, а он скажет, что этот Нагой на самом деле. Димитрий, а вовсе не Нагой, за которого он себя выдает. Поэтому он попросил, чтобы его отпустили, и тогда он скажет, где царь. После того как палач снял его с дыбы, он сказал народу: «Ах вы, дурни, ну как вы посмели ради вашего государя эдак отделать меня? Вы что, не узнаете его, что ли? Он же стоит и смотрит, как лихо вы со мной обращаетесь, вон он стоит, тот, который выдает себя за Нагого, глядите на него. Хотите его сожрать вместе с нами — жрите, поэтому-то он не хотел объявиться, пока не испытает вас и не узнает, радуетесь ли вы его приезду». Когда стародубцы услышали такие речи, эти бедные, жалкие, невежественные люди упали ему в ноги, и каждый за себя

сказал: «Я виноват, государь, перед тобой и готов пожертвовать жизнью за тебя в борьбе против твоих врагов». Затем они повели его с большим почтением в Кремль, в царские палаты, и так Димитрия второго приняли, оказав ему почести, как истинному Димитрию.

Когда об этом узнал Иван Мартынович Заруцкий (который, как сказано выше, был послан из Тулы к Димитрию и там в Стародубе так долго задержался), он очень обрадовался приезду Димитрия, поспешил к нему, чтобы передать ему письма, но с первого взгляда понял, что это не прежний Димитрий, однако на людях виду не показал и, невзирая на это, воздал ему царские почести, как будто он был обязан сделать это и прекрасно знает его, хотя раньше он его никогда не видал. Эта большая почтительность Заруцкого еще больше убедила Стародубцев в том, что это несомненно Димитрий первый. В этот же самый день Меховецкий с несколькими отрядами польских конников тоже приехал в Ста-родуб. Димитрий велел ему тотчас же отправиться в Козельск и освободить город от осады. Он сказал также, что сам вскоре последует за Меховецким и освободит от осады Тулу и Калугу (где тогда и сам я сидел в осаде).

Этот Димитрий второй подверг население Стародуба в тот день еще большему испытанию. Он приказал Ивану Заруц-кому, чтобы тот сел на коня и с копьем поехал за ворота, после чего он сам последует за ним и они станут состязаться и сшибаться друг с другом, пусть он храбро нападет на него и слегка заденет его копьем за платье, а он тогда упадет, как будто бы его столкнули силой. После этого Заруцкий должен поехать на свою квартиру и спрятаться. Если старо-дубцы захотят расправиться с ним, то Димитрию из этого станет ясно, что они ему, как своему царю, верны, а он, конечно, не допустит, чтобы Заруцкому причинили что-либо худое. Заруцкий сделал, как ему было приказано, Димитрий упал с коня и притворился полумертвым. Когда стародубцы это увидели, они закричали, что изменника Заруцкого нужно схватить, поймали его в воротах, очень основательно избили дубинами, привели связанного к Димитрию и спросили, что с ним делать. Когда Димитрий увидел, сколько народу набросилось на Заруцкого, он засмеялся и сказал: «Благодарю вас, православные. Теперь я во второй раз убедился, что вы мне преданы. Со мною, слава Богу, ничего не случилось, я хотел только вас испытать и поэтому подговорил Заруцкого». Они подивились его хитрости и посмеялись. Заруцкому же пришлось стерпеть эту грубую затею.

Меховецкий выбил московитов из-под Козельска и остался там дожидаться своего государя. 1 августа Димитрий последовал

за ним е намерением освободить от осады Тулу. Но когда он узнал, что Шуйский подговаривает три города — Волхов, Белев и Лихвин — отпасть и, когда Димитрий придет к ним, схватить его и выдать царю Шуйскому, он отступил снова назад к Самову. Шуйский же все-таки добился своими происками того, что три упомянутых города отпали от Димитрия и сдались Шуйскому. Димитрий тоже скоро попал бы в руки Шуйского, если бы так поспешно не ушел. Отпадение этих трех городов помешало освобождению осажденных в Туле, но хотя наводнение и голод ужасающе усилились, они все же не хотели сдаваться, а надеялись на то, что вода спадет и они получат возможность сделать вылазку, чтобы попытать счастья, пробиться через вражеское войско и таким образом уйти оттуда.

Но тут к князю Петру и Болотникову заявился старый монах-чародей и вызвался за сто рублей нырнуть в воду и разрушить плотину, чтобы сошла вода. Когда монаху обещали эти деньги, он тотчас же разделся догола, прыгнул в воду, и тут в воде поднялся такой свист и шум, как будто бы там

Было множество чертей. Монах не появлялся около часа, так что все уже думали, что он отправился к черту, однако он вернулся, но лицо и тело его были до такой степени исцарапаны, что места живого не видать было. Когда его спросили, где он так долго пропадал, он ответил: «Не удивляйтесь, что я так долго там оставался, у меня дела хватало, Шуйский соорудил эту плотину и запрудил Упу с помощью 12 000 чертей, с ними-то я и боролся, как это видно по моему телу. Половину, то есть 6 000 чертей, я склонил на нашу сторону, а другие 6 000 слишком сильны для меня, с ними мне не справиться, они крепко держат плотину».

Так как Димитрий не приходил, а осажденным в Туле не на что было надеяться и люди от слабости уже едва могли ходить и стоять в доме и в комнатах, князь Петр и Болотников начали переговоры с Шуйским, объявили ему, что если он сохранит им жизнь, то они готовы сдаться с крепостью, если же он не захочет сделать этого, они будут держаться до тех пор, пока будет жив хоть один из них, даже если им придется пожрать друг друга. Шуйский удивился этому и сказал: «Хотя я поклялся ни одного человека в Туле не пощадить, я все же смирю свой гнев и немилость и ради их храбрости, за то, что они так твердо соблюдали присягу, данную вору, дарую им жизнь, если они будут служить мне так же верно, как служили ему»,— на том он поцеловал свой крест и приказал им, что они все будут помилованы.

После этого они передали Шуйскому крепость Тулу в день Симона Иуды 1607 года. Болотников проехал через калитку в

задних воротах, где вода была не так глубока, к шатру Шуйского, выхватил свою саблю, положил ее себе на шею, пал ниц и сказал: «Я был верен своей присяге, которую дал в Польше тому, кто называл себя Димитрием. Димитрий это или нет, я не могу знать, ибо никогда прежде его не видел. Я ему служил верою, а он меня покинул, и теперь я здесь в твоей воле и власти. Захочешь меня убить — вот моя собственная сабля для этого готова; захочешь, напротив, помиловать по своему обещанию и крестоцелованию — я буду верно тебе служить, как служил до сих пор тому, кем я покинут».

Шуйский приказал ему подняться и сказал, что он сдержит все, что обещал им и в чем поклялся. Когда все люди, кроме местных жителей, уже ушли из крепости, а Шуйский вновь занял ее со своими людьми, он отправил Болотникова и князя Петра с 52 немцами, которые были с ними в Туле, среди которых был и один из моих сыновей по имени Конрад, с приставами в Москву. Немцам разрешили уйти к своим, а князь Петр и Болотников некоторое время так охранялись, что никто не мог пройти к ним и они не могли никуда выйти. Клятву, данную этим двум людям, Шуйский сдержал так, как обычно держат клятвы такие люди, как он. Князя Петра, который, согласно надежным сведениям, вероятно, был царского роду, он приказал вздернуть на виселицу в городе Москве. Болотникова он отослал оттуда в Каргополь, приказал продержать его там некоторое время в темнице и, в конце концов, выколоть ему глаза и утопить.

Как только Шуйский заметил, что Димитрий второй снова приближается, он перестал доверять вышеупомянутым 52 немцам и поэтому распорядился, чтобы их выслали из Москвы в некогда отнятую, как было сказано выше, у татар и лежащую в 800 немецких милях от Москвы пустынную Сибирскую землю, где им пришлось жить среди варварских народов и диких зверей, питаясь только рыбой и мясом без хлеба. Да укажет Господь праведный в милости своей пути и способы, чтобы освободиться им снова оттуда во имя Иисуса Христа. Аминь. Аминь. Аминь.

На князе Григории Шаховском, который, как указано выше, был поджигателем и зачинщиком всей этой войны и подбил путивлян на возмущение тем, что он сказал и утверждал, что Димитрий не убит, а ушел с ним из Москвы и отправился в Польшу к жене воеводы сандомирского, оправдалась поговорка: «Чем плут отъявленней, тем больше ему везет». Ему заточение пошло на пользу. Казаки и горожане бросили его в тюрьму, ибо никакой Димитрий не приходил и не освобождал их, в чем он их обманно заверял. А когда Шуйский приказал выпустить в Туле всех пленников, вышел на свободу и этот князь и сказал

Шуйскому, что воинские люди бросили его в тюрьму из-за него, ибо заметили, что он, Шаховской, хочет уйти из крепости к царю. Ему поверили и оставили этого первого зачинщика всех бедствий на свободе. А он вскоре затем, усмотрев удобный случай, перешел к Димитрию второму и стал у него самым главным воеводой и преданнейшим советником.

После этой победы Шуйский отправился на богомолье. В грязь, дождь и сильную осеннюю непогоду он поехал из Москвы в Троицкий монастырь и вознес благодарение св. Сергию за милость и заступничество, за то, что он отдал врагов в его руки, и мольбы о даровании ему и в будущем победы над остальными мятежниками в Калуге, Козельске, а также и над тем, кто в Самове выдает себя за Димитрия первого. Он дал даже обет богу Сергию, что если тот ему в будущем поможет, то он пожертвует в Троицкий монастырь на большую гробницу, чтобы почтить его.

Всем воинским людям, бывшим с ним в Туле, он разрешил возвратиться, чтобы до санного пути отдохнуть и дать отдых слугам и лошадям. Тем же, которые преграждали дороги калужанам, пришлось остаться там же, на указанных им местах, и нести службу. Одного боярина по имени Георгий Беззубцев, который только что отсидел осаду в Туле, а до того был в осаде и в Калуге, Шуйский послал к калужанам, чтобы призвать их добром сдать крепость и обещать, что царь их точно так же помилует, как помиловал туляков, если они сдадутся добровольно. Но калужане велели передать Шуйскому, что они вовсе не намерены сдаваться, ибо государь их, истинный Димитрий, еще жив и существует, а если он из-за предательства и был вынужден отступить на некоторое время, то от этого он не сбежал насовсем и очень скоро появится снова. Калужане продолжали часто делать вылазки в лагерь московитов, захвативших дороги и препятствовавших подвозу в город, и причиняли им большой вред.

Шуйский очень рассердился на калужан за дерзкий ответ, ему очень захотелось осадить город еще сильнее и напасть на них так, чтобы одолеть их, но, как было сказано, его войско было распущено до установления санного пути, и поэтому он должен был отложить это. Однако для того, чтобы укрепить лагерь, находившийся недалеко от Калуги, и с большим успехом попытать счастья против калужан, он посылал во все тюрьмы, где сидели казаки, захваченные им, как было указано выше, в бою с Болотниковым под Москвой 2 декабря прошлого 1606 года, и велел сказать им, что если они присягнут ему и пойдут на его врагов, он их отпустит, даст им денег, а также снабдит их необходимым оружием.

Казаки согласились, возблагодарили Бога, что их выпустят из тюрьмы, и 4 000 человек присягнули Шуйскому. Они-то и были в ноябре 1607 года посланы на помощь войску под Калугой с множеством бочек пороха, чтобы взять и одолеть Калугу приступом. Но господь так устроил, что в лагере начался раздор между боярами и этими казаками, казаки начали из-за этого бунтовать, и бояре, так как они были слабее казаков, оставили лагерь и все свое имущество, тайком убрались восвояси и побежали в Москву.

На другой день казаки подступили к городу Калуге и потребовали, чтобы их впустили, так как они, мол, тоже люди Димитрия, и рассказали, как они этой ночью испугали московитов так, что те оставили лагерь и убежали в Москву; что в лагере осталось много бочек пороха и провиант, нужно послать туда и перевезти его в город.

Воевода Скотницкий, которому был приказан город, не доверяя этим казакам, не впустил к себе ни одного, поэтому они, минуя город, перешли за острогом через Оку и сказали, что пойдут искать своего государя Димитрия. Когда калужане это увидели, они послали в московитскии лагерь и нашли, что все обстоит точно так, как говорили казаки. Поняв из этого, что те казаки тоже держали сторону Димитрия, они спешно послали им вдогонку и велели сказать им, чтобы они вернулись, их впустят. Но поскольку вначале им было в этом отказано, казаки возвращаться не захотели, но послали им 100 человек с тем, чтобы они остались там.

Жители Калуги послали в московитскии лагерь, перевезли в город все, что там было, и хорошо продержались до тех пор, пока Димитрий второй (которого они считали за Димитрия первого) не пришел к ним, они присягнули и оставались ему верны до его смерти.

Шуйский снова вывел в поле свое войско и на Рождестве этого года послал его под Волхов, чтобы выгнать Димитрия из Самова.

Год 1608

Вскоре после Нового года выпал такой глубокий снег, что в эту зиму противники не могли ничего предпринять в поле друг против друга, но все же они сталкивались иногда на загоне. Кто при этом оказывался сильнее, тому и доставалась добыча. Узнав, что Шуйский так сильно пополнил свое войско и снова собирается выступить, Димитрий послал в январе этого же года в Польшу, чтобы также вызвать к себе побольше польских конников, и оттуда к нему пришли господин Самуил Тышкевич с 700 конных копейщиков и господин Александр-Иосиф Лисовский с 700 конных копейщиков. После прибытия этих поляков Димитрий пошел со всем своим войском под Брянск и осадил его.

У Шуйского был один немец, по имени Ганс Борк, который некогда был взят в плен в Лифляндии. Его-то Шуйский и послал со 100 немецкими конниками под Брянск, а этот Борк прошлой зимой перешел от Шуйского в войско Димитрия в Калуге, но потом, оставив там на произвол судьбы своего поручителя, снова перебежал к Шуйскому, который за доставленные сведения пожаловал его ценными подарками; но у Шуйского он недолго задержался, а вторично перебежал к Димитрию второму, который воздал бы этому изменнику по заслугам, если бы его не упросили польские вельможи. Однако, не пробыв и года у Димитрия, он чуть было не переманил у него крепость Тулу (перед тем сдавшуюся Димитрию) и не передал ее Шуйскому, но, поняв, что его лукавые козни замечены, он убрался восвояси в Москву к Шуйскому, который опять с радостью принял его и, как и в первый раз, щедро одарил его за замышлявшуюся пакость в Туле. С ним был еще один вероломный негодяй по имени Тоннис фон Внесен, тоже из старых лифляндских пленников. Они предали на заклание одного благородного, знатного и благочестивого русского вельможу по имени Иван Иванович Нагой, бросив его одного на дороге во время бегства, из-за чего он был схвачен теми, кто за ним гнался из Тулы, и брошен в Калуге в реку по приказанию Димитрия второго.

Под Брянском в лагерь к Димитрию пришли из Польши: князь Адам Вишневецкий (в то время мой на редкость благожелательный господин и большой друг) с 200 конных копейщиков и князь Роман Рожинский с 4 000 конных копейщиков. Когда силы Димитрия так возросли, он снял осаду Брянска и пошел к Орлу, который расположен совсем близко от города Волхова, где находилось войско Шуйского. Главным или

старшим военачальником у Димитрия был Меховецкий. Он был оттеснен Романом Рожинским, который и был утвержден главным или старшим военачальником.

В апреле они продвинулись поближе к Волхову, от чего московиты пришли в ужас и многие из них решили, что раз к нему пришло столько тысяч поляков, то он действительно Димитрий первый. Поэтому к нему пришло много князей, бояр и немцев, которым он тотчас же дал земли и крестьян больше, чем они до этого имели. Это было причиной того, что они неизменно оставались на его стороне, хотя и хорошо видели, что он не Димитрий первый, а кто-то иной.

Димитрий приказал объявить повсюду, где были владения князей и бояр, перешедших к Шуйскому, чтобы холопы пришли к нему, присягнули и получили от него поместья своих господ, а если там остались господские дочки, то пусть холопы возьмут их себе в жены и служат ему. Вот так-то многие нищие холопы стали дворянами, и к тому же богатыми и могущественными, тогда как их господам в Москве пришлось голодать.

17 апреля немецкие начальники из лагеря Шуйского (ротмистр Бартольд Ламсдорф — невежественный молодчик, за свою жизнь не ходивший ни разу в чужие страны, зато в Лифляндии и в Москве славно поработавший пивными кружками, — лейтенант Иоахим Берг и хорунжий Юрген фон Аалдау), все трое люди невежественные, но отлично обученные московитским жульничествам, отрядили к Димитрию второму двух своих собратьев, Арндта Кудделина и Люб-берта фон дер Хейде, чтобы предложить свои верноподданнические услуги и при этом сказать ему, чтобы он продвигался вперед, а когда дело дойдет до сражения, то они перейдут к нему с развернутым знаменем.

Они не посмотрели на то, что присягнули Шуйскому и уже второй год служили ему и получали от него жалованье, и притом хорошо знали, что это не Димитрий первый, а кто-то совсем иной. Остальных конников, находившихся у них в подчинении, они собирались принудить дать свое согласие на это, тоже сдаться, а жен и детей оставить в Москве на погибель. И действительно, если бы их предательский замысел удался, как они хотели, Шуйский ни одного немецкого младенца в колыбели не оставил бы в Москве живым. Но всеблагой господь предотвратил это своими путями: он отнял у недозрелых начальников разум, они ежедневно напивались мертвецки пьяными, и у них из памяти вылетело все, что они предложили Димитрию.

23 апреля, в день св. Георгия, войско Димитрия появилось у Каминска. Московиты тоже вышли в поле, и началась схватка. Тогда и немцев призвали выступить и помериться силами с

поляками. А начальники были до того трезвы, что, и не вспомнив о задуманной измене, храбро напали на поляков и побили 400 человек. Димитрий и его военачальник Роман Рожинский сильно разгневались на это, приказали разыскать немецких перебежчиков и повесили бы их, если бы удалось их быстро найти, но те попрятались и не так-то скоро вылезли на свет. А по всему лагерю было объявлено и приказано в случае новой встречи с неприятелем не щадить ни одного немца.

24 апреля, в четвертое воскресенье после Пасхи, Димитрий снова ударил под Волховом всем войском на московитов. Его конные копейщики встретились с самым большим отрядом и обратили его в бегство. Клятвопреступник Ламсдорф и его товарищи повели своих конников в обратную сторону, собираясь по уговору с развернутыми знаменами перейти к Димитрию. Многие честные люди, которые не знали об этом лукавстве, обратились к ротмистру и сказали: «Мы прекрасно понимаем, что тут затевается. Мы не останемся, все русские бегут, а поляки нас окружают. Что вы, начальники, замышляете?» Ламсдорф стал честить мерзавцами всех тех, кто не хотел оставаться под его знаменами. Тогда некоторые сказали: «Обругайте нас хоть 10 раз мерзавцами, мы все-таки не останемся. На самом деле мы совсем разбиты, а вы имеете намерение сдаться, нам же наши жены и дети слишком дороги, чтобы своей сдачей лишить их жизни. Мы не хотим совершать никакой мерзости». И они уехали с московитами в Москву.

Запорожские казаки очень быстро окружили облаченного в доспехи клятвопреступника ротмистра Ламсдорфа и всех, кто остался с ним, и по приказу верховного военачальника Рожинского побили всех их насмерть, примерно 200 человек, оставивших своих жен и детей вдовами и сиротами, чего во веки не искупить скороспелому ротмистру Ламсдорфу, ибо слезы бедных вдов и сирот, чьих мужей и отцов он столь низко предал и безжалостно обрек на заклание, погрузят его еще глубже в ад. Если бы по соизволению господню этого не случилось, а они остались бы живы и ушли бы к Димитрию, то это послужило бы к еще большим бедам, ибо Шуйский не оставил бы в живых ни одной немецкой души в Москве, а поскольку они были убиты на поле боя, то русские их даже оплакали как убитых и погибших за них от руки врага и оставили всем вдовам поместья их мужей. Ламсдорф со своими сообщниками и советниками замыслили эту измену и отпадение только для того, чтобы у Димитрия и у поляков пользоваться большой милостью и уважением, даже если бы всем другим с женами и детьми это и стоило жизни. Но господь праведный не допустил этого и тотчас воздал ему по

заслугам, а в аду подбавит ему еще за невинных, которым пришлось тоже пострадать из-за него.

Войска Шуйского отступили и на Вознесенье вернулись в Москву в таком ужасе, что у московитов даже руки и ноги затряслись, и они, конечно, сдались бы, если бы Димитрий со своими отрядами сразу последовал за бегущими. «Господин наш» начал поговаривать, что если бы это был не Димитрий, князья и бояре, множество которых перешло к нему, вернулись бы обратно, несомненно это он и есть. Они уже стали прикидывать, чем им оправдаться, когда он завоюет город, а именно тем, что не они, а князья и бояре убили его людей и прогнали его, а они будто об этом ничего не знали. Кто-то сказал: «Я слышал, что он так умен, что может увидеть по глазам, виноват кто или нет». Один мясник очень этого испугался и сказал: «Увы мне, я не посмею показаться ему на глаза, ибо вот этим ножом я зарезал пятерых его поляков». Такой страх и трепет напал в этот раз на московитов.

1 июня Димитрий второй подошел со всем своим войском, обойдя Москву, к селу Тайнинскому. Он обследовал местность, чтобы решить, в каком месте удобнее всего разбить и устроить лагерь. В этом же месяце к Димитрию второму пришел из Литвы господин Иван-Петр-Павел Сапега с 7000 конных копейщиков.

Шуйский приказал снаружи под стенами Москвы построить обоз, расположил там внутри все свое войско и назначил начальником князя Михаила Скопина. Но 24 июня, в Иванову ночь, они были постыдно застигнуты Димитрием врасплох и так неласково разбужены ото сна, что многие из них остались лежать и по сю пору еще не встали. Шуйский настолько был этим напуган, что приказал даже поставить на стены большие пушки, опасаясь того, что поляки тотчас же пойдут на приступ, станут штурмовать город. Если бы поляки действовали как следует, они на этот раз легко захватили бы и заняли Москву.

Димитрий же понадеялся, что московиты сдадутся без боя, и потому не захотел разрушить или поджечь большой город, и хотя поляки несколько раз вопреки его воле рвались на приступ, он удерживал их, обращаясь к ним с такими словами: «Если вы хотите разрушить столицу, а тем самым сжечь и уничтожить мои сокровища, откуда же я возьму тогда жалованье для вас?» Но если бы Димитрий проявил суровость, то это было бы лучше, лучше погубить один город, чем подвергнуть опустошению половину страны. Страна скоро могла бы выстроить новый город, или Москву, но город Москва не мог восстановить и снова выстроить столько городов, местечек и сел, сколько было уничтожено. А такой совет дали ему не друзья, а его злейшие враги.

На день св. Петра и Павла, каковой пришелся в

1608 году на 29 июня, Димитрий разбил большой лагерь в Тушине, в 12 верстах от Москвы, стоял там до 29 декабря

1609 года, и за это время много было жестоких схваток между лагерем и городом и с обеих, сторон много было побито народу.

Выше говорилось, что супругу и вдову царя Димитрия первого, Марину Юрьевну, вместе с ее отцом, воеводой сандомирским, а также господина Скотницкого и других польских вельмож вместе со всеми их близкими отправили из Москвы на заключение в Ярославль и в Ростов. Теперь, когда Димитрий второй так укрепился, что одержал победу и осадил Москву, Шуйский испугался, как бы Димитрий не послал в те места и не освободил и увез бы царицу со всеми, находящимися при ней. Поэтому он отправил туда несколько тысяч человек, чтобы они тайно пробрались туда и спешно привезли ее снова в Москву.

Опасаясь в то же время (поскольку Димитрий со множеством поляков, казаков, татар, московитов и других народностей стоял так близко от Москвы), что поляки Димитрия второго, находящиеся в лагере за стенами Москвы, могут вступить в опасный тайный сговор с поляками Димитрия первого, которые будут находиться в Москве при царице, Шуйский предложил отцу царицы и другим полякам отпустить их домой в королевство Польское, если они дадут клятву, что не поедут к врагу и не причинят опять какого-либо зла России. Поляки сделали это охотно, возблагодарив Бога, что они вырвутся из рук убийц. После Якова дня упомянутого года их отправили из Москвы по дальней окольной дороге, чтобы они не попали к врагу по другому пути, а добрались в свою страну.

Когда об этом стало известно Димитрию второму, он отрядил несколько тысяч человек, которые должны были спешно выступить, чтобы перехватить царицу и ее спутников на дороге. Когда они встретились, московиты обратились в бегство, кроме воеводы, который остался при царице. А царицу вместе с ее отцом и со всеми находящимися при них поляками, не причинив им никаких обид, ратники, посланные Димитрием вторым, доставили в Тушинский лагерь под Москвой. Но царица, а также и ее отец и все находившиеся при них были скорее этим обрадованы, чем огорчены, поскольку они были твердо уверены, что это действительно ее законный супруг, с которым она венчалась в Москве. Ратникам же, которые были за ней посланы, было приказано под страхом смерти ничего другого ей не сообщать.

Когда Димитрий получил сведения, что посланные им люди без всякого сопротивления со стороны московитов захватили царицу и что они с ней на пути в лагерь, он обрадовался и

развеселился, приказал выпалить несколько раз из больших пушек, а все ратники во всем лагере должны были в знак радости 3 или 4 раза выстрелить из мушкетов и других ружей.

Дорогой, приблизительно за 18 миль до лагеря, когда царица в карете радовалась и пела, один молодой польский дворянин набрался духу, подъехал к карете и сказал: «Марина Юрьевна, милостивейшая госпожа, вы очень веселы и поете, и стоило бы радоваться и петь, если бы вам предстояло встретить вашего законного государя, но это не тот Димитрий, который был вашим мужем, а другой». Плохо это для него обернулось, лучше бы ему промолчать и предоставить все своему течению, ибо когда царица из-за этого сообщения так огорчилась, что ее радость и пение сменились на печаль и слезы, тот польский вельможа, которого Димитрий послал с ратниками за ней, заметил, что она огорчена и не так весела, как прежде, а потому спросил, отчего она так молчалива и печальна, когда она по справедливости должна еще больше радоваться, чем раньше, так как скоро приедет к своему государю. Она ему ответила: «Это верно, сударь, но я узнала кое-что иное». В конце концов, по его неотступному настоянию, она не смогла умолчать о том, кто с ней говорил и о чем и т. д.

А когда дворянин, признавшись в своем разговоре с царицей, указал также и на то, что не он один об этом говорит, а большинство в лагере об этом хорошо знают, вельможа приказал его, связанного по рукам и по ногам, отвезти в лагерь к Димитрию, а тот без долгого разбирательства приказал посадить его живым на кол, чего с ним не случилось бы, если бы он держал язык за зубами, ибо, как справедливо говорится: «Болтовня сгубила многих, кто прекрасно мог бы жить в мире и покое».

И хотя царица прекрасно поняла, что ее кормят напрасными надеждами, ей все же пришлось выказывать больше радости, чем у нее было на душе, для того чтобы никто не заметил фальшивую игру. Однако она не поехала прямо в лагерь к Димитрию, а приказала разбить в четверти мили оттуда отдельный лагерь для себя и тех, кто был при ней, и они с Димитрием стали посылать вести друг другу и, наконец, порешили, чтобы отец царицы ехал в Польшу, а она осталась в лагере у своего супруга Димитрия (ну конечно). Но от супружеской жизни они должны были воздержаться, пока Димитрий не овладеет Московским престолом и не сядет на него. В этом Димитрий должен был поклясться перед Богом, после чего он в радости отправился к царице: оба отлично справились со своим делом и приветствовали друг друга с плачем и слезами, Ьчень ласково и любовно. В этот день благодаря этой комедии многих людей с прекрасным зрением поразила полная слепота. Перед всем народом она оказала

Димитрию надлежащее уважение, как если бы он был ее возлюбленным супругом и государем, и он ей также. Это разнеслось по всей стране, и многие поэтому решили, что он истинный Димитрий. Отовсюду князья и бояре во множестве шли к нему в лагерь и сдавались.

Шуйский, видя, что Бог не шлет ему счастья, обратился к помощи дьявола и его орудий, стал вовсю заниматься колдовством, собрал всех слуг дьявола, чернокнижников, каких только можно было сыскать в стране, чтобы то, чего не сумел бы один, мог бы сделать другой. У многих беременных женщин он велел разрезать чрево и вынуть из него плод, а также убить много здоровых лошадей и вынуть у них сердце. Тем самым колдуны добились того, что если такое сердце куда-либо закапывали или зарывали, то люди Шуйского побеждали, стоило только воинам Димитрия перейти за эту черту. Если же московиты переходили за эту черту, то тогда поляки их одолевали.

Пришли из Москвы к Димитрию второму и многие знатные вельможи, среди них один именитый князь по имени Василий Мосальский, но как только он узнал, что это не прежний Димитрий, а другой, он со многими боярами вернулся через несколько дней в Москву и всенародно объявил, что это не Димитрий первый, а новый вор и обманщик. Когда москвичи узнали об этом, они стали говорить друг другу: «Если это так, то мы станем иначе относиться к этому делу, и вор с его поляками города не получит, даже если бы нам всем с женами и детьми пришлось бы отдать за это жизнь».

Они приняли со своим царем Шуйским решение послать в Шведское королевство и просить, чтобы иМ прислали воинских людей из чужих народов. С этой целью туда был послан для выполнения этого поручения именитый вельможа Михаил Скопин. Московиты тем более старались и стремились добиться успеха в этом деле, что два отпетых негодяя и изменника, убежавших от Димитрия второго и прибежавших в Москву после прихода упомянутого князя Мосальского, взошли при всем народе на Лобное место и побожились, что это не прежний и не истинный Димитрий, а другой. Эти молодчики очень хорошо могли говорить по-московитски. Одного, лифляндца, звали Ганс Шнейдер, другого, немца из Австрии,— Иоганн-Генрих Карлос. Этот некогда попал к турку в Венгрии, ради денег дал себя обрезать и принял турецкую веру, потом снова убежал от турок в Германию, а оттуда пришел в Москву, где ради выгоды дал себя перекрестить. Чтобы стать знатным и богатым, он должен был отречься от своего Господа Бога, во имя которого он был крещен и которого исповедовал с юности, что является нечестивым и

должно быть искуплено смертью, трижды плюнуть на него через плечо, приложиться к московитскому Богу Николаю и поклониться ему. В России этот человек не меньше трех раз перебегал от одного государя к другому, то к Димитрию, то опять к Шуйскому. Этакому выкресту и мамелюку московиты смотрели в рот и верили всему, что он говорил.

Когда Димитрий понял, что московиты не хотят сдаться добром, он послал господина Сапегу с 15 000 человек к Троицкому монастырю, чтобы осадить его и с этой стороны преградить и отрезать пути подвоза к Москве. Под этим монастырем Сапега стоял так же долго, как и Димитрий под Москвой, и точно так же не смог взять его, как Димитрий не смог взять Москву. Этот монастырь лежит в 12 милях за Москвой, и туда, в гости к Сапеге, Шуйский послал из Москвы столько конников, сколько ему удалось набрать, а именно — 30 000 человек, поставив начальником над ними своего родного брата, Ивана Ивановича Шуйского.

Когда лазутчики донесли об этом господину Сапеге, он собрался и пошел навстречу московитам, они встретились под Воздвиженском и задали друг другу жару, причем Сапега дважды был отбит, и от этого у поляков затряслись длинные шпоры и душа ушла в пятки. Господин Сапега всяческими уговорами вернул им мужество. Он сказал: «Милостивые государи, если мы обратимся в бегство, все будет потеряно и ни один из нас не спасется. Отечество наше очень далеко отсюда. Почетнее умереть, как рыцарь, чем дать убить себя, как трусливую девку. Пусть каждый сделает во имя божие все, что в его силах, я пойду первым, кому честь дорога, тот пойдет за мной. При третьем натиске Бог даст нам счастье и удачу, и враг будет в наших руках». После этого они смело ударили в третий раз на врага, побили несколько тысяч московитов, так что те были вынуждены отступить обратно к Москве и очистить поле. В этот раз конница Шуйского настолько поредела, что после этого он никак не мог осмелиться выйти в поле без иноземцев. Сапега вернулся в свой прежний лагерь под Троицей, и московиты не тревожили его, пока из Швеции не прибыл Понтус Делагарди.

После этой битвы Сапега послал из лагеря небольшой отряд немцев, поляков и казаков разведать, нельзя ли овладеть некоторыми городами или добром привести их к присяге. Капитаном у них был испанец, по имени Хуан Крузати. Первый город, куда они пришли, назывался Переяславлем, он присягнул Димитрию второму. Другой город, Ростов, расположенный в 12 милях дальше в глубь страны и ранее присягавший Димитрию, воспротивился было, но это не привело к добру. 12 октября он

перестал существовать, все постройки были обращены в пепел, многочисленные великолепные сокровища, золото и серебро, драгоценные камни и жемчуг расхищены, а в церквах были содраны даже ризы со святых. Св. Леонтия, который был из чистого золота, весил 200 фунтов и лежал в серебряной раке, воинские люди разрубили топорами на части, и каждый взял себе столько, сколько мог захватить. Митрополита ростовского, князя Федора Никитича, они схватили и отвезли к Димитрию в большой лагерь под Москвой. Димитрий принял его милостиво и даже сделал его патриархом в подвластных ему землях и городах. Этот митрополит подарил Димитрию второму свой посох, в котором был восточный рубин ценою в бочку золота.

Судьба этого города послужила наукой очень богатому торговому городу Ярославлю, расположенному в 12 милях за Ростовом. Он согласился сдаться добром на следующих условиях: если царь оставит им их суд и не даст полякам нападать и налетать на них, бесчестить их жен и детей, тогда они сдадутся добром, будут ему верны и охотно сделают все, что смогут. Тогда одного шведа, по имени Лауренс Буйк, перекрещенного мамелюка русской веры, назначили туда воеводой, чтобы принять присягу от жителей — немцев, англичан и русских — и именем Димитрия управлять там. Это было 21 октября сего 1608 года.

Этот город послал Димитрию второму 30 000 рублей, что составляет 83 333 простых талера и 8 полных грошей, из расчета 24 гроша на один талер, и безвозмездно принял на постой 1000 конников, обеспечив их также надолго фуражем и мукой. Но поляки все равно этим не удовлетворились, совершали большие насилия над купцами в лавках, над простыми жителями на улицах, над боярами в их домах и дворах, покупали в лавках без денег что только им попадалось на глаза и могло им пригодиться, и это было причиной многих бед, о чем будет сказано ниже.

Города Кострома, Галич, Вологда сдались Димитрию, присягнули ему и, наверное, остались бы верны своей присяге, если бы этого не отсоветовал им, на беду и погибель себе и городу, один проклятый перекрещенец, нидерландец Даниель Эйлоф, живший в России в этой местности и занимавшийся солеварением. Он им написал, что они не обязаны соблюдать присягу, ибо они клялись хранить верность Димитрию Ивановичу, сыну Грозного, прирожденному царевичу земли Московитской. А сейчас он узнал достоверно, что этот — не сын Грозного и не Димитрий первый, а другой, новый обманщик.

Этот перекрещенец собрал в своей солеварне 200 пеших московитов с луками, стрелами, топорами и пиками, с этой силой он собирался прогнать всех поляков. Но когда поляки наведались

к нему, он спрятался со своими тремя взрослыми дочерьми в погребе, оставив 200 московитов на потеху полякам, которые всех их убили. Поляки обнаружили его и его дочерей в погребе 11 декабря, взяли их в плен и потребовали, чтобы он и его дочери дали выкуп в 600 талеров. Если бы один добрый, благородный, честный человек по имени Иоахим Шмидт, поставленный Димитрием вторым воеводой в Ярославле, не воспрепятствовал этому, ссудив ему 600 талеров, он получил бы своих дочерей совсем в другом положении, чем то, в каком они были, когда их от него увели. Поэтому он и его дочери по справедливости до конца жизни должны были быть благодарны ему, а как они его отблагодарили, скоро будет описано в главе XV.

13 декабря 1000 русских были убиты недалеко от солеварни перекрещенца и многие деревни сожжены. В тот же день к Ярославлю из лагеря Димитрия и Сапеги пришли Александр-Иосиф Лисовский с 5000 казаков и Иван Шумиский с 900 конных копейщиков; они проехали ко двору и к солеварне перекрещенца, все дотла сожгли и поубивали всех, кого там застали. Оттуда они повернули на Кострому и Галич, сделали то же самое с этими клятвопреступными и вероломными городами. Города сожгли и всех, кто им попался навстречу, убили, награбили много добра, золота и серебра, порыскали по всей этой местности и вернулись с большой добычей снова в лагерь. Этим и закончился 1608 год, в который Димитрий второй причинил неописуемо много вреда в одном конце бедной России.

ГЛАВА XV О том, как в 1609 году Русская земля со всех сторон подверглась нападениям, нашествиям и притеснениям

В этом году беды с еще большей силой обрушились на все четыре конца России, так что отсюда легко было понять, что Господь Бог гневается на эту землю и сурово взыскивает с ее жителей. Всюду шли большие кровопролитные войны. Димитрий второй упорно осаждал Москву и Троицу. Где только можно было причинить ущерб московитам, там его десять тысяч ратников не ленились, жгли, убивали, грабили всюду, куда им только удавалось попасть.

Они завалили лагерь всяким провиантом: маслом, мукой, медом, питьевыми медами, солодом, вином, всевозможным скотом в таком изобилии, что можно было удивляться. Головы, ноги, печень, легкие и другие внутренности животных выбрасывались, и их так много лежало всюду на проходах в лагере, что собаки не могли всего сожрать, и из-за этого в лагере

распространилось такое зловоние, что даже стали опасаться мора. Ежедневно самые маленькие люди в лагере варили и жарили что только есть отменного, пили больше медов, чем пива, в таком изобилии был найден сотовый мед у крестьян и в монастырях.

Польский король Сигизмунд III тоже пришел в этом году с 20 000 ратников под Смоленск, требуя, чтобы город и крепость сдались ему добровольно, ибо они издревле принадлежали польскому королевству. Смольняне же в ответ ему не послали ничего, кроме пороха и пуль. Он стоял там полтора года до 13 июня 1611 года, потерял во время штурмов много храбрых немецких воинов, так что от всего полка едва осталось 400 человек. Смольняне в крепости испытывали недостаток в соли и уксусе, отчего у них началась повальная болезнь, от которой они умирали один за другим, так что при взятии города там находилось едва 300 или 400 совсем здоровых людей, которые никак не могли отстоять город, осажденный на столь большом протяжении, иначе королю пришлось бы подольше повозиться с крепостью, прежде чем он овладел ею. Много тысяч московитов приходило из крепости в это время к королю и присягало его величеству на верность, но большинство изменило клятве и уехало в Москву или куда они имели возможность.

Ширина стен вокруг города — 23 фута, и они так высоки, что штурмовые лестницы в 35 перекладин не могли бы достать доверху, если бы брустверы не были сбиты. Осажденные подвезли много тысяч возов камней и подняли их на стены, так что если бы там осталось хоть столько здоровых людей, чтобы у каждой бойницы стоял один-единственный человек, то они хорошо продержались бы, хотя у них не было ни пороха, ни ружей, ни копий, ни сабель. Тяжелыми орудиями стенам не было причинено никакого особого вреда.

Если король и взял крепость, то лишь благодаря тому, что со стороны Днепра стена была взорвана миной на 10 саженей и через пролом устремилась пехота с развернутыми знаменами, а это привело смольнян в такой ужас, что многие побросали оружие и дали убить себя. Те же, которые ушли из города в Кремль, взорвали себя вместе с женами и всем, что они с собой взяли, и так сами лишили себя жизни. Воевода с сыном были взяты в плен и уведены в Польшу. Ну, а какой вред за столь долгое время причинило в разных местах земли войско в 20 000 человек, легко можно догадаться.

За год до взятия этого города Шуйский отправил королю под Смоленск гонца с посланием и предложил передать его королевскому величеству русскую монархию, если его величество придет со своим войском в Москву и поможет прогнать Димитрия

второго. Через два дня после прибытия этого гонца польскими воинами был схвачен в поле московитский лазутчик, направленный Шуйским к смоленскому воеводе с письмами, а в них было сказано, чтобы он держался, а Шуйский убедит короля добрыми словами оказать ему помощь в усмирении Димитрия второго, а после того, как это произойдет, поступит с королем и его людьми так, что немногие из них вернутся из России в Польшу. Когда это было прочтено королю, его величество подивился московитской хитрости и лукавым козням, приказал поэтому убить обоих посланных и сказал: «Ни одному московиту доверять нельзя. До мерзавца Шуйского я и вправду доберусь, когда будет на то воля господня и время, но так, что он меня уже не обманет».

В этом 1609 году князь Михаил Скопин вернулся из Швеции и привел с собой Понтуса Делагарди с 3000 немцев и с воинами из других народов. Когда он пришел в Новгород Великий, он собрал и всех местных князей и бояр к себе, намереваясь освободить с ними Москву, как об этом дальше будет сказано. Иноземные воины, которых он привел с собой, тоже не оставили на месте ничего, кроме слишком горячего или слишком тяжелого.

С третьей стороны в это лето 1609 года в Россию вторглись также и татары с 40 000 человек и за три раза увели за рубеж бесчисленное множество захваченных людей и скота, не считая того, сколько они поубивали и побросали старых и малых, не имевших сил идти с ними, да и скота тоже. А об ужасном вреде, который они причинили стране поджогами, и говорить не приходится. В это время раздавались горестные стенания жителей, потерявших не только скот, но и людей, ибо многие жены лишились мужей, мужья — жен и детей, так что даже камень — и тот разжалобился бы.

В том же году возмутился один польский боярин, по имени Ляпунов, переманил на свою сторону несколько принадлежавших Москве городов и повел войну против Димитрия, против Шуйского, а также против его величества короля польского. Он называл себя белым царем, хотел бороться, как говорил, за христианскую московитскую веру; где проходили его воины, там после них даже трава не росла. На четвертом конце земли Русской в феврале, марте и апреле указанного года снова отпали от Димитрия второго некоторые присягавшие ему города, а именно: Вологда, Галич, Кострома, Романов, Ярославль, Суздаль, Молога, Рыбинск и Углич. Во всех углах толпами собирались тысячи крестьян. С теми немцами и поляками, которых они заставали в загоне, т. е. в поисках провианта или в разведке, они поступали во много раз грубее и беспощаднее, чем поступали с

ними прежде поляки. Если крестьяне приходят в ярость, они обычно ведут себя, как обезумевшие, помешанные, и, как дикие свиньи, не щадят ничего, разрывают и раздирают, что только могут, и, ударив раз, продолжают бить по тому же месту. Сохрани Бог попасть в их руки какому-нибудь честному воину.

Единственной причиной их отпадения от Димитрия были несправедливости и большие бесчинства поляков, которые не могли отказаться от грабежей и насилия, пока не стали спускать под лед, перерезать им горло или даже вздергивать на виселицу. Они отнимали силою у бедняков, невзирая на то, что те присягнули Димитрию, все, что у них было, как если бы это были злейшие враги, а ведь эти бедные люди много отдавали в лагерь на содержание войска. Из-за этого им приходилось все прятать и закапывать в землю от грабителей поляков, что слишком тяжко было постоянно терпеть этим людям и дало им повод (еще до того, как они узнали о приходе Скопина и Понтуса) взбунтоваться против грабителей-солдат Димитрия и отпасть от него. Некоторых поляков они убили, некоторых спустили живыми под лед, приговаривая: «Вы, глаголи, вконец разорили нашу местность и сожрали почти всех коров и телят, отправляйтесь теперь к рыбам в Волгу и нажирайтесь там до смерти». Для того чтобы обуздать отпавших крестьян, из лагеря были посланы в Романов Самуил Тышкевич, а в Суздаль и потом в Ярославль — пан Лисовский. Но крестьяне в своих лагерях так окопались и укрепились частоколами или тынами, что поляки ничего не смогли с ними поделать и должны были оставить их в покое.

Иоахим Шмидт, о котором упоминалось выше, был воеводой в отпавшем городе Ярославле, а во время отпадения бежал оттуда вместе с бывшими там у него поляками. Это самого Шмидта поляки послали назад к городу для переговоров, чтобы убедить жителей одуматься и не давать больше повода к кровопролитию, а всяким притеснениям будет положен конец, и царь Димитрий посадит в город воеводой знатного вельможу, которого польские солдаты будут бояться. Шмидта заманили хитрыми речами поближе к городским воротам, и не успел он опомниться, как его окружили и насильно утащили беднягу в город. Там они разыграли с ним ужасающее действо о муках страстных: вскипятив большой котел меду, они сняли со Шмидта одежды, бросили его в мед и варили до тех пор, пока не осталось совсем мяса на костях.

Неслыханную жестокость в отношении доброго, честного человека, равно как отпадение и возмущение этого города, подстроил не кто иной, как клятвопреступный, лукавый перекрещенец, солевар Даниель Эйлоф, который однажды уже,

как упоминалось выше, отпадал от Димитрия и поэтому был взят в плен со своими тремя дочерьми, но был спасен этим же честным Иоахимом Шмидтом, внесшим за него 600 талеров, благодаря чему его дочери сберегли свою честь. Теперь этот Эйлоф выказал ему людскую благодарность, не только насмеялся над своим верным другом в его несчастье, но даже стал побуждать русских поживее прикончить его.

Когда Шмидт достаточно долго поварился, они вынули скелет из котла и выбросили его на городской вал — так, чтобы свиньи и собаки порастаскали его, и даже не раз- решили его вдове и друзьям собрать и похоронить кости. Бедной, тяжко скорбящей вдове и родственникам пришлось от эдакого друга, вероломного перекрещенца, и от его сообщников вынести в десять раз больше издевательств и насмешек, чем от самих русских.

За ужасную смерть этого честного человека впоследствии хорошо отомстил пан Лисовский. Он превратил в пепел весь Ярославский посад, потом пошел дальше в глубь страны, убивая и истребляя все, что попадалось на пути: мужчин, женщин, детей, дворян, горожан и крестьян. Он сжег дотла большие селения, Кинешму и Юрьевец-Польский и возвратился в лагерь под Троицу с большой добычей. Какой значительный вред был нанесен в этом году убийствами, грабежом и пожарами этим отпавшим городам как внутри их стен, так и снаружи,— выразить невозможно. Я часто удивлялся, как эта земля так долго могла выдерживать все это.

У меня самого были прекрасные владения в России. Одно из них, Федоровское, с восемью деревнями, находилось в 14 милях от Смоленска. Его опустошили и превратили в ничто воины его королевского величества короля польского. Второе называлось Рогожна, оно принадлежало двум владельцам, и каждый имел там свою усадьбу. Это было большое владение, к нему относились большие прибыльные рощи и леса, тянувшиеся на целых шесть миль пути; оно было расположено всего в семи милях от главного города — Москвы. Самое маленькое — третье, с тремя деревнями, — называлось Крапивна и находилось в тридцати шести милях от Москвы. Два последних владения, Рогожна и Крапивна, были в этом году настолько выжжены татарами и столько людей было убито или уведено, что в обоих осталось едва десять домов или крестьянских дворов, не пострадавших от пожаров, и не более сорока человек.

ГЛАВА XVI О возвращении Скопина и о приходе Понтуса Делагарди из Шведского государства в Россию с 3000

иноземцев

Когда в январе 1609 года Скопин с Понтусом и с приведенными иноземными ратниками пришли в Новгород, Димитрий второй послал попытать счастья в бою с ними одного польского ротмистра, пана Кернозицкого, с 4000 конных копейщиков. Тот гак налетел на них, когда они внезапно столкнулись, что им пришлось отступать в город Новгород. Там Кернозицкий осаждал их всю зиму до весны.

Обрадовавшись этому, Димитрий возомнил, что он уже одержал полную победу, сочетался, хотя и тайно, с супругой Димитрия первого, которая, как упоминалось, была в его лагере под Москвой, несмотря на то что дал клятву ее отцу, воеводе сандомирскому, что не разделит с ней ложа, прежде чем не сядет на царский трон. Он и вообще очень возгордился, стал именовать себя единственным христианским царем под солнцем и т. д., что видно из следующего его титула:

«Мы, Димитрий Иванович, царь всея Руси, Московской державы, самодержец великого княжества Российского, Богом данный, Богом избранный, Богом хранимый, Богом чтимый, Богом помазанный, Богом возвышенный над всеми прочими государями, подобно второму Израилю руководимый и охраняемый силою божией, единый христианский царь под солнцем и многих княжеств государь и повелитель».

Незадолго до Троицына дня иноземные войска вышли ночью из Новгорода через болота на другую сторону, напали на поляков в лагере и нанесли им большой урон, так что пан Кернозицкий с оставшимися у него людьми принужден был отступить назад к Димитрию в большой лагерь под Москвой. Когда Димитрий второй узнал, что этот ущерб причинили ему иноземцы, он возненавидел всех немцев и стал их врагом. Поэтому он и своих собственных, находящихся при нем немцев, тоже стал ненавидеть и поносить, несмотря на то, что они были совсем неповинны в этом. Одержав эту победу, Скопин и Понтус с их иноземцами и боярами пошли дальше и пришли в Тверь в верховьях Волги.

Навстречу им Димитрий выслал после Троицына дня пана Зборовского с 5000 конных копейщиков. Эти копейщики причинили им в первый день столько хлопот, что они вынуждены были, коль скоро не хотели быть убитыми, перейти большую и глубокую реку Волгу, что тоже нанесло им немалый урон На другой день Понтус, перейдя ту же самую реку в другом месте, пошел назад на поляков, храбро ударил на них и задал им такого жару, что они обратились в бегство и принуждены были с большим уроном и позором снова отступить в большой лагерь

Димитрия. Это крайне рассердило Димитрия второго и еще больше восстановило его против немцев

В день Петра и Павла Скопин и Понтус пришли в Калязинский монастырь. Скопин и его бояре остановились в монастыре, а Понтус со своими людьми в поле под монастырем, и хорошо подготовились. Димитрий второй послал вторично против Скопина и Понтуса того же пана Зборовского, а также стоявшего под Троицей полководца Сапегу с 12 000 конных копейщиков, чтобы искупить свой позор. Они несколько раз нападали на Скопина и Понтуса, но каждый раз терпели постыдное поражение. Так и стояли друг против друга до сентября, а в сентябре Скопин и Понтус всем войском напали на поляков, отбили у них несколько сот людей и так потешались над ними, что поляки бежали с поля боя без оглядки, пока не оказались в лагере под Троицей.

ГЛАВА XVII Об Александре-Иосифе Лисовском, военачальнике Димитрия И, над несколькими тысячами казаков, и о том, как он с ними слишком далеко зашел в глубь страны и враг отрезал ему обратный путь в лагерь, а также о том, как он по этой причине был вынужден отступить к Суздалю, и, наконец, сделав большой обход, вышел к Пскову

В это самое время господин Лисовский решил предпринять одну военную хитрость в отношении отпавшего города Ярославля. Он без остановок пошел туда и остановился в трех милях от этого города. Он хотел выдать себя за Скопина и Понтуса и попытаться таким образом захватить город врасплох. Но он получил срочное донесение, что Скопин и Понтус уже взяли Ярославль, мимо которого он должен был пройти, чтобы снова попасть в свой лагерь.

Это не только помешало его намерению относительно города, но когда он в ту же ночь собрался снова вернуться в свой лагерь, то обнаружил, что люди Понтуса после взятия крепости выступили уже против него в поле. Таким образом, дорога назад к Троице была отрезана для него, и если бы он не получил в плен одного боярина, от которого он узнал, что большинство немцев Понтуса еще позади и только через несколько часов подойдет с Давыдом Жеребцовым, ему пришлось бы очень плохо. Он не захотел дождаться их прибытия, свернул в сторону к Суздалю и укрепился там частоколами как только мог лучше. Там он действовал всю зиму, временами выезжал, нападал на соседние города и монастыри и привозил хорошую добычу. Когда же он

получил сообщение, что правление его государя Димитрия второго кончилось, а все его войско перешло к польскому королю, он снова выступил весной 1610 года, пошел далеко в обход по стране и вышел наконец к Пскову. Там псковичи не только очень хорошо приняли его, но даже просили и убеждали остаться у них на некоторое время и оказать им помощь против немцев, которые из Нарвы (она принадлежит Шведскому королевству и расположена на Лифляндском рубеже) ежедневно нападали и налетали на них. Он охотно так и поступил и не только очистил псковский рубеж от нарвского войска, но тайными хитростями и переговорами добился того, что 500 англичан и 300 ирландцев откололись от них и примкнули к нему, после чего нарвское войско оставило псковичей в полном покое.

Оказав псковичам эту услугу, Лисовский перешел на сторону польского короля и эту зиму провел в Воро-нечье. Но заметив, что казаки и русские, которые были под его началом, собираются ему изменить, он покинул их и отправился один с 800 иноземцами на Красное, взял его летом 1611 года, уволил иноземцев, набрал 300 поляков, с каковыми он остался в той же крепости и сохранял ее для его величества короля польского. Такое счастье выпало Лисовскому по той причине, что люди Понтуса преградили ему тогда путь и ему пришлось как хитрой лисе дальним обходом найти другую лазейку из России и тем избежать гнева русских.

Скопин и Понтус снова привели Ярославль к присяге Шуйскому и пошли со всем войском в Александровскую слободу, сделали там новое укрепление из досок, или деревянные шанцы, укрылись в них и стояли там осенним лагерем до тех пор, пока не подмерзло и не установился санный путь. Поляки же хотя и навещали их, но славы на немцах не нажили, ибо всякий раз их заставляли убраться восвояси. В день св. Мартина немцы хотели незвано наведаться в гости к полякам в Троице и помочь им съесть мартинова гуся. Поляки к этому отлично приготовились, с музыкой бежали перед немцами до города Дмитрова и, укрепив его, некоторое время отсиживались там от них.

ГЛАВА XVIII О посольстве его величества короля польского к польским воинам в лагерь Димитрия

Рождественским постом 1609 года Сигизмунд III, король польский и пр., отправил посольство в лагерь Димитрия под Москву, но не к нему, а к его главному полководцу князю Роману Рожинскому и к польскому рыцарству. Легатами и послами были: господин Стадницкий, господин Зборовский, господин Людвиг Вейгер и пан Мартцын, ротмистр. Королевское обращение к войску было таково: пусть они вспомнят, что в прежние годы своим бунтом в Польше они совершили преступление оскорбления величества. Все это будет прощено им и забыто, и все, что было отнято у них в Польше, будет возвращено им, если они схватят и привезут под Смоленск к его величеству того самозванца, которому они присягнули и служат и который называет себя Димитрием, но на самом деле не Димитрий и т. д. Однако это сохранялось в тайне весь рождественский пост.

Димитрий удивлялся, что послы не являются к нему и не просят аудиенции. Ему и в голову не приходило, что посольство направлено на погибель ему. Но так как время шло, а послы не просили никакой аудиенции, то Димитрий затревожился и на четвертый день нашего Рождества позвал к себе своего полководца Романа Рожинского и спросил его, в чем там дело с королевскими послами, что они столько недель живут в лагере и не просят разрешения прийти к нему и получить аудиенцию.

Рожинский, который уже побеседовал со старшими военачальниками и дворянами, решил, как и они, выполнить желание короля, но сейчас был сильно пьян, разразился грубыми ругательствами и угрозами и с криком: «Эй, ты, московитский сукин сын»,— замахнулся на него булавой. «Зачем тебе знать, какое у послов до меня дело! Черт тебя знает, кто ты такой. Мы, поляки, так долго проливали за тебя кровь, а еще ни разу не получали вознаграждения и того, что нам положено еще».

Димитрий вырвался от него, пришел к своей супруге, упал к ее ногам, пожелал ей со слезами и рыданиями доброй ночи и сказал: «Польский король вошел в опасный для меня сговор с моим полководцем, который так меня сейчас разделал, что я буду недостоин появляться тебе на глаза, если стерплю это. Или ему смерть, или мне погибель, у него и у поляков ничего хорошего на уме нет. Да сохрани господь меня на том пути, в который я собираюсь отправиться, сохрани господь от лукавого и тебя, остающуюся здесь».

Переодевшись в крестьянское платье, он и его шут, Петр Козлов, сели в навозные сани и уехали 29 декабря 1609 года из лагеря в Калугу, и никто не знал, куда девался или куда запропастился царь, убили ли его или он убежал. Большинство считало, что он убит и тайком выброшен. Димитрий же поехал не прямо в Калугу, а сначала мимо Калуги в ближайший монастырь, послал несколько монахов к калужанам, велел сообщить им, что поганый польский король не раз требовал от него, чтобы он уступил ему Северские земли, которые в прежние времена принадлежали Польше, но он ему отказывал ради того, чтобы поганая вера не укоренилась в этих землях, а теперь король подговаривает его военачальника Романа Рожинского и поляков, которые так долго ему служили, чтобы они схватили его и привели к королю под Смоленск, а он, Димитрий, узнав об этом, скрылся и спрашивает теперь народ, что они собираются делать и решить в его деле. Если они останутся ему верны, то он приедет к ним, с помощью Николая (Угодника) и всех присягнувших ему городов отомстит не только Шуйскому, но и своим клятвопреступным полякам так, чтобы они это хорошенько почувствовали. Он готов умереть вместе с народом за христианскую московитскую веру и все остальные поганые веры искоренит, польскому же королю ни села, ни деревеньки, ни деревца, ни тем более города или княжества не уступит.

Это очень понравилось русским в Калуге, они сами пришли к нему в монастырь, поднесли ему хлеб и соль и повели его с собой в калужский острог, в палаты воеводы Скотницкого, подарили ему одежду, лошадей и сани, позаботились о его кухне и погребе. А произошло это 17 января Нового 1610 года.

Что в 1610 году произошло и случилось с Димитрием, с Шуйским, а затем также и с его величеством, королем польским

После этого Димитрий написал князю Григорию Шаховскому, который с несколькими тысячами казаков выступил против польского короля и стоял лагерем у Царева Займища недалеко от Вязьмы, чтобы он повернул назад и быстро шел опять в Калугу. Тот пришел на пятый день после Дня поклонения волхвов в Калугу, и там был основан новый царский двор. Димитрий написал во все города, оставшиеся на его стороне, чтобы всех поляков, которые были в их местах или придут туда, убивали, а все их имущество доставляли ему в Калугу. Если купцы или воины владели имуществом на селе или в городе, то все это следовало у них забрать и никого из них в живых не оставлять.

Боже милостивый, сколько благородных поляков при этом непредвиденном обороте дела плачевно лишилось жизни, было притащено к реке и брошено на съедение рыбам! Сотни купцов,

которые направлялись в Путивль и Смоленск и везли в лагерь бархат, шелк, ружья, вооружение, вино и пряности, были захвачены казаками и приведены в Калугу. Димитрий отнял у них все и не оставил им ничего, чем они могли бы поддержать свою жизнь, так что тот, кто раньше был богат и имел тысячи, теперь был вынужден побираться в Калуге, а у многих отняли и жизнь. Одному Богу и тем немцам, которые в то время жили в Калуге, Перемышле и Козельске, до конца известно, сколько страха, бедствий и ужаса им не раз приходилось испытывать вместе с поляками.

Сначала Димитрий очень благоволил немцам, но когда Понтус со своими ратниками, главным образом немцами, нанес ему так много вреда, он стал злейшим врагом немцев, и более всего потому, что из-за происков польского короля он был вынужден тайно покинуть свой лагерь и свое войско и бежать. Сначала он отнял у немцев все их поместья, потом он забрал у них дома и дворы со всем, что у них там было, и все это отдал русским по той единственной причине, что их недоброжелатели — русские — ложно донесли ему на них, будто бы они больше хотели быть у поляков, чем у русских, и тайно ведут переговоры с польским королем, воины которого из королевского лагеря под Смоленском часто наезжали в те места, где был Димитрий. Поэтому немцы должны были ежечасно ожидать смерти. Он запретил нам даже наше богослужение, и мы, бедные люди, пребывали в это время в немалой скорби и тревоге, особенно наш проповедник и духовный пастырь, господин Мартин Бер, на жизнь и имущество которого там, в Козельске, зарились 25 попов, но Господь Бог чудесным образом защитил его от них и сохранил.

На другой день после того, как Димитрий второй убежал из лагеря, поляки и московитские князья и бояре вместе с патриархом Федором Никитичем, который был у них в лагере, созвали собор и совет о том, что теперь делать, когда Димитрий сбежал. Они все поклялись быть в дружбе друг с другом, а также не переходить ни к польскому королю, ни к Шуйскому, а если явится кто-либо, кто будет выдавать себя за Димитрия, не верить ему и не признавать его, а тем более не принимать обратно его самого. Они стали поносить и царицу Марину Юрьевну, да так, что писать об этом не приличествует, и это побудило ее тайно скрыться из лагеря в Дмитров к господину Сапеге.

3 января 1610 года Димитрий второй послал одного боярина, по имени Иван Плещеев, из Калуги в лагерь разведать, какого о нем мнения рядовые поляки и что они говорят, думают ли они, что лучше было бы, если бы он остался и был с ними, или нет. Если тот заметит, что они с охотой примут его обратно, то пусть

скажет им, что царь Димитрий повелел сообщить им следующее: он потому отсутствует, что хочет набрать денег, и с этими деньгами как можно скорее приедет к вам и заплатит вам за несколько кварталов, если вы живым или мертвым доставите в Калугу его воеводу Романа Рожинского, этого клятвопреступного изменника. Поляки очень легко согласились бы на это, если бы вышеупомянутая клятва, которую они дали после бегства Димитрия, не послужила им помехой и не удержала бы их. Ничего не добившись этими происками, Плещеев взялся за Ивана Мартыновича Заруцкого, который был полковником над 20 000 казаков, попробовал, не удастся ли ему подбить его и его казаков на то, чтобы они покинули лагерь и поляков и перешли в Калугу к Димитрию, но и в этом не преуспел. Полковник Заруцкий отправился с большинством казаков из лагеря под Смоленск к польскому королю. Многие казаки, которым до смерти надоела эта диковинная война, ушли снова в Дикое поле, а в Калугу к господину Димитрию направились только 500 казаков, за которыми погнались поляки из лагеря и в пути многих из них затоптали конями или убили.

Вскоре после этого Димитрий послал в лагерь к полякам еще и калужского воеводу пана Казимира, настоящего Вер-тумна. Этот с поляками был истым поляком, а с русскими — истым русским. Когда он заметил, что ничего не может добиться у поляков, он так долго ластился к господину Рожинскому, что ему наконец разрешили снова уехать в Калугу, чтобы забрать оттуда и тайно переправить в лагерь все его оставшееся там добро, но обязали его, после того как это будет сделано, тоже тайком удрать и вернуться в лагерь к полякам. Этому Казимиру Рожинский дал записку для господина Скотницкого, который долго воеводил там, но потом впал у Димитрия в немилость и был смещен, ибо отказался идти против польского короля. В записке этой было написано, чтобы Скотницкий сплотил вокруг себя всех поляков, которые были на заставах в Калужском крае, и они схватили бы Димитрия и привезли его в лагерь.

Записку придворный льстец Казимир отдал самому Димитрию, сказав, чтобы он почитал, что пишет его вероломный полководец Рожинский воеводе Скотницкому. Как только Димитрий, читая записку, узнал, что он столь коварно должен быть схвачен Скотницким, он разъярился и тотчас же, не расследовав дела и не учинив допроса, приказал палачу и его подручным взять ночью Скотницкого, отвести его к реке Оке, протекающей у Калуги, и спустить его под лед.

Когда же бедняга спросил, почему с ним так поступают, что он такого сделал, в чем его преступление, почему с ним, не

выслушав его и не спросив, так обращаются в этой темени, подручные палача ответили, что царь Димитрий приказал им не спорить с ним, а стащить его в реку. Они накинули ему на шею веревку и поспешили с ним к реке, словно они тащили дохлую собаку. Последние его слова были: сЕсли такова награда за то, что я в течение 2 лет так преданно служил и выдержал такую тяжкую осаду, то да сжалится надо мной господь!» У его жены и детей было отнято все, что они имели, и отдано пану Казимиру за совершенное им предательство. При этом Димитрий в ярости поклялся, что если Бог поможет ему сесть на свой престол, он не оставит в живых ни одного иноземца, даже младенца в утробе матери.

13 января упомянутого года приехал в Калугу самый преданный каморник царицы Юрген Кребсберг, родом из Померании, переодетый в крестьянское платье. Царица послала его из Дмитрова с устным поручением к своему супругу Димитрию. Его приняли с радостью, богато одарили и отправили спешно обратно также с устным ответом, в котором было сказано, чтобы царица приложила все усилия и старания, чтобы тайно как можно скорее выбраться оттуда в Калугу к Димитрию, а не дала бы полякам увезти себя оттуда к королю под Смоленск, о каковом намерении поляков Димитрию доставлены достоверные сведения и т. п.

В это же время Скопин и Понтус наконец собрались идти на Дмитров, под которым в постоянном страхе стоял господин Сапега, почему он и посоветовал царице, если она желает ехать в Польшу к своему отцу и матери и не хочет попасть во власть Скопина и Понтуса, тайно выйти и отправиться в Калугу к своему супругу. Царица ответила: «Чем мне, русской царице, с таким позором возвращаться к моим родным в Польшу, лучше уж погибнуть в России. Я разделю с моим супругом все, что Бог нам предопределил». И она тотчас же приказала сделать себе из красного бархата мужской костюм польского покроя, надела его, вооружилась ружьем и саблей, а также надела сапоги и шпоры и выбрала хорошего быстрого коня. Сапега дал ей в провожатые московитских немцев, которые были у него в Дмитрове, и 50 казаков; с ними она не хуже любого воина проехала 45 немецких миль и ночью после Сретенья прибыла в Калугу.

В Калуге перед воротами она сказала страже, что она доверенный каморник Димитрия со спешным и очень важным к нему донесением, о котором никто, кроме него самого, не должен знать. Царь сразу сообразил, в чем дело, приказал казакам хорошенько охранять ворота, а камор-ника впустить. Тот сейчас же поехал к кремлю, к царскому крыльцу, спрыгнул там с коня,

предстал пред очи своего государя и тем доставил ему большую радость. А так как привезенная царицей из Польши женская свита уехала с цари-цыным отцом в Польшу, то она взяла себе новую свиту из немецких девушек, родители которых жили в этих местах. Гофмейстериной над ними назначила тоже немку и все время очень благожелательно и благосклонно относилась к немцам, что она и доказала на деле (как вскоре будет рассказано), когда спасла нас от крайней опасности и смерти и сохранила нам жизнь.

Вскоре после этого, едва царица уехала, Скопин захватил острог под крепостью Дмитров. Сапега со служившими у него поляками оставил крепость Дмитров, прошел мимо большого лагеря Димитрия под Москвою к монастырю Св. Иосифа, поставил там несколько сот казаков, а сам направился в Смоленск к королю. Остальное его войско разбило зимний лагерь на реке Угре в очень плодородной и обильной скотом местности, которую все это время еще ни разу не посещали войска, но в эту зиму и весну ей сильно досталось. Упомянутый переход господина Сапеги послужил причиной тому, что поляки и казаки тоже не захотели оставаться в большом лагере.

Несколько московитских вельмож, как, например, Иван Тарасович и Михаил Глебович Салтыков, явились со многими другими князьями и боярами под Смоленск к королю и — как хитрые, лукавые умы — посоветовали королю, раз в России сейчас больше нет прирожденного наследного государя, который мог бы быть царем в такой монархии, отправиться и попытать счастья, поскольку к тому же благодаря Димитрию второму к Москве перекинут превосходный мост, да и вся страна до Москвы тоже обессилена и усмирена и т. п. Такого благоприятного случая ему, пока стоит город, не видать, если он пропустит его сейчас. Они же сами постараются среди своих соотечественников в Москве и поспособствуют тому, чтобы Шуйский был свергнут, а его величество или его сына избрали и приняли.

Оставленные Димитрием поляки также отправили своих послов под Смоленск к королю, вызывались прийти к его величеству и пойти против московитов, если им выплатят все, что им остался должен Димитрий второй. В этом его величество отказал им и ответил, что если они хотят служить его величеству, то жалованье они, наравне с другими его воинами, будут получать со времени поступления на службу

Но поляки были недовольны таким решением, одни стали ругать полководца Рожинского за то, что он изгнал их государя Димитрия ради короля, и себя за то, что они нечестно поступили с Димитрием, нарушив принесенную ему присягу, в силу которой

они так долго служили ему. Очень немногие пренебрегли не полученным у Димитрия жалованьем и поехали к королю. Большинство отправилось на Угру к войску Сапеги и стало там ждать, какие окончательные сведения относительно жалованья привезет Сапега, возвратившись от короля. Тем временем они на всем протяжении грабили этот сытый край, делали на него набеги, разоряя и опустошая все.

Скопин и Понтус со своими иноземцами дошли до Москвы, не встретив больше сопротивления. Вся эта сторона от Лифляндии и Шведского государства до Москвы в один год была настолько очищена от войска Димитрия, что не видать было больше ни одного поляка или казака из 100 000 человек, которые почти два года стояли под Москвой и под Троицей и вовсю хозяйничали там, ибо всех их принудил отступить небольшой отрядец немцев и солдат других народностей под начальством Понтуса.

Как Понтус Делагарди и его войско были приняты в Москве Шуйским и как Скопил был восхваляем за свою службу

Понтусу и всем пришедшим с ним войскам московский царь Шуйский был очень рад, часто посылал им отменное угощение из своих царских кухонь и погребов, почтил всех офицеров по случаю прибытия золотой и серебряной посудой из своей казны, заплатил сполна всему войску все, что им причиталось, золотом, серебром и соболями. Но когда Понтус и кум Вейт набили мошну, они обнаглели и стали учинять в городе одно безобразие за другим, поэтому они сильно надоели московитам, и те дождаться не могли, чтобы Бог поскорее послал хорошую погоду и сошел бы снег, вскрылись реки, установился хороший путь и можно было бы этих храбрых вояк послать в поле на врага и избавиться от них в городе.

Бедному отважному герою Скопину за то, что он был в Шведском государстве и на благо своего царя и отечества привел иноземное войско, да еще вместе с ним целый год не один раз не жалел своей жизни и крепко держался против врага, было воздано такое «благодарение Богу», что Шуйский приказал поднести ему яд и отравить его. Причиной этого было не что иное, как то, что немцы и другие народности, а также и множествосамих московитов уважали егоза мудрость и храбрость больше, чем Шуйского. О его смерти скорбела вся Москва.

В Пасху господин Сапега вернулся от короля к своему и Рожинского войску на Угре с таким окончательным ответом: король не желает ничего платить за службу, которую они несли у Димитрия, а то, что они выслужат у его величества, будет полностью выплачиваться им по кварталам. После получения

этого ответа все рыцарство из войска Сапеги и Рожинского отправило посольство в Калугу к своему государю Димитрию сказать ему, что они не виновны в кознях, которые строил против него Рожинский, ибо ни разу в жизни у них и в мыслях не было изменять ему, почему они и не поехали к королю, как другие, а остались в лагере. Рожинскому же Бог воздал позаслугам, он теперь уже умер, егосообщников тоже уже нет с ними в лагере, они отделились и отправились к королю.

Если Димитрий заплатит им за три квартала, то остальное они подождут, будут служить ему дальше и второй раз попытают с ним счастья под Москвой. Так как Димитрию это предложение понравилось, он приказал послать полякам благоприятный ответ, — он, мол, уже распорядился относительно денег и ждет их с часу на час, и, как только деньги будут доставлены, он как можно скорее направится к ним. Для сбора этих денег он наложил на страну особый и очень большой налог и получил многотысяч рублей. Он собрался со своими вновь набранными русскими, казаками, татарами и поляками на Угру, столковался с ними, выплатил им за три квартала, снова привел их к присяге и дал распоряжение все дела повести так, чтобы сразу после Троицына дня можно было бы снова пограбить под Москвой. Примерно в это же время Шуйский послал из Москвы свое иноземное войско вместе с русскими очистить дороги на Смоленск, а также наведаться к королю там, под Смоленском, и при этом дал Понтусу столько денег, чтобы тот мог, когда придет срок, заплатить людям. Понтус со своими людьми, так же как и главное войско московитов, остался в Можайске, а Григорий Валуев с небольшим отрядом был послан разведать, встретят ли они в поле сопротивление со стороны королевского войска.

Когда Валуев дошел до Царева-Займища и получил там подробные сведения о том, что господин Станислав Жолкев-ский находится неподалеку оттуда с превосходно вооруженными силами, он наскоро разбил лагерь прямо в поле, укрепился как только мог лучше и послал спешное донесение об этом в Можайск. Узнав об этом, Жолкевский спешно отправился туда и осадил там Валуева. Получив известие, что Жолкевский так близко, те, что были в Можайске, поспешили выступить, чтобы освободить Валуева от осады. Это было 23 июня.

Жолкевский, получив сведения, что главное войско тоже приближается, устроил ложный лагерь под валуевскими шанцами, велел повтыкать вокруг своего лагеря множество хмелевых жердин и приказал, чтобы только несколько сотен легких конников показывались валуевским людям. Когда на рассвете оба лагеря усердно наблюдали друг за другом, а те,

которые стояли на часах, стали переговариваться друг с другом, поляки решились предложить валуевцам, чтобы те сдались королю добром. Тем временем Жолкевский дошел до московитов и до Понтуса, и в день Иоанна Крестителя, 24 июня, они сошлись в шести милях от Можайска и вступили в битву на поле под Клушином. Как только бой начался, от Понтуса отпали два полка французских конников, перешли к Жолкевскому и вместе с поляками стали стрелять в людей Понтуса и в московитов, отчего московиты впали в такое уныние, что повернули врагам спины и убежали в Москву, а немецкий пеший отряд бросили на произвол судьбы. Все же те храбро оборонялись некоторое время от поляков и убили несколько знатных поляков, надеясь, что московиты вернутся и их выручат. Но так как о возвращении московитов что-то не слышно было, а держаться против поляков им постепенно становилось невмоготу, они вступили в переговоры с поляками и обязались сдаться, если поляки клятвенно обещают, что им будет сохранена жизнь, если же этого не произойдет, то они будут держаться и защищаться до последнего человека, от чего и полякам несладко придется.

Поляки немного отошли, посоветовались и согласились на том, чтобы обещать немцам принять их на милость. Они послали к ним пана Зборовского, который поклялся, что им не причинят никакого вреда. Но так как среди немецких солдат были такие, которым было хорошо известно, как поляки сдержали свою клятву в Лифляндии под Дюнамюнде, когда солдаты отдали свои мушкеты, а потом были перебиты поляками как собаки, то они напомнили полякам об этом вероломстве и возразили, что положиться на клятву одного-единственного человека они не могут. Тогда к ним явились самые знатные вельможи и все поклялись, что с немцами поступят честно, а кроме того, дозволят всем оставить у себя верхнее и нижнее оружие, так что не нужно бояться никакого обмана. После этого немцы сдались, и все, что им было обещано, было честно выполнено. Тот, кто хотел служить королю, приносил клятву, кто же не хотел оставаться, а хотел уехать из страны, тому тоже это разрешалось.

Одержав эту победу, прогнав московитов с поля и разграбив их лагерь со всеми боевыми припасами и со всем, что у них там было, в том числе забрав и деньги, которые Шуйский дал с собой Понтусу для оплаты воинских людей, Жолкевский вернулся с радостью и великим торжеством в Царево-Займище и привел с собой много пленных бояр. Этих бояр он поставил перед укреплениями Валуева для того, чтобы тот услышал от них, что вся московитская сила разбита и бежала в Москву, а Жолкевскому достался в добычу весь лагерь со всем, что там было; они

рассказали ему также, что сдались и присягнули королю и немцы, каковых он, Валуев, видит теперь воочию, ибо они пришли дружески увещевать его одуматься и не сопротивляться дольше Жолкевскому и имеющимся у него воинским силам его королевского величества, а избрать то, что послужит к сохранению жизни и имущества как его самого, так и подначальных ему людей. Если он послушает их сов'ета, то ни ему, ни всем им не будет причинено никакого вреда. После этого Валуев объявил, что раз Бог даровал такую победу королевским войскам, а он достаточно ясно видит это сейчас, то он не станет дольше противиться его королевскому величеству и его силе и сдается добром со всеми имеющимися у него людьми. Когда это произошло, господин Жолкевский со всеми поляками, немцами, французами и русскими одним общим войском пошел назад к Москве в лагерь, где стоял Димитрий второй, с той же стороны осадил город и частенько славно забавлялся, когда московиты делали вылазки.

В это время пришли из Погорелова, тоже в России, мосье Лавиль и ротмистр Эбергард фон Горн со своими полками, немецкими и французскими. Королевские ратники взяли Иосифов монастырь, где находились еще воины Димитрия, когорыхтам оставил Сапега, когда он все свое войско отправил на Угру, а сам уехал к королю под Смоленск. Все они были перебиты упомянутыми немцами и французами, ни один не был оставлен в живых.

Димитрий из-за этого так разъярился, что чуть не приказал всех бывших у него немцев тотчас же бросить в реку, и очень гневно сказал: «Теперь я вижу, что немцы совсем не преданы мне, они перешли к этому нехристю, польскому королю, а у меня, единственного под солнцем христианского царя, они побивают людей. Вот буду я на троне, тогда все немцы в России поплатятся за это». Этот сатанинский обет пришелся весьма по душе князьям и боярам, и поэтому они бесстыдно порочили немцев, живущих в местах, захваченных Димитрием, возводя всяческую ложь на них, особенно же на тех, кто жил в Козельске.

Ложные доносы на немцев делали советники Димитрия, а именно: князья Григорий Шаховский, Трубецкой, Рындин, Петр Алексеевич, Михаил Константинович Юшков, Третьяков, Никифорович и еще некоторые другие. Все они получили и заняли те превосходные поместья, которые в свое время Димитрий дал немцам за верную службу. Поэтому они опасались, что если немцы останутся в милости, то эти поместья могут быть у них отняты и снова отданы немцам. По этой причине они день и ночь обдумывали, как бы изгнать нас навсегда, лишить нас жизни

и удержать наши поместья (и это — невзирая на то, что мы три полных года верою служили Димитрию, проливали за него свою кровь, потеряли здоровье и многих родных). Поскольку эти безбожные люди неоднократно слышали, что Димитрий поклялся, будучи в гневном расположении духа, не оставить в живых ни одного немца из-за того вреда, какой причинили ему королевские немцы (о чем говорилось выше), они предстали пред ним и сказали, что козельские немцы писали польскому королю и предлагали сдать ему город, и король тоже прислал им ответное письмо. Кроме того, эти лица говорили еще, что, когда люди Димитрия терпят какую-либо неудачу в поле или же на укреплениях, немцы будто этому радуются, день и ночь поют и пляшут в крепости и веселятся, в то время как его московиты грустят и плачут.

По этой причине Димитрий еще больше разъярился на немцев, тотчас же послал в Козельск нарочного с приказом живущих там немцев, 52 человека, мужчин и юношей, вести, не глядя, день или ночь, на расправу в Калугу, чтобы всех их без всякого дознания сбросить в реку Оку, а вместе с ними также и тех немцев, которые жили в Калуге, что и случилось бы, если бы этому не помешал пастор и духовный отец козельских немцев, господин Мартин Бер из Нейштадта (которого вместе с ними погнали из Козельска, чтобы и ему досталось со всеми вместе).

Этот пастор дорогой допросил всех, от капитана до последнего рядового, строго призвал каждого особо, если они писали польскому королю под Смоленск, или получали оттуда какие-либо письма, или знали о каком-либо ином предательстве по отношению к царю Димитрию, сказать как на присяге об этом и ничего не утаить, чтобы можно было так подготовиться к дознанию, чтобы оно прошло без опасности и без вреда и никто ни на кого не указал бы.

После того как они все вкупе поклялись, под открытым небом, что не знают за собой вины перед своим царем, пастор в свою очередь сказал: «Я тоже клянусь, что мне не известно ни о какой измене царю,— и добавил: — Господь всемогущий слышит и видит все это, он знает, что все мы невинны. Так пойдем же без страха вперед. Господь хорошо знает своих детей, и никто не вырвет их из его десницы. В руках его сердце царя, и он так направит его, что не допустит причинить нам какое-либо зло. Лукавый ум всех наших недоброжелателей он превратит в глупость, и все их злоумышления не приведут ни к чему (если на то будет воля господня), как бы хитро они ни поступали. Господь идет иными путями, и все в деснице его».

Хотя этими словами пастору очень хотелось вдохнуть в

немцев неустрашимое мужество, большинство все же продолжало пребывать в грусти и печали, придумывая самые диковинные способы избежать смерти,— ведь жизнь естественна и приятна, а смерть ужасна и отвратительна,— пока они, наконец, не приехали к реке Оке, которая протекает у Калуги, где Димитрий держал двор.

Тут пастор приказал задать здесь на лугу корму лошадям и ожидать, пока он их не позовет, сам же собрался идти на ту сторону реки, чтобы узнать у своих духовных дочерей в царицыной женской половине, что могло быть причиной столь великой немилости. Он взял с собой туда ротмистра Давида Гильбертса,прапорщика Томаса Морица и двух дворян из Лифляндии, Иоганна фон Рейнина и Рейнгольда Эн-гельгардта. Они переправились через реку и незаметно прокрались на женскую половину, что привело в великий ужас гоф-мейстерину и девиц, которые стали спрашивать пастора, чего ради он путешествует с придворными, почему он не сидит дома со своими и т. п., и начали плакать из-за царского гнева против немцев, жаловаться, что ничьи просьбы у царя не помогают, и сказали, что все приведенные должны сегодня умереть.

Пастор ответил: «Да поможет нам тогда господь. Он знает, что мы невинны. Если нам суждено умереть, мы утешимся тем, что поистине пострадаем не как преступники, а как христиане, которых много раз преследовали клеветой и убивали, но они тем не менее остались слугами господа Бога, который в свое время все дела рассудит и за все отомстит». «Русские,— сказал он,— меня тоже схватили, хотя я служу не царю, а Богу и моей маленькой общине, ни в чем не погрешил против царя, а все время с моей маленькой общиной ревностно за него молился, чтобы господь ему помог. Вот он теперь и вознаграждает нас так, как мир всегда вознаграждал христиан. Среди нас нет ни одного, кто в чем-нибудь погрешил бы против царя, в этом каждый поклялся мне по дороге под страхом потери царствия небесного. Поэтому мы спокойно пошли дальше, вручив пути свои Богу всеблагому, дабы он поступил с нами, как угодно будет ему. Если бы среди нас были такие, у кого совесть нечиста, то они нашли бы совсем другие пути и дороги».

После этого пастор попросил гофмейстерину и немецких девиц, чтобы они пали смиренно в ноги милостивой царице и жалостными мольбами и слезами побудили бы ее обратиться к царю с ходатайством за немцев, но не о том, чтобы он пощадил изменников и тех, кто действовал против него, а о том, чтобы он не дал без допроса уничтожить вместе с виновными и невиновных. Пусть они скажут еще, что среди приведенных много

невинных отроков, а также их духовный отец, немецкий пастор, и что многие их кровные родственники, оставшиеся еще в живых в этой трехлетней войне, тогда как все остальные погибли на поле брани за его величество, будут самыми несчастными людьми во всей России, если уж и эти теперь будут утоплены. Пусть милостивая царица уж постарается склонить его величество усерднейшими просьбами к тому, чтобы он отделил виновных и наказал их в гневе своем так, чтобы это послужило уроком другим, а невинных во имя Божие помиловал. Об этом бедные, тяжко скорбящие немцы нижайше и верноподданнейше и даже еще смиренней позволяют себе во имя божие умолять и царя и царицу.

С этим поручением все женщины отправились к царице в слезах и печали, так что ни старые, ни молодые не могли говорить, отчего сама царица едва не заплакала, тотчас же поняла их намерение, приказала им встать и спросила: «Что, немцы пришли из Козельска?» А когда они, рыдая, ответили: «Да, русские пригнали всех мужчин и юношей, даже нашего духовного отца»,— и тут прежалостно изложили все, что им было поручено, царица сказала: «Дети мои, перестаньте плакать. Правда, государь мой сильно разгневан на них, а также и на тех, которые живут здесь в Калуге, и поклялся не допустить ни одного из них пред свои очи, а также приказал, как только они приедут, отвести всех к Оке и утопить, но я все же попытаюсь, ради ваших воплей и стенаний, не смогу ли я на этот раз выпросить им прощение».

Поэтому она послала одного из своих каморников к кровожадному князю Григорию Шаховскому (ему было приказано привести в исполнение приговор царского гнева над немцами, когда они приедут) и приказала сказать ему, чтобы он под страхом потери жизни и имущества воздержался от выполнения полученного приказания впредь до дальнейшего распоряжения от нее. Второго каморника она послала к царю, приказав просить его величество снизойти к ее просьбе и прийти к ней на одно слово, но царь отказал в этом и сказал: «Я отлично знаю, что она будет просить за своих поганых немцев, я не пойду. Они сегодня же умрут, не будь я Димитрий, а если она будет слишком досаждать мне из-за них, я прикажу и ее тоже бросить в воду вместе с немцами»

Этот гневный и немилостивый ответ очень смутил благочестивую царицу а женщин и девушек еще больше. Царица сказала: «Бог знает, какое зло содеяли эти люди». Одна девушка побежала с воплями и плачем к пастору и сообщила ему, что царица на свою просьбу получила немилостивый ответ и ни на какое помилование надеяться не приходится, ибо царь сказал, что

они все умрут, не будь он Димитрий.

Пастор ответил: «Ну, что же. Да свершится воля господня во веки веков»,— после чего послал одного из дворян, по имени Рейнгольд Энгельгардт, туда, за Оку, и велел всем остальным переправиться на этот берег и захватить с собой церковную утварь, чтобы сначала всем вместе причаститься, а потом во имя Божие взять на себя крест и последовать за господом Иисусом Христом. Пока они не прибыли, пастор молился и пел молитвы и псалмы, которые он сам сочинил в этой беде и которые можно найти в конце этой книги.

Между тем царица вместе со своими женщинами собралась и сама пошла к своему супругу. Вместе с женщинами и девушками она бросилась на колени перед ним и стала с плачем и слезами смиреннейше просить, чтобы он не миловал мерзавцев, воров и изменников, но и в гневе необдуманно не пролил бы невинной крови, дабы не пришлось ему потом раскаиваться так же, как он раскаивался в казни воеводы Скотницкого, когда обнаружилась его невиновность.

Пусть он подумает только: из Козельска пришло 52 души, да еще все те, кто живет в Калуге. Среди них есть пастор, невинные юноши, есть и женатые люди, жены и дети которых останутся в бедственном положении и тотчас же начнут кричать и вопить, жалуясь на него. Не должно ему по злобе без причины увеличивать число вдов и сирот и взваливать на себя их слезы, вздохи, сетования и укоры. Если ему известны предатели, пусть он выделит виновных и накажет их по заслугам.

Хотя сначала царь держал себя неприступно и строго, в конце концов он все же был растроган и смягчен столь взволнованными словами царицы, встал, подошел к ней, сам взял ее за руки и поднял, велел подняться и женщинам, спросил своего каморника, как далеко отстоит Козельск от Калуги, и когда тот ответил, что двенадцать миль, он сказал: «Если это так далеко, а они уже с вечера здесь, а я ведь только вчера послал туда приказ привести их сюда, значит, мои князья и бояре из ненависти наговорили на немцев больше, чем может быть в действительности, я удивлен их быстрым прибытием». Обратившись к царице, он сказал: «Ну, так и быть. Это твои люди, они помилованы, бери их и делай с ними что хочешь».

И вот, когда немцы в глубокой печали собрались у меня дома и каждый готовился к исповеди, отпущению грехов и причастию, пришел старший каморник царицы с радостной вестью и сказал, чтобы мы больше не грустили, а радовались, ибо царский гнев утих, царица добилась для нас помилования, а поэтому нам следует от всего сердца благодарить господа Бога и царицу, а

также молиться за нее и за царя и за их всяческое благополучие. Ведь царица для немцев не только царица, а и добрая мать, и всем нам, немцам, следует все наши помыслы направить на то, чтобы нас считали верными, покорными и хорошими детьми и т. п.

Пастор ответил за всех нас: «Да сохранит Господь нашу праведную и добрую царицу и любезного ее супруга, нашего всемилостивейшего царя и государя, на долголетнее, благоденственное житие! Мы смиреннейше и от всего сердца благодарим нашу добрую достохвальную царицу за большие труды и за приложенные благие старания. Мы будем неотступно взывать к Господу праведному и просить, чтобы во всемогуществе своем он даровал нашему всемилостивейшему царю и нашей всемилостивейшей царице постоянное благополучие и преодоление всех их врагов, чтобы он отечески оградил и сохранил их от всякой напасти. Мы обещаем также быть готовыми в любое время без колебаний предоставить себя и свою жизнь для любой службы, требующей преданности, впредь, как и раньше, днем и ночью, по мере надобности. С божьей помощью мы везде будем так себя держать, что у его величества не явится никакого повода для справедливой немилости».

Когда каморник ушел, пастор сказал: «Дорогие друзья! Это уже третий раз, что мы так постыдно оклеветаны и оговорены перед царем. Нас могут опять оговорить и оклеветать в такое время, когда у нас не будет возможности обратиться к царице, и тогда с нами будет покончено, а кто мертв, тот и останется мертвым. Женщины же и дети немного выиграют от того, что мы умрем невинными. Давайте подадим прошение царице и усерднейше и смиреннейше поблагодарим ее за неизменное усердное заступничество (благодаря которому она добилась, что царский гнев не поразил нас и мы, ни в чем не повинные, не были брошены в воду) и будем умолять царицу (поскольку ни о какой измене царю нам не известно), чтобы она просьбами убедила его величество призвать тех, которые нас оговорили, вместе с нами на суд в присутствии всех. Если письмами или как-либо иначе будет установлена и доказана какая-либо наша неверность или измена, то тогда пусть мы все, невиновные и виновные, понесем наказание за это и умрем».

Так как этот совет всем нам очень понравился, то такое прошение тотчас же было изготовлено и переправлено к царице, она его прочла про себя и тотчас же передала царю. Когда царь тоже прочел прошение, он улыбнулся и сказал: «Это правда, я никогда не замечал, чтобы мои немцы были мне неверны, вот уже три года, как они несли у меня трудную и тяжкую службу. Завтра

утром под открытым небом перед всем народом я по их просьбе буду судить их»,— что действительно и произошло.

Когда он на следующее утро собрался ехать в церковь на молитву и заметил немцев, которых он тотчас же узнал, он назвал некоторых по имени и сказал: «Вы, немцы из Козельска и из Калуги, очень долго служили мне, и я вас хорошо наградил, пожаловал вам владения князей и бояр и так обеспечил, что никто из вас не знал никакой нужды, а стали все богатыми людьми, что вы и сами должны признать и вашим соседям известно. Ныне я отнял у вас эти владения и поделил их между моими князьями и боярами, потому что вы изменили мне, предали меня, крепость мою Козельск, в которой вы живете, предложили поганому польскому королю и хотели перейти к нему. Поэтому я вытребовал вас сюда и намеревался утопить вас».

Мы сделали царю надлежащий поклон и сказали: «Дай Бог тебе, нашему царю, доброго здравия. Мы невиновны, мы проливали за тебя свою кровь, служили тебе верою и не знаем ни о каком предательстве. Мы никогда и в мыслях не имели того, что на нас наговорили твоему величеству. Мы не просим милости, если мы виновны, то вот мы стоим здесь и просим Бога ради суда. Кто из нас виновен, тому воздай по заслугам, но вели нашим обвинителям сказать свое слово раньше нас, чтобы мы могли слышать, что они донесли твоему величеству, и могли бы на это дать ответ». Царь со своими вельможами спустился с крыльца и сказал немцам: «Здесь некоторые из них у вас перед глазами»,— и, указав пальцем на князей и бояр, прибавил еще: «Мне сообщили это ваш козельский воевода и некоторые попы, бояре, горожане и крестьяне». Мы ответили: «Твоему величеству подвластны как князья, бояре, воеводы, попы, горожане и крестьяне, так и мы, иноземцы, заставь их загладить ошибку или поставь их на наше место».

Царь между тем вскочил на своего коня, повернулся к своим вельможам и сказал: «Я вижу невиновность моих иноземцев, и сдается мне, что вы возводите на них напраслину. Слышите, что они говорят? Если у вас есть письма или вы что-нибудь о них знаете, то покажите их сейчас» и т. п. А так как у них ничего не было и они не могли ничего предъявить, то они обругали нас пришлыми и сказали: «...латыши. Мы здешние жители, они жрут с нами, а не мы с ними».

Тогда царь ласково сказал нам: «Я вижу, что с вами поступили несправедливо и что мои вельможи вам враждебны и ненавидят вас. То, что я у вас отнял, будет возвращено вам сполна». Русским он тогда же сказал: «Вы, князья и бояре, верните им их поместья, ради которых вы этих честных людей подвергли

такой опасности, что если бы Бог не судил иначе, то вы уже радовались бы их гибели. Вы же, немцы, будьте и впредь мне так же верны, как были до сих пор, я пожалую вас еще и другими поместьями, а кроме того, вам не нужно больше жить в Козельске среди ваших врагов; живите здесь, у меня в Калуге, чтобы вы были у меня на глазах и мои князья и бояре оставили бы вас в покое». Так это зло послужило к добру и великой чести для праведных, а для важных персон к посрамлению.

Уходя, по дороге, господин пастор сказал своим козельским прихожанам: «Любезные друзья мои, не презрим возможностью избавиться от несчастий. Мы достаточно ясно слышали от царя о том, что вокруг нас живут наши враги, для которых наши дома и дворы и все, что в них есть,— как бельмо в глазу. Я откажусь от ненадежного поместья и первый перевезу сюда жену и детей, а потом, при случае, вывезу и другое. Кто со мной согласен, пусть будет к утру готов. Не будем искушать Бога, мы достаточно натерпелись. Кто любит опасность, тот от нее и погибнет. Бог, конечно, не оставит ненаказанными этих злодеев, откуда бы ни взялся бич».

Некоторые поехали тогда с пастором, перевезли оттуда своих жен и детей и стали жить спокойно в городе Калуге у царя. Те же, которые не вняли добросердечному увещеванию и предостережению словом Божиим, а, помышляя более о корысти, полагали, что в Калуге слишком велики будут расходы на пропитание, тогда как в поместьях оно ничего не стоит, предпочли остаться там, в Козельске, среди богохульников и христопродавцев, вскоре подпали под бич Божий вместе с безбожными варварскими народами.

Из королевского лагеря пришли 4000 «вольных людей», служивших под Смоленском королю польскому с намерением порыскать по местности и пограбить. В первый день сентября они быстро и внезапно, совершенно неожиданно появились под Козельском, в котором в то время совсем не было войска. Когда они это заметили, они так лихо налетели, что за два часа захватили и город и крепость, убив при этом 7000 человек и старых, и молодых и обратив в пепел город и кремль. Князья и бояре вместе с воеводою и немцами (теми, которые пренебрегли достойным доверия искренним предостережением своего пастыря и остались там, в Козельске) были уведены в плен вместе с женами и детьми, многие из них были очень тяжело ранены, и им пришлось бросить все свое добро на произвол судьбы.

Что случилось с женщинами и девушками, когда они попали в панибратовы руки, увы, легко себе представить. Всего этого с ними не произошло бы, если бы они последовали совету своего

пастора и перешли жить вместе с ним и другими немцами в Калугу. Таким образом, по удивительному предначертанию Божию, преследователи и враги немцев столь быстро погибли, и те, которые перед тем намеревались лишить жизни невиновных, сами погибли и вместе с близкими были посрамлены и уничтожены, за что да будет вечная хвала всеблагому Господу Богу.

ГЛАВА XIX О свержении Шуйского с престола и о гибели Димитрия II, а также об избрании господина Владислава, сына Сигизмунда, короля польского и пр.

Так как Жолкевскому, о чем сообщалось выше, посчастливилось одержать победу под Клушином, прогнать московитов с поля битвы, одолеть всех немцев Понтуса, которые не были освобождены от осады, переманить под Царевом-Займищем и Валуева к королю и осадить город Москву со стороны Можайска и так как в Москву, кроме того, пришла весть, что Димитрий второй со своими полками, выступив от Угры, снова двинулся в поход, захватил силой Пафнутиевский монастырь, убил всех монахов, попов, князей, бояр и 500 стрельцов (посланных туда из Москвы), а монастырь разграбил и сжег и т. п., то московиты были в большом страхе, что их снова будут осаждать, да еще два врага сразу, а они ведь только-только освободились от прошлой длительной осады.

Поэтому три знатных боярина, которые уже давно были заодно с Жолкевским и совсем ополячились, а именно — Захарий Ляпунов, Михаил Молчанов и Иван Ржевский, решили поднять бунт против Шуйского. Они взошли 14 июля на Лобное место (на котором обычно обсуждаются все важные дела) и, созвав весь народ, стали с сокрушением говорить о бедственном и тяжком положении Московской земли, о том, что ее опустошают (как волки овчарню) и бедных христиан столь ужасающе уничтожают, и никого нет, кто бы мог или хотел защитить землю. Все, мол, знают, что Шуйскому вот уже третий год нет ни счастья, ни удачи в правлении за то, что он такими ухищрениями добился престола. Сколько, мол, сотен тысяч людей из-за него погибло, и этому кровопролитию не будет конца, пока он сидит на царском престоле, а кроме того, как только он или его братья встречаются с врагом, чтобы вступить с ним в бой, они всегда терпят поражение, покидают поле сражения и устремляются в Москву, отчего страна разоряется и приходит в упадок, люди гибнут, а конца войне не видно. Если их слова могут иметь хоть какой-либо

вес, то они советуют православным свергнуть Шуйского и с единодушного одобрения всех сословий избрать другого царя, который был бы предназначен для этого и дан Богом.

Простонародью это очень понравилось, они сказали: «Совет хорош, и нужно привести его в исполнение». Затем эти три боярина, услышав, что чернь склонна к этому, велели всем жителям идти в Кремль, потребовать к народу главных бояр Шуйского и открыть им свое намерение, что тотчас же и произошло, но многим важным персонам и купцам не слишком понравилось. «Господин наш» побежал с тремя вышеназванными боярами к царю Шуйскому в палаты; у него взяли царскую корону и скипетр, отложили их в сторону, а его самого увели из государевых палат и совсем из Кремля на его прежний двор, выстригли ему гуменце, надели на него клобук и скуфью и сделали его против его воли и желания монахом.

На следующий день они все собрались в открытом поле за городом на той стороне, где не было осады, чтобы всеми сословиями держать совет, кого из знатных вельмож избрать новым царем. Пока один подавал голос за одного, другой — за другого и так далее, из толпы вышли несколько человек и сказали: в самом высоком сословии князей (откуда по справедливости должен быть избран царь) нет никого, кто мог бы похвалиться и сказать, что он выше и знатнее, чем кто-либо другой. Если мы сейчас выберем одного из них царем земли нашей, другие тотчас же начнут его ненавидеть и тайно преследовать, ибо никому неохота кланяться и подчиняться себе равному, в чем мы сами наглядно убедились на примере Бориса Федоровича Годунова. Если бы его не считали недостойным такой чести и оставили его при короне и скипетре без преследования, то нынешние несчастья и бедствия не постигли бы нашу землю.

Поэтому мы полагаем, что разумнее будет избрать совсем чужого вельможу, который был бы прирожденным государем по отцу и по матери и не имел бы себе равного в нашей земле. Ему должны будут по справедливости покоряться и повиноваться как вельможи нашей земли, так и мы, остальные. Что касается теперешнего Димитрия,то всякому хорошо известно, что он вор, обманщик и прельститель, что он был в Белоруссии школьным учителем и слугой у попа и что ему больше приличествуют вместо короны и скипетра виселица и колесо. Если теперь все вельможи в христианском собрании намерены согласиться на это, тогда нам нужно будет подумать об условиях, при которых мы проведем эти выборы, и на что обратить особое внимание, для того чтобы мы остались при своих правах, обычаях и нравах, при своем богослужении и т. д. и нам не навязали бы никаких

новшеств, а также — на что еще нужно и желательно обратить внимание для блага нашей земли и всех нас. Пусть вельможи незамедлительно объявят нам, что они, по их лучшему разумению, думают об этом.

Тогда все сословия закричали, что такое мнение и решение хороши и разумно будет последовать им, после чего все вернулись в согласии и радости в город, заключили перемирие с Жолкевским, полководцем короля, известили его о своем намерении и отправили своих послов под Смоленск к королю сообщить его величеству, что они решили избрать своим царем его сына Владислава и усерднейше просят его величество, чтобы он милостивейше дал свое согласие и одобрение и помог бы им способствовать и содействовать всему, что необходимо для полного завершения и благополучного окончания всего этого дела, дабы они как можно скорее опять получили постоянного государя и тем самым от междоусобицы, кровавой войны и разорения страны вернулись, наконец, снова к благодетельному миру и спокойному состоянию.

Король дал послам благоприятный ответ, очень благосклонно отнесся к этому делу, послал своего доверенного к полководцу Жолкевскому под Москву и дал последнему все полномочия и права вести переговоры с московитами, как он найдет это лучшим и как будет удобнее и приличнее всего. Его величество присовокупил к этому обязательство одобрить и безоговорочно выполнить все то, о чем Жолкевский условится с московитами и в чем он им поклянется. Только два пункта должны быть оговорены и соблюдены, а именно — что сына его величества ни в коем случае не перекрестят, не обратят в московитскую веру, что при его дворе будут и поляки, ибо одним русским его королевское величество не может доверить своего сына. В свою очередь, русским оставят и сохранят в неприкосновенности их религию, нравы, обычаи, законы и суд, и при сыне его величества они будут преуспевать и благоденствовать, а не слабеть и хиреть.

Этими условиями московиты были очень довольны и удовлетворены, затем обе стороны поклялись: московиты — в том, что они примут и признают господина Владислава своим государем и будут почитать его и соблюдать ему верность, если он будет соблюдать условия договора, а Жолкевский поклялся за королевского сына, господина Владислава, что упомянутые статьи тоже будут нерушимо соблюдаться, а Владислав прибудет скоро сам, примет царство и станет управлять.

После того как это было завершено, Жолкевского с его слугами и военными чинами отвели в царский дворец в Москве, отменно угостили и почтили богатыми дарами, а после этого его

и прислугу поместили в особые палаты, чтобы он в Кремле представлял царя, остальные же вернулись снова в лагерь к своим. Затем наступил добрый мир между поляками и московитами, последние ходили в лагерь к полякам, а поляки в город, они вели друг с другом всякие дела, и было между ними большое согласие и единение.

До этого избрания и примирения к Димитрию второму из Москвы перебежали несколько бояр и казаков и сообщили ему приятные вести, а именно, что меньшие московские люди тоже на его стороне и если он снова подойдет к городу, то они вызовут в городе несогласие с большими людьми, и когда это начнется, он поведет дело в соответствии с этим и ему легко будет действовать в городе и т. д. Димитрий двинулся со своими поляками, немцами, казаками, русскими и татарами от Пафнутьева монастыря и встал лагерем между Москвой и Коломенским монастырем в твердой надежде, что таким образом в Москве начнется такой мятеж, как ему донесли, и меньшие люди перейдут на его сторону, а он придет им на помощь и благодаря этому достигнет победы над всем городом.

Но его надежды оказались тщетными, ему пришлось ловить рыбу на суше. Московиты ежедневно делали большие вылазки, храбро схватывались с его людьми и держались крепко, из чего он ясно понял, что дело не пойдет так, как ему представлялось. Поэтому он приказал, чтобы, когда московиты на следующий день опять выйдут, его ратники окружили их со всех сторон и с силой ударили на них, что и произошло, когда московиты снова вышли; их так отколотили, что они едва помнили, как вернулись в город, и с этого дня не отваживались выходить иначе, как с несколькими конными сотнями польских копейщиков из лагеря Жолкевского. Вместе с ними они общими силами нападали на лагерь Димитрия.

Когда Димитрий увидел таких гостей и это множество сотен польских копейщиков у московитов, а вскоре смекнул и понял, как оборачивается дело и что он напрасно надеялся и в особенности, что его поляки уже не так смело и отважно идут в бой, он еще раз дал тягу и в день св. Варфоломея пришел назад в Калугу с большим позором и срамом, но с малым войском — лишь в несколько сотен казаков и романовских татар.

Поляки же, после того как они таким образом помогли московитам прогнать их врага Димитрия, воспользовались этим обстоятельством, чтобы совсем незаметно, день за днем, постепенно, чем далее, тем большими отрядами, прокрадываться в Москву, пока там не оказалось около 5000 поляков и 800 иноземных солдат. Последние были размещены в Кремле, в

стольницкой (самой лучшей крепости в Москве, называемой «императорской резиденцией»), и в их власти был порох и пули и все военные припасы. Эти 5000 поляков расположились в посаде внутри стены, где, собственно, и есть самый город, не желали квартировать ни в каком другом месте и не давали убедить или принудить себя вернуться в лагерь, как этого ни желали и ни добивались московиты, ибо здесь было теплее и лучше, чем в поле, они получали для себя, для слуг и для лошадей корм и муку, а кроме того, ежемесячно полное жалованье из московской казны, отчего казна еще больше истощалась и опустошалась, чем во времена Шуйского.

Димитрию был очень тягостен его позор, а именно то, что поляки вторично ему изменили, а его земляки, русские, ему налгали. Не ожидая больше ничего хорошего ни от тех, ни от других, он сказал себе: «Я должен набрать турок и татар, которые помогут мне вернуть себе мои наследные владения, иначе я ничего не добьюсь, а уж если я и тогда не получу эти владения, то так разорю и разрушу их, что они немногого будут стоить,- и пока я жив, я Россию в покое не оставлк».

После этого он послал одного из еще оставшихся у него поляков, пана Кернозитского (он был более предан Димитрию, чем полякам), в Татарское царство (так называют его московиты, а оно только королевство) Астрахань, расположенное в 500 милях от Москвы. Этот Иоанн, предтеча Димитрия, должен был проложить ему дорогу в Астрахань через широкие невозделанные степи, передать от него привет и большую милость астраханцам и сказать им, что он со своей царицей приедет к ним и будет держать свой двор у них по той причине, что Московитская и Северская земли слишком опоганены нехристями.

Если бы этот переезд состоялся, России пришлось бы еще хуже, но Бог не захотел этого и чудесным образом отвратил беду, лишив Димитрия разума и сделав так, что он начал свирепствовать и среди тех немногих татар и казаков, которые были его самыми верными и любимыми воинами, состояли при нем день и ночь, охраняли его, ездили с ним на охоту и на другие потехи, так что ни один немец или поляк не был к нему так близок. Он приказал тайком бросить в реку Оку и утопить татарского царя Касимовского по той причине, что родной сын этого царя из ненависти ложно донес на него Димитрию, будто бы он намеревается отпасть и уехать в Москву.

Когда об этом жестоком убийстве узнал татарский князь Петр Урусов, он сильно рассердился на Димитрия и на сына утопленного татарского царя, который был источником предательства против собственного отца и не мог отрицать, что

явился причиною его смерти. Этот Урусов решил подкараулить его ночью в Калуге и убить, когда он выйдет от царя и поедет домой. Но ему повстречался другой знатный татарин, по платью и по внешности очень похожий на того, и он снес ему своей саблей голову. Димитрий, которому донесли об этом и подали жалобу на князя Петра Урусова, велел бросить его в тюрьму, несмотря на то что очень его любил (за то, что он очень хорошо знал дороги на Астрахань). Приказал он посадить за приставов еще и 50 других татар и сильно помучить их несколько дней.

Но затем он снова вернул им свою милость, восстановил всех в прежней службе и снова стал доверять им точно так же, как прежде,— брать их с собой на охоту, посылать их в разведку, не только для того, чтобы добывать сведения о королевском войске, но и для того, чтобы всех, какие только попадутся, поляков и польских купцов на больших дорогах, а также польских холопов и слуг во владениях, принадлежавших их господам, хватать и доставлять к нему в Калугу со всем, что у них было.

Службу эту татары несли послушно и старательно (невзирая на то, что они за учиненный им срам и позор таили в сердце сильную ненависть к Димитрию, которую они, однако, искусно скрывали почти два месяца, а потом страшно отомстили ему, о чем будет сказано ниже). Они часто приводили по 10, 11, 12 поляков, которых хватали в ночное время из постелей в поместьях и также много купцов с дорогим товаром и всяким добром, которых они встречали на больших дорогах. Некоторых из этих поляков по приказанию Димитрия лишали жизни тяжким и жестоким способом. Почти каждое утро находили посреди рынка 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 мертвых поляков, убитых ночью, безжалостно израненных и изрубленных и таким образом замученных до смерти. Они валялись под открытым небом до тех пор, пока их наполовину не пожирали собаки, тогда только их увозили, бросали в яму и зарывали. Это были большею частью благородные дворяне и значительные люди. Многих из таких захваченных поляков и польских купцов, как только их привозили в Калугу, отводили к реке Оке и сразу бросали живьем в воду и топили.

Поскольку татары показали себя такими преданными при захвате поляков и проявляли усердие на всякой службе и Димитрий поэтому думал, что все они забыли про тюрьму и позор, он стал доверять им еще больше и, едучи на охоту или на прогулку, брал с собой только своего шута Петра Козлова, отъявленного злодея и кровопийцу, двоих или троих из своей дворни, но ни одного немца, поляка или русского боярина, а вместо них 20 или 30 татар. Им он доверял свою особу, забыв, что

говорится: «Доверься, так и конь твой убежит». Татары эти много раз уезжали и приезжали с ним, были очень старательны и услужливы, пока не дождались удобного времени и случая.

Тогда они дали указание всему своему татарскому войску, чтобы те были в любое время наготове со всем, что у них есть, и как только царь в следующий раз опять поедет на охоту, как можно незаметнее вывели своих близких из Калуги, сами ушли так, чтобы никто из них там не остался, держали путь на Пельну и там дожидались, пока князь Петр Урусов приедет к ним с царской охоты и уведет их из России опять на родину в Татарию.

11 декабря было особенно злополучным и несчастливым днем, особенно для Димитрия. В это утро он поехал в санях на прогулку, взял с собой, по своему прежнему обыкновению, только шута Петра Козлова, двух слуг и еще татарского князя с 20 другими татарами. Когда остальные татары узнали об этом, они поспешно вышли, одни в одни ворота, другие в другие, вместе со своими женами и детьми, взяв с собой все, что могли, и собрались в Пельне; было их там свыше 1000 человек, не считая женщин и детей.

Когда же Димитрий отъехал в поле на расстояние примерно четверти путевой мили от города, открылся тайник, в котором долго была заключена и сокрыта злоба татар на Димитрия. Татарский князь Петр Урусов зарядил свое ружье двумя пулями, подъехал как только мог ближе к саням Димитрия, стал льстить ему и так смиренно говорить с ним, что Димитрий не мог заподозрить ничего дурного. Князь же, очень ловко приготовившись к нападению, выстрелил в сидевшего в санях Димитрия, да еще, выхватив саблю, снес ему голову и сказал: «Я научу тебя, как топить в реке татарских царей и бросать в тюрьму татарских князей, ты ведь только ничтожный, дрянной московит — обманщик и плут, а выдавал себя за истинного наследника страны, и мы преданно служили тебе, вот теперь я и возложил на тебя ту самую наследную корону, которая тебе подобает».

Шут Петр Козлов и двое слуг не захотели дольше смотреть на эту трагическую коронацию, ускакали, примчались в Калугу и рассказали, какая у них была плохая необычная охота и забава и как царя Димитрия короновал татарский князь. После того как князь Петр Урусов так ловко надел на Димитрия подобающую ему наследную корону, он отправился с находящимися при нем татарами из России опять в Татарию, свое отечество. Дорогой они грабили и брали все, что им попадалось. В Калуге стали выстрелами из пушек давать условный знак, чтобы все солдаты, находившиеся снаружи, поняли, что что-то произошло и им нужно спешно собраться в городе. Но когда они сошлись, татары

были уже так далеко, что невозможно было догнать их и захватить.

Однако небольшое число татар осталось все же в Калуге, скорее всего потому, что им об этом заговоре не было известно или же у них не было лошадей, на которых можно было бы проделать столь долгий путь. Бедных людей, как зайцев в поле, гоняли из одной улицы в другую, а когда они уже не в силах были больше бежать, рассекали или забивали насмерть саблями или дубинами и бросали, как собак, в одну кучу. Им пришлось расхлебывать то, что заварили другие, хотя они, надо думать, ни слова не знали об этом деле, ибо если бы знали, то подобно другим, наверное, убрались бы куда-нибудь.

После этой травли татарских зайцев князья, бояре, казаки и местные жители отправились за город, осмотрели место охоты, нашли своего царя, разрубленного надвое и лежащего в одной только рубашке, положили его обратно в сани и отвезли в кремль к царице. Там его чистенько вымыли, отнесли в зал, приложили голову снова к туловищу, и каждый, кто хотел, мог прийти и посмотреть на него. Через несколько дней он был похоронен по московитскому обряду в кремлевской церкви в Калуге. Там он лежит и по сей день. Пока мир стоит, потомки в Московитском государстве будут вспоминать его и вечно благодарить татарского князя за то, что он так замечательно надел на него корону и тем положил конец его свирепствованию, ибо из-за него во всей России было много бед, сильных опустошений, убийств и смертей.

Каким печальным и грустным днем этот день 11 декабря был для благочестивой царицы Марины Юрьевны, легко себе представить, так как оба ее супруга на протяжении всего только нескольких лет один за другим так плачевно были умерщвлены: Димитрий I — 17 мая 1606 года в Москве, а Димитрий II — здесь в Калуге 11 декабря 1610 года, когда она была на последних месяцах беременности. Вскоре после этого она родила сына, которого русские вельможи с ее дозволения и согласия взяли у нее и обещали воспитать в тайне, чтобы он не был убит преследователями, а если Бог дарует ему жизнь, стал бы в будущем государем на Руси. Ее же, царицу, в то время содержали и почитали по-царски.

Сколько новых волнений и тревог причинит России ее сын в будущем, когда он вырастет, если Бог сохранит ему жизнь, будут знать те, кто будут в живых через 20 лет, если только за это время его, по московитскому обыкновению, не уничтожат, ведь именно поэтому он будет подвергаться большой опасности. Таким образом и Димитрий второй тоже погиб ужасной смертью, и он не

достиг королевства, к которому он так долго стремился, из-за которого боролся с Шуйским и пролил столько крови. Димитрий потерял жизнь, а Шуйский — корону и скипетр и из монарха против воли превратился в монаха. Царем же всея Руси был избран польский королевич, и регалии, из-за которых те двое боролись, были переданы ему подобру, но и в его власти они оставались недолго, как будет сказано в дальнейшем.

Вскоре после того, как Шуйского лишили царского сана, московиты отвели его и его двух братьев, Димитрия и Ивана Ивановичей Шуйских, вместе со знатнейшими князьями из рода Голицыных в плен к польскому королю под Смоленск. Тот отослал их дальше в Польшу, где их тоже содержали как пленников. Достойные доверия люди, которые в то время были посланы из лифляндского города Риги на сейм и сами видели и слышали его, заверяют, что на недавнем сейме в Варшаве, в Польше, состоявшемся в 1611 году, в день св. Мартина, от турецкого султана был посол, которого, как говорят, его величество король польский однажды повелел особо угостить и оказать ему большие почести. И вот, когда этот посол очень захотел увидеть русского царя и стал просить и добиваться, к этой его просьбе снизошли, привели Шуйского, прекрасно одетого в московитские одежды, и посадили против него за посольский стол. Турецкий посол долго смотрел и глядел на царя Шуйского и начал, наконец, славить счастье польского короля, а именно — что король несколько лет держал в плену Максимилиана, а теперь держит в своей власти также и могущественного русского монарха.

Шуйский, который принял эти речи очень близко к сердцу, ответил будто послу такими словами: «Не удивляйся, что я, бывший властитель, теперь сижу здесь, это дел о непостоянного счастья, а если польский король овладеет моей Россией, он будет таким могущественным государем в мире, что сможет посадить и твоего государя на то же место, где сижу сейчас я. Ведь говорится: «Сегодня я, а завтра ты». Турецкий посол будто бы на это не ответил ни слова, но в следующем, 1612 году, турецкий султан прислал польскому королю ужасающее послание с объявлением вражды. Как из него явствует и как полагают, оно было вызвано отчасти и вышеприведенным ответом пленного московского царя. Далее следует объявление вражды турецкого султана польскому королю:

«Султан Ахмет Хан, пресветлый сын великого императора, сын верховного бога, властелин всех турок, греков, вавилонян, македонян, сарматов, король Большого и Малого Египта, Александрии, Индии, а также государь и монарх всех народов и

обитателей земли, государь и сиятельный сын Магомета, защитник и охранитель города Псеразира и земного рая, защитник и охранитель святого гроба бога небесного, король королей, царь царей, князь князей, повелитель всех индийских богов, которых никогда не видали на земле, властелин древа жизни и наследник всех наследников, шлет тебе, польский король, привет.

Хотя ты и держал большой совет с твоими ничтожными королями и князьями, был против нас, могущественного и непобедимого царя, которого еще никогда никто не побеждал, и слушал необдуманные, безрассудные наущения на дурное и не боялся с этими ничтожными королями, князьями и вельможами никакой неправды, несмотря на то что ты до сих пор помышлял о дружбе, мире и единении с нами, почему ты и обращался к нам и отвратил войну с нами, я все-таки, раз ты не хочешь соблюдать мир, вторгнусь в твою страну и надеюсь победить тебя, нападавшего вместе со своими на наши владения, грабившего, расхищавшего, убивавшего, сжигавшего и опустошавшего, сколько тебе было угодно. Почуешь могущество, которым я обладаю в своих владениях, обладал от начала мира и буду обладать до его конца. Этим могуществом я подчиню моей власти вас, ничтожных королей, и на твоих глазах установлю свой престол в Кракове, что ты увидишь воочию. И не рассчитывай поэтому жить с нами в мире, ибо я не боюсь твоих подданных и оставлю в твоем королевстве память о себе, которую я завещаю тебе.

А на вечную память об этом я посылаю тебе обагренный кровью меч, обагренную кровью стрелу и обагренное кровью ядро. Я истопчу твою землю моими конями и верблюдами так, чтобы это стало известно и ведомо всему свету и всем народам вселенной. Как бог мстил и гневался на тех, кто приносил ему обеты и вероломно нарушал их, так и я, бог земной и сподвижник божий, покараю таких и тем испытаю твою веру и сделаю это раньше, чем напишут тебе еще раз. Все это ты можешь рассудить и понять по своему благоусмотрению. Если же не поймешь, то почувствуешь.

Султан Ахмет Хан, всепресветлый царь».

ГЛАВА XX Что в 1611 году случилось в России и особенно в главной городе Москве, почему польский король не пустил своего сына, господина Владислава, избранного русским царем, поехать туда и какое большое несчастье и неисправимое бедствие произошли от этого

После смерти Димитрия второго все города и крепости, которые были под его властью и помогали ему против Москвы, написали жителям Москвы следующее: что их «попутал грех» (как они обычно говорят в виде поговорки), а Димитрий, выдававший себя за истинного царевича, был бичом для них и для всей Московской земли и т. п. Они снова помирятся с москвичами и будут жить в согласии с ними, если те снова выгонят из города поганое польское войско, этих нехристей, чтобы через то бедная Россия снова успокоилась и не проливалось бы в ней больше столько христианской крови. Жителям Москвы это очень понравилось, они поблагодарили их за то, что они опомнились и хотят исправиться, убеждали их тоже не отказываться принести присягу господину Владиславу, которому они сами уже присягнули, чтобы благодаря этому земля Русская снова стала бы единой.

Вместе с этим письмом жители Москвы послали тайком еще и другие письма следующего содержания: пусть они не отказываются принести при всем народе присягу королевичу, ибо благодаря этому утихнет внутреннее междоусобие, разъединяющее их, и земля Русская опять станет единой. Тем не менее пусть они поразмыслят, как им потихоньку из-под руки уничтожить поляков, которые имеют в их местностях усадьбы или же живут у них в городах, и тем самым поуменьшить число неверных на Руси. Сами они, москвичи, не слабее тех поляков, которые живут у них в Москве, и когда придет время, те тоже хорошо поплатятся; хоть они и одеты в латы и шлемы, все же их забьют насмерть дубинами.

После этого, 2 января 1611 года, города и крепости принесли клятву и присягнули избранному царю, господину Владиславу, и тем сильно пустили дым в глаза полякам. Однако пословица: «Злой совет приносит наибольшее зло самому советчику»,— в конце концов оправдалась на клятвопреступных московитах, как вскоре будет сказано.

25 января, в День обращения апостола Павла, в Москве собрался народ, стали жаловаться, что польские солдаты всячески притесняют их, насильничают, глумятся над их богослужением, бесчестят их святых, стреляя в них из ружей, бьют их соотечественников и сильно бесчинствуют в их домах, кроме того, расточается царская казна, народ обирают, каждый месяц уходят большие деньги на 6000 солдат, а избранный царь Владислав все равно не приезжает.

Говорили еще, что надо подумать, как это изменить, поскольку видно, что король собирается опустошать, а не укреплять их землю, а это достаточно ясно можно понять из того,

что он, вопреки своей клятве, не пускает сюда своего сына. Тут же они дерзко заявили королевскому наместнику, господину Гонсевскому, и всем его ротмистрам и капитанам, чтобы те в кратчайший срок добились приезда избранного царя, если же нет, то сами подобру-поздорову убрались туда, откуда пришли, иначе их выгонят, а московиты для такой завидной невесты скоро найдут другого жениха.

Господин Гонсевский ответил им спокойно и попросил их одуматься и не подавать повода к беде, а также не беспокоиться, ибо у короля много дела в своем королевстве, а он хочет снарядить в путь своего сына так, чтобы это послужило к чести и славе как польского королевства, так и русского царства, и, кроме того, он хочет сначала завоевать и занять Смоленск, поскольку этот город издавна принадлежит польской короне и для того, чтобы не иметь впоследствии спора из-за него с собственным сыном. Он, Гонсевский, обещает написать его величеству и попросить, чтобы молодой государь был направлен сюда как можно скорее, а тем временем он будет именем своего государя творить суд над поляками, которые учинили что-либо. Пусть московиты подают жалобы, им будет оказана справедливость. Тотчас же после этого некоторые стали жаловаться на одного польского дворянина, который у Сретенских ворот в пьяном виде трижды стрелял в образ св. Марии, и просили,чтобы его наказали, а тогда они на этот раз о других обидах и насилиях промолчат. Наместник приказал тотчас же его арестовать, а затем осудить на смерть. Его привели к вышеупомянутым воротам, отрубили ему сначала на плахе обе руки и прибили их к стене под образом св. Марии, потом провели его через эти же ворота и сожгли в пепел на площади, а господин Гонсевский приказал прочесть народу письмо о том, что его величество, избранный царь господин Владислав, скоро прибудет в Москву, пусть они ревностно молятся за него. Его величество повелел творить строгий суд, пресекать бесчинства, защищать московитов, не допускать, чтобы им мешали в их религии, и т. д., что и было выполнено сейчас, когда на их глазах бесчинствующим полякам был дан такой урок, что уж, наверное, они теперь поостерегутся. Московитам следует успокоиться, ибо впредь все будет хорошо и т. д.

Хотя это как будто утихомирило московитов, все же поляки были настороже, поскольку часть из них уже знала, что московитам не слишком можно доверять. Поэтому они выставили у ворот на круглые сутки сильную и бдительную охрану в полном вооружении и запретили русским носить какое-либо оружие, стали обыскивать все въезжающие телеги и сани, не скрыто ли там какое-нибудь оружие, а когда московиты этому удивлялись,

отвечали: «Нас только горсточка против вашего народа, поэтому правильно, что мы опасаемся и держимся настороже. Мы-то ничего дурного против вас не замышляем, а у вас, московитов, дурное на уме. Мы не собираемся начинать никаких раздоров и не получали от нашего государя подобного приказания, только держите себя спокойно и сами тоже не начинайте никакого мятежа, а нас вам бояться нечего и т. п.». Но у московитов душа болела из-за того, что поляки отняли у них все преимущества, они повесили головы и стали говорить: «Вот каково нам уже приходится, а что же будет, когда наедет еще больше телячьих голов? По их поведению ясно видно, что они хотят подчинить нас и властвовать над нами, это нужно вовремя предотвратить. Мы действительно избрали польского государя, но не для того, чтобы каждый простой поляк был господином над нами и нам, московитам, пришлось бы пропадать, а для того, чтобы каждый у себя оставался хозяином. Пусть король, старая собака, подождет со своим щенком-сыном. Если он уж до сих пор не приехал, так пусть и вовсе не является. Не хотим мы иметь его своим государем, а если эти 6000 глаголей не захотят убраться прочь подобру-поздорову, то мы их всех перебьем, как собак, хоть они и имеют большие преимущества. Наших жителей 700 000 человек, если они не на шутку примутся за что-либо, так уж кое-чего добьются». Московиты смеялись полякам прямо в лицо, когда проходили через охрану или расхаживали по улицам в торговых рядах и покупали, что им было надобно. «Эй, вы, косматые,— говорили московиты,— теперь уже недолго, все собаки будут скоро таскать ваши космы и телячьи головы, не быть по-иному, если вы добром не очистите снова наш город». Что бы поляк ни покупал, он должен был платить вдвое больше, чем московиты, или уходить не купивши. Отсюда можно заключить, как поляков ненавидели. Некоторые разумные поляки убеждали их добром, говоря: «Смейтесь, смейтесь, мы готовы многое претерпеть от вас и без большой нужды не станем затевать кровопролития между вами и нами, но если вы что-нибудь учините, то глядите, как бы вам потом не раскаяться», и уходили, осыпаемые насмешками и издевательствами.

13 февраля несколько польских дворян поручили своим пахолкам купить овса на хлебном рынке, который расположен на том берегу московской речки, называемой Москва. Один из этих слуг проследил, сколько дают русские за кадку, велел ему также отмерить полную кадку и отсчитал за нее польский флорин, ровно столько же, сколько платили русские. Когда же московский барышник не захотел удовольствоваться одним гульденом- и пожелал получить два гульдена за бочку, слуга сказал: «Эй ты,

курвин сын, москаль, так тебя растак, почему ты так дерешь с нас, поляков? Разве мы не одного и того же государя люди?» Московит ответил: «Если ты не хочешь платить по два флорина за кадку, забирай свои деньги и оставь мне мой овес для лучшего покупателя. Ни один поляк у меня его не получит, пошел ты к черту»— и т. д.

Когда же рассерженный этим польский слуга выхватил саблю и хотел нанести удар барышнику, прибежали около 40 или 50 московитов с оглоблями от саней, убили трех польских слуг и собрали такую большую толпу, что польской конной страже, стоявшей у Водяных ворот на наплавном мосту, приказано было поехать узнать, что там происходит. Когда остальные слуги увидели это, они побежали навстречу польской страже, преследуемые множеством московитов с оглоблями и дубинами, призвали эту стражу на помощь и сказали, что троих из них уже убили без всякого повода, только за то, что они спросили, почему поляки должны давать за кадку овса 2 флорина, если русские платят за нее только один флорин. Тогда 12 польских наемников врезались на рынке в многосотенную толпу московитов, убили 15 человек и прогнали весь народ с рынка.

Когда же это стало известно в той части города, которая примыкает к Кремлю, и за Белой окружной стеной, то со всех улиц сбежалось несметное множество народу, сильно разъяренного на поляков за то, что они застрелили столько их собратьев. В этот день вскоре началась бы потеха во имя дьявола, если бы этому не воспрепятствовала и не помешала рассудительность наместника. Он произнес перед всем народом трогательную речь и честно предостерег их от беды. «Вы, московиты,— сказал он,— считаете себя лучшими христианами на свете. Почему же вы не боитесь Бога и так жаждете пролить кровь и стать изменниками и клятвопреступниками? Неужели вы думаете, что Бог вас за это не покарает? Воистину он сделает это, вы испытаете на себе его бич. Вы убили столько ваших государей, избрали своим государем сына нашего короля, присягнули и поклялись ему, а теперь только за то, что он не смог приехать сюда так скоро, как вам хотелось бы, вы поносите его и его отца, вы обзываете его щенком, а его отца старой собакой. Господь на небесах велит, чтобы вы воздали им почести как его наместникам на земле, а вы честите их хуже, чем если бы они были вашими свинопасами. Теперь вы не хотите хранить свою присягу, не хотите иметь его своим государем, а ведь вы сами, по своей доброй воле выбрали его, даже усердно просили короля, чтоб он дал свое согласие на это и дозволил своему сыну стать вашим царем, почему вы и приняли нас в вашу крепость. Вы убиваете его

людей и не думаете о том, что мы спасли вас от вашего врага, Димитрия второго. То, что вы содеете вашему и нашему государю Владиславу, вы содеете не человеку, а самому господу, он ведь не позволит насмехаться над собой. Не пол агайтесь, любезные государи, на свою мощь и силу и на свою многочисленность, на то, что нас 6000, а вас 700 000. Победа зависит не от большого множества людей, а от заступничества и помощи господа Бога. Он может помочь при малых силах так же, как и при больших, что достаточно ясно видно из многих примеров, а в последнее время вы даже и сами часто испытывали это на себе, когда вас, такое множество тысяч, не раз на поле побивали незначительные войска. Подумайте, господа, из-за чего вы бунтуете? Кому служим мы, тому и вы слуги и подданные, ваш государь и наш государь. Если вы теперь приметесь за убийства и кровопролития, поистине Бог не даст вам в этом удачи, а заступится за нас, как за свое малое воинство, ибо наше дело правое и в бой мы пойдем за государя нашего».

Тут кое-кто из черни перебил его и сказал: «Ну, все вы вместе нам только на закуску, нам не к чему брать в руки ни оружия, ни дубин, сразу закидаем вас насмерть колпаками». Наместник ответил: «Любезные государи, войлочной шляпой не убьешь и девку, а не то что по-настоящему вооруженных героев и испытанных воинов. Устанете кидать и бросать в 6000 девок, а что же будет, если вы натолкнетесь на храбрость 6000 вооруженных воинов. Прошу вас, умоляю и искреннейше предостерегаю, не устраивайте кровавой бойни».

На это они сказали: «Так убирайтесь отсюда и освободите Кремль и город». Он опять ответил: «Нам этого не позволяет наша присяга, и не для того мы здесь поставлены нашим государем, чтобы убежать, когда это будет вам или нам угодно, а для того, чтобы оставаться, пока он сам сюда не прибудет». Они сказали: «Ну, тогда в ближайшие дни никто из вас не останется в живых». Он ответил: «Это в воле божией, а не в вашей. Если вы начнете что-либо и не сможете закончить так, как вам этого хочется, то да сжалится Бог тогда над вами и вашими детьми. Я достаточно предостерег вас. Мы предоставим вам действовать, а сами будем настороже. Если Бог за нас, то вы на нас не наживетесь». С этими словами он уехал от них назад в Кремль, а люди разошлись все с той же закоренелостью в душе и с тем же ожесточением в сердце.

После того как прошло несколько недель, а о приезде Владислава все-таки ничего не было слышно и, напротив, пошла тайная молва, что его величество не желает доверять своего сына вероломным людям, они стали еще неистовее и безумнее, особенно же после того, как наместник и военные начальники в

четвертое воскресенье поста потребовали съестных припасов и денег для ратных людей. Тут московиты не захотели кормить их ничем, кроме пороха и свинца, и потребовали, чтобы они ехали к своему государю и от него получали свое жалованье. Они изругали постыдным образом также и московитских вельмож, стоявших за короля, а именно — Михаила Глебовича Салтыкова, Федора Андронова, Ивана Тарасовича Грамотина и еще некоторых других, и потребовали, чтобы им выдали всех их, будто бы предавших Россию и своей хитростью добившихся, что ее предложили королевскому сыну.

В ответ на это господин Борковский, главный начальник немцев и иноземцев, приказал немедля начать бить в барабаны и поставить мушкетеров под ружье. Это испугало московитов, около 3000 которых столпилось в Кремле, собираясь бунтовать, и они живо убрались из Кремля. Солдаты уже хотели закрыть ворота Кремля и напасть на клятвопреступных русских, они охотно вцепились бы в них, но начальник не допустил до этого, а сказал: «Стойте и ждите, пока они сами начнут и пойдут на нас. Тогда мы продолжим. Пусть их бранятся, от бранных слов никто не погибал. Если же они будут искать крови, то пусть все идет своим чередом».

Так через четверть часа в Кремле больше не было ни одного русского, однако было достаточно ясно, что в ближайшее время московиты учинят возмущение по той причине, что военачальник и полковники не хотели разрешить московитам празднование Вербного воскресенья (которое после Николина дня является у них самым большим праздником в году) во избежание мятежа и бунта, поскольку, по их обычаю, в этот день царь идет из Кремля пешком в церковь (которую они называют Иерусалимом), а патриарх едет, восседая на осле, и этого осла царь должен вести под уздцы. Впереди идет клир в священническом облачении и поет по своему обычаю Осанну. Двадцать или больше боярских детей в красных одеждах идут перед царем и расстилают свою одежду на пути, по которому идут царь и осел с сидящим на нем патриархом; когда царь проходит, они поднимают с земли свою одежду, забегают вперед и снова расстилают ее на дороге, и это продолжается до тех пор, пока он не доходит до Иерусалимской церкви. На санях устанавливается высокое дерево, и его везут вслед за патриархом. На этих же санях стоят три или четыре мальчика и тоже поют Осанну; на ветвях дерева навешаны разные яблоки. За деревом следуют в процессии все князья, бояре и купцы.

Для участия в этом празднестве стекаются бесчисленные тысячи людей. Все, что только может ходить, отправляется туда, и

там происходит такое скопление народа, что слабым, малосильным людям нельзя находиться там, если они хотят сохранить здоровье. Поскольку, однако, из-за запрещения этого праздника народ еще больше озлобился и получил повод говорить, что лучше умереть всем, чем отказаться от празднования этого дня, то им разрешили праздновать его, только вместо царя пришлось одному из знатных московитских вельмож, Андрею Гундорову, вести под уздцы осла (патриарха, сидящего на осле) до Иерусалимской церкви. Но немецкий и иноземный полк и все поляки были в полном вооружении и начеку. Начальникам все же удалось разведать, что московиты задумали обман и что-то собираются затеять и что сам патриарх — зачинщик всего мятежа и подстрекает народ к тому, чтобы, раз в Вербное воскресенье мятеж не состоялся, поднять его на Страстной неделе.

Узнали они также, что все князья и бояре держат на своих дворах множество саней, нагруженных дровами, чтобы, как только начнется смута, вывезти их на улицы и поставить поперек, так что ни один всадник не сможет проехать по улицам и поляки не смогут выручить друг друга, так как они рассеяны в разных местах по городу.

Поэтому наместник господин Гонсевский и полковник иноземцев Борковский дали распоряжение, чтобы ни один немец, или иноземец, или поляк под страхом смерти не оставался за третьей или четвертой окружной стеной, а тотчас же направился в Кремль и под Кремль, для того чтобы быть вместе на случай, если начнутся беспорядки, а не так, как это было со свадебными гостями Димитрия первого, разбросанными и рассеянными повсюду.

Увидев, что в понедельник немцы со всем, что у них было, направляются в Кремль, так же как и иноземные солдаты, московиты поняли, что наверное их замысел открыт. Они просовещались день и ночь, как помешать тому, чтобы все воинские люди собрались в Кремле и перед Кремлем, и затем во вторник, утром 19 марта, московиты начали свою игру, побили насмерть многих поляков (которые эту ночь проводили еще на своих квартирах), сделали больверки и шанцы на улицах и собрались во множестве тысяч.

Наместник послал к ним несколько отрядов конных копейщиков, которые должны были помешать подобным их намерениям, но московиты на них не обратили никакого внимания. Московитские стрельцы (это аркебу$ники) так в них палили, что много и людей и коней полегло на месте. Если бы не было в крепости набранного из немцев и других народностей

полка мушкетеров, а также и поляков, то в тот день едва ли остался бы в живых хотя бы один из этих 5000 конных копейщиков, ибо московиты уже сильно взыграли духом, увидав, как много поляков сбито с коней и какое множество отрядов отступило. Они так ужасно кричали и вопили, что в воздухе стоял гул; к тому же в тысячи колоколов били тревогу.

Когда поляков столь бесславно проводили пулями и стрелами снова до ворот Кремля и на них напал великий страх, капитан иноземных ратников господин Яков Маржерет в восемь часов по нашему времени выслал из Кремля на Никитскую улицу три роты мушкетеров, в совокупности всего только 400 человек. Эта улица, длиною в четверть путевой мили, имела много переулков, в которых за шанцами и боль-верками укрылось 7000 московитов, нанесших большой урон полякам. 400 мушкетеров напали во имя Господа на Николаи-тов за первым больверком и так успешно стреляли, что те по многу человек сразу, как воробьи, в которых стреляют дробью, падали на землю. Поэтому с добрый час был слышен ужасающий гул от московитского боевого клича, от гудения сотен колоколов, а также от грохота и треска мушкетов, от шума и завывания небывалой бури, так что поистине слышать и видеть это было очень страшно и жутко. Солдаты тем не менее так стремительно нападали по всей улице, что тут уж московитам стало не до крику и они, как зайцы, бросились врассыпную. Солдаты кололи их рапирами, как собак, и так как больше не слышно было мушкетных выстрелов, то в Кремле другие немцы и поляки подумали, что эти три роты совсем уничтожены, и сильный страх напал на них. Но те вернулись, похожие на мясников: рапиры, руки, одежда были в крови, и весь вид у них был устрашающий. Они уложили много московитов, а из своих потеряли только восемь человек.

С того берега Неглинной (это маленькая речушка в городе) снова послышался сильный крик московитов, которые сделали и там на улицах шанцы и сильно били в набат. Тогда эти три роты отважились пойти и туда тоже, и Бог помог им одержать там победу. В течение двух часов они бились с московитами на одном и том же месте, пока не одолели их. Но затем снова собралась толпа на Покровской улице. И так как через некоторое время 400 солдатам стало невмоготу так долго и так далеко бегать с тяжелыми мушкетами в руках и столько часов биться с врагом, стрелять, рубить и колоть, то полковник Борковский выпустил несколько отрядов конных копейщиков, которые должны были прийти им на помощь. Поскольку они не могли добраться до московитов на конях по разрытым улицам, полковник приказал поджечь на всех улицах угловые дома, а дул такой ветер, что

через полчаса Москва от Арбата до Кулижек была вся охвачена огнем, благодаря чему наши и победили, ибо русским было не под силу обороняться от врага, тушить огонь и спасать оттуда своих, и им пришлось поэтому обратиться в бегство и уйти с женами и детьми из своих домов и дворов, оставив там все, что они имели. Так оправдалась старая военная латынь, которая была поговоркой в древности в Риме и стоит в девятой эклоге из «Буколик» Вергилия: «Чтобы хозяин участка сказал: «Это мое, выселяйтесь, прежние обитатели». В этот день выгорела третья часть Москвы, и много тысяч людей погибло от пуль, мечей и от охватившего их огня.

Улицы, где стояли ювелирные и ружейные лавки, были до того завалены мертвыми телами, что ноги проходивших там в некоторых местах едва касались земли. Воинские люди захватили в этот вечер в ювелирных и других лавках огромную и превосходную добычу золотом, серебром, драгоценными каменьями, жемчугом, дорогими украшениями, парчой, бархатом, шелком и т. п.

На следующую ночь остальные русские укрепились у самого Кремля, в Чертолье, где накануне пожара не было. Точно так же и живущие по ту сторону Москвы-реки тоже построили шанцы напротив Кремля, водрузили на укреплениях свои знамена и стали расхаживать от одного шанца к другому. Те, что были в Чертолье, занимали треугольник, образуемый большой Белой стеной, и находилось там около тысячи стрельцов. Они подобным же образом сделали шанцы на улицах, по обе стороны от стен, полагая, что наши станут штурмовать с лобовой стороны. Замосквореченские сделали шанцы у наплавного моста против Водяных ворот, поставили туда пушки и упорно стреляли по нашим. Они тоже, как и другие, предполагали, что наши придут с лобовой стороны.

Но капитан Яков Маржерет применил замечательную военную хитрость. Он предоставил им укрепляться и сторожить, а сам, поскольку лед на Москве-реке был еще крепкий, вывел своих мушкетеров через кремлевские Водяные ворота на реку и, оказавшись таким образом между врагами и их укреплениями, мог нападать направо и налево, как ему вздумается. Помимо того, на льду стояли двенадцать польских конных рот, наблюдавших, не пойдет ли кто-либо слева на смену чертольцам, но те оставались в своих шанцах. Капитан Яков Маржерет прошел с солдатами по льду вдоль Белой стены до пяти башен, затем обогнул город и вошел через городские ворота, находившиеся в тылу врага, который не ждал отсюда опасности и держал эти ворота открытыми для своих друзей, находящихся в других

больверках или шанцах. Благодаря этому русские и проиграли, ибо они охраняли больше передние шанцы, чем ворота в тылу. Наши неожиданно для них в один миг напали на шанцы, быстро на них взошли, всех побили насмерть, подожгли шанцы и все Чертолье.

Когда это увидели те, которые были на других шанцах по ту сторону реки, они пали духом, и, надо думать, совсем в ужас их привело то, что как раз в то мгновенье, когда наши поляки стали выбираться на берег, чтобы иметь больше простора, пришел из Можайска пан Струсь с 1000 отборных конников, которые стали рыскать по городу, где им вздумается, жечь, убивать и грабить все, что им попадалось. Сравняв с землей Чертолье, наши солдаты отправились и на ту сторону реки Москвы, тоже подожгли шанцы и все дома, до которых они могли добраться, и тут уж московитам не помогли ни крик, ни набат. Нашим воинам помогал и ветер и огонь, и куда бы московиты ни отступали, за ними гнались ветер и пламя, и ясно было, что господь Бог хочет покарать их за кровавые убийства, клятвопреступления, лихоимство и эпикурейское содомитство.

Тут можно было видеть, как люди толпами бежали за город в ближайшие монастыри. К полудню уже не было ни малейшего сопротивления и не видать было московитских воинов. Так в течение двух дней великая столица (имевшая в окружности более 4 немецких миль), обратилась в грязь и пепел, и не осталось от нее ничего, кроме Кремля с предкремлевской частью, занятых королевскими людьми, и нескольких каменных церквей. Большинство же прочих церквей внутри и снаружи Белой стены были построены, как и все другие строения во всей России, в виде блокгауза из одного только дерева; все, что тоже было построено из дерева,— самая внешняя, четвертая окружная стена, которая шла вокруг всей Москвы, со всеми домами и дворами, стоявшими внутри, равно как и усадьбы князей, бояр и богатых купцов у Белой стены,— все было превращено в пепел.

Так незначительный отряд, а именно — 800 немцев и солдат из других народов и 6000 поляков, прогнали прочь со дворов и домов, со всего, что они там имели, 700 000 человек, способных действовать и саблями, и ружьями, и луками со стрелами, а вместе с этими людьми и их жен и детей, и всем им пришлось смотреть, как пылали место пребывания их царей и весь город, обливаться своим собственным жиром, убивать самих себя порохом и свинцом и отдавать чужеземцам на расхищение свою богатую казну (которая неисчислима, а для многих — невероятна). Из нее оплатили все королевское воинство до 1612 года. Семь царских корон и три скипетра, из них один — из

цельного рога единорога, очень богато украшенный рубинами и алмазами, а также несказанно много редкостных драгоценных изделий должны были познать, как идти по всему миру,— кочевать по чужим землям.

Поляки после смуты сместили патриарха, который был вождем и зачинщиком всех беспорядков, и велели, чтобы 30 стрелков стерегли его в Кирилловом монастыре до прибытия господина Владислава, в ожидании возмездия, которое он заслужил подстреканием к такому бунту и мятежу, из-за которого плачевно погибло столько людей, вся Москва подверглась разрушению и был причинен непоправимый вред огнем и грабежом. Иными словами: «Не по вкусу тебе мир — будешь сыт по горло войной, не хочешь благословения — получай проклятие».

Последнее московиты и навлекли на себя в тот день, как рубашку, согласно тому, что написано в книге Премудрости: чем кто согрешит, тем и наказывается. Несколькими годами раньше они достаточно проявили свою ужасающую жестокость на немцах в Лифляндии грабежом, убийствами, пожарами, разгулом и опозориванием или обольщением женщин и девушек. Теперь им за это воздано и отплачено сторицею. Если они вывезли из Лифляндии ценностей на 100 000 гульденов, то у них забрано больше чем 100 бочек золота. Немногие немецкие пленные женщины и девушки, которым они причинили зло и увели их из Лифляндии в Москву, не могут идти в сравнение с громадным числом стольких тысяч их женщин и девушек, опозоренных и обольщенных поляками.

Вред, причиненный России пожарами, так велик, что на опустошенных местах можно вполне поместить 4 или 5 Лифляндии. В этой семилетней войне убито больше 600 000 московитов, состоявших в их списках в то время, когда я еще был там, не считая тех, которые в разных местах были тайно умерщвлены и спущены под лед или брошены в воду, а скольким им еще придется заснуть на сырой земле раньше и прежде, чем они снова обретут прочный мир!

Так как в течение четырнадцати дней не видно было, чтобы московиты возвращались, воинские люди только и делали, что искали добычу. Одежду, полотно, олово, латунь, медь, утварь, которые были выкопаны из погребов и ям и могли быть проданы за большие деньги, они ни во что не ставили. Это они оставляли, а брали только бархат, шелк, парчу, золото, серебро, драгоценные каменья и жемчуг. В церквах они снимали со святых позолоченные серебряные ризы» ожерелья и вороты, пышно украшенные драгоценными каменьями и жемчугом. Многим

польским солдатам досталось по 10, 15, 25 фунтов серебра, содранного с идолов, и тот, кто ушел в окровавленном грязном платье, возвращался в Кремль в дорогих одеждах; на пиво и мед на этот раз и не смотрели, а отдавали предпочтение вину, которого несказанно много было в московитских погребах — французского, венгерского и мальвазии.

Кто хотел брать — брал. От этого начался столь чудовищный разгул, блуд и столь богопротивное житье, что их не могли прекратить никакие виселицы, и только потом Ляпунов положил этому конец при помощи своих казаков. Столь постыдно воинские люди использовали во зло эту большую победу, а Господу Богу никакого благодарения не воздали! Из спеси солдаты заряжали свои мушкеты жемчужинами величиною с горошину и с боб и стреляли ими в русских, проигрывали в карты детей знатных бояр и богатых купцов, а затем силою навсегда отнимали их от отцов и отсылали к их врагам, своим родителям и родственникам.

Тогда никто или мало кто из солдат думал о таком прекрасном провианте, как шпиг, масло, сыр, всякие рыбные припасы, рожь, солод, хмель, мед и т. п. Все это, имевшееся в изобилии, было умышленно сожжено и уничтожено поляками, тогда как все войско несколько лет могло бы этим кормиться с избытком. Верно, польские солдаты полагали, что если только они будут носить шелковые одежды и пышности ради наденут на себя золото, драгоценные камни и жемчуг, то голод не коснется их. Хотя золото и драгоценные камни имеют замечательные свойства, когда их обрабатывают химически, но все-таки они не могут насытить голодный желудок.

Через два или три месяца нельзя было получить за деньги ни хлеба, ни пива. Мера пива стоила 1/г польского гульдена, т. е. 15 м. грошей, плохая корова — 50 флоринов (за такую раньше платили 2 флорина), а караваи хлеба стали совсем маленькие. До сожженных погребов и дворов, где было достаточно провианта, да еще много было закопано, они уже не могли добраться, ибо Ляпунов (о котором упоминалось выше) вернул обратно бежавших московитов, и на третьей неделе после мятежа, во второе воскресенье после Пасхи, они снова взяли Белый город, потому что нашим с таким небольшим количеством людей невозможно было его занимать и удерживать. Благодаря этому московитские казаки забрали из сожженных погребов весь оставшийся провиант, а нашим пришлось облизываться. Если же они тоже хотели чем-нибудь поживиться, то должны были доставать это с опасностью для жизни, да и то иногда не могли ничего найти. Как говорится: «Надо ковать, пока железо еще горячо».

Так обстояло дело, когда во второе воскресенье после Пасхи сего 1611 года королевские воины в Москве снова были осаждены московитами и ежедневно стали происходить такие большие стычки, что священникам и цирюльникам дела хватало. От всего полка немцев и воинов других национальностей осталось только 60 солдат. Кремль уж давно сдался бы сам из-за голода, если бы господин Иван-Петр-Павел Сапега в день св. Иакова этого же года не выручил его, с ловкостью пройдя Белый город, занятый московитами, и доставив в Кремль, кроме прочего провианта, 2000 караваев хлеба. В отсутствие господина Сапеги, отправившегося в загон, московиты осадили и взяли Девичий монастырь, расположенный в полумиле от Кремля и занятый нашими, и этим отняли у наших все ворота, которыми еще можно было пользоваться, так что ни войти к ним, ни выйти от них не могла даже собака или кошка, отчего им пришлось очень страдать.

Когда же господин Сапега занемог тяжкой болезнью, от которой он и умер, их снова выручил в день св. Варфоломея военачальник польской короны в Лифляндии господин Карл Ходкевич (посланный его величеством королем польским и пр. в Москву с несколькими тысячами испытанных воинов), который доставил полякам на этот раз столько провианта, что они были в состоянии продержаться довольно долго. Но так как потом Ходкевич уже не смог больше ничего доставить им и не смог снова отбить и отогнать московитов, чтобы вызволить поляков из крепости, ибо русских, чем дальше, тем становилось больше, и они усилили осаду Москвы, не жалея ни старания, ни усердия, ни труда, ни крови, чтобы вернуть ее себе со всем, что к ней относилось, польское же войско с каждым днем уменьшалось и слабело, то московиты в конце концов многократными, длительными и ужасающими штурмами отвоевали и снова захватили Московский Кремль — местопребывание царей, ужасным образом уничтожили и умертвили всех, оставив в живых лишь нескольких знатных поляков, чтобы потом в обмен на них освободить своих, находившихся в плену в Польше. После того как они получили обратно Московский Кремль, местопребывание царей, они избрали царем своего соотечественника, знатного вельможу Михаила Федоровича из рода Никитичей, и короновали его. Его отца зовут князь Федор Никитич, этого Федора Никитича (как выше упоминалось) Димитрий второй сделал патриархом, а впоследствии он вместе с Шуйским и его братьями был уведен в плен в Польшу. Еслет этот новый царь удержит свою державу, значит, ему очень везет, ибо хотя московиты и его величество король шведский (брата которого они прежде тоже избрали

царем, а потом не захотели принять) заключили соглашение, по которому московиты уплатили большие деньги и отдали королю в потомственное владение, отказавшись от них навечно, следующие шесть мощных крепостей: Кекс-гольм, Нотебург, Копорье, Гдов, Ямгород, Ивангород (называемый русской Нарвой и расположенный точно и прямо против немецкой Нарвы в Лифляндии по ту сторону реки, именуемой Нарвой, течение которой в этой местности на протяжении нескольких миль является границей между Россией и Лифляндией)—и Корелу со всем относящимся к ней великим княжеством, а за это получили обратно большой торговый город Новгород с огромным относящимся к нему великим княжеством Новгородским и, таким образом, заключили вечный мир со Швецией, все же мало вероятно, чтобы его величество король польский (во власти которого все еще находится крепость и все великое княжество Смоленское, простирающееся до Путивля на 100 миль, которое ему, однако, очень дорого обходится), так и сын его королевского величества принц Владислав оставили неотомщенным причиненное им великое бесчестье, почему следует опасаться, что если с этой стороны будет предпринято что-либо решительное, то с новым царем будет быстро покончено, поскольку русские уже и теперь не слишком довольны им, так как, говорят, он не печется о правлении сам, а, против их обычая, все предоставляет делатьмаршалу и другим вельможам, усердствуя только в пьянстве. К тому же есть более знатные вельможи, которые, судя по слухам, держат сторону короля и принца Владислава и упорно стремятся склонить его величество к тому, чтобы он снова выступил в поход и опять попытал счастья, и тогда, как только это произойдет, к королю несомненно перейдут много тысяч московитов и помогут по старой привычке свергнуть своего нового царя.

Боже праведный, коему все подвластно, положи в милости своей конец этим долгим кровавым войнам и окажи такую милость, чтобы эти закоренелые египтяне отступились от своего идолопоклонства и обратились к истинной, праведной вере Христовой, признали и осознали свою вину н греховность, покаялись перед господом Богом, утихомирились и успокоились и служили своему королю вернее и покорнее, чем прежде.

Да сбудется и свершится это всемогущею волею божией во славу и хвалу его пречестного имени, на распространение его святого слова божия, на умножение и благо всего христианства, особенно же на утешение всем живущим в этой стране, еще уцелевшим в столь тяжких войнах бедным христианам (среди которых, увы, и мой старший сын, по имени Конрад Буссов, и

некоторые другие близкие родственники, которые, как упоминалось выше, приехали из Лиф-ляндии в правление Бориса Федоровича), ради возлюбленного сына твоего, истинного князя миролюбия, Иисуса Христа Аминь! Аминь! Аминь!

ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ СМУТЫ

Сохранилось около 30 русских сочинений о Смуте начала XVII столетия и более 50— иностранных. Нам не удалось включить в книгу «Сказание» троицкого келаря Авра-амия Палицына, «Новый летописец», дневники поляков СтаниславаЖолкевского, Станислава Немоевского и Вацлава Диаментовского (его записки известны как «Дневник Марины Мнишек»), сочинение голландца Исаака Массы. Однако и того немногого что уместилось в этом томе, достаточно, чтобы понять, насколько трудна задача историка, взявшегося толковать события Смуты

Если история, как говорили древние, должна быть учителем жизни, посмотрим, какие уроки мы извлекли из Смуты. Образы ее героев в XIX столетии как часовые стояли на страже русской государственности, удостоверяя общенародную преданность дому Романовых: крестьянин Иван Сусанин, отдавший жизнь за царя, «говядарь» (мясник) посадский человек Кузьма Минин и благородный князь Дмитрий Пожарский Им предстояло сыграть свои роли и в той драме исторического самосознания, которая сопровождала революцию. Опера Глинки, прославляющая подвиг Сусанина, сначала шла в Пролеткульте как музыкальное представление «За серп и молот», а в репертуар Большого театра вернулась в 30-х годах с новым либретто Городецкого, где Сусанин спасает не будущего царя Михаила Романова, а огромную Москву от крохотного опереточного отряда поляков. Минин и Пожарский, как символ демократического единения «великих» и«малых» людей в годы испытаний, скульптурной группой Мартоса не покидали Красной площади, однако смысл этого исторического знака менялся: в речи Сталина 7 ноября 1941 года Минин и Пожарский были упомянуты не как члены общенародного правительства —«Совета всея земли», а как герои-полководцы, давшие отпор иностранной интервенции.

Буржуазная наука пришла к пониманию Смуты как комбинации двух процессов: политической борьбы за власть между родовой аристократией и дворцовой знатью и социально-экономической борьбы за землю и рабочие руки, приведшей к закрепощению трудовой массы и выходу крепостных на новые земли и в казачество. Однако прежние исторические описания Смуты В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова были заменены тезисами М. Н. Покровского, смотревшего на события начала XVII века как на «крестьянскую революцию». В 1931 году Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом особо выделил

«восстание Болотникова», но, явно споря с Покровским, не употребил слово «революция» и не сказал слова «Смута». И под влиянием этой оценки в тогдашних научных трудах противоречия целого исторического периода 1598—1613 годов были сведены лишь к одному выступлению низов под руководством холопа Ивана Болотникова4. Сам термин «Смута» был объявлен буржуазным и исключен из работ историков.

В конце 30-х годов, под влиянием антипольских настроений и в преддверие скорой мировой войны, появились исследования, где беды России объяснялись иностранным вмешательством, а действия польских и шведских отрядов в начале XVII века получили название «польско-цшедской интервенции». Так вместо прежней схемы Ключевского — Платонова возникла новая, объясняющая все потрясения Смуты социальной борьбой угнетенных против закрепощения, примиренной общенародным выступлением против иностранных интервентов.

Неполнота этой концепции очевидна: она развивает лишь один тезис Ключевского («Смута, питавшаяся рознью классов земского общества, прекратилась борьбой всего земского общества со... сторонними силами»), но не указывает причин всеобщего расстройства общественной жизни. То, что в истории предстает единым потоком событий, разделено на два ряда явлений, и многое, не соответствующее новой схеме, отброшено — например, борьба за власть в верхах, история казачества, религиозный кризис. Не вполне ясно, почему Смута началась на фоне экономического подъема 90-х годов XVI века и успехов внешней политики. А главное — объяснение Смуты как комбинации крестьянской войны и интервенции не отражает динамики исторического развития; Смута оценивается не как этап роста, а как досадная помеха развитию государства, как будто восстановление центральной власти после «смутных времен> означало простое восстановление политических порядков державы Рюриковичей. Подобная внеисторическая концепция Смуты хороша лишь как «политическая гимнастика» (Ключевский) и совсем не похожа на ту действительную Смуту, что на столетия вперед предопределила исторический путь России.

Англичанин Джером Горсей, поражаясь размаху владений Ивана Грозного, заметил, что «они едва ли могли управляться одним общим правительством и должны бы были распасться опять на отдельные княжества и владения, однако под его (Ивана IV.— А. П.) единодержавной рукой монарха они остались едиными». Смута стала испытанием крепости этой власти; вновь после призвания варягов и образования Московского государства

она поставила вопрос о роли государственного начала в истории народа. Удивительно в нашем политическом быту это обратное отношение «ускоренного внешнего роста государства» и развития «народных сил», когда упрочение центральной власти не означалоблагоденствия подданных, а, наоборот, тянуло из них все жилы — «государство пухло, а народ хирел», как писал Ключевский. Успехи правительства Бориса Годунова опирались на крайнее перенапряжение народных сил, увеличение «государева тягла» и не могли не привести к взрыву. Падение Федора Годунова и последующие жертвы, принесенные для восстановления центральной власти, показали, с одной стороны, насколько эфемерными были успехи государственного строительства при Иване IV, когда вместо действительного государства существовала лишь «мечта» о государстве (К. Д. Кавелин), и с другой стороны, сколь крепки уже стали «связи национальные и религиозные», сохранившие целостность России, когда «надломились политические скрепы общественного порядка».

«Национальные и религиозные связи» являются важнейшим содержанием русских сочинений о Смуте. Их авторы — монахи («Мы обязаны монахам нашей историею»,— как заметил Пушкин2), ратники и приказные дьяки, вовлеченные в мощный человеческий поток, принужденные пройти по самой быстрине и выброшенные на безопасный берег. Записки о Смуте рождались в конце 10-х — в 20-х годах XVII столетия, когда пошатнувшиеся основы царства и пошатнувшаяся набожность были восстановлены, и все, произошедшее с Россией, казалось сном наяву3. Смута перевернула привычные представления. Если в прежней литературе русские князья реками проливали басурманскую кровь, то теперь собственные православные цари рекой проливали кровь своих подданных. «Царскогочина яблоко»— державу Российского царства,— «наслаждаясь властью», катали в руках и перебрасывали друг другу как мячик, Федор, юродивый и церковный звонарь на троне, худородный татарин Борис, монах-расстрига Гришка, трусливый увалень и клятвопреступник Василий Шуйский. Цари играли жизнью своих слуг, а те играли царями, «яко детищем», то «хватали за посох и позорили... много раз» и говорили, «чтобы сошел с царства», то терзали до смерти, ища награды у нового монарха. И самые знатные, опора государственного устройства, совершали поступки, означавшие самоотречение, не помня прежней меры своего слова, и никто не был равен сам себе: Шуйский дважды перед всем миром утверждал противоположные мнения о личности убитого царевича Дмитрия, Мария Нагая, безутешно

оплакивавшая мертвого сына, без колебаний признала его в Самозванце. Во главе страны стояли теперь не прежние «земледержцы и правители», а «земле-съедцы и кривители», как горько посмеивался неизвестный автор «Новой повести о преславном Российском царстве».

Там, где царил извечный порядок, теперь верховодил случай, и тогда собирались «мужики коверинцы, колтыринцы и конобеевцы и говорили межь себя так: «Сойдемся-де вместе и выберем себе царя». И поднялись цари под разными именами — один назовется Петром, другой Иваном по прозванию Август, иной Лаврентием, иной Гурием.

Священные одежды архиереев поляки резали на портянки. Коломенского епископа Иосифа, привязав к пушке, возили под стены осажденных городов и этим устрашали городовых «сидельцев». И Богородица — защитница Русской земли — смотрела на все это с иконы, а рядом, на стене, были пригвождены «злодейские руки» поляков, глумившихся над образами Христа и Богоматери.

Эти ужасные потрясения, занесенные в русские сочинения о Смуте, могли быть поняты как апокалиптические знаки, предвещающие близость последних времен и Страшного суда, но после воцарения «тихого» царя Михаила сказочно быстро установился мир и покой, и жизнь, как ни в чем не бывало, вошла в свои прежние берега. Оставалось объяснять обретенное спокойствие принятыми Богом жертвами Смуты. Для того чтобы благоденствовать дальше, нужно было еще раз пережить недавние «смутные времена», но по-иному, не в «недоумении» и не в «безумном молчании, еже о истине к царю не смеюще глаголати»°, а обратив Смуту в разумные формы историописания, представив ее как религиозную драму искупительной жертвы и спасения.

Люди оказались плохими актерами в этой драме, и на авансцену были выведены небесные силы — Христос, Богородица и святые Русской земли. Перед участниками Смуты, как перед ветхозаветными пророками, пали завесы времени, и неизвестный иконописец Дворцового приказа видел знак, предвещавший скорую смерть Скопина-Шуйского; преподобный Сергий являлся некоему немощному старцу, беспокоясь о трех слепых меринах, выгнанных конюшим Афанасием Ощериным по недостатку корма; в Архангельском соборе ночные стражи слышали «некие сопротивные беседы» и голоса, поющие отшедшим душам 118 псалом с аллилуариями; жена Бориса Мясника Меланья видела жену в белых ризах, а инок Варлаам — Богородицу и нозгородских святых Никиту, Иоанна и Варлаама Хутынского.

То, что прежде переживалось бессловесно и, значит, без всякой надежды, теперь, в русских сочинениях о Смуте, получило библейские имена, и потому даже самые страшные бездны отчаяния стали частью библейской истории, которая вся означает искупление и конечное спасение. Бессловесный прах на месте прежней великой России назывался теперь «мерзостью запустения» (Дан. 9,27), то есть, как и в библейской книге пророка Даниила, стал прахом разрушенного Иерусалима, который возродится в будущем царстве праведных (От-кров. 21,2). Испытания Русской земли получили подкрепленные надеждой имена всемирного «потопа» и «египетского плена», а ведь, согласно библейской легенде, после потопа господь вновь обратил свою милость к потомкам Ноя, а после египетского плена вывел израильский народ в обетованную землю.

Смута началась с «великой крови неповинной» мальчика Дмитрия и была платой целой земли за эту кровь; но кровь царевича — еще и искупительная жертва за Русскую землю, обеспечивающая спасение тем, кто пройдет через покаяние.

И если никто не сохранил добродетельной души, историю начинают вершить невинные дети, подобно трем библейским отрокам, воспевшим хвалу Богу из огненной печи (Дан. 3,52—90). Отрок Дмитрий принял мучение от злочестивых убийц и по смерти стал творить чудеса; отрок, посаженный на стену Новодевичьего монастыря, выкрикнул на царство Бориса Годунова; отрок Михаил Романов, знаменуя конец Смуты, вышел к народу в Мономаховом венце.

Работа, проделанная первыми историографами «Смутных времен», по масштабу и по воздействию на национальное самосознание может сравниться с сочинениями русских книжников XV — XVII веков о легендарном Мамаевом побоище. Однако если в цикле повестей о Куликовской битве все внимание авторов направлено на укрепление Московского государства в борьбе с внешними врагами, то русские рассказы о Смуте заставляют заглянуть в самые глубины «неустройства» собственной земли, еще раз укрепиться в вере и испытать психологическую и религиозную катастрофу, с которой началось «бунташное» и раскольничье XVII столетие.

Смута, завершившаяся изгнанием поляков из Москвы (для чего русские должны были брать приступом собственную столицу!) и восстановлением русской государственности, давала основание с гордостью говорить о «славе и похвале» Русской земли. Но Смута впервые назвала и цену этой «славе и похвале»: укрепление государства за счет несвободы подданных. Россия пробовала себя на пути закрепощения. Жестокий террор,

остававшийся выше разумения современников, создавал будущее России, воспитывая безусловную покорность и уча мириться с унижениями, достигая своей цели именно немотивированной жестокостью. Он сеял страх и холопство как среди тех, кто в «крепости» за хозяином нес государево «тягло», так и среди тех, кому будет позволено тесниться у трона новой «выборной» династии. Общенациональная катастрофа Смуты справилась с задачей, непосильной никакому государственному учреждению, никакому опричному корпусу.

Не случайно в те годы не могла быть замечена и оценена легенда о мученической смерти Ивана Сусанина, ибо, в отличие от раннехристианской и всякой обычной истории, мучения уже не венчали предшествующих злодейств или подвигов; удары раздавались налево и направо просто так, без всякой вины, единственно в целях устрашения3.

В соседстве героев Смуты мясника Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского позднейших авторов увлекал образ демократичного союза «всей земли», однако современники не могли не смотреть с опаской на это смешение разных «чинов», как и на соседство отрицательных двойников Минина и Пожарского — польских прихвостней кожевника Федьки Андронова и князя Василия Мосальского — или на соседство холопа Ивана Болотникова и его бывшего господина князя Андрея Телятевского.

Спутав старый порядок и поспешно выстроив новый, Смута не отменила прежних противоречий развития страны, но бросила иной свет на эти противоречия, пробудив сознание и призвав к исторической жизни всю без изъятия массу населения. Смута была первым общенациональным движением, равным по масштабу начавшемуся освоению Сибири и южных окраин и будущему церковному расколу. Все эти потрясения шли от одного корня и питались извечными конфликтами русской истории.

Смута была тем порогом, через который России необходимо было переступить, чтобы войти в Новое время. Споткнувшись, Северная держава все же вступила в первый этап своей европейской истории, который оказался военной, социальной и политической трагедией, известной как «общий кризис семнадцатого столетия»1. Наравне с другими европейскими державами, но с несравнимо большим напряжением, Россия вела внутренние религиозные войны (раскол), ввязывалась в многолетниˆ кровопролитные баталии со странами «восточного барьера» — Польшей и Швецией, усмиряла целые армии повстанцев (Разин). Именно события Смуты подсказали Ключевскому завораживающий образ России — летящей птицы,

«которую вихрь несет и подбрасывает не в меру сил ее крыльев...».

А. Плигузов